

Г. М Е Й Е Р

ПОСЛЕДНЯЯ
ИЛЛЮЗИЯ

Гершл Мейер

ПОСЛЕДНЯЯ ИЛЛЮЗИЯ

АМЕРИКАНСКИЙ ПЛАН МИРОВОГО ГОСПОДСТВА

Сокращенный перевод с английского

Ю. ГРИЩЕНКО, М. ЕРЫКАЛОВОЙ,
И. КЛИВАНСКОЙ и Н. МАКАРОВОЙ

Вступительная статья

Э. МАМЕДОВА

И * Л

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва — 1955

HERSHEL D. MEYER

THE LAST ILLUSION

New York

1954

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Советские читатели уже знакомы с прогрессивным американским публицистом Г. Мейером. Его книга «Неизбежна ли гибель Америки?», изданная в 1949 году в Нью-Йорке, была переведена на русский язык Издательством иностранной литературы. В ней автор показал всю пагубность агрессивного внешнеполитического курса правящих кругов США и призывал оказывать сопротивление политике уолл-стритовских монополий, направленной на то, чтобы «ввергнуть Соединенные Штаты в самоубийственную войну».

В феврале 1954 года в США вышла новая книга Мейера «Последняя иллюзия. Американский план завоевания мирового господства», вновь посвященная проблеме войны и мира.

Политика правящих кругов США за последние годы показывает, что они не отказались от своих планов завоевания мирового господства и продолжают курс, направленный на подготовку и развязывание новой мировой войны.

В своем заявлении об итогах Берлинского совещания В. М. Молотов указывал: «За последние пять лет с большой наглядностью определились послевоенные тенденции развития в лагере стран капитализма. Теперь всем ясно, что в этом лагере правящие круги США претендуют на роль руководителя. Они претендуют и на большее. Они бесцеремонно говорят о том, что взяли на себя «бремя руководящей роли в мире», что будто Соединенные Штаты являются «руководителем мира», хотя эти претензии, разумеется, не имеют под собой почвы».

Необузданные стремления к мировому господству определили и характер политики правящих кругов США, проводимой ими «с позиции силы». Эта политика, по су-

шеству означает форсированную подготовку новой войны. Естественно, что такая политика правящих кругов США не может опираться на поддержку народов и терпит провал во всех областях ее применения. Используя обширный фактический материал, Мейер разоблачает откровенно агрессивный характер политики американского империализма, ускоренную подготовку к новой мировой войне, лежащую в основе всех внешнеполитических акций Вашингтона в послевоенные годы. Всей своей книгой Мейер показывает, что планы завоевания мирового господства монополиями США — это последняя иллюзия хищного американского империализма, обреченного на гибель ходом истории. Мейер подчеркивает, что если агрессивные круги США осмелятся развязать новую мировую войну, то она неизбежно приведет к краху не только агрессора, но и всей мировой капиталистической системы. «Всемирный лагерь социализма,— пишет Мейер,— предлагает угасающему мировому капитализму почетное отступление: он предлагает ему мирное существование и соревнование, выгодные торговые отношения и отказ от агрессивных войн как орудия внешней политики. Лагерь социализма предупреждает также, что новая война явится могилой не только для господствующего класса той или иной страны, но и для мирового капитализма в целом».

Но даже попытки осуществления этих планов самозванными претендентами на мировое господство — попытки, обреченные на неизбежный провал, — чреватые серьезнейшими бедствиями для американского народа, для всего человечества, ибо агрессивные силы еще велики и они далеко не сложили оружия. Мейер в своей книге исходит из убеждения, что «американский народ может сказать свое веское слово в защиту всеобщего мира и мирного сосуществования между народами». Для этого американцы, подчеркивает Мейер, с одной стороны, должны отдавать себе отчет в том, кто именно стремится развязать третью мировую войну и, с другой стороны, должны знать мощные силы, борющиеся за мир, в сотрудничестве с которыми может быть установлен прочный мир.

В своей книге Мейер с полным основанием останавливается на этих важнейших вопросах нынешней международной обстановки. И неоспоримым достоинством проделанной автором работы является то, что он в своем подходе руководствуется марксистским пониманием рас-

смастриваемых явлений. Трезвый анализ хода историй, подчеркивает Мейер, может исходить только от марксистов.

Американская реакционная пропаганда изо дня в день пытается внушить рядовому американцу, что, мол, угроза войны исходит со стороны государств, вставших на путь социализма. В печати, по радио, в телевидении и кино пропагандисты монополий не жалеют сил, клеветая на Советский Союз и Китайскую Народную Республику, само существование которых будто бы угрожает безопасности Соединенных Штатов. Истерические призывы к «превентивной» войне чередуются с разглагольствованиями о «миролюбии» и «моральной и экономической силе» империалистических государств, и уж конечно, в первую очередь, США. Таким образом, заправила американской внешней политики пытаются прикрыть дымовой завесой клеветы свои собственные агрессивные замыслы и приписывают происхождение войн, где бы они ни возникали, «козням коммунистов».

Поэтому Мейер вполне оправданно посвящает первую главу своей книги загниванию мирового капитализма, что позволяет читателю знакомиться с событиями международной жизни на фоне обостряющегося общего кризиса капитализма, чтобы понять, какие силы в действительности готовят новую мировую войну.

Опираясь на марксистско-ленинскую теорию, автор показывает, что сама система империализма чревата новыми войнами и что объективные законы развития неизбежно влекут к гибели капиталистическую систему. При империализме достигают небывалой силы основные противоречия между общественным способом производства и частнокапиталистическим способом присвоения. Это особенно ярко видно на примере Соединенных Штатов, где государственно-монополистический капитализм достиг наибольшего развития.

Государственно-монополистический капитализм свидетельствует о том, что капитализм изжил себя. Еще накануне Великой Октябрьской социалистической революции В. И. Ленин указывал, что превращение монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм — высшую ступень общественного производства при капитализме — непосредственно подводит к социализму.

«...государственно-монополистический капитализм, — писал В. И. Ленин, — есть полнейшая *материальная* подготовка социализма, есть *преддверие* его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, *никаких промежуточных ступеней нет*».

Таким образом, очевидна вся бесплодность замыслов монополистических кругов США организовать «крестовый поход», с тем чтобы попытаться уничтожить социализм военным путем. В равной мере очевидно и то, что именно империалистическая система чревата войнами. Это с большой наглядностью видно ныне на примере политики сильнейшей империалистической державы — Соединенных Штатов,—где крупнейшие монополии, претендующие на мировое господство, являются главной силой, стремящейся ввергнуть человечество в пучину новой мировой войны.

«Монополисты,— пишет Мейер,— как и всякий умиравший класс, видят главную опасность не в войне, а в мире. Они боятся мирного соревнования. Они строят свои все более безнадежные расчеты на сверхвооружение, на кровавые авантюры против колониальных народов и, наконец, на третью мировую войну, рассчитывая избежать таким путем приговора истории».

Но империализм уже не господствует во всем мире. После первой мировой войны от капиталистической системы отпала Россия. После второй мировой войны цепь империализма была разорвана уже в нескольких местах. Великая народно-демократическая держава — Китайская Народная Республика, европейские страны народной демократии навсегда порвали с капитализмом. Мощный лагерь мира, демократии и социализма объединяет ныне государства с населением 900 миллионов человек из 2,5-миллиардного населения земного шара. Осуществляется гениальное предвидение Ленина об исторической миссии, выпавшей на долю советского государства: открыть новую социалистическую эпоху всемирной истории и навеки избавить человечество от страшных бедствий мировых империалистических войн.

Мейер пишет, «что «нынешний период войн и кризисов жестко ограничен во времени и может окончиться только дальнейшим ослаблением и разложением мировой системы империализма, после чего термин «мировой империа-

лизм», что бы ни предпринимали империалисты, приобретает условный характер».

За последние несколько лет лагерь демократии и социализма, являющийся могучим фактором сохранения и упрочения мира во всем мире, во многом окреп и усилился. Политические, экономические и культурные отношения между странами этого лагеря быстро развивались в направлении все более тесного сотрудничества и крепнувшей дружбы. Миролюбивая политика государств, объединенных в этом лагере, исторические преобразования, осуществляемые в них в интересах народа, — все это снискало им поддержку и симпатии широчайших народных масс и в капиталистических странах. Мейер указывает на резкий контраст между атмосферой спокойствия, уверенности и оптимизма, царящей в странах, вставших на путь социализма, и обстановкой уныния и страха в капиталистических странах, в первую очередь, в самих Соединенных Штатах. «И если настроение и состояние духа общества и выдвигаемые им идеалы являются отражением состояния его здоровья, то наше общество, видимо, поражено тяжелым недугом», — констатирует Мейер. Автор подробно анализирует отдельные стороны политической жизни в США, условия жизни американских трудящихся и показывает неприглядный облик так называемого «американского образа жизни», столь широко рекламируемого «Голосом Америки».

Сияющий фасад здания американского капитализма, указывает Мейер, весьма обманчив. Все сооружение то и дело подвергается сотрясениям, а фундамент ненадежен. Безраздельное подчинение всего государственного аппарата США монополиям, быстрое развитие государственно-монополистического капитализма решительным образом усилило поляризацию американского общества. Мейер указывает, что доходы более половины американских семей почти вдвое ниже даже той минимальной суммы, которая необходима, по подсчетам буржуазной американской статистики, для обеспечения должного питания, покупки одежды, медицинской помощи и жилища.

Вместе с тем имеет место огромное отставание потребительского спроса американского населения от производства средств потребления. К концу 1953 года в США скопилось товаров на 82 миллиарда долларов, не считая гигантских запасов пшеницы, хлопка и других сельскохо-

зыйственных продуктов, гниющих на государственных складах. Сумма задолженности населения достигла астрономической цифры в 307 миллиардов долларов. Значительно возросло число безработных, достигшее, по данным американских профсоюзов, осенью 1954 года 5 миллионов человек. Кризисные явления в экономике США значительно обострились в результате лихорадочной гонки вооружений, ложащейся непосильным бременем на плечи трудящихся.

Однако прибыли крупнейших корпораций продолжают оставаться на «рекордно высоком уровне».

За семь послевоенных лет (1946—1952 годы) монополисты США получали ежегодно в среднем 18 миллиардов долларов чистой «прибыли (по сравнению с 8,6 миллиарда долларов в годы второй мировой войны).

По официальным, безусловно, заниженным данным, прибыли монополий США возросли за период с 1938 года по 1953 год в 13 раз. Эти прибыли продолжали расти и в 1954 году, хотя американская экономика по основным показателям находилась на более низком уровне, чем в 1953 году. Так, прибыли дьюпоновско-моргановской «Дженерал моторс» увеличились в первой половине 1954 года на 36 процентов по сравнению с первой половиной 1953 года.

Основным источником роста прибылей монополий Соединенных Штатов является усиление эксплуатации американских трудящихся. Потогонная система, высасывающая все соки из рабочего, рост безработицы, увеличивающей резервную армию рабочих,— все это привело к тому, что за пятьдесят лет нашего века норма эксплуатации рабочих в США выросла почти вдвое. К этому надо прибавить и огромные налоги, выкачиваемые из трудящихся. Согласно данным американской Ассоциации по исследованию проблем труда в США, каждый американский рабочий отдает в качестве налогов 32 цента с каждого заработанного им доллара.

Другим важным источником максимальной прибыли монополий США является систематическое ограбление народов других, в первую очередь, отсталых стран. В одном только 1948 году монополии США, по подсчетам прогрессивного американского экономиста В. Перло, получили из этого источника 7,5 миллиарда долларов прибыли.

Как показывают факты, наибольшие прибыли извлекаются крупнейшими монополиями США при помощи войн и гонки вооружений. По мере усиления напряженности в международных отношениях в послевоенные годы росли и прибыли монополий, как наглядно говорят и приведенные выше цифры. Этим объясняется особая заинтересованность монополий США в обострении отношений с миролюбивыми странами, страх монополистов, перед ослаблением международной напряженности, которое грозит лишить их гигантских прибылей.

Понятно, что морганы, рокфеллеры, меллоны, дюпоны и форды делают все, идут на любые авантюры, чтобы создать обстановку, способствующую продолжению лихорадочной гонки вооружений.

«Понятно поэтому, — пишет Мейер, — почему теперь, как никогда раньше, достаточно намек на то, что «военный бюджет будущего года, возможно, окажется меньшим, чем предполагалось», чтобы привести монополистов в отчаяние. Мало того, прежде чем обратиться накопленные ими гигантские капиталы в военную продукцию, монополисты требуют не только гарантий продолжения «холодной войны», но и заверений в возможности «горячей» войны в ближайшее время».

Однако усиление гонки вооружений неизбежно ведет к новому падению жизненного уровня населения, давленному непомерными налогами и высокими ценами. Сокращается потребление, растут запасы товаров, свертывается производство товаров потребления, закрываются фабрики и на улицу выбрасываются новые тысячи безработных. Даже в период, когда военные расходы США находились на самом высоком уровне, падение платежеспособного спроса населения, ударившее по гражданским отраслям промышленности, в целом снизило индекс промышленного производства со 137 в июне 1953 года до 123 в марте 1954 года. Сельское хозяйство США, по заявлениям американской печати, переживает упадок, который можно сравнить лишь с кризисом 30-х годов. Доходы фермеров упали до самого низкого за последние десять лет уровня.

Однако правящие круги Соединенных Штатов продолжают усиливать производство вооружений, несущее монополиям баснословные прибыли. Гонка вооружений, пишет Мейер, является постоянным фактором американской

экономики, и это неоспоримо свидетельствует о крайнем упадке и высшей степени загнивания экономической системы США.

Все сказанное говорит о том, что, ослепленные жадой наживы, монополии США могут в любой момент пойти на самую опасную авантюру, лишь бы обеспечить себе максимальные прибыли. Но американский гигант военного производства стоит на гнилых подпорках и, надевая на него новые, еще более тяжелые латы, монополисты лишь приближают момент, когда он может рухнуть. «Быстрота, с которой циклический кризис перепроизводства обгоняет миллиардные расходы на вооружение,— пишет Мейер,— является ясным показателем того, что неразрешимые противоречия скоро доведут американский монополистический капитализм до гибели».

Таким образом, Мейер, анализируя состояние экономики Соединенных Штатов, разбивает басни американской пропаганды о «силе» и «здоровой» основе экономики США и показывает, какие страшные язвы ее разъедают. Но это не делает американский империализм менее опасным врагом мира. Напротив, чем хуже дела у господ морганов и меллонов, тем опаснее их провокации и авантюристические махинации.

* * *

Усиливая борьбу за мировое господство, американские монополии претендуют, в первую очередь, на господство в лагере стран капитализма. Поэтому пресловутая политика «с позиции силы» проводится Вашингтоном и в отношении западноевропейских стран. Правящие американские круги стремятся закабалить эти страны экономически и прибрать к рукам их колонии. Важную роль в планах вашингтонских стратегов политики «с позиции силы» играет и стремление заполучить в Западной Европе «пушечное мясо» для своих военных авантур.

Мейер показывает, как пагубно сказалась так называемая американская «экономическая помощь» на экономике западноевропейских стран. В то же время политика Соединенных Штатов, направленная на запрещение торговли Западом с Востоком, нанесла серьезный удар по экономике Западной Европы, лишив работы и средств к существованию миллионы рабочих. Бесчисленные приказы об усилении гонки вооружений, поступающие из-за

океана, привели западноевропейские страны на грань банкротства. Подобная политика американских монополий ведет к усилению противоречий между США и западноевропейскими союзниками по НАТО. Во всех странах усилилось недовольство американской политикой и, как уныло констатировал американский журналист Уолтер Липпман, политику США стали повсюду отождествлять с политикой войны.

Мейер указывает, что народы Западной Европы не попались на удочку американской пропаганды об угрозе «советской агрессии». Они видели, что угроза миру и безопасности исходит лишь из-за океана и испытали пагубные последствия американской «помощи». И осуждение американской политики, пишет Мейер, выросло в ненависть.

Правящие круги Соединенных Штатов усиливают свое наступление на суверенитет западноевропейских стран. Они навязывают Франции решения, направленные на возрождение германского милитаризма, и создают прямую угрозу безопасности как французского народа, так и всех народов Европы.

После того как план возрождения агрессивных сил германского милитаризма в форме создания так называемого «европейского оборонительного сообщества» был отвергнут французским парламентом, правящие круги США поспешили навязать Франции новые планы восстановления гитлеровского вермахта. 23 октября в Париже были подписаны соглашения, предоставляющие Западной Германии свободу вооружаться, открывающие путь агрессивному германскому милитаризму. Французская газета «Юманите диманш» писала, что в результате парижского сговора над Францией снова нависает смертельная угроза.

Все здоровые силы французской нации самым решительным образом осуждают политику возрождения германского милитаризма, проводимую Вашингтоном. Как признавала даже американская печать, престиж США упал во Франции до самого низкого уровня за послевоенный период.

Не менее острые противоречия существуют и между Соединенными Штатами и Англией. Особенно болезненно сказывается на английской экономике американская политика дискриминации в международной торговле.

Кроме того, вытеснение Англии с ряда ее традиционных рынков американскими монополиями, зачастую используемыми для этой цели западногерманские и японские монополии, также не может не усиливать недовольства американской политикой в Лондоне. В то же время англичане достаточно хорошо помнят гитлеровские «ФАУ» и с большим подозрением следят за быстрым возрождением гитлеровских «люфтваффе» и военно-морского флота в Западной Германии. «Фактически чем сильнее становится Германия, тем большую тревогу мы испытываем», — заявил Эньюрин Бивен, а лондонская «Таймс» писала о «серьезном риске», с которым связана ремилитаризация Западной Германии.

Американская политика возрождения гитлеровского вермахта, возвращение к прежней деятельности господ Круппов и фликов, поощрение и всяческое выдвигание на руководящие военные посты гитлеровских генералов вызывают законную тревогу и протесты и в других европейских странах, всего несколько лет назад явившихся объектом разбойничьего нападения со стороны гитлеровского вермахта, находившегося под командованием этих же генералов. Политика ремилитаризации Западной Германии встречает растущее сопротивление и среди широких масс населения самой Западной Германии. «Германский народ ненавидит новую войну», — писал журнал «Нейшн». Население Западной Германии да и всей Западной Европы отдает себе отчет в том, что стратеги тотальной войны из Пентагона, не задумываясь, превратят в пустыни города Рура, Нормандии или Пьемонта, если сочтут это нужным для развязывания новой мировой войны.

Однако подобные политика и тактика американских правящих кругов ведут к неожиданным для них результатам. Они усиливают народное сопротивление войне и фашизму. Таким образом, генералы из Пентагона наталкиваются на непреодолимые препятствия в своих лихорадочных поисках «дешевых дивизий». Никто не хочет сложить бесславно голову за «Дженерал моторс» и «Дженерал электрик». Все это вкупе с растущими противоречиями между Вашингтоном и правящими кругами западноевропейских стран делает непрочными военные союзы и блоки, сколачиваемые США. Поэтому-то американская дипломатия с такой энергией стремится расчистить путь

для скорейшего возрождения гитлеровского вермахта. Именно поэтому в поисках союзников вашингтонские деятели обратили взор на Франко. Но куда повернут оружие гитлеровские генералы, когда почувствуют себя прочно сидящими в седле? Этот вопрос, который все чаще задают себе и многие американцы, остается без ответа.

Агрессивный внешнеполитический курс американских претендентов на мировое господство сочетается с активной подготовкой тыла — фашизацией всей политической жизни Соединенных Штатов. Мейер на большом фактическом материале показывает, как монополии используют контролируемый ими государственный аппарат США, с тем чтобы задушить всякое сопротивление простых американцев подготовке новой мировой войны, грозящей неисчислимыми бедствиями и американскому народу. Преследование прогрессивных деятелей, жестокие полицейские расправы с подлинными патриотами, мужественно предупреждающими о гибельности пути, по которому направляют Соединенные Штаты монополистические круги, достигли небывалых размеров в Америке сегодняшнего дня. Пышным цветом расцвел маккартизм — эта гнусная разновидность американского фашизма, пользующаяся активной поддержкой наиболее агрессивных кругов США.

Правящие круги США открыто следуют по пути гитлеровцев. Об этом наглядно свидетельствует принятие Конгрессом США фашистского закона о запрещении компартии. Даже член палаты представителей США Малтер вынужден был признать, что, запретив компартию, Конгресс США избрал путь фашизма, а американская газета «Кэпитл таймс» писала 23 августа 1954 года: «Это может быть началом той же процедуры, которая привела к уничтожению всех политических партий в Германии и завершилась установлением диктатуры».

Но драконовские меры реакционных кругов США говорят и о другом — о страхе перед растущим стремлением к миру широких слоев американского народа, которые отказываются слепо следовать призывам воинственных пентагоновских генералов и сенаторов — сторонников «превентивной войны» против СССР и стран народной демократии.

Подготовка к войне сопровождается походом против культуры, призванным подавить все человеческие чув-

ства в молодых американцах, которым Уолл-стрит готовит роль «пушечного мяса». Пентагону нужны жестокие, не умеющие мыслить убийцы, преступники, не останавливающиеся ни перед чем. Но такая армия не может быть надежной. Недаром война в Корее показала, как низок моральный дух американских солдат, когда их заставляют сражаться за чуждое им, несправедливое дело.

* * *

Послевоенные годы характеризуются усилением распада колониальной системы империализма. Азия является ныне ареной коренных политических изменений. Небывалой силы и размаха достигло национально-освободительное движение колониальных и зависимых народов. Событием всемирно исторического значения явилась победа в Китае народных сил, создавших пять лет назад, осенью 1949 года, великую Китайскую Народную Республику.

«Народы Азии, население которой составляет более половины населения всего земного шара, пошли по новому пути, — заявил В. М. Молотов на Женевском совещании 11 мая 1954 года, — и нет такой силы, нет такой власти, которая могла бы помешать новому, действительно демократическому развитию народов в Азии, да и не только в Азии».

Китайская Народная Республика олицетворяет ныне решимость азиатских народов превратить Азию из извечного очага войн в крепость мира. Своими действиями в защиту мира и равноправия народов Китайская Народная Республика завоевала прочный авторитет на международной арене. И никакая политика «с позиции силы», никакие маневры врагов нового Китая не смогут заставить великий китайский народ отказаться от его исторических завоеваний. Такая политика обречена на неизбежный провал.

Правящие круги США с самого начала заняли открыто провокационную, агрессивную позицию в отношении народного Китая. Но ни происки покровителей Чан Кай-ши в Вашингтоне, ни кровожадные призывы ноулэндов, рэдфордов и буллитов не в силах ничего изменить.

Своими действиями, враждебными народу Китая, правящие круги США только лишней раз разоблачают себя как реакционнейших поборников колониального раб-

ства и усиливают ненависть к американской политике со стороны народов Азии. Агрессивные действия американской военщины против Китайской Народной Республики, попытки лишить КНР должного места в международной политике справедливо воспринимаются народами Азии как брошенный им вызов, как преступную попытку лишить их неотъемлемого права на национальную независимость.

Правящие круги США захватили искони китайскую территорию — остров Тайвань. Они подобрали на задворках истории выброшенную народом Китая чанкайшистскую шайку и теперь финансируют и поддерживают ее, подготавливая нападение на Китайскую Народную Республику. Провокационные действия американской военщины в отношении КНР вызывают возмущение и протесты даже со стороны западноевропейских кругов, обычно поддерживающих все акции вашингтонских стратегов политики «с позиции силы».

Возмущение мировой общественности вызывают и действия правящих кругов США, которые препятствуют восстановлению законного участия Китайской Народной Республики в Организации Объединенных Наций.

Однако вся эта политика «с позиции силы» в отношении Китайской Народной Республики не приводит к ожидаемым ее вдохновителями результатам. Уже двадцать пять стран установили дипломатические отношения с народным Китаем, все шире разворачивается взаимовыгодная торговля многих государств Западной Европы с КНР. Вопреки яростному сопротивлению американской дипломатии Китайская Народная Республика наряду с другими великими державами приняла равноправное участие в Женевском совещании и своей миролюбивой политикой в значительной мере способствовала успеху работы совещания в деле восстановления мира в Индо-Китае.

Величайшим вкладом в дело мира и безопасности на Дальнем Востоке и во всем мире является нерушимая братская дружба народов Советского Союза и Китая. В октябре 1954 года в Пекине были подписаны исторические документы, свидетельствующие о полном единстве взглядов правительств Советского Союза и Китайской Народной Республики как в области развивающегося сотрудничества между обоими государствами, так и по вопросам международного положения. В Совместной

декларации отмечается, что оба правительства и впредь будут принимать участие во всех международных действиях, направленных на укрепление мира, и будут консультироваться всякий раз, когда будут возникать вопросы, затрагивающие общие интересы обоих государств, с целью согласования своих действий в интересах обеспечения безопасности СССР и Китая, поддержания мира на Дальнем Востоке и во всем мире.

Активную роль в укреплении мира в Азии играет сейчас Индия, проводящая самостоятельную политику и выступающая против попыток правящих кругов США создать новый очаг войны в Юго-Восточной Азии. Большое значение для дела мира в этой части земного шара имеет укрепление дружественных отношений между Индией и Китайской Народной Республикой. В опубликованном в июле 1954 года совместном коммюнике премьер-министров обеих этих стран, население которых насчитывает вместе почти миллиард человек, изложены принципы мирного сосуществования народов и невмешательства в дела других стран.

«Навсегда миновало время, — писала индонезийская газета «Синпо», — когда кто-то решал азиатские проблемы без участия народов Азии».

Колониальные народы видят в Соединенных Штатах главного противника своей справедливой борьбы за национальную независимость. Индийская газета «Нэшнл геральд» справедливо отмечала, что в глазах народов Азии и Африки США сегодня являются опорой колониальной системы и империализма. Усиление национально-освободительной борьбы колониальных и зависимых народов ведет к значительному ослаблению мировой империалистической системы, к ограничению резервов империализма.

«Кризис колониальной системы, — пишет Мейер, — стал центральным фактором всей международной обстановки. Он ведет к дальнейшим осложнениям политических и экономических проблем современного капитализма». Но не только азиатские народы, веками страдавшие от бесчеловечной эксплуатации, сбрасывают с себя ярмо колониального рабства. Во всех частях земного шара — от Индонезии до Бразилии, от Марокко до Филиппин — разворачивается великое национально-освободительное движение.

В Вашингтоне с горечью констатируют все новые провалы попыток заставить «азиатов воевать против азиатов». Весьма показателен в этой связи отказ таких важных азиатских стран, как Индия, Индонезия, Бирма и другие, принять участие в агрессивном военном союзе, околачиваемом Соединенными Штатами в Юго-Восточной Азии.

«Почти миллиард человек, — пишет Мейер, — поднялся на борьбу, чтобы разбить цепи рабства в интересах мира и демократии для всего человечества».

* * *

Особенно ярко проявилась неспособность империалистов США повернуть вспять колесо истории и поставить на колени свободолюбивые народы во время агрессии Соединенных Штатов против корейского народа.

Даже пустив в ход всю свою гигантскую военную машину, правящие круги США не смогли сломить героический корейский народ, сражавшийся за свободу и независимость своей страны и проявивший в этой борьбе великую стойкость, отвагу и массовый героизм, и вынуждены были отступить. Соединенные Штаты понесли большие потери в живой силе и военной технике. Не меньший урон был нанесен и военному престижу США.

Уроки американской агрессии в Корее, подчеркивает Мейер, нельзя забывать при анализе новых агрессивных военных планов правящих кругов США. Прежде всего в Корее, которую Пентагон рассматривал как «учебный полигон», выявилась неспособность вооруженных до зубов американских интервентов одержать военную победу над народом, отстаивающим справедливое дело. Корея, далее, показала, что времена наемных армий канули в прошлое. В корейских сопках лилась главным образом кровь американских солдат, ибо союзники США предпочли ограничиться либо символическими жестами, либо присылкой незначительных контингентов войск.

Варварские методы ведения войны в Корее американскими вооруженными силами раскрыли глаза многим людям и в Западной Европе; они поняли, какая роль уготована им в военных планах Пентагона.

В результате, отмечает Мейер, «международные силы мира привлекли на свою сторону миллионы новых сторонников. Поджигатели войны оказались еще более изо-

лированными. Война в Корее усилила также стремление американского народа к миру. В противовес планам инициаторов корейского конфликта, последний умножил препятствия, стоящие на пути третьей мировой войны».

Политика «с позиции силы» явно не выдержала испытания огнем в Корее.

Под давлением миролюбивых сил во всем мире и ввиду явной неспособности одержать военную победу в Корее, правящие круги Соединенных Штатов вынуждены были согласиться на перемирие в Корее. Однако по вине правящих кругов США, вставших на путь прямой обструкции в Женеве, корейский вопрос до сих пор остается нерешенным. На Женевском совещании американская делегация пыталась добиться того, чего интервенты не смогли добиться силой оружия за все три года войны, — распространить антинародный лисынмановский режим на Северную Корею.

При обсуждении корейского вопроса вновь четко выявились две линии: одна — направленная на обеспечение азиатским народам свободного развития и права на национальную независимость; другая — направленная на сохранение и увековечение рабского колониального режима в Азии.

Весь мир видит, что окончательному мирному урегулированию в Корее препятствует, в первую очередь, позиция правящих кругов США, стремящихся всячески обострить обстановку в Азии. Недаром американская марионетка Ли Сын Ман истошно кричит о «походе на Север», а Пентагон дополнительно вооружает еще ряд южнокорейских дивизий.

Что касается Советского Союза, то он твердо стоит на стороне демократических сил корейского народа, выступающих за мирное объединение Кореи на демократической основе. Достигнутые в Женеве соглашения о восстановлении мира в Индо-Китае неопровержимо свидетельствуют о возможности урегулирования путем переговоров любых, даже самых сложных вопросов.

В Женеве СССР, Китайская Народная Республика и Корейская Народно-Демократическая Республика приложили, со своей стороны, все усилия для достижения соглашения. Однако делегация США и некоторые идущие за ней делегации сорвали принятие решения по корейскому вопросу Женевским совещанием.

Тем не менее правительства СССР и Китайской Народной Республики продолжают свои усилия, направленные на удовлетворение естественного стремления корейского народа к национальному воссоединению в единое миролюбивое демократическое государство.

В Совместной декларации, опубликованной в октябре 1954 года, оба правительства заявили, что считают необходимым созыв в ближайшем будущем конференции по корейскому вопросу с широким участием заинтересованных государств.

* * *

Соглашения о прекращении огня и восстановлении мира в Индо-Китае, достигнутые в Женеве, ознаменовали собой серьезную победу сил мира и явились важным шагом на пути к ослаблению международной напряженности. Женевские соглашения означают международное признание национально-освободительной борьбы и великого героизма народов Индо-Китая, проявленных ими в этой борьбе. Американская дипломатия, отказавшись участвовать в этих соглашениях, лишней раз продемонстрировала свое нежелание придти к мирному урегулированию опорных вопросов и ослаблению международной напряженности.

В своем заявлении о Женевском совещании советское правительство приветствовало достигнутые в Женеве успехи в деле восстановления мира в Индо-Китае и указало, что решение этой задачи отвечает интересам народов, отстаивающих свою свободу и независимость, равно как и интересам всех миролюбивых народов.

«Советское правительство, — говорилось далее в заявлении, — считает, что достигнутые в Женеве соглашения о прекращении огня и восстановлении мира в Индо-Китае, содействуя ослаблению международной напряженности, создают тем самым благоприятные условия для урегулирования других нерешенных важных международных вопросов, касающихся не только Азии, но и Европы, и прежде всего таких вопросов, как прекращение гонки вооружений и запрещение атомного оружия, обеспечение коллективной безопасности в Европе и урегулирование германской проблемы на мирной демократической основе».

Это заявление советского правительства вызвало положительные отклики широких кругов мировой общест-венности.

* * *

В своей книге Мейер указывает на последовательную мирную политику Советского Союза как на важнейший фактор, способствующий сохранению мира во всем мире и предотвращению угрозы новой мировой войны.

С первых дней своего существования советское государство выступает за мир и деловое сотрудничество ее всеми странами. В основе всей политики Советского Сою-за лежит ленинский принцип возможности мирного сосу-ществования двух различных систем — капитализма и социализма. В 1920 году, отвечая на вопрос корреспон-дента «Нью-Йорк ивнинг Джорнэл» о возможности мир-ных взаимоотношений между Советской Россией и Со-единенными Штатами Америки, В. И. Ленин указывал: «Пусть американские капиталисты не трогают нас. Мы их не тронем. Мы готовы даже заплатить им золотом за по-лезные для транспорта и производства машины, орудия и проч. И не только золотом, но и сырьем».

В своей политике Советский Союз неуклонно придержи-вается ленинской идеи мирного сосуществования со всеми капиталистическими странами, включая США.

У советского правительства слова и дела никогда не расходятся. Советский Союз настойчиво и решительно выступает во всех международных организациях за сокра-щение вооружений и запрещение атомного, водородного и других видов оружия массового уничтожения, за уста-новление строгого международного контроля над этим запрещением.

На протяжении 1946—1953 годов Советский Союз неод-нократно вносил свои предложения относительно всеоб-щего сокращения вооружений и запрещения оружия мас-сового уничтожения. Однако эти усилия СССР неизменно наталкивались на противодействие со стороны западных держав.

30 сентября 1954 года Советский Союз выдвинул в Ге-неральной Ассамблее ООН новое предложение о заклю-чении международной конвенции по вопросу о сокращении вооружений и запрещении атомного и водородного ору-жия. Стремясь найти положительное решение этого важ-

нейшего для народов вопроса, СССР согласился, чтобы в основу Конвенции были положены франко-английские предложения, внесенные в ООН в июне 1954 года. Советский Союз при этом исходит из того, что с некоторыми изменениями эти франко-английские предложения не расходятся с принципами, которые он отстаивает в области сокращения вооружений и запрещения оружия массового уничтожения.

Мировая общественность справедливо расценила этот шаг Советского Союза как важный вклад в дело урегулирования международных вопросов, решение которых волнует все человечество. Советский Союз продолжает не устанно искать пути использования атомной энергии не в целях разрушения, а в мирных целях. Именно в СССР пущена в ход первая в мире промышленная электростанция на атомной энергии. Это важный вклад советского народа в дело прогресса всего человечества. «Весь мир видит, — писала болгарская газета «Отечествен фронт», — что первый и единственный до сих пор реальный шаг в использовании атомной энергии в мирных целях сделан Советским Союзом».

Неуклонно следуя своей миролюбивой политике, советское правительство выступает с конкретными предложениями об обеспечении коллективной безопасности в Европе. Принятие и осуществление этого предложения дало бы возможность предотвратить кровопролитие в Европе, прекратить гонку вооружений и обеспечить плодотворное экономическое сотрудничество в Европе.

Верный принципу мирного сосуществования двух систем, Советский Союз заявляет, что участниками системы коллективной безопасности в Европе могут быть все европейские государства, независимо от их общественного строя. Только коллективные усилия всех европейских государств могут обеспечить прочный мир в Европе.

В основу советских предложений положен принцип коллективных действий государств. Каждый участник договора обязуется, в случае нападения на какое-либо государство — участника договора, оказать ему помощь всеми доступными средствами, включая вооруженную силу, в целях восстановления международного мира и безопасности в Европе. Участники договора обязуются не участвовать ни в каких союзах или коалициях, противо-

речащих целям обеспечения коллективной безопасности в Европе.

Советское правительство предлагает реальные гарантии безопасности всех народов Европы и направляет свои усилия на создание благоприятных условий для восстановления национального единства Германии.

Советское правительство, как и раньше, считает, что для восстановления единства Германии необходимо проведение общегерманских свободных выборов. Советское правительство предлагает решить вопрос о безотлагательном выводе оккупационных войск с территории Восточной и Западной Германии.

Совместно с другими миролюбивыми странами Советский Союз энергично борется против возрождения германского милитаризма, превращения Западной Германии в опасный очаг новой войны.

С 29 ноября по 2 декабря 1954 года в Москве происходило Совещание европейских стран по обеспечению мира и безопасности в Европе. В Совещании приняли участие представители СССР, Польши, Чехословакии, Германской Демократической Республики, Венгрии, Румынии, Болгарии и Албании. В качестве наблюдателя в Совещании участвовал представитель Китайской Народной Республики.

В совместной Декларации, принятой Совещанием, указывается, что осуществление парижских соглашений западных держав, направленных на восстановление германского милитаризма, усилит угрозу истребительной атомной войны в Европе со всеми ее тяжелыми последствиями.

Понятно, что миролюбивые государства вынуждены принять безотлагательные меры, чтобы противопоставить свою объединенную мощь в интересах обеспечения своей безопасности агрессивным силам военного блока западных держав и осуществить, в случае ратификации Парижских соглашений, мероприятия, необходимые для укрепления своей обороноспособности.

Миролюбивые народы предлагают всем европейским государствам и США путь создания общеевропейской системы коллективной безопасности, исключающий создание замкнутых военных группировок и возрождение разбойничьего германского милитаризма. Это — единствен-

ный путь сохранения мира и подлинной безопасности в Европе.

За этот путь высказываются широкие круги прогрессивной общественности во всем мире.

СССР неустанно вел и ведет борьбу против угрозы новой мировой войны. В этой борьбе на его стороне симпатии всего прогрессивного человечества, поддержка неисчислимых сил мира. Никогда еще силы мира и социализма не были так могучи и так сплочены, как теперь.

Анализ международного положения показывает, что у народов есть все возможности сорвать планы американских претендентов на мировое господство, стремящихся ввергнуть человечество в новую мировую войну. Но отстоять мир можно лишь при помощи самой энергичной борьбы всех прогрессивных сил всех народов.

Эта мысль красной нитью проходит через всю книгу Мейера. Он обращается к американскому народу с призывом: «Чтобы выжить, народ Америки должен действовать. Он должен безотлагательно потребовать, чтобы проводилась политика мира в отношении Советского Союза, Китая и стран народной демократии, в отношении народов всего мира».

Советские читатели с интересом прочтут содержательную книгу Мейера, убедительно рисующую обреченность планов американского империализма, претендующего на мировое господство.

Э. Мамедов.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Возможен ли прочный мир? Неизбежна ли третья мировая война? Вот вопросы, на которые миллионы людей во всех частях света хотят сегодня получить ответ. Каждый американец поглощен этой мыслью. Конкретнее вопрос ставится так: могут ли Соединенные Штаты и Советский Союз мирно урегулировать свои разногласия путем переговоров или им придется столкнуться в вооруженном конфликте?

Не найдется, конечно, человека, который не пытался бы найти разрешение этой насущнейшей проблемы. Наши политические руководители и военные специалисты признают, что подобная война принесла бы Америке ужасающее опустошение. Некоторые из них в своих «успокоительных» заявлениях называют цифру в 40—50 миллионов убитых и раненых американцев — мужчин, женщин и детей. И они соглашаются с тем, что даже такие страшные жертвы не обеспечат победы.

Казалось бы, сами масштабы грозящей нам опасности исключают фаталистический подход к вопросу. Как же могут передовые и цивилизованные народы мириться с неизбежностью новой мировой войны?

И все же мы взяли курс на неизбежность войны. «Вооружиться до зубов!», «Мир на основе силы!» — таковы: лозунги наших нынешних вершителей политики. Те же лозунги провозглашали германские, французские и английские правители с 1910 по 1914 год, перед тем как они, развязав первую мировую войну, то же самое обещали своему народу заправилами германских картелей между 1934 и 1939 годами, накануне второй мировой войны.

Уроки истории снова и снова показывают, что гонка вооружений — это объявление национального банкротства, ведущее в конечном счете к войне.

Неизбежно ли это? Должны ли мы, американцы, продолжать вооружаться и стать в конце концов жертвами своих же собственных фабрик смерти? Нельзя ли, договорившись с Советским Союзом, выбросить в море атомные и водородные бомбы, вместо того чтобы держать их занесенными над городами мира?

В самом деле, зачем американскому, русскому или китайскому народам стремиться к взаимному истреблению? Разве эти народы или их руководители находятся в таком безвыходном положении, что им приходится искать в войне спасения от гибели? Какие споры у фермеров из штата Миссури или рабочих из штата Огайо с рабочими и крестьянами долин Дона и Янцзы? Каким образом процветание одного народа может мешать благополучию другого?

Было время, когда люди думали, что, принося человеческие жертвы, можно вымолить дождь, что сожжение ведьм прекратит эпидемию. В древности племена воевали между собой за пастбища и водоемы. Предпринимались военные походы для захвата рабов. Считалось, что богатство и изобилие достигается грабежом чужих стран. В наше время правители Германии, Японии и Италии заявляли: «Мы — «неимущие» нации». По их мнению, недостаток территории и естественных богатств мог служить оправданием военных замыслов.

Теперь мы знаем, что богатство страны и жизненный уровень ее населения определяются не размерами территории и естественных богатств и не количеством наличной рабочей силы. Определяющими факторами являются способ производства и производственные отношения — степень использования современной науки и техники в интересах всеобщего благосостояния. Современная наука может превратить почти каждое вещество — даже песок и морскую воду — в тысячи полезных продуктов. Электрическая энергия в сочетании с машинами превращает воздух в удобрение, уголь — в жидкое горючее и каучук, а множество растений, в том числе сорняки, — в ткани или пластические массы, более прочные, чем сталь. Плодородие почвы может быть увеличено во много раз. Нет, пожалуй, такого уголка земного шара, где нельзя было бы использовать для улучшения жизни людей безграничные возможности гидроэлектрической, солнечной и атомной энергии.

Мир, безусловно, находится сейчас на пороге эры грандиозных технических сдвигов, социальные последствия которых превзойдут даже те, которые принес с собой промышленный переворот. Новая техника, если ее развивать и использовать к максимальной выгоде общества в целом, сможет давать неограниченное изобилие всех без исключения предметов потребления со все меньшими затратами человеческого труда.

Свобода от нужды и принуждения, растущее производство, изобилие и обеспеченность для всех всегда являлись «мечтой американцев». Свыше столетия американскому народу пришлось тяжело трудиться, чтобы освоить девственные земли; потребовалось еще сто лет на сооружение железных дорог и создание основных отраслей промышленности. Теперь мы производим больше промышленных товаров, чем все другие капиталистические страны, вместе взятые. Сельское хозяйство США может снабдить продовольствием население, во много раз превосходящее наше. Подсчитано, что если бы нынешняя производственная мощь нашей промышленности была использована в полной мере, мы могли бы изготовлять товаров на 500 миллиардов долларов в год. Если даже предположить, что из них 100 миллиардов будут расходоваться на дальнейшее развитие производства, это составит средний ежегодный доход в 10 тысяч долларов на каждую американскую семью. А ведь если на развитие промышленности будет затрачиваться ежегодно по 100 миллиардов долларов, американские рабочие и ученые без труда смогут за пять-семь лет удвоить производство. При таких условиях к 1960 году каждая американская семья могла бы практически иметь не менее 20 тысяч долларов годового дохода.

Почему же в таком случае нам говорят, что наше благосостояние и даже самое наше существование зависят от образа правления, существующего в Италии, Пакистане или во Вьетнаме? Почему огромное большинство нашего народа попрежнему влачит жалкое существование? Почему дань нашего поколения экономической необеспеченности, страхам и заботам о завтрашнем дне — дань в виде разбитых и загубленных жизней — выше, чем у прошлых поколений? Что развратило науку, заставило ее стать орудием человеконенавистничества, создавать все более дьявольские средства истребления людей?

Обычный ответ на эти вопросы таков: «Советская агрессия». Но независимо от того, верит ли кто-нибудь в существование такой опасности, этот ответ не объясняет, почему каждое десятилетие нынешнего века отмечено периодическими кризисами, непрерывными военными приготовлениями и кровопролитиями; почему за последние сто лет западноевропейские страны, Япония и США участвовали в более чем ста войнах и военных кампаниях; почему промышленность этих стран, если ее не стимулируют военные заказы, находится в состоянии застоя.

Каковы бы ни были наши политические взгляды, мы не можем больше уклоняться от ответа на эти вопросы. На карту поставлено существование не России или Китая, а нашей собственной страны. Все мы пассажиры одного корабля. Надвигающаяся буря разразится над всеми нами одинаково, независимо от наших политических и других разногласий. Мы не уйдем от ее последствий, проявляя страх или невежество. Цепляясь за предрассудки, мы не изменим положения, существующего в современном нам мире.

Ни одна нация, как бы ни была она сильна, не может долго игнорировать истину и реальную действительность. Невежество может иметь самые роковые последствия. Демагогические речи о «мире на основе силы» не меняют того факта, что гонка вооружений всегда приводила к войне. Хвастовство и бравоирование военной мощью Америки не изменит того факта, что численность нашего народа всего лишь 160 миллионов человек, что у нас нет надежных союзников и что наша страна значительно более открыта для поражения атомным и водородным оружием, чем Россия или Китай.

В этой книге рассмотрены причины и признаки переживаемого нами всеобщего кризиса, показано, как они отражаются в планах и действиях наших руководителей и во всемирном состязании между силами войны и мира.

Материал книги делится на четыре части. В первой части дается анализ характера сил, стремящихся развязать третью мировую войну. Во второй части рассматривается изменение положения в колониальных странах, значение китайской революции и войны в Корее и перемена политической атмосферы в Соединенных Штатах. Анализ войны в Корее выдвигает на первый план основные проблемы внешней политики США. В третьей части

говорится о силах, стремящихся предотвратить третью мировую войну или, по крайней мере, максимально затруднить деятельность поджигателей войны.

Последняя часть содержит предостережение о том, что уже разрабатывается безумная стратегия «войны до последней капли крови», ведущая к истреблению, но не к победе. В последней главе показаны неизбежные катастрофические последствия этого плана и возложенная на нас обязанность не допустить его осуществления.

Основная мысль этой работы заключается в том, что американский народ может сказать свое веское слово в защиту всеобщего мира и мирного сосуществования между народами. Однако для такого выступления необходимо, во-первых, иметь правильное представление о характере и мощи тех сил, которые неустанно добиваются развязывания третьей мировой войны, во-вторых, надо, чтобы американские рабочие, фермеры, интеллигенты и мелкие предприниматели поняли, каковы масштабы и мощь международных сил мира, и поняли также, что их сотрудничество и союз со всемирным движением сторонников мира делает достижимым и реальным завоевание прочного всеобщего мира. Цель настоящей работы — укрепить это сознание, обрисовав обе стороны сложившегося в настоящее время международного положения.

Герил Мейер.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

ЗЛОВЕЩИЕ СИМПТОМЫ

1950 год завершил первую половину XX века, самую бурную, самую неистовую эпоху человеческой истории. Хотя всего пятьдесят лет отделяют нас от начала века, 1900 год кажется уже далеким прошлым. Темпы и ритм событий тех времен представляются нам вялыми и скучными по сравнению с бурной, судорожной стремительностью нашего времени. Внешне мир казался тогда таким «однородным», таким «спокойным». Родственные друг другу по духу короли и цари, банки, промышленные и торговые компании, транснациональная капиталистическая инициатива властвовали над всем миром.

Были, конечно, кое-какие конфликты и раздоры, но они кажутся ничтожными по сравнению с последующими событиями. В Южной Африке происходила «малая» война между бурами и англичанами; Балканы получили наименование «порохового погреба»; Япония устремилась в Корею и дальневосточные провинции России. США, завершив сопровождавшуюся широковетательной рекламой, но не очень кровопролитную войну против Испании, вели войну против филиппинцев, о которой известна было меньше, но которая была значительно кровопролитней. Германия с вождением взирала на английскую торговлю и британские колонии. В Китае английские и американские полки водворяли «право и порядок», растворяя «взбунтовавшихся кули». Существовало уже несколько молодых марксистских партий, росло рабочее движение, но не было ничего такого, с чем не могли бы справиться жандармы Романовых, Габсбургов или Го-генцоллернов. Основы мировой капиталистической системы казались незыблемыми. Курс фунта стерлингов составлял примерно пять долларов; французский франк,

итальянская лира и греческая драхма имели прочное золотое обеспечение. Английский банк, как и Французский банк, считался «прочным, как гибралтарская скала». Властители мира весело встретили новый век, уверенные, что их ждет эра безопасности и сплошного процветания.

К середине века мало что сохранилось от духа этих «безоблачных» дней. Две мировые войны и несколько великих революций смели с лица земли много династий, опрокинули много авторитетов. Лицо мира изменилось. Свыше трети человечества отвергло капиталистическую систему. Повсюду все ускоряющимися темпами происходят социальные сдвиги. Во всем мире капитализм перешел от наступления к обороне. Мысли и дела его руководящих деятелей сосредоточены на том, как избежать гибели, как воспрепятствовать ниспровержению частного предпринимательства и победе социализма.

Сейчас, в середине XX века, мир не представляет больше единого целого; он разделен на два лагеря — социалистический и капиталистический. Этот раскол наложил теперь отпечаток на жизнь каждого города и села земного шара. Каждая система хочет доказать свое превосходство над другой. Однако все более очевидным становится разница в общем мировоззрении и настроении двух лагерей. Каково бы ни было отношение к лагерю социализма, нельзя не признать, что его руководящие деятели и публицисты постоянно говорят о мире, о непрерывном социальном прогрессе и о создании условий для беспредельного изобилия. Их заявления показывают, что они проникнуты безграничной верой в разум, науку и человечность. Так, Сталин указывал, что «из всех ценных капиталов, имеющих в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди...»*. «Мы живем в замечательное время — время великого строительства, необычайных открытий... Прекрасное наше время полно романтики созидания нового, полно больших мечтаний... Мы знаем: будущее — за нами! Мы сами строим его, и оно должно быть прекрасным», — пишет Василий Захарченко в книге «Путешествие в завтра».

5 октября 1953 года Г. М. Маленков заявил: «Наша могучая Родина находится в расцвете своих сил и идет к новым успехам. У нас имеется все необходимое для

* И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11. стр. 529.

построения полного коммунистического общества. Природные богатства Советской страны неисчерпаемы. Наше государство доказало свою способность использовать эти огромные богатства на пользу трудящихся. Советский народ показал свое умение строить новое общество и уверенно смотрит в будущее»*.

Полную противоположность этому представляют настроения и состояние духа в капиталистическом лагере. Со всех сторон слышатся мрачные, пессимистические признания, все проникнуто сознанием обреченности. И если настроение и состояние духа общества и выдвигаемые им идеалы являются отражением состояния его здоровья, то наше общество, видимо, поражено тяжелым недугом.

«Страшная картина»

Несколько типичных примеров. Профессор политических наук Флоридского университета Уильям Карлтон пишет:

«Со времени упадка Римской империи умы народов Запада не были еще охвачены таким всеобщим ужасом и отчаянием... Люди видят страшную картину гибнущего мира, и самое сильное их желание — избежать гибели»¹.

Генри Форд второй заявил: «Я не знаю, куда мы идем. Мне самому хотелось бы это знать. Я совсем не уверен в том, каковы умонастроения людей. Есть два очевидных пути, по которым мы можем пойти. Один из них ведет к войне, другой — к банкротству. Возможно, существует какой-то путь возврата к экономике, основанной на конкуренции... при которой можно свободно торговать, покупать и продавать товары на рынке»².

Люди, подобные государственному секретарю США Джону Фостеру Даллесу, менее откровенные, чем Генри Форд, распространяются о человеческой душе. Даллес заявляет: «Умы людей пришли в смятение, их души разъедены ржавчиной... Никакое ФБР**», как бы могущественно оно ни было, не может защитить нас при таких обстоятельствах... Что-то неладное случилось с нашей

* Г. М. Маленков, Отчетный доклад XIX съезду партии, М., 1952, стр. 108.

** Секретная полиция США. — Прим. ред.

нацией, иначе мы бы не дошли до нынешнего состояния и нынешних настроений»³.

Всякого рода «идеологи» из университетов, церквей, фондовых бирж, почуяв дурной запах, сделали из этого вывод, что что-то гниет, и стали призывать к стойкости духа. Бывший президент Чикагского университета Роберт Хатчинс сказал: «Цивилизация обречена... если мы не сможем осуществить моральную, интеллектуальную и духовную реформуацию».

Декан социологического факультета Гарвардского университета Питирим Сорокин вещает: «Все ценности переоцениваются, все нормы сломаны. Воцарилась умственная, моральная, эстетическая и социальная анархия. Кризис всеобъемлющ, он охватил почти все области культуры и все общество сверху донизу»⁴. Комитет при Йельском университете дает такое предписание: «Корпорация и настоящий комитет возлагают надежды на укрепление религиозной жизни в Йельском университете»⁵. Психиатры, работающие в различных «институтах психического оздоровления», рекомендуют проведение массовых психоаналитических исследований⁶.

Как и в период упадка Римской империи, многие теряют веру в человеческий разум и ищут прибежища в мистике. По мнению хакслей, де брولьи, ромейнов и других, наука доказала свою несостоятельность. В полном смятении ученые и интеллигенты пустились на поиски древних или средневековых культурных и этических ценностей. Они пытаются возродить ведизм, учение Кьеркегора и другие мистические и религиозные теории. Опасаясь краха «духовных ценностей» своего общественного строя, они лихорадочно ищут какой-нибудь прочной идеологии, имеющей надежное обеспечение, наподобие золота. Чувствуя близость заката своей исторической эры, некоторые из них недавно настаивали на необходимости созвать «не только... государственных деятелей и военных, но... всех философов, социологов, экономистов и психологов для выработки принципов нового мира». В сентябре 1952 года мудрецы из Колумбийского университета предложили созвать конференцию ста ученых для «разрешения проблем нашего времени», а также предпринять «рассчитанное на двенадцать лет изучение таких понятий, как защита демократией идеологических систем».

«Дешевые» и «дорогие» люди

Наряду с религией, психоанализом и долгосрочным изучением идеологических систем слышатся и другие рекомендации, более «практического» характера. Профессор Сорокин советует руководствоваться евангельским правилом: «Посему говорю вам: не заботьтесь для жизни вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться... Ищите же прежде царствия божия и правды его»⁷. На ту же тему распространяется и сборник морального перевооружения Франк Бухман, тот самый, который называл Гимmlера «молодчиной», а о Гитлере сказал, что он «ниспослан проведением». Ватикан обратился к народам Китая и Северной Кореи с воззванием, в котором заклинал их «не искать только земных благ, презирая блага небесные»⁸. В подкрепление своего призыва Ватикан разослал две фотографии «чуда», заключавшегося в том, что солнце перед закатом «быстро вращалось вокруг своей оси»⁹. За этим чудом последовало другое: двое португальских детей видели деву Марию, которая заклинала их бороться за спасение России. «Нью-Йорк таймс» заметила по этому поводу, что «30 октября 1917 года папе Пию явилось такое же чудесное видение»¹⁰. Голливуд, не теряя времени, экранизировал эти чудеса.

Таким образом, ни священнослужители, ни банкиры, ни профессора не отрицают наличия кризиса в области морали, права и культуры. Некоторые из них туманно намекают на то, что наш экономический и социальный строй приближается к своего рода «опасному периоду». Большого сказать они не решаются. Но разве можно отделить политический строй от экономического базиса, на котором он покоится? Разве моральный и культурный упадок не является несомненным признаком того, что социальная система в целом корчится в судорогах кризиса?

Разумеется, этот кризис связан с тем, что люди *ищут*, «земных благ». С одной стороны, рабочие и крестьяне стран Африки и Азии хотят избавиться от голода и нищеты. С другой стороны, капиталисты гонятся за дешевой рабочей силой, сырьем и возможностью вложить капитал с наибольшей выгодой. На этом основании Уолтер Питкин из Гарвардского университета делит людей на «дешевых» и «дорогих». По его мнению, евразийский кон-

тинент населен полутора миллиардами «дешевых» людей. Из тех же соображений исходит Ватикан, опубликовавший в 1952 году пересмотренное издание католического «Кодекса международной морали» (впервые издан в 1937 году). В этом кодексе говорится: «Творец, различно распределяя блага этого мира, все же поставил их на службу всем людям. План провидения должен быть почитаем, и различные человеческие группы не имеют права считать себя исключительными обладателями выгод и богатств, находящихся на их территории». В кодексе говорится также, что «долг международной власти — взять под свою опеку некоторые из еще оставшихся некультурными народностей». Колониальные народы именуются в этом кодексе «дикими и отсталыми, жертвами порока, невежества и суеверия».

На тот случай, если эти отсталые народы попытаются изгнать «цивилизаторов», кодекс рекомендует принять специальные меры. «Успехи науки и техники предлагают воюющим все более мощные орудия смерти и разрушения: война в воздухе, подводная война, химическая война, война бактериологическая, — говорится в кодексе. — *Было бы напрасно оспаривать право государства в известной степени приспособить свое вооружение и методы войны к этим новым возможностям*». (Курсив мой. — Г. М.) Таким образом, наилучший способ помешать «дешевым» людям претендовать на «земные блага» — это отправить их на тот свет.

Такое же средство от кризиса рекомендуют теперь многие буржуазные ученые. Они откопали мальтузианскую теорию, возникшую в период разложения феодализма и утверждавшую, что земля не в состоянии прокормить больше 500 миллионов человек и что социальные беспорядки, войны и революции вызваны «перенаселением»*.

Современные неомальтузианцы хотят спасти человечество посредством массовой стерилизации, войн, голода и прекращения научной борьбы с эпидемиями. «К несча-

* В настоящее время на земном шаре обрабатывается только 2 миллиарда акров земли. Между тем, по данным ООН, для сельского хозяйства пригодны 25 миллионов квадратных миль, или 16 миллиардов акров, которые даже при современных методах сельского хозяйства могли бы дополнительно снабдить продовольствием 8 миллиардов человек. — *Прим. автора.*

стью, несмотря на войну, учиненные немцами побоища и недоедание в отдельных районах с 1936 по 1946 год население Европы без России возросло на 11 миллионов человек, — пишет автор книги «Путь к спасению» Уильям Фогт. — Снижение смертности было бы в настоящее время величайшей трагедией для Китая... Одним из крупнейших преимуществ, которыми обладает Чили, а быть может, и величайшим преимуществом, является высокая смертность»¹¹. Редактор «Джорнел оф хиредити» Роберт Кук писал, что «самое зловещее явление современного мира — это неконтролируемое размножение». «Чума XV века принесла пользу оставшимся в живых англичанам», — утверждают два других мальтузианца — Элмер Пенделл и Гай Барч.

Что же касается современного положения, то, по их мнению, «в мире ежегодно рождается от 40 до 50 миллионов лишних людей». Родителей, не имеющих возможности прилично кормить, одевать и обучать своих детей, пишут Пенделл и Барч, «следует стерилизовать»*. Они предлагают также принять меры, препятствующие миллионам китайцев, индийцев, негров, мексиканцев, пуэрториканцев вступать в брак¹³. Американский биолог Корнелиус Роде пишет о Пуэрто-Рико: «Этому острову нужно не народное здравоохранение, а наводнение, которое уничтожило бы все его население»¹³. «Японцы не умирают теперь в таком количестве, как прежде», — сокрушается цюрихская газета «Тагесанцейгер», проанализировав японскую статистику и убедившись в том, что в результате применения пенициллина и стрептомицина смертность в Японии снизилась.

Фактически все неомальтузианцы возлагают надежды на атомную и водородную бомбы. Известный физик Артур Комптон заявляет: «Я думаю, что господь не только простил нам применение атомной бомбы, но помог нам и вдохновил наши действия. Я вижу руку провидения в том, что Соединенные Штаты первыми научились изготавливать атомные бомбы и пользоваться ими». Бертран Рассел объявил, что он приветствует применение водородной бомбы, если она является единственной надеждой на спасение западного мира.

* Они отмечают, что стерилизация — американское изобретение, так как она применялась в Калифорнии еще за пятнадцать лет до того, как ее ввел Гитлер. — *Прим. автора.*

14 декабря 1953 года на совещании держав — участниц Северо-атлантического пакта — Даллес сказал, что «основной причиной обеих мировых войн была внутренняя опасность» и что «Запад может вновь обречь себя на истребление. Соединенные Штаты заинтересованы в том, чтобы попытаться создать положение, при котором западные державы не совершат самоубийства. Если же они все-таки решатся на самоубийство, им, возможно, придется совершить его в одиночестве», — предостерегающе заметил он. Даллес потребовал побольше германских дивизий, более мощного вооружения и «большей веры в бога и западную цивилизацию».

Но может ли быть спасен так называемый «западный» мир? Может ли он вернуться к «добрым старым временам» и снова обрести здоровье путем истребления миллионов людей бомбами и смертоносными микробами? И как создалось нынешнее положение? Что случилось с классом, который на рубеже XIX и XX веков еще был преисполнен оптимизма, разглагольствовал о жизни, свободе и стремлении к счастью? Какой таинственный недуг подтачивает силы мирового капитализма? Какие зловещие силы толкают правящие классы Запада на самоистребление?

Две руки и тысяча рук

Следует, однако, сказать, что при более внимательном рассмотрении можно было видеть признаки упадка и в то время, когда капитализм находился в зените своей мощи. Еще в последние десятилетия прошлого века характерной чертой буржуазной политики и культуры стало прославление войны и насилия, всего нездорового и иррационального. В период между 1885 и 1900 годами стали ощущаться первые подземные толчки — предвестники больших землетрясений, расшатавших впоследствии здание буржуазного строя. Мы увидим ниже, что еще пятьюдесятью годами ранее Маркс и Энгельс на основе научного анализа законов, управляющих капиталистической системой, предсказали эти катаклизмы.

Капиталистический способ производства возник во второй половине XVI века. Переходные формы так называемого раннего капитализма существовали еще в XIV и XV веках.

Капитализм появился, когда домашнее кустарное производство ремесленников и крестьян сменилось более производительной системой наемного труда, введенной владельцами капитала, сосредоточившими в своих руках новые инструменты, машины и запасы сырья. Смена феодализма капиталистической системой была эпохой многочисленных кризисов, войн и революций. При помощи поднявшегося на борьбу крестьянства буржуазия сломила политическое господство дворянства и духовенства. Она конфисковала феодальную собственность и освободила миллионы крестьян от крепостной зависимости. Все это было сделано для создания свободного рынка труда. Так родился пролетариат — класс, средства к существованию которого определяются не «милостью» господина, не размером оброка, уплачиваемого его господину, и даже не находятся в непосредственной зависимости от того, сколько он трудится. Средства существования пролетариев зависят от предложения рабочей силы и спроса на нее, от наличия рынков для сбыта растущего количества производимых ими товаров.

Этого не было при системе феодализма, когда размер продукции был невелик и основная масса ее шла на удовлетворение потребностей феодальных поместий и местного населения. Избыточные продукты дворяне обычно продавали, чтобы приобрести взамен предметы роскоши, изготовленные в других местах. При капитализме производство и потребление отделились друг от друга. Но едва возникло капиталистическое производство, как его стал преследовать недостаток спроса. Один за другим разражались экономические кризисы, лишавшие работы миллионы людей.

Главной целью каждого капиталиста является извлечение прибыли, накопление капитала, расширение своего предприятия и приобретение нового оборудования, а затем вновь получение еще больших прибылей. Поэтому капитал никогда не платит рабочему больше того, что он вынужден платить. Обычно это сумма, необходимая для поддержания существования рабочего. Временами в отдельных местах эта сумма больше, в других — как, например, в колониях,—она обычно меньше. Заработная плата рабочего никогда не соответствует количеству изготовленной им продукции. Чилийский горняк, арабский или венесуэльский нефтяник дают столько же продукции,

сколько американский рабочий, а зарабатывают в пятьдесят раз меньше. Порой заработная плата повышается, но ее рост никогда не находится в соответствии с выработкой рабочего. Временами реальная заработная плата топчется на одном месте или снижается, хотя выработка на одного рабочего растет. Чем больше вырабатывает рабочий и чем ниже его заработная плата по сравнению со стоимостью того, что он производит, тем выше прибыль.

Однако капиталист может реализовать свою прибыль только в том случае, если все произведенные рабочими товары проданы или превращены в деньги. На первый взгляд может показаться, что такая продажа невозможна. Ведь очевидно, что если миллион рабочих изготовит миллион костюмов и получит в виде заработной платы только стоимость полумиллиона костюмов, то, хотя бы даже сотня или тысяча предпринимателей купили по сто костюмов, рынок немедленно окажется забитым избыточной продукцией. Но затруднение исчезнет, если рабочие, изготовляющие токарные станки или кузнечные горны, строящие заводы или пароходы, тоже выйдут на рынок, имея в кармане свою заработную плату. Производимые ими товары — средства производства — не предназначены для непосредственного потребления. Эти товары приобретаются капиталистами, желающими вложить свой капитал. Поэтому чем больше рабочих занято в *промышленности, производящей средства производства*, тем легче хозяевам *предприятий, производящих предметы потребления*, сбыть свою продукцию. Таким образом, система действует только в том случае, если рабочие, занятые в производстве средств производства, продолжают изготавливать машины и строить фабрики и заводы. Капиталист должен вкладывать свои прибыли в производство, должен увеличивать продукцию. Все большие прибыли, полученные от все больших капиталовложений, должны быть, в свою очередь, вложены в производство. В результате должны расти и потребление и прибыли.

Рост продукции сопровождается растущим потоком товаров. Современное оборудование дает каждому рабочему тысячу рук. Однако при капитализме способность общества к потреблению не может возрастать пропорционально росту производства. Оказывается невозможным найти рынки сбыта для всех изготовленных товаров. Предприятия не могут работать на полную мощность.

Когда начинается сокращение спроса на средства производства, стремительно падает спрос на предметы потребления. Результат — безработица, гигантские залежи не находящих сбыта товаров и кризис перепроизводства.

Когда капитализм был еще молод, он преодолевал это противоречие в процессе циклических кризисов. За каждым бумом следовало резкое падение цен, приводившее к снижению заработной платы и сокращению производства. Произведенные богатства, не находившие себе применения, уничтожались в результате банкротств, порчи продуктов и обречения миллионов людей на безработицу. После такого бурного взрыва восстанавливалось равновесие.

Так обстоит дело с противоречием между производством и потреблением. Но является ли это противоречие основной причиной кризисов? А если это так, то нельзя ли предотвратить или вообще изжить кризисы посредством увеличения потребления масс? Неужели капиталисты так неблагоразумны, что предпочитают кризис или риск войны тому, чтобы повысить заработную плату, увеличить потребление трудящихся и тем самым заделать брешь и обеспечить капиталистической системе возможность дальнейшего существования? Но дело в том, что корень зла находится глубже. Кризисы возникают не просто от низкого уровня потребления. В действительности кризису всегда предшествует период подъема, характеризующийся сравнительно высокой заработной платой и повышенным потреблением. (С другой стороны, периоду оживления предшествует период пониженного массового потребления.) «Было бы простой тавтологией сказать, — писал Маркс, — что кризисы вытекают из недостатка... платежеспособных потребителей... Каждый кризис готовится как раз периодом, когда совершается общее повышение заработной платы, и рабочий класс в действительности получает более крупную долю части готового продукта, предназначенной для потребления»*.

Периодические кризисы являются результатом более глубоких противоречий. При капитализме производство приобретает все более общественный характер. Изготов-

*К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVIII, стр. 440—441.

ление любого товара требует широко организованного, планируемого на научной основе разделения труда. В процессе производства связано между собой и находится во взаимодействии множество людей, машин и предприятий. Но все более общественной организации производства противостоит крайне антиобщественное, индивидуальное, частное присвоение производимого продукта. Таким; образом, главное противоречие — это противоречие между общественным характером производства и капиталистической формой присвоения продуктов этого производства. «Гигантские крахи только потому и стали возможны и неизбежны,— писал Ленин,— что в подчинении у шайки богачей, ищущих одной наживы, оказались могучие *общественные* производительные силы»*. Разрыв между колоссальными производительными силами и уровнем покупательной способности рабочих является только одним из проявлений этого основного, коренного противоречия.

Капиталистическое производство организовано на общественной основе. Но чем определяется фактический объем производства тех или иных товаров? Разве общественные потребности, то есть потребности народа, определяют в США количество строящихся домов и школ, количество издаваемых книг, изготавливаемых автомобилей, конфет, спиртных напитков, «комиксов» или детективных фильмов? Ничего подобного. Вопрос о том, какой товар и в каком количестве должен быть произведен в данный период времени, определяется не спросом и не общественными потребностями, а потребностями капитала. (Например, американскому народу крайне нужны миллионы новых жилых домов, школ, парков, театров, спортивных площадок, детских яслей, дорог, больниц, необходимо также строительство многих других учреждений, повышающих материальный и культурный уровень жизни народа. Однако такого рода строительство и производство ведутся черепашими темпами, тогда как выпуск автомобилей быстро растет.) Капиталовложения и продукция всегда стремительно возрастают в тех отраслях, где выше всего прибыли. Отсюда противоречие между тем, что нужно, и тем, что производится. «Это — дарвиновская борьба за существование отдельных особей, возведенная

* В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 75.

в степень и перенесенная из царства природы в человеческое общество... Противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением выступает наружу как *противоположность между организацией производства на отдельных фабриках и анархией производства во всем обществе**.

Производство определяется законами, руководящими самовозрастанием капитала, которое является динамическим, непрерывным процессом. Чтобы не погибнуть, каждый капиталист и каждая монополистическая группа должны вести борьбу не на жизнь, а на смерть за все больший размер прибылей, выбрасывать на рынок как можно большее количество товаров, превращать прибыли в капитал, строить новые фабрики и заводы, увеличивать продукцию и снижать издержки производства. Они бешено стремятся к максимальной эксплуатации, максимальным прибылям и максимальной продукции — так, как если бы не существовало никаких пределов. В конечном счете это стремление к безграничному развитию промышленности вступает в противоречие с ограниченной покупательной способностью широких масс. Результатом является кризис перепроизводства, который возникает там, где капиталисту становится невыгодным сохранять существующий уровень производства или увеличивать его.

Так, самый характер капиталистического производства неизбежно приводит к тому, что оно превосходит все возможности рынка поглотить их. Всякое повышение заработной платы *должно* сопровождаться еще большим ростом прибылей и увеличением производственных мощностей, продукция которых не может быть поглощена ограниченным капиталистическим рынком. Вот почему все меры, рекомендуемые экономистами кейнсовской школы, вроде государственных расходов на общественные работы и вооружение, «дешевых денег», кредитных манипуляций и т. д., не могут предотвратить кризиса или ослабить его. Подобные меры напоминают переливание крови при малокровии, вызываемом злокачественной опухолью: оно на некоторое время улучшает состояние больного, но не меняет неизбежного исхода болезни.

Смена подъемов и спадов— свидетельство обреченно-

* К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XIV, стр. 276.

сти капиталистической системы. Изобилие становится источником растущей нищеты, что ведет к еще более жестоким политическим и экономическим кризисам. Именно поэтому капитализм, достигнув высшей стадии своего развития, загнивает и пытается избежать гибели при помощи вооружений, фашизма и войны.

Рождение дьявола

В конце XVIII века, с зарей промышленного переворота, капитализм вышел из стадии мануфактурного производства и пошел по пути крупного машинного производства. Изобретение паровой машины, новых станков и разделение труда революционизировали производство.. Создание новых отраслей промышленности, расширение рынков, увеличение экспорта, строительство обширной сети железных дорог — все это вызывало мощный подъем производства. Но за каждым подъемом следовали все более жестокие кризисы перепроизводства. Эти периодические кризисы, писали Маркс и Энгельс в 1848 году, «все более и более грозно ставят под вопрос существование всего буржуазного общества... Во время кризисов разражается общественная эпидемия, которая всем предшествующим эпохам показалась бы нелепостью, — эпидемия перепроизводства»*.

Вначале эти периодические кризисы, повторявшиеся начиная с 1825 года каждые семь-десять лет, затрагивали только отдельные отрасли промышленности или отдельные страны. Но к середине XIX века экономические кризисы стали всемирными. Теперь история оказалась привязанной к непреодолимому чередованию этих перемежающихся подъемов и спадов. Они определяли колебания биржевых курсов, содержание партийных программ и перемен в составе правительства. Гигантские рычаги, управляющие всеми экономическими, социальными и политическими событиями, стали двигаться все быстрее.

В период между 1860 и 1873 годами капитализм достиг «высшей, предельной ступени развития свободной конкуренции». Монополии были «лишь едва заметными зародышами»** , — писал Ленин. Хотя и в этот период

*К. Маркс и Ф. Энгельс, Манифест коммунистической партии, М, 1951 г., стр 38.

** В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 190.

имели место циклические кризисы, он характеризуется колоссальным ростом производительных сил.

Но в 1873 году европейский капитализм был поражен кризисом, который впервые привел к длительной депрессии. Потребление стали в Германии сократилось на 50 процентов¹⁴. Несмотря на периоды некоторого подъема, этот кризис затянулся до середины девяностых годов.

Капитализм начал терять прежнюю гибкость, облегчавшую ему возможность справляться с кризисами. Вся капиталистическая система оказалась как бы обреченной нести груз избыточной продукции. Сесиль Родс (которого Ленин называл так: «Миллионер, финансовый король, главный виновник англо-бурской войны») говорил в 1895 году: «Я был вчера в лондонском Ист-Энде [рабочий квартал] и посетил одно собрание безработных. Когда я слушал там дикие речи, которые были сплошным криком: «хлеба, хлеба!» — я, идя домой и размышляя о виденном, убедился более, чем прежде, в важности империализма... Мы, колониальные политики, должны завладеть новыми землями для помещения избытка населения, для приобретения новых областей сбыта товаров, производимых на фабриках и в рудниках. Империя, я всегда говорил это, есть вопрос желудка. Если вы не хотите гражданской войны, вы должны стать империалистами*».

Не только англичане, но и капиталисты других стран поспешили последовать совету Родса: всем им было трудно поддерживать полную занятость и высокую норму прибыли. Чтобы застраховать свои капиталовложения, они начали создавать картели и монополии, которые, в свою очередь, сливались с банковским капиталом, образуя финансовую олигархию. Несколько сот магнатов захватили в свои руки контроль над всеми отраслями тяжелой промышленности. Они устанавливали цены и объем производства, чтобы ограниченный сбыт обеспечивал им высокие прибыли. Стремясь избавиться от избытков, они вывозили сначала предметы потребления, потом средства производства и, наконец, самый капитал в виде иностранных инвестиций.

В два последние десятилетия XIX века стремление к заграничным капиталовложениям стало характерной чертой нового периода капитализма. «Создавайте новые рын-

* В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 244.

ки, захватывайте новые источники дешевого сырья!» — таков был лозунг крупного капитала. С 1850 по 1880 год английские заграничные капиталовложения возросли в пять раз — с 200 миллионов до 1 миллиарда фунтов стерлингов, а к 1905 году они достигли 2 миллиардов фунтов. За этим последовало требование вооруженной защиты районов приложения капитала и грабеж колониальных народов. Капитализм вступил в стадию империализма.

Империализм, являющийся порождением основных капиталистических противоречий, представляет особую историческую эпоху, новую стадию развития капитализма. Он характеризуется ростом паразитического класса ратье, существующего на доходы от капиталовложений в колониальных и зависимых странах. Ленин отметил тройкую особенность империализма: «Империализм есть 1) — монополистический капитализм; 2) — паразитический или загнивающий капитализм; 3) — умирающий капитализм»*. Свободная конкуренция многих предпринимателей сменилась значительно более ожесточенной борьбой между гигантскими международными картелями и монополиями. Накопленные ими колоссальные прибыли толкают их на погоню за новыми прибылями. Отсюда экспорт капитала, бешеное стремление к захвату не только внутренних рынков, но также сырья и рабочей силы иностранных государств. Грабеж и порабощение миллионов людей в колониальных и зависимых странах сопровождаются многочисленными империалистическими войнами и кровопролитием на всем земном шаре.

В период между 1885 и 1900 годами крупнейшие державы были внезапно охвачены лихорадочным стремлением к экспансии. Европейские государства в свалке раздирали на части пять миллионов квадратных миль Африки и оставшиеся еще неразделенными азиатские территории. Англия аннексировала Бирму, Малайю и Белуджистан. В 1890 году Германия захватила Камерун и Того в Африке и острова Самоа на Тихом океане. Франция отторгла от Китая Аннам и Тонкин и захватила Тунис, бывший предметом вожделений Италии. В 1894 году Япония начала войну против Китая в виде репрессии за протесты Китая против присутствия японских войск в Корее. Соединенные Штаты оккупировали в 1893 году Гавайские острова, а в 1898 году захватили Кубу, Пуэрто-Рико и Филиппины

* В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 94.

Италия завладела Эритреей и Сомали и пыталась в 1897 году завоевать Абиссинию. Для расширения своих африканских владений Англия в 1899 году начала войну против буров. Государственный секретарь США Джон Хэй потребовал «открытых дверей» в Китае. В 1900 году державы, хотя они готовы были вцепиться друг другу в горло, все же объединились для проведения военной кампании под командованием немецкого генерала Вальдерзее, чтобы разгромить боксерское восстание — массовое вооруженное выступление против иностранных миссий и иностранных оккупационных сил в Китае¹⁵.

Соперничество и напряженность в отношениях все усиливались. Все державы заключили двойственные и тройственные союзы, чтобы застраховать себя от нападения друг на друга. Англия и Франция были на ножах в связи с разногласиями вокруг Африки, Афганистана, Турции, Мадагаскара и Сиам. В подкрепление требований Англии на контроль над выходом из Черного моря и над Ближним и Средним Востоком, британский флот вошел в Дарданеллы. Все державы увеличили военные расходы, расширили производство артиллерийских орудий и строительство военных кораблей. Печать, учебные заведения, школы, университеты, церковь разжигали огонь шовинизма, военной истерии, милитаристских настроений в духе: «Это моя страна, права она или нет». Английский премьер-министр Джозеф Чемберлен заявил, что существование Англии зависит от продолжения оккупации Индии, отдельных частей Китая, Египта и африканского континента. Лорд Керзон писал в 1892 году: «Афганистан, закаспийский район, Персия... это для меня клетки шахматной доски, на которой разыгрывается партия; ставка в ней — мировое господство»¹⁶.

В годы, предшествовавшие первой мировой войне, германский флот был спешно отправлен в Марокко, чтобы принудить французский «Комитэ де форж» уступить железо, кобальт и марганец стальным концернам Круппа и Маннесмана. Последние открыто требовали, если понадобится, прямой интервенции и войны, против Франции. В то время как кайзер Вильгельм разглагольствовал о мире и международном сотрудничестве, о госпoде боге и судьбах Германии, рурские стальные и химические тресты полностью захватили в свои руки военное министерство и загребали колоссальные прибыли на

поставках оружия. Турецкая армия была поставлена под контроль Германии. В 1909 году Ассоциация германских интеллигентов, созданная Стиннесом и Круппом, опубликовала меморандум «В защиту Германии и западной культуры от восточного варварства». Между 1905 и 1914 годами в Германии, как грибы, росли всякого рода африканские общества, прибалтийские и южногерманские ассоциации и группы «Азия прежде всего». Был приведен в действие мощный пропагандистский аппарат, чтобы убедить германский народ, будто его существование зависит от контроля над Балканами, Турцией, Ближним и Средним Востоком, — словом, над всем миром!

В 1904 году на Дальнем Востоке вспыхнул пожар русско-японской войны. В 1905 году Соединенные Штаты, заключив сделку с Японией, санкционировали японскую оккупацию Кореи. За этим последовали первая и вторая балканские войны 1911 и 1913 годов, за кулисами которых стояли соперничающие между собой великие державы, подготавливавшие почву для первой мировой войны.

Экономическая и политическая литература этого времени отличалась, как правило, поразительным отсутствием здравого смысла. Авторы не обнаруживали понимания ни причин назревавшего конфликта, ни его возможных последствий. Большинство писателей и ученых прославляли так называемую национальную честь, вооружение, христианскую мораль и поля сражений.

Трезвый анализ нового поворота в истории дали только идеологи рабочего класса, марксисты во главе с Лениным. Мы называем его трезвым потому, что весь бурный ход последующей истории в точности соответствовал ленинскому предвидению.

Марксисты увидели зарю новой эры еще в то время, когда старая находилась в своем расцвете. В результате дальнейшей разработки открытых Марксом научных законов Ленин определил неизбежный ход событий. Он не только предсказал, что должно было произойти, но и указал, что надо было делать.

Ленин показал, что империализм, или монополистический капитализм, ведет к концентрации производства во все более крупные объединения, к ускорению развития техники и росту производительных сил. В связи с увеличением продукции капиталисты все большего числа стран бросаются в водоворот мирового рынка в поисках возмож-

ностей сбыта. С увеличением числа жадно стремящихся к рынкам конкурентов борьба между ними принимает все более ожесточенный характер. Развитие одной группы возможно только за счет другой. (Так, например, к 1925 году общий индекс промышленного производства в Северной Америке на 26 процентов превысил уровень 1913 года, тогда как в капиталистической Европе в целом этот рост составил всего 2 процента¹⁷.)

Развитие производства в одной стране возможно лишь в том случае, если в других странах производительные силы топчутся на одном месте, разрушаются, сковываются. Уровень занятости, а также уровень заработной платы в США поддерживаются за счет безработицы и нищенской заработной платы в Италии, Бразилии и других государствах. Ограбление и обнищание целых континентов стали необходимым условием для существования кучки монополий.

Империализм усугубляет различия в темпах промышленного развития разных капиталистических стран: он ускоряет развитие одних стран и замедляет развитие других. Таким образом, до настоящего времени мировой капитализм в его империалистической стадии наряду с загниванием сохранял способность к ускоренному росту производства. Как показал Ленин, это представляет основу чрезвычайно неравномерного развития современного капитализма. Открытие Лениным закона неравномерности экономического и политического развития капитализма в эпоху империализма имеет грандиозное значение. Проследив его развитие, Ленин указал, что этот закон должен найти выражение в обострении борьбы некоторых стран за то, чтобы «перегнать другие страны и вытеснить их с рынков, создавая тем самым предпосылки для военных столкновений...»*

Поскольку одна страна обгоняет другую, возникает новое соотношение сил, а это, в свою очередь, исключает возможность каких-либо длительных соглашений между ними. Неизбежные войны между империалистическими державами за передел рынков и территорий ведут к ослаблению мирового капитализма. Колоссальные жертвы, непосильное бремя, которое империализм взваливает на плечи трудящихся масс, ужасы и страдания, приносимые

* И. В. Сталин. Соч., т. 9, стр. 105

человечеству империалистическими войнами, — все это вызывает во всем мире революционные движения. Бесчеловечная эксплуатация миллионов людей в колониальных и зависимых странах порождает антиимпериалистическое национально-освободительное движение. Таким образом, империализм сам создает объективные условия для своей окончательной гибели. Из всего этого Ленин сделал вывод, что победа социализма в отдельных странах не только возможна, но и неизбежна. Поэтому он называл империализм высшей и последней стадией капитализма, переходной к социализму. «Кто не понял этой простой вещи,— писал Сталин, — тот ничего не понял в вопросе об экономической сущности монополистического капитализма»*.

Примерно с 1910 года начался упадок европейского капитализма. Империализм не привел к тому омоложению, на которое рассчитывал Сесиль Родс. Рост картелей и финансовой олигархии с их колоссальными возможностями усиливать эксплуатацию рабочих как в метрополии, так и в колониях, поддерживать высокий уровень цен, взваливать на массы непосильное бремя вооружений и извлекать максимальные прибыли еще более обострил противоречия всей системы империализма. «Избыточные» товары, капитал и население стали жерновами на шее у трестов.

В результате всего этого циклические кризисы 1900, 1907 и 1914 годов были более жестокими, чем кризисы периода свободной конкуренции. Империалисты искали выхода за счет друг друга и за счет народов, которые расплачиваются за войну. С первой мировой войной — с чудовищными разрушениями, которые она принесла, и обострением революционной борьбы, которое она вызвала, — началась смертельная болезнь мирового капитализма — его общий кризис. Понять природу этого кризиса — значит понять сущность современного международного положения.

Общий кризис капитализма

С первой мировой войной и победой русской революции капитализм вступил в период *общего кризиса*. Это кризис всей капиталистической системы. Его характерными чертами являются непрерывный процесс распада ми-

* И. В. Сталин. Соч., т. 9, стр. 105.

рового капитализма, войны, революции и одновременный рост социализма.

Основная черта общего кризиса капитализма — это раскол мира на две противоположные системы. До революции 1917 года противоречия, раздиравшие капиталистическую систему, были внутренними: противоречия между пролетариатом и буржуазией (социальные и экономические противоречия, присущие капиталистическому способу производства); противоречия между империалистическими государствами и народными массами в колониальных странах; соперничество и борьба между самими империалистами. После революции 1917 года к этому добавилось четвертое, уже внешнее противоречие — между империализмом и растущим социализмом. Революция не только сузила сферу империалистической эксплуатации, но и потрясла самый фундамент этой системы. На примере этой революции трудящиеся массы увидели, какова их мощь. Расширилась и активизировалась классовая борьба. В колониальных странах на борьбу поднялся революционный рабочий класс и крестьянство, что изменило характер антиимпериалистической освободительной борьбы народов*¹⁸.

Одной из наиболее крупных перемен, присущих периоду общего кризиса капитализма, является замедление общего *темпа* развития капиталистического промышленного производства. Так, с 1897 по 1913 год мировое производство кокса увеличилось на 180 процентов, а выплавка стали — на 140 процентов. А за период с 1913 по 1929 год производство этих материалов, являющееся основным показателем промышленного развития, возросло соответственно всего лишь на 7,2 и 23,8 процента. За двадцать три года, предшествовавшие первой мировой войне, средний годовой прирост промышленной продукции составил 3,7 процента, а в период с 1913 по 1929 год прирост был

* Это не означает, что углубление кризиса капитализма *вызвано* ростом социализма. Кризис является внутренним по своему характеру и развивается в соответствии с законом о противоречиях и борьбе, присущих самой капиталистической системе. Внешние факторы, такие, как существование Советского Союза и лагеря социализма и рынка стран лагеря социализма, усиливают внутренние противоречия капиталистической системы, но не создают их. Эти противоречия существовали, и тогда, когда не было еще Советского Союза. Именно эти факторы вызвали первую мировую войну и повлекли за собой появление на свет СССР. — *Прим. автора.*

равен всего 2,4 процента в год. В период с 1929 по 1952 год этот прирост, даже при наличии могучего стимула в виде огромных военных расходов, составил менее двух процентов в год.

Можно привести и другие факты, иллюстрирующие углубление общего кризиса капитализма. После первой мировой войны общий уровень производства в капиталистических странах снизился, но вскоре восстановился и превысил высшую точку военного времени. Этот послевоенный подъем был достигнут без крупного военного производства. Вторая мировая война сопровождалась таким же спадом производства. Однако, хотя в дальнейшем и наступило улучшение, высший уровень военного времени так и не был превзойден. В ноябре 1943 года индекс промышленного производства США был равен 247. Спустя десять лет, несмотря на колоссальные размеры военного производства, промышленная продукция США все еще была ниже этого уровня*.

Это снижение темпов развития производства сопровождается деформацией циклических кризисов. Так, например, если мы рассмотрим период между 1820 и 1914 годами, то увидим, что кризисы наступали раз в семьдесят лет и за ними следовал период подъема. Каждый период подъема достигал своей высшей точки перед самым началом нового кризиса. Это было органическим свойством капиталистической системы. С началом периода общего кризиса капитализма обе фазы — и процветания и депрессии — изменили свой характер.

Для эпохи общего кризиса капитализма типично то, что даже на высшей точке цикла процветания существуют известная безработица и недогрузка предприятий. В первой половине 1929 года, на вершине циклического подъема, в США было несколько миллионов безработных, а производственные мощности использовались всего лишь на 70 процентов. За кризисами, подобными тому, который свирепствовал с 1929 по 1934 год, следовал уже не период процветания, а хронический застой с кратковременными

* По данным Федерального резервного управления (1935 — 1939гг.= 100), индекс достиг 247 в 1943 году и снизился до 170 в 1946 году. В 1948 году индекс поднялся до 192, а в 1949 году снова упал до 176. В 1951 году, когда началась война в Корее, он достиг 250. В июле 1952 года индекс равнялся 232, в июле 1953 года — 240, а затем, в январе 1954 года, он скатился до 220. — *Прим. автора.*

конъюнктурными подъемами, которые вскоре сменялись новым спадом. (Так, депрессии 1938 года не предшествовал настоящий подъем.) Некоторый подъем наблюдался только в отдельных отраслях промышленности или отдельных странах, тогда как в остальных продолжался застой. И что самое главное, кризисы углубились. В 1932 году выплавка стали и добыча угля в США были отброшены на уровень 1902 года, а в Англии — на уровень 1897 и 1908 годов. В целом в капиталистическом мире добыча угля находилась на уровне 1907 года, а выплавка стали — на уровне 1906 года*.

Вследствие перепроизводства сельскохозяйственных продуктов и минерального сырья кризис распространился и на колониальные страны. Сознательное истребление колоссального количества товаров стало обычным явлением в капиталистическом мире, несмотря на голод и «гувервилли» в странах-метрополиях и массовое вымирание от голода в колониальных и зависимых странах. С 1930 года американские тресты сожгли, потопили, сгноили или уничтожили другими способами сельскохозяйственных и других продуктов на миллиарды долларов. (В 1948 году в США было сожжено 2 миллиона тонн картофеля, а 250 миллионов дюжин яиц оставлены на складах для уничтожения.) Но главным способом истребления национального богатства является расходование астрономических сумм на вооружения.

Общий кризис капитализма — это всеохватывающий кризис, пронизывающий всю социальную и экономическую структуру мирового капитализма. Столкновения и соперничество между различными империалистическими государствами, неравномерность их развития достигают новых масштабов. Милитаризация и вооружение становятся главной опорой экономики и поглощают национальное богатство. Налоги растут, а жизненный уровень снижается. Финансовую и кредитную систему подрывают

* С 1913 по 1929 год индекс промышленного производства капиталистического мира поднялся на 27 процентов, тогда как мощность оборудования возросла, по имеющимся подсчетам, на 100 процентов. С 1912 по 1930 год производительность промышленного оборудования в Англии увеличилась на 87 процентов, а между тем с 1917 по 1939 год объем промышленного производства в этой стране ни разу не превысил уровня 1913 года больше чем на 15 процентов. — *Прим. автора.*

дефициты и инфляция. Капитализм становится препятствием для дальнейшего развития общества. Искусство, литература, наука, философия, право, печать, кино становятся средствами обмана масс. Государственный аппарат, погрязший в коррупции, взяточничестве, хищениях, бесстыдно превращается в прямое орудие монополий. И, наконец, финансовая олигархия прибегает к еще более насильственным формам осуществления своей власти.

Лицо нашей эпохи

Основные черты общего кризиса капитализма — это все более быстрый рост лагеря социализма и усиливающийся развал и разложение мировой системы империализма. Эти два исторических процесса взаимосвязаны и взаимозависимы, и их борьба представляет содержание истории нашей эпохи.

Эпоха общего кризиса капитализма (в рассматриваемый нами период) делится на две основные стадии. Первая стадия продолжалась от первой мировой войны до начала второй мировой войны. На первой стадии капиталисты еще были в состоянии заделывать бреши в плотинах, пробитые русской революцией. Революционные выступления в Венгрии, Германии, Болгарии и Италии и колониальные восстания в Марокко, Индо-Китае, Индонезии и на Филиппинах были беспощадно подавлены. Чтобы сохранить свою власть в Италии, Японии, Германии и ряде малых стран, крупный капитал обратился к помощи фашизма. Страшный экономический кризис 30-х годов не только ударил по карману капиталистов, но и усилил сопротивление их господству.

Почти во всех странах мощные коммунистические партии стали ведущей силой рабочего движения. Ожесточенная борьба за рынки и источники сырья породила растущие противоречия, новые конфликты между главными капиталистическими державами и обрекла на неудачу их попытки разрешить свои проблемы посредством войны против СССР.

С другой стороны, Советский Союз успешно выполнил два пятилетних плана. Из голодной страны, пораженной послевоенной разрухой, он превратился в мощную социалистическую державу. СССР стал крупнейшим фактором международной политики и сумел сорвать мюнхенский

заговор: выступить объединенными силами войной против Советского Союза.

Проявлением растущих трудностей империалистов были нападение Японии на Китай, итальянская агрессия против Эфиопии, нападение германского и итальянского фашизма на Испанскую республику и, наконец, вторая мировая война.

Если первый период общего кризиса капитализма начался с первой мировой войны, со штурма ленинградскими рабочими 7 ноября 1917 года Зимнего дворца, то началом его второго периода является 2 февраля 1943 года. В этот день героический советский народ разгромил гитлеровские армии под Сталинградом. Этот разгром был предвестником окончательной победы СССР над всеми попытками ослабить или подчинить его; все империалисты восприняли Сталинград как непоправимую катастрофу.

Более того, война потрясла экономическую и политическую мощь европейского капитализма. В Восточной Европе, так же как и во Франции и Италии, трудящиеся массы отстранили от власти тех, кто предавал народ, сотрудничая с фашистскими захватчиками. С возникновением стран народной демократии в империалистической цепи образовались новые непоправимые бреши. Коммунистические партии Франции, Италии и других стран приобрели миллионы новых приверженцев. Советский Союз сумел быстро восстановить причиненные войной разрушения и начал гигантскими темпами создавать самую передовую в мире промышленность и технику. Советская научная и техническая мысль стала обгонять научную и техническую мысль капиталистических стран. СССР сорвал планы империалистов, основанные на атомной и водородной бомбах, лишив их надежды на монополию в этой области. И, наконец, самый сокрушительный удар по мировому империализму во второй период общего кризиса капитализма нанесла победа китайской революции, благодаря которой новый многочисленный отряд человечества примкнул к лагерю растущего социализма.

Огромное историческое значение имеют и другие недавние события последней фазы общего кризиса капитализма: отпор, данный американским и другим империалистам корейской народно-освободительной армией и китайскими народными добровольцами, рост всемирного движения сторонников мира, дальнейшее укрепление ки-

тайской революции и все ускоряющееся промышленное развитие СССР и стран народной демократии.

Соотношение мировых сил решительно изменилось в пользу социализма. Свыше трети человечества объединилось под его знаменем. Вопрос, ставившийся некоторыми в 1918 году: можно ли построить социализм в одной стране, звучит теперь иначе: может ли еще существовать капитализм и сколько это продлится?

В результате второй мировой войны наблюдается все—стороннее обострение общего кризиса капитализма и расширение его масштабов. Мировому капитализму не удалось достичь хотя бы временной стабилизации, как это было после первой мировой войны. Неравномерность развития империалистических держав еще более возросла. Господство США, распад единого всеохватывающего мирового рынка, попытки преодолеть возникшие в связи с этим трудности посредством демпинга на основе плана Маршалла, вооружений и развязывания новых войн — все это углубило кризис и довело экономику западноевропейских стран до еще более угрожающего состояния.

Сейчас разница между темпами развития промышленности в капиталистических и социалистических странах еще больше увеличилась. Если принять уровень 1929 года за 100, то в 1952 году индекс промышленного производства СССР составлял 1266, США — 200, Англии — 160, а Франции — 104. Кризис и распад колониальной системы, начавшиеся после первой мировой войны, неизмеримо усилились. Борьба миллионов масс угнетенных народов Африки и Азии вступила в новую стадию. Пример китайской революции, рост единства рабочих и крестьян в борьбе против угнетения — все это способствовало созданию народных сил, которые могут вести длительную борьбу против империализма.

Ленин называл империализм высшей стадией капитализма, потому что у капитализма нет дальнейших стадий развития, кроме упомянутых нами, — развала и перехода к социализму. Поэтому современный период, когда 800 миллионов человек стали недостижимы для империалистической эксплуатации и когда границы колониальных районов быстро сокращаются, может быть назван заключительной фазой империализма. Нынешний период войн и кризисов жестко ограничен во времени и может окончиться только дальнейшим ослаблением и разложением

мировой системы империализма, после чего термин «мировой империализм», что бы ни предпринимали империалисты, приобретает условный характер. На заключительном этапе общего кризиса капитализма все действия империалистов служат делу социализма. Эту истину против своей воли подтверждают даже адвокаты капитализма. По их словам, наводнения, голод, нищета, низкая заработная плата, инфляция, дефляция, все формы угнетения и насилия, разложение и коррупция господствующих классов, а также забастовки с целью добиться повышения заработной платы, земельных реформ, социального страхования и социального обеспечения, борьба за гражданские права, за расовое равноправие, за жилищное строительство, обеспечение работой и за мир, одним словом, всё — и плохое и хорошее — способствует успехам социализма. Это подтверждает основную истину нашего времени, что все дороги ведут к социализму.

Всемирный лагерь социализма предлагает угасающему мировому капитализму почетное отступление: он предлагает ему мирное сосуществование и соревнование, выгодные торговые отношения и отказ от агрессивных войн как орудия внешней политики. Лагерь социализма предупреждает также, что новая война явится могилой не только для господствующего класса той или иной страны, но и для мирового капитализма в целом. Однако монополисты, как и всякий умирающий класс, видят главную опасность не в войне, а в мире. Они боятся мирного соревнования. Они строят свои все более безнадежные расчеты на сверхвооружение, на кровавые авантюры против колониальных народов и, наконец, на третью мировую войну, рассчитывая избежать таким путем приговора истории.

Наконец, одной из наиболее характерных черт последней фазы империализма является то, что он все меньше способен навязывать человечеству свою волю. Его военные планы наталкиваются на растущее сопротивление народных сил. Нет уже возможности перебросить мост через пропасть, отделяющую народ от поджигателей войны. Империализм становится несовместимым с существованием человечества. Жизнь заставила сотни миллионов людей понять, что, если они хотят жить, то должны присоединиться к мощному международному фронту мира. Мир становится самой жизненно важной, решающей целью борьбы народов всего земного шара.

Глава 2

ТРЕЩИНЫ В ПИРАМИДЕ АМЕРИКАНСКОГО КАПИТАЛИЗМА

Колоссальное здание американского империализма выросло в результате почти столетия непрерывного развития. Оно поднималось ввысь при самых благоприятных обстоятельствах, не зная препятствий феодализма, используя неисчерпаемые природные богатства, труд миллионов рабов-негров, дешевую рабочую силу бесчисленных иммигрантов, колоссальный приток иностранного капитала, эксплуатацию рабочей силы и ресурсов латиноамериканских стран и, наконец, две мировые войны, которые не только не нанесли ущерба капитализму США, но вывели его из кризиса.

К середине XX века американский капитализм, казалось, достиг зенита своей мощи. По сравнению с разьедаемой язвами экономикой капиталистических стран Европы, экономика США имела здоровый вид. Производственная мощь промышленности США увеличивалась и во время войны и после нее. Объем ее продукции превышает объем продукции всех капиталистических стран вместе взятых. Сверкающий хромированными плитами и нержавеющей сталью фасад здания американского капитализма создает впечатление незыблемой прочности. Однако при более внимательном рассмотрении наблюдатель мог бы заметить, что здание содрогается от судорожных толчков. А взглянув вниз, он мог бы убедиться и в том, что фундамент здания не только имеет трещины, но вдобавок покоится на зыбучем песке.

«Как можно говорить об упадке американского капитализма? — спрашивают многие. — В нашей стране занято около шестидесяти двух миллионов рабочих. Мы выпускаем миллионы автомобилей, радиоприемников, телевизоров. По выплавке стали США занимают первое место

в мире. Разве это не свидетельствует о мощи американского капитализма?»

В своем послании Конгрессу от 14 января 1953 года Трумэн подчеркнул, что в 1952 году каждый рабочий изготовлял товаров на 80 процентов больше, чем в 1929 году, и что сейчас Америка имеет больше автомобилей и холодильников, чем когда-либо раньше. «Противники свободного предпринимательства, — заявил он, — говорят, будто бы в общем мы идем к краху. Они ссылаются на историю и на ложный вывод, который сделал Маркс на основании изучения промышленности XIX века»¹.

Трумэн «опровергает» Карла Маркса

Но о состоянии американского капитализма нельзя судить по его внешнему виду, как нельзя судить о жизнеспособности организма по его размерам. Решающую роль играет состояние и деятельность важнейших внутренних органов, а между тем имеется достаточно доказательств того, что сердце американского монополистического капитализма окончательно отказывает. Оно отказывает и в общем и в частности, и именно потому, что открытые Марксом противоречия капиталистической системы стали еще более чудовищными, чем они были в XIX веке.

Правда, официальные индексы показывают, что в настоящее время загрузка промышленных предприятий и занятость рабочих стали выше. Америка 1954 года не находится в тисках кризиса 30-х годов. Без сомнения, американский народ питается лучше, чем большинство народов капиталистического мира. Но мы должны задуматься над тем, каков был бы уровень жизни в Америке, если бы не было второй мировой войны, если бы Европа не была разорена, если бы прекратился приток миллиардов, получаемых от эксплуатации иностранных и колониальных рабочих. Вопрос сводится к следующему: *может ли американский капитализм сохранить высокий уровень производства без гонки вооружений и как долго это может продлиться? Можно ли считать жизнеспособной систему, существование которой зависит от военного производства?*

Капитализм — будь то французский, германский или американский — загнивает, когда его деятельность становится зависимой от экспорта капитала, от производи-

ства вооружения, от грабежа других стран. Упадок начинается и усиливается по мере того, как возникает несоответствие между промышленным производством и мощностью промышленности, с одной стороны, и ограниченным сбытом товаров и недостатком рынков — с другой. В американской экономике это противоречие нарастает еще быстрее, чем в других капиталистических странах.

Еще в 1926 году в докладе Федеральной торговой комиссии о национальном богатстве и национальном доходе говорилось, что 1 процент населения страны владеет, по меньшей мере, 59 процентами национального богатства, а 87 процентов населения — промышленные рабочие, мелкие фермеры и мелкие торговцы — меньше чем 8 процентами. В 1929 году доходы 36 тысяч богатейших семейств Америки превысили доходы 11 650 тысяч американских семей!

Потогонная система и технические усовершенствования повысили производительность труда. С 1923 по 1929 год средняя выработка на один человеко-час возросла на 23 процента². Еще больше возросли прибыли по отношению к заработной плате*. Даже в 1929 году, в разгар «просперити», большинство американцев влачило нищенское или полуннищенское существование. Средний годовой заработок фабричного рабочего составлял тогда около 1300 долларов³.

Указывая на эти противоречия, марксисты предупреждали о надвигающейся катастрофе, но гуверы отмахивались от них заявлениями, вроде следующих: «Никогда еще наша экономика не была такой здоровой и процветающей». Когда разразился кризис, число безработных подскочило до 15 миллионов. Тяжелая промышленность была загружена на 20 процентов. При массовой нужде и нищете рынок был забит всякого рода товарами. В течение всего периода 30-х годов миллионы трудящихся оставались безработными. Несмотря на применение всевозможных стимулирующих средств, продукция страны так и не достигла уровня 1929 года — 85,9 миллиарда долларов. Этот уровень был превзойден только *после* начала второй мировой войны.

* Как указывает советский экономист Е. Варга, если принять среднюю заработную плату рабочего за 100, то прибавочная стоимость, полученная американскими капиталистами в виде прибылей, составляла в 1899 году 128, а в 1929 году — 152. — *Прим. автора.*

Это означает, что лишь тотальная война, при которой 10 миллионов рабочих находится в казармах и на поле боя, может извлечь капиталистическую экономику из состояния кризиса и застоя. Это яснее чего-либо другого свидетельствует о том, что американский монополистический капитализм потерял способность расти или существовать при прежних условиях.

Война 1941—1945 годов временно заслонила признаки кризиса. Но едва лишь она кончилась, как масштабы противоречий капиталистической системы, ее неспособность действовать при нормальных мирных условиях стали еще более очевидными. Парадокс заключается в том, что, выйдя из войны с возросшей производственной мощностью, американский монополистический капитализм стал еще менее жизнеспособным, чем раньше. По сравнению с ростом промышленных предприятий, увеличением количества оборудования и общей производственной мощности заработная плата рабочих и емкость внутреннего рынка увеличились лишь незначительно; в результате почти сразу же по окончании войны снова нависла угроза «перепроизводства».

Монополисты боялись, что окончание войны не только прекратит поток сверхприбылей, но и повлечет за собой еще большую катастрофу, чем кризис 1930 года. Мир стал для них синонимом падения цен, затоваривания, дефляции, биржевых крахов и депрессии. 31 декабря 1948 года журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» писал: «Если мир действительно наступит, он нарушит равновесие. В настоящее время расходы на вооружение и помощь другим странам стимулируют бизнес». «Джорнэл оф коммерс» писала 23 марта 1948 года, что «только улучшение международного положения может омрачить перспективы бизнеса». «Нью-Йорк таймс» добавляла к этому, что «внезапный мир может привести к краху коммерческую деятельность».

Разжиревшие на производстве вооружений монополисты, стоявшие перед перспективой остановки предприятий в случае сокращения военного производства, стали искать возможностей непосредственного перехода от второй мировой войны к подготовке третьей. В 1947 году была провозглашена «доктрина Трумэна», гласящая, что США берут на себя обязательство вмешиваться в дела любой страны для поддержания угодных им режимов. США вмешались в гражданскую войну в Греции и

Китае. Под прикрытием «холодной войны» продолжалось производство оружия.

Однако общий объем производства оставался ниже уровня 1943 года. Осенью 1948 года начался циклический кризис, под знаком которого прошли весь 1949 и часть 1950 года. Послевоенный бум, основанный на относительно ограниченном производстве вооружения, плане Маршалла и повышенном спросе, возникшем за время войны, начал спадать. С ноября 1948 по июнь 1949 года промышленное производство снизилось на 14 процентов. По официальным данным, в феврале 1950 года насчитывалось 4680 тысяч безработных, не считая миллионов незарегистрированных безработных и лиц, занятых неполную рабочую неделю. И это несмотря на то, что федеральное правительство дополнительно затратило в 1949 году 4 миллиарда долларов на товары и услуги главным образом военного значения⁴. Однако американские капиталисты продолжали хвастливо твердить, что «наша экономика в основном здорова», впрочем, все настойчивее добавляя, что ее надо поддерживать путем увеличения расходов на вооружение.

«Американский образ жизни»

В своих рекламных передачах об «американском образе жизни» «Голос Америки» изображает дело так, будто бы жизненный уровень 15 или 20 процентов американцев, характерный для верхних слоев общества, типичен для страны в целом. Высокий уровень жизни нескольких миллионов семейств зажиточных буржуа — преимущественно американцев — используется капитализмом в качестве витрины, средства самозащиты и оправдания.

Ну, а каково положение широких масс американского народа? Большая часть иностранцев и американцы, вращающиеся в зажиточных кругах, не знают, что в 1951 году, являющемся годом «корейского военного процветания», 53 процента американских семей зарабатывали меньше 3 тысяч долларов*, что составляет около 1700 долларов по курсу 1938 года. Если исходить из подсчетов комиссии Геллера, то эта сумма на 1275 долларов ниже той, кото-

* См. книгу «Факты о положении трудящихся в США», Издана в переводе на русский язык. Издательством иностранной литературы 1952 г.

рая необходима семье из четырех человек на удовлетворительное питание, одежду, жилище и медицинскую помощь. В том же 1951 году был опубликован отчет Бюро переписи, из которого видно, что 11 миллионов американских детей живет в семьях с годовым доходом ниже 2 тысяч долларов. «В целом, — говорится в этом отчете, — сельское население США в еще большей мере страдает от нищеты, чем городское население»⁵.

В 1952 году в связи с ростом инфляции и повышением налогов жизненный уровень американского народа еще больше снизился. Исследовательский отдел Объединенного профсоюза электриков опубликовал работу, из которой видно, что в 1950 году так называемый чистый недельный доход рабочих обрабатывающей промышленности США, то есть сумма, которая может быть ими израсходована, составлял в ценах 1939 года 24 доллара 40 центов, а в 1952 году — 23 доллара 80 центов⁶. По подсчетам того же профсоюза, индекс стоимости жизни повысился по сравнению с 1939 годом в 2,9 раза. В августе 1952 года «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» поместила статью под сенсационным заглавием «Живется ли вам лучше, чем до Кореи?», в которой говорилось, что, хотя средний заработок промышленного рабочего в 1952 году на 500 долларов превысил уровень 1949 года, рабочему фактически живется хуже прежнего из-за роста цен на продовольствие, налогов и других расходов. Даже Торговая палата США заявила: «Многие удивились бы, узнав, что реальный личный доход после уплаты налогов и с учетом обесценения доллара не только не возрос со времени окончания войны, но фактически несколько снизился»⁷.

В обзоре Федерального резервного управления за ноябрь 1953 года помещены данные, показывающие, что 65 процентов всех ценных бумаг в США находилось в руках одной десятой части семей. На долю 20 процентов семей приходилось 82 процента всех вкладов, а на долю половины американских семей приходился только один процент вкладов!*

* Представители крупного капитала часто утверждают, что американский народ владеет большей частью общественного богатства. Л. Н. Киммел в своей работе, опубликованной Брукингским институтом, доказывает, что количество держателей акций снизилось с 9 миллионов в 1937 году до 5 миллионов в 1952 году и что 93 процента американских семей вовсе не имеют акций. В работе, изданной

В правительственном обзоре за 1949 год, озаглавленном «Как сводят концы с концами при доходе ниже двух тысяч долларов в год»⁸, содержатся кое-какие сведения о том, в каких условиях находятся те 11 миллионов семей, которые существовали в 1949 году на 38 долларов в неделю. «Наиболее уязвимым местом является состояние здоровья. Пытаясь свести концы с концами, чаще всего сокращают расходы на питание, отказываясь от молока и мяса». В обзоре указано также, что «недостаточное питание является только одним из факторов... плохие жилищные условия, отсутствие теплой одежды подрывают здоровье и работоспособность взрослых и губят детей».

Газета «Шарлотта ньюс» (штат Северная Каролина) писала в июне 1950 года, что в этом городе школьники во время занятий теряют сознание от голода. «Не менее 300 подростков, — писала газета, — уходят ежедневно в школу натощак, не беря с собой завтрака и не имея денег, чтобы купить себе поесть. Многие родители не пускают детей в школу, потому что у них нет денег на обувь для детей».

В январе 1951 года журнал «Марч оф лейбор» поместил следующее письмо рабочего Джеймса Дэвида: «Я работаю на предприятии фирмы «Армур энд Компани» в Уэстфарго (штат Северная Дакота). В 1950 году я работал восемь месяцев и заработал всего 1352 доллара... Двое из моих детей никогда не пробовали масла, а трое так редко ели жареное мясо, что не понимают значения слова «бифштекс». Так как кварта цельного молока стоит 18 центов и цена растет, я не имею возможности давать каждому из моих четверых мальчиков по бутылке молока в день»*.

Ассоциацией по исследованию проблем труда, говорится, что в 1952 году около 75 тысяч лиц владели половиной акционерного капитала корпораций страны. (См. книгу «Факты о положении трудящихся в США», Издательство иностранной литературы, М., 1949, стр. 27.) Из раздела «Статистика доходов» отчета министерства финансов США за 1948 год видно, что 0,7 процента всех лиц, подававших налоговые декларации, получили 51 процент всех дивидендов. — *Прим. автора.*

* Апологеты существующих в США порядков часто ссылаются на количество автомобилей и радиоприемников, находящихся в употреблении в США. Поэтому отметим, что фактически все семьи, здоровье и работоспособность членов которых подорваны голодной диетой и плохими жилищными условиями, имеют какой-либо радиоприемник, а многие имеют также и автомашины. — *Прим. автора.*

В опубликованном в августе 1951 года обзоре сенатской комиссии по сельскому и лесному хозяйству говорится, что в 1949 году из 4269 тысяч американских ферм 2585 тысяч приносили от 450 долларов до тысячи долларов чистого годового дохода. 12 процентов ферм США дали 57 процентов валовой продукции сельского хозяйства, а 9 процентов ферм получили от реализации своего урожая больше, чем все остальные, вместе взятые. Сельское хозяйство США во все большей мере подпадает под контроль мощных пищевых монополий Моргана и Рокфеллера, контролирующих сбыт, цены, консервирование и обработку большей части продуктов. Многие мелкие фермеры, не выдержавшие борьбы за существование, стали безземельными кочующими батраками-мигрантами. Большинство их заняты лишь сто дней в году и на это существуют. В обзоре говорится также, что в 1949 году средний заработок кочующих батраков составил 352 доллара от работы в сельском хозяйстве и 162 доллара от случайной работы.

В докладе института Таскеджи за 1950 год мы читаем, что заработная плата батраков-негров в южных штатах в большинстве случаев составляет «50 центов с питанием или 75 центов без питания и выплачивается обычно в конце недели; месячная заработная плата обычно равна 8—12 долларам, причем женщины и подростки получают меньше»⁹. Фермеры-издольщики отдают землевладельцу половину урожая хлопка и зерновых. Подсчитано, что при помощи полицейского террора, лишения избирательных прав и применения рабского труда белые землевладельцы на Юге отбирают у фермеров и рабочих-негров 80 процентов их урожая и заработка. Таким образом, условия существования миллионов негров, мексиканцев и пуэрториканцев в США напоминают те, в которых живут народы колоний.

Процветание за счет вооружений

В то время как реальный доход большей части трудящихся США либо оставался без изменений, либо снижался, прибыли корпораций стремительно росли*. С 1936 по

* С 1939 по 1952 год выработка на одного рабочего выросла на 35 процентов, а средний реальный годовой заработок увеличился всего лишь на 6 процентов. (Бюллетень «Экономик ноутс», издаваемый Ассоциацией по исследованию проблем труда, 1953 г.). — *Прим. автора.*

1939 год средняя годовая прибыль американских монополий (до уплаты налогов) составила 5,4 миллиарда долларов. В военные 1942—1945 годы эта сумма возросла до 22,6 миллиардов, а в 1951 году достигла 42,9 миллиарда. За пять лет войны общая сумма прибылей равнялась 107,4 миллиарда, а за пять послевоенных лет (1946—1950) составила уже 154,5 миллиарда. Однако эти официальные цифры неполны. Крупные суммы остались незарегистрированными в целях уклонения от уплаты налогов, а также для того, чтобы скрыть от рабочих размеры грабежа, которому они подвергаются.

В 1947 году угольные и нефтяные короли получали от каждого занятого на их предприятиях рабочего 9222 доллара прибыли против 2162 долларов в 1939 году; стальные и автомобильные магнаты извлекали из каждого рабочего около 1645 долларов прибыли против 329 в 1939 году, а текстильные монополии — 1547 долларов против 159 в 1939 году. В целом в обрабатывающей промышленности прибыль на каждого рабочего возросла с 470 долларов в 1939 году до 1480 в 1948 году¹⁰.

Когда десятки миллионов рабочих производят значительно больше, чем получают в виде заработной платы и социальных услуг, легко понять, почему так называемое «перепроизводство» принимает все более грандиозные масштабы. Мало того, выжимая все больше прибыли из каждого рабочего, монополии в области производства предметов потребления и пищевой промышленности продолжают одновременно повышать розничные цены, что еще больше ограничивает возможности трудящихся потреблять продукты своего труда.

Крупным дельцам нужно найти приложение своим огромным накоплениям капитала. Но капиталовложения в отрасли промышленности, продукция которых предназначена для гражданского потребления, жестко ограничены емкостью капиталистического рынка. 27,5 миллиона семей, заработавших в 1951 году от одной до четырех тысяч долларов, составляют большинство трудящегося населения США. Общая сумма их заработной платы не превышает 80 миллиардов долларов. Между тем их труд дает товаров на сумму не менее 200 миллиардов долларов. По данным министерства торговли США¹¹, в 1948 году 20 процентов семей, составляющих «верхушку», получили 47 процентов национального дохода, тогда как 20 процентов семей, находящихся внизу социальной

лестницы, получили лишь 4 процента. Вследствие этого неравенства верхушка не в состоянии потратить весь свой доход, тогда как большая часть остального населения зарабатывает недостаточно для удовлетворения своих потребностей. Результат — «перепроизводство».

Капиталисты придумали способ разрешения этого противоречия. Надо взять часть богатства, которое рабочие производят, но не могут купить, и превратить его в пушки, снаряды и другие виды военной продукции. Затем эта продукция приобретается правительством для «защиты» нации в целом. Но, как мы скоро увидим, это приводит к еще более роковым последствиям, чем удары перепроизводства.

Система эта — не новость. Она была главной опорой рурских концернов в течение гитлеровского периода. Американские концерны полностью заимствовали ее, заключив Северо-атлантический пакт и предприняв войну против Северной Кореи. С тех пор все цифры прибылей, капиталовложений и продукции крупного капитала США оказались связанными с государственным военным бюджетом.

Посредством производства вооружений монополии ускоряют кругооборот капитала, быстрее превращая товары в деньги, а деньги снова в товары. Это ускоряет поток их капиталовложений и еще больше повышает норму прибыли. И, что важнее всего, это дает им возможность *реализовать* свои прибыли, избавляясь от сковывающих цепей рынка товаров гражданского потребления*. Цены на танки, бомбы и пулеметы не имеют «потолка».

* Даже тогда, когда 75—90 процентов производственной мощности предприятий той или иной компании используются для производства товаров гражданского потребления и только 10—25 процентов — для выполнения военных заказов, именно последние играют решающую роль для предпринимателей. Эти 75—90 процентов продукции обычно идут на покрытие расходов на амортизацию, оплату помещения и процентов, на заработную плату, жалованье служащим и т. д. Представители корпораций обычно говорят, что эта часть их продукции «покрывает расходы». Именно из остальных 10 или 25 процентов извлекают они колоссальные сверхприбыли. У большинства корпораций чистая прибыль возросла на 100—400 и даже более процентов, тогда как сбыт продукции увеличился всего на 15—30 процентов. Так, например, в 1951 году прирост прибылей компании «Дженерал электрик» по сравнению с уровнем предыдущего года превысил прирост сбыта на 500 процентов. Сбыт продукции компании «Акме стил-корпорейшн» возрос на 17 процентов, а прибыли — на 90 процентов. — *Прим. автора.*

Проблемы цен и конкуренции более или менее изжиты. Все сделки по покупке и продаже в высшей степени упрощаются. Обычно их заключают два лица, являющиеся членами компании, производящей вооружение. Один выступает в качестве продавца, а другой — в качестве назначенного «правительственного» покупателя. Как сказал военный министр, он же представитель компании «Дженерал моторс», Чарльз Уилсон: «Что хорошо для «Дженерал моторс», то хорошо и для всей страны». Немного шума по поводу «советской агрессии» плюс мантия из норки или денежное подношение для кое-кого из чиновников Белого дома или Пентагона — и любые заказы обеспечены.

В 1952 году вооружения поглощали уже 70 процентов государственного бюджета, помимо значительной части наших национальных ресурсов. В 1937—1939 годах расходы на вооружение составляли в США примерно 8 долларов на душу населения. В 1952 году они подскочили до 400 долларов на каждого мужчину, женщину и ребенка. Из каждого доллара, заработанного средним американцем в 1952 году, тридцать центов шло на уплату налогов*¹².

Тресты любят распространяться о размерах взимаемых с них налогов, чтобы создать у публики впечатление, будто они приносят «жертвы». Так, например, фирма «Ремингтон армс Компани» может похвастаться тем, что в 1951 году она уплатила 10 миллионов долларов налогов против 2 миллионов в предыдущем году. Но при этом чистые прибыли этой фирмы (после уплаты налогов) составили 8 миллионов долларов вместо 2 миллионов в 1950 году. Точно так же «Кенникотт коппер корпорейшн» за первую половину 1950 года уплатила 17 миллионов долларов налогов, получив за это время 37 миллионов прибылей. За этот же период 1951 года сумма налога, внесенного этой фирмой, возросла до 48 миллионов, но зато чистая прибыль превысила 50 миллионов. Эти цифры характерны почти для любой фирмы, получающей

* Тэкс фаундейшн— частный институт, занимающийся вопросами налогообложения, — установил, что семья из трех человек с доходом в 3500 долларов в год выплачивает в виде косвенных налогов 800 долларов и в виде прямого федерального подоходного налога — 299 долларов, что составляет в общей сложности около трети ее дохода. — *Прим. автора.*

военные заказы. Один лишь этот факт с очевидностью доказывает, что не торговцы оружием оплачивают расходы на вооружения. На деле все налоги, взимаемые с корпораций, представляют собой чистую фикцию. Они выплачиваются не за счет прибылей, а за счет повышения цен сверх всех сверхприбылей. Корпорации рассматривают налоги как любой другой коммерческий расход и включают их в издержки производства, перелагая их, таким образом, на потребителя. Это относится ко всем налогам выплачиваемым монополиями, но особенно к налогам на военную продукцию.

В прежние времена, правящие классы некоторых стран, находясь на грани банкротства, «вздували» свою валюту, открыто уменьшая размер золотых монет или сокращая их золотое содержание. В наши дни ограбление усилилось, но оно лучше замаскировано. При помощи повышения цен и валютной инфляции капиталисты непрерывно производят скрытое снижение заработной платы. Едва лишь рабочие добиваются повышения заработной платы, как цены взлетают ввысь*.

Благодаря инфляционному буму, основанному на гонке вооружений, тресты получают возможность высасывать еще большую долю богатства страны. Поскольку их представители контролируют правительство, определяют финансовую и налоговую политику, они обеспечивают себе обильное финансирование в виде займов, кредитов и т. д. Полное слияние промышленного и финансового капитала предоставляет монополиям дополнительный контроль над кредитами и дает им возможность подавлять слабых конкурентов. Поскольку в связи с бешеным ростом цен на средства транспорта и промышленное оборудование более мелкие предприятия вынуждены просить займов и кредитов, эта власть становится почти неогра-

* Экономический обозреватель «Нью-Йорк таймс» Эдуард Коллинс пишет: «Если не учитывать падения стоимости доллара, то наша страна теперь почти вдвое богаче, чем, скажем, двадцать лет тому назад. Однако если в обоих случаях за основу взять доллар 1929 года и учесть еще прирост населения, то окажется, что за период с 1938 по 1948 год имело место снижение богатства, приходящегося на душу населения, с 3400 долларов до примерно 3200 долларов». Инфляция и расходы по государственному бюджету, продолжает Коллинс, «приводят к тому, что цифра валового национального продукта не является больше показателем платежеспособности нации и ее экономического благосостояния. По существу это оптическая иллюзия» («Нью-Йорк таймс», 16 июня 1952 г.). — *Прим. автора.*

ниченной. «В настоящее время самым дефицитным в предпринимательской деятельности являются наличные деньги, — заявляют в финансовых кругах Уолл-стрита. — Из-за растущей инфляции многие мелкие фирмы по всей стране, выбиваясь из сил в отчаянной схватке за материалы, буквально доживают последние дни»¹³.

Инфляционный бум приводит немало мелких предприятий либо к банкротству и распродаже, либо к слиянию с крупными трестами. Таким образом, производство вооружений ускоряет концентрацию и централизацию капитала. Между 1950 и 1952 годами 10 крупных промышленных компаний получили 40 процентов, 20 компаний — 50 процентов и 52 компании — 66 процентов всего объема военных контрактов. Это отражает значительно большую концентрацию, чем во время второй мировой войны, когда 10 промышленных компаний контролировали 30 процентов, а 100 компаний — 66 процентов военных контрактов¹⁴.

Кроме того, мощные концерны получают от правительства миллиарды долларов в виде прямых субсидий и на основе специальных законов об освобождении прибылей от налогов для покрытия амортизационных отчислений, предусматривающих строительство новых предприятий за счет налогоплательщиков, в то время как многие существующие мелкие предприятия бездействуют из-за отсутствия заказов. Вдобавок монополии, держа в своих руках контроль над основными видами сырья и ценами и обладая колоссальными финансовыми ресурсами, могут покупать дешевле и продавать дороже. Таким образом, инфляционная спираль дает им возможность обзаводиться новыми предприятиями, оборудованием и другим имуществом, приобретать акции, облигации и товары. Поглотив материальное богатство страны, кредиты и сбережения, монополисты ничего не имеют против того, чтобы инфляция сменилась дефляцией*.

* В 1939 году компания «Юнайтед Стейтс стил» имела облигаций государственных займов менее чем на 20 миллионов долларов. В 1951 году она имела их на сумму 361 миллион, а «Дженерал моторс» и «Бетлехем стил» владели в это время государственными облигациями на сумму 1,2 миллиарда долларов. Государственный долг, возросший за время войны с 30 миллиардов долларов до 270 миллиардов почти полностью находится теперь в руках богатей. Это не только приносит им около 7 миллиардов долларов в год в виде процентов, но как бы отдает им в заклад национальное богатство

Призрак нового кризиса

Временами в высказываниях представителей американских финансовых кругов и их ученых экономистов проглядывает понимание того, что бешеная гонка вооружений в конечном счете ввергнет всю страну в экономическую катастрофу. Преследуемый страхом перепроизводства и чрезмерного роста производственной мощи, журнал монополий «Форчун» писал: «Если Соединенные Штаты не обеспокоены еще мощью своей экономики, то скоро это случится». Экономисты считают, что не будь военных расходов, «которые в настоящее время составляют примерно 51 миллиард в год и продолжают расти... в самое ближайшее время число безработных возросло бы на 8—10 миллионов человек сверх обычного»¹⁵. Чтобы рассеять страх перед неожиданным наступлением кризиса, «Форчун», как и другие органы печати монополий, утешается тем, что при условии расходования на вооружения 5 миллиардов долларов в месяц, дела могут идти успешно в течение еще нескольких лет. После этого, признают они, катастрофа неизбежна.

В обзоре, составленном экономистами министерства торговли США и опубликованном в феврале 1953 года, говорится, что высокий уровень производства в течение шести послевоенных лет обусловлен преходящими факторами¹⁶. «Мы сидим на экономической бомбе замедленного действия», — заявил Эрик Джонстон. «Если инфляция выйдет из-под нашего контроля, коммунизм победит, не сделав ни одного выстрела», — предупреждают гувернеры. Даже экономические прогнозы такого человека, как Трумэн, всегда противоречивы. Наряду с утверждениями о том, что «наша экономика никогда не достигала такого процветания», они содержат и предупреждение, что если не будет устранена угроза роста инфляции, то это приведет к катастрофе. Получается, что хотя больной и поправляется, он все же может умереть каждую минуту!

Причина, в результате которой над капиталистическим военным процветанием нависла эта зловещая тень, достаточно ясна, хотя профессора и окутывают ее туманом ученого многословия. Военные расходы финансируются либо за счет налогов, либо за счет займов и кредитов.

страны и ставит под их полный контроль кредитную и финансовую политику правительства, которой они манипулируют по своему усмотрению. — *Прим. автора.*

И то и другое уменьшает емкость внутреннего рынка, а это ведет к сокращению производства в отраслях, производящих товары широкого потребления. Чтобы отсрочить кризис в области производства товаров для гражданского населения, тресты стараются перевести как можно больше предприятий на «оборонное производство». Расходы на вооружение еще больше увеличиваются. Это ведет к еще большему повышению налогов, к еще большей инфляции, к дальнейшему сокращению потребления и новому кризису перепроизводства в области гражданского производства и тем самым к новому росту вооружений с целью компенсировать этот застой, и так без конца.

Капиталистическая военная экономика никогда не выйдет из этого порочного круга, неизбежно ведущего к экономическому краху и национальному банкротству.

Задыхающаяся от кризиса «перепроизводства», американская промышленность предметов потребления получила одно время некоторое «облегчение» от притока военных заказов*. (Свыше 50 процентов военного бюджета идет на заработную плату, продовольствие и предметы потребления.) Однако деньги на оплату всего этого берутся из кармана трудящихся. Предприниматель, приведенный вчера в восторг государственным заказом на изготовление миллиона пар армейских ботинок или рубашек, вновь впадает в уныние, видя снижение сбыта товаров гражданского потребления.

Так, в 1951 году, когда военные корпорации удвоили и утроили свои прибыли, во многих отраслях, изготавливающих предметы широкого потребления, сбыт и прибыли снизились или остались на прежнем уровне. Совершенно ясно, что вооружения не могут разрешить проблему перепроизводства в легкой промышленности.

Отрасли, производящие предметы долговременного пользования и средства производства, разумеется, полу-

* По официальным данным 1953 года, в военном производстве занято прямо или косвенно 7 миллионов рабочих. Кроме того, 3,6 миллиона человек находятся в составе вооруженных сил. Это, в свою очередь, влияет на занятость еще 10 миллионов рабочих. В 1952 году 50 процентов продукции станкостроительной промышленности, около 60 процентов продукции электротехнической промышленности, 20 процентов продукции сельскохозяйственного машиностроения и 86 процентов авиастроения производились по правительственным заказам. (См. статью Арнольда Рогова «Оборона или депрессия» в журнале «Нейшн» от 30 мая 1953 года).— *Прим. автора.*

чили «облегчение» совсем другого рода. При наличии многомиллионных заказов на танки, артиллерийские орудия и военные автомашины, паровозостроительные, станкостроительные и автомобильные тrestы оказываются временно независимыми от гражданского рынка.

Независимыми от гражданского рынка, но не от гражданского населения. Как это ни неприятно магнатам военной промышленности, 60 миллионов американских рабочих должны удовлетворять свои потребности, чтобы иметь возможность трудиться. Следовательно, есть предел для перевода предприятий, выпускающих предметы потребления, на производство орудий истребления. Те же предприятия, которые не могут быть переключены, вынуждены свертывать производство из-за снижения спроса.

Несколько миллионов рабочих находится в армии, но не все они пригодны в качестве пушечного мяса. Во всяком случае, ни солдаты, ни безработные не могут дать те миллионы долларов, которые необходимы для финансирования растущих военных заказов. Отсюда следует, что кризис в промышленности, производящей предметы потребления, в конечном счете отражается также на финансировании военного производства и на экономике страны в целом.

К январю 1951 года война в Корее повысила индекс промышленного производства в США до 223 пунктов. В послании Конгрессу от 12 января 1951 года, посвященном экономическим вопросам, Трумэн заявил, что эта «показывает, насколько здоров наш экономический организм»¹⁷. Но это не было здоровье. В военной промышленности и производстве средств производства уровень промышленного производства оставался высоким, но в производстве предметов потребления имели место резкие колебания. Нью-йоркская швейная промышленность и производство металлоизделий для гражданских нужд были поражены безработицей. Фондовая биржа переживала периодические падения курсов акций, в особенности под влиянием слухов о мире. В печати появилось множество сообщений такого примерно рода: «Интернэшнл шу компани», подобно другим фирмам, производящим товары кратковременного пользования, намеревается «временно приостановить работу». «Некоторые предприниматели заявляют, что не помнят времен, когда у них было так мало заказов», — сообщала 4 апреля 1951 года «Нью-

Йорк таймс». Через короткое время та же газета писала, что «производство товаров гражданского потребления на нью-йоркских металлообрабатывающих заводах снизилось в среднем на 50 процентов» и что, «если не будут получены новые военные заказы, фабриканты будут вынуждены полностью закрыть свои предприятия»¹⁸.

Несмотря на рост военных расходов, промышленное производство в целом не выросло в 1952 году по сравнению с 1951 годом. Промышленные и торговые каналы оказались забитыми не находящими сбыта товарами. К концу 1952 года на складах лежало товаров на 75 миллиардов долларов — почти вдвое больше, чем тремя годами раньше, и на 250 процентов больше, чем в 1943 году¹⁵. Вдобавок государство ассигновало 3 миллиарда долларов на скупку избыточных сельскохозяйственных продуктов, свыше 4 миллиардов на приобретение избыточных промышленных изделий в виде «военных запасов» и такую же сумму на запасы военного снаряжения, в результате чего пришлось значительно увеличить ассигнования на строительство складов.

В отчаянной попытке добиться сбыта товаров банки и промышленные компании пошли по пути колоссального увеличения кредита. За один только 1952 год потребительский кредит возрос более чем на 3 миллиарда долларов, достигнув суммы в 24 миллиарда долларов, что вчетверо превышает уровень на конец 1945 года. Однако разрыв между производственной мощностью и покупательной способностью населения все увеличивается. Финансовые органы печати заявляли, что «рост вооружений продолжается темпами, далеко оставляющими позади темпы периода последней войны, но во многих отраслях *имеется избыток продукции, превышающий общую потребность гражданских и военных предприятий*»²⁰. (Курсив мой.—Г. М.) «Избыток продукции обусловлен тем, что за один только 1951 год производительность труда возросла на 6 процентов, а реальная заработная плата снизилась на 4 процента.

В редакционной статье газеты «Джорнэл оф коммерс» от 14 июля 1952 года содержится заявление, вскрывающее всю глубину упадка современного американского капитализма. В ней говорится:

«В настоящее время ничего, кроме нынешней колоссальной программы обороны, не может заполнить пустоты, возникшие в гражданском секторе народного хо-

зайства... *Чтобы только сохранить существующий уровень деловой активности, требуются военные расходы в размере 50 миллиардов долларов в год...* Многих деловых людей и экономистов беспокоит вопрос о том, увеличатся или уменьшатся эти «пустоты» в гражданском секторе экономики... Многие из наших друзей-экономистов твердо уверены в том, что программа обороны уже дошла до стадии, когда она становится самоубийственной. Если эти «пустоты» будут возрастать, то выполнение программы обороны не сможет больше воспрепятствовать циклическому спаду производства... *Имеющиеся данные показывают, что за последние пятнадцать месяцев требовалось все больше и больше расходов на нужды обороны, чтобы сохранять равновесие в области производства. Попросту говоря, нам приходится бежать все скорее, чтобы оставаться на том же месте.* (Курсив мой. — Г. М.)

Понятно поэтому, почему теперь, как никогда раньше, достаточно намек на то, что «военный бюджет будущего года возможно окажется меньшим, чем предполагалось», чтобы привести монополистов в отчаяние. Мало того, прежде чем обратиться к накопленным ими гигантские капиталы в военную продукцию, монополисты требуют не только гарантии продолжения «холодной войны», но и заверений в возможности «горячей» войны в ближайшее время. Только при этом условии их капиталовложения, в конечном счете, окупят себя. «Без настоящей войны, — писал Дж. Томкинс в «Нью-Йорк геральд трибюн», — крупным промышленным концернам придется пересмотреть свою программу расширения производства»²¹.

Эйзенхауэр в роли врача

Тем временем множатся признаки надвигающегося краха. К 1953 году они стали так очевидны, что произошла необычная вещь: монополисты разглядели знамение. Все официальные органы печати и вся печать монополий предсказывали серьезный кризис. Министерство торговли США считало вероятным, что кризис начнется в 1954 году и достигнет серьезных размеров в 1955 году. Бюллетень банка «Гаранти траст» предсказывал, что кризис наступит между 1954 и 1956 годами. Знамение безошибочное. Преходящие факторы, вызвавшие бум, исчерпывают себя. Оснащение новых военных заводов в основном закончено. Начинает сказываться действие постоянных факторов.

Выпуск продукции все больше превышает ее сбыт. «Промышленники создали новые производственные мощности на сумму в 22 миллиарда долларов», — писал журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», — но беда в том, что спрос теперь не выше, чем два года назад... Растущие избытки ложатся тяжелым грузом, и цены падают»²².

В 1945 году только 21 процент автомобилей был продан в рассрочку, а в 1952 году продажа в рассрочку составила уже 75 процентов²³. Свыше 60 процентов всех товаров широкого потребления были проданы в кредит 21 апреля 1953 года министерство торговли сообщило, что общая сумма задолженности населения за товары, приобретенные в рассрочку, и по другим видам краткосрочного кредита достигает 82 миллиардов долларов (против 24 миллиардов в 1945 году). Общая сумма задолженности частных лиц, составлявшая в 1945 году 141 миллиард долларов, возросла в 1952 году до 307 миллиардов²⁴. Некоторые экономисты предупреждают, что подобная пирамида, вершина которой шире основания, может скоро опрокинуться.

При этом, как сообщило министерство земледелия в декабре 1952 года, «доход фермеров, если исходить из покупательной способности, уже опустился до самого низкого уровня за последние десять лет»²⁵. Экспорт и цены на многие продукты падают; накапливаются не находящие сбыта излишки кукурузы, пшеницы, хлопка, животного масла, табака и других сельскохозяйственных продуктов (около 500 миллионов фунтов сыра и молочного порошка уже гниют на государственных складах).

К сентябрю 1953 года корейский военный бум начал ослабевать. Переработка стали, жилищное строительство и средняя продолжительность рабочей недели стали сокращаться. Запасы на складах предпринимателей увеличились еще на 3 миллиарда долларов, а объем внешней торговли уменьшился. Количество автомобилей на складах на 70 процентов превысило нормальный уровень. Доходы фермеров снизились на 13 процентов по сравнению с 1952 годом*, но официальный индекс стоимости

* В 1951 году общий доход фермеров составил 15,5 миллиарда долларов, в 1952 году он снизился до 14,5 миллиарда, а в 1953 году — до 12,5 миллиарда. (Отчет министерства торговли от 20 октября 1953 года.). — *Прим. автора.*

жизни достиг максимального уровня — 191,4 (1935—1939 гг. = 100). Призрак перенасыщенного рынка вызвал многочисленные прогнозы «спада». 27 августа 1953 года «Джорнэл оф коммерс» писал: «Почти повсюду, куда ни взглянешь, говорят об избытках. Слишком много свинца, слишком много цинка, слишком много меди».

В конце 1953 года выпуск продукции и занятость снова покатались вниз. Индекс промышленного производства, по данным Федерального резервного управления, снизился за ноябрь до 228 против 243 в марте того же года. Индекс выплавки стали, достигший в 1952 году 103 пунктов, упал к 29 декабря 1953 года до 67. Во всех отраслях промышленности были уволены десятки тысяч рабочих. По официальным, обычно преуменьшенным, данным Бюро труда в декабре 1953 года в США насчитывалось 1850 тысяч безработных, что представляет рост на 30 процентов по сравнению с августом 1953 года. 2 января 1954 года «Бизнес уик» сообщил, что к февралю 1954 года число безработных в США достигнет 2,5 миллиона человек.

Обычное увеличение расходов на вооружение не может уже предотвратить катастрофы. Только такое сильно действующее средство, как небывалое расширение военного производства и кровопролитие — более крупное, чем то, которое имело место в Корее, — могут возродить выдохшийся бум и поддержать прибыли корпораций на уровне 43 миллиардов долларов в год. А тем временем ход международных событий заставил Пентагон пересмотреть установленные им сроки войн. Пришлось отказаться от намеченных ранее дат развязывания третьей мировой войны. Эйзенхауэр и деловые круги поняли, что дальнейшее и преждевременное расширение военного производства вызовет катастрофическую инфляцию и кризис, последствия которых могут сорвать их международные военные обязательства. Пришлось внести изменения в программу военных приготовлений, не связывая ее с демагогией Трумэна о «нашей здоровой развивающейся экономике».

Чтобы не оказаться слишком рано «в полной готовности», с горами оружия, которое некуда девать, Эйзенхауэр и окружение разработали так называемую долгосрочную программу вооружений. Цель этого плана — вызвать контролируемую дефляцию посредством регули-

рования затрат на вооружение. Это означает снижение заработной платы и жизненного уровня для народа в целом, но это же означает рост прибылей для крупного капитала, несмотря на «регулирование» затрат на вооружение. Для достижения этой цели правительство Эйзенхауэра намеревается провести следующие мероприятия:

1. Лишить мелкие предприятия военных заказов и сконцентрировать производство оружия на предприятиях Дюпона, «Дженерал моторс», «Дженерал электрик» и других, входящих в группу Моргана — Меллона — Рокфеллера.

2. Снизить «налоговое бремя» монополий и тех, кто имеет доход свыше 20 тысяч долларов в год.

3. Перекачать из карманов рабочих, крестьян и мелких предпринимателей в сейфы монополистов миллиарды долларов посредством повышения процентной ставки.

В 1953 году частный и государственный долг США составил около 600 миллиардов долларов. Большая часть этого долга в виде облигаций займов, ипотек и т. д. находится в руках крупных капиталистов. Повышение процентной ставки на два процента означает перемещение многих миллиардов в распределении национального дохода. Правительство подняло процентную ставку до высшего уровня, достигнутого с 1933 года. (Проценты, выплачиваемые по долгосрочным и краткосрочным государственным займам, были повышены на 25—50 процентов.)* Артур Крок подсчитал в «Нью-Йорк таймс», что повышение процентной ставки по одним только государственным займам обойдется налогоплательщикам в ближайшие двадцать пять лет в 100 миллиардов долларов²⁶. Правительство рассчитывает также, что дефляционный цикл обогатит финансовых магнатов и другим путем: человек, получивший займы пятидесятицентовой инфляционной доллар, будет вынужден при дефляции выплатить долг в полноценных стоцентových долларах.

4. Передать монополиям принадлежащие государству заводы синтетического горючего, атомные заводы, коммунальные предприятия, плотины, каналы, банковские и

* В 1946 году общая сумма государственного долга составляла 279,8 миллиарда долларов, а сумма выплаченных процентов равнялась 4,7 миллиарда. В 1953 году государство выплатило по процентам 6,4 миллиарда долларов при государственном долге в 272,5 миллиарда. — *Прим. автора.*

страховые учреждения и строящиеся жилые дома на сумму примерно 120 миллиардов долларов, а также около 40 миллиардов в виде отмельных нефтяных участков.

5. Сократить запланированные при Трумэне расходы на электрификацию в сельской местности, мелиорацию, ликвидацию трущоб, здравоохранение, народное образование и другие мероприятия по повышению общественного благосостояния.

6. Создать «ограниченную» безработицу, то есть широкий рынок труда, чтобы иметь возможность подавлять борьбу трудящихся за повышение заработной платы и тем самым поднимать норму прибыли.

Время отсрочки истекает

Все сказанное нами показывает, что монополиями руководит отнюдь не сознательное стремление к устойчивости экономики и не тщательно разработанный план, призванный продлить существование капиталистического строя. Основной стимул очень примитивен. Это — стремление к накоплению колоссальных прибылей сегодня, не считаясь с последствиями. В своем последнем труде Сталин дал этому явлению чрезвычайно точное определение, формулируя основной экономический закон современного капитализма: «Обеспечение максимальной капиталистической прибыли путем эксплуатации, разорения и обнищания большинства населения данной страны, путем закабаления и систематического ограбления народов, других стран, особенно отсталых стран, наконец путем войн и милитаризации народного хозяйства, используемых для обеспечения наивысших прибылей»*.

В последующих главах мы увидим, как военная экономика США используется для установления в стране фашизма, для превращения государства в орудие, для перекачки богатства и плодов труда нации в карманы финансовой олигархии, для подготовки страны к тотальной войне, для создания царства террора, подавляющего всякую оппозицию.

Пока же отметим, что военная экономика является отражением крайнего упадка и высшей степени загнивания экономической жизни. Когда-то было возможно

* И. В. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, М., 1952, стр. 38.

извлекать прибыли, удовлетворяя частично жизненные потребности людей, теперь же можно извлекать прибыли, только изготовляя средства уничтожения людей.

Разумеется, военные приготовления капиталистов не обусловлены только экономическими факторами. *Все* внутренние и внешние черты кризиса взаимодействуют, связаны друг с другом и влияют друг на друга, выливаясь в стремление к войне. Но когда капиталистическая военная продукция достигает определенного уровня, она приобретает характер *независимой* силы, толкающей к войне. Это явление достигло высшей исторической кульминации в современных Соединенных Штатах.

Обладая более обширными рынками и выкачивая богатства из многих стран, американские тресты вступили в эту завершающую стадию кризиса на несколько десятков лет позже, чем другие капиталистические страны.

Противоречия американского капитализма развиваются семимильными шагами. Эти противоречия кристаллизуются, достигают качественно более высокого уровня. Разрыв между производством и покупательной способностью становится колоссальным. Экономика США не может уже больше развиваться или функционировать, как прежде. Основа системы, при которой огромные количества товаров, произведенных американскими рабочими, становятся собственностью ничтожной кучки частных лиц, приближается к развалу.

Впервые расходы на вооружение стали *постоянной и основной опорой* экономики США. Обычно после очередного вливания военных ассигнований финансовая печать Уолл-стрита говорит о «новой отсрочке гибели на товарном и фондовом рынках». Однако время отсрочек быстро истекает. После каждого приступа обессилевшая капиталистическая экономика, подобно морфинисту, нуждается во все больших дозах наркотических средств, чтобы они оказали свое действие.

Прежде было достаточно уничтожить некоторое количество товаров, выбросив их в море или облив бензином, и затратить несколько миллиардов на вооружения, чтобы дать трестам временную передышку. Теперь, в период общего кризиса, поразившего весь организм капитализма, затраты в 100 миллиардов долларов едва сказываются на биении его пульса. И быстрота, с которой циклический кризис перепроизводства обгоняет миллиардные

расходы на вооружения, является ясным показателем того, что неразрешимые противоречия скоро доведут американский монополистический капитализм до гибели.

Говорят, что войны для капитализма то же самое, что лава для вулкана. На последней стадии весь вулкан монополистического капитализма превращается в военную лаву. Военное производство не является больше лишь *одним* из экономических проявлений кризиса капитализма, а становится основным его проявлением. Это главный способ извлечения монополиями максимальных прибылей — закон, определяющий их существование. Поэтому война и военное производство стали теперь не временными, а постоянными чертами мирового капитализма — постоянными до тех пор, пока американский народ совместно с силами мира во всем мире не сломит и не уничтожит губительную власть порождающих войну монополий.

Пока же неизбежен вывод, что, несмотря на временное ослабление военного напряжения, опасность третьей мировой войны так же сильна, как и прежде, поскольку монополии отказываются от какого бы то ни было соглашения, предусматривающего запрещение и уничтожение оружия массового истребления, и упорно продолжают гонку вооружений.

УПАДОК ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО КАПИТАЛИЗМА

Как показал Палм Датт в своей работе «Кризис Британии и Британской империи»*, фундамент, поддерживающий политическую, военную и экономическую мощь правящих классов Западной Европы, покоится не на росте капиталовложений и продукции для внутреннего рынка, а на непрерывном росте экспорта капитала и эксплуатации дешевой рабочей силы азиатских, африканских, восточноевропейских и балканских стран. В довоенное время 25 процентов импорта стран Западной Европы оплачивалось не за счет экспорта готовых изделий, а за счет сырья, полученного путем ограбления колониальных районов и продаваемого преимущественно Соединенным Штатам. Сейчас уже невозможно больше продолжать этот паразитический образ жизни, основанный на взимании дани с колоний. Поток фунтов стерлингов и франков, получаемых от эксплуатации миллионов крестьян и рабочих в колониях, истощается. Не поступают больше сверхприбыли и от капиталовложений в Китае и странах Восточной Европы. «Внешне колониальный кризис проявился как долларový кризис». Поэтому, а также вследствие того, что США форсируют свой экспорт и ограничивают импорт, капиталистический мир страдает апоплексией. Чтобы получать больше дани, западноевропейская буржуазия должна еще больше усиливать эксплуатацию колониальных народов, еще больше увеличивать вооруженные силы для ведения колониальных войн. Но это, в свою очередь, ускоряет ее банкротство, ее финансовую несостоятельность. Короче говоря, развал западноевропейского

* Указанная книга Палма Датта опубликована на русском языке Издательством иностранной литературы в 1954 году. — *Прим. ред.*

капитализма связан с крахом империализма как мировой системы.

Во время второй мировой войны американские тресты проникли во многие колониальные и зависимые страны, находившиеся до тех пор под контролем западноевропейских держав. Но рост избыточного капитала и товаров толкал Уолл-стрит на поиски более широких рынков и сфер приложения капитала. Поэтому американские тресты устремили свои взоры на западноевропейские страны с намерением подчинить их экономику нуждам американского финансового капитала, а также крепче захватить в свои руки рынки и сырьевые ресурсы еще находящихся в их власти колониальных районов.

Выполнение этого плана казалось возможным. Чтобы спастись от гибели, ослабевшие олигархии Западной Европы решили в значительной мере опереться на американскую помощь. Больше всего они надеялись на американские пушки и штыки, чтобы оградить свое классовое господство от поднимающихся масс трудового народа. «Лучше Гитлер, чем правительство Народного фронта», этот лозунг, провозглашенный правящими кругами Франции в 30-х годах, был перефразирован так: «Лучше американская оккупация, чем участие коммунистов в правительстве».

Находясь на грани банкротства, Франция, Англия и Италия все же обладали крупной промышленностью и большой экономической мощью. Поэтому план США заключался в том, чтобы еще больше ослабить их, либо поставив под контроль их промышленность, либо вытеснив их с мировых рынков. Чтобы создать у правящих кругов стимул для продажи своих национальных интересов американским трестам, по плану предусматривалось субсидировать часть крупной буржуазии, подкупить ее и помочь ей превратить свой капитал в американские акции и облигации. Всего этого и даже большего Вашингтон надеялся достигнуть уже на первой стадии осуществления плана Маршалла.

Американская «помощь» погибающим

Когда был провозглашен план Маршалла, многие честные люди были введены в заблуждение вывеской «экономической помощи». Они не верили тому, что это —

средство эксплуатации народов Западной Европы, программа вооружений и войны. Со своей стороны, пытаясь опровергнуть такие обвинения, Вашингтон организовал «разъяснительную кампанию».

Экономические цели плана Маршалла стали очевидными, едва лишь он вступил в действие. Европейским странам были нужны тракторы, удобрения, станки для восстановления гражданских отраслей промышленности, а вместо этого они получали табак, яичный порошок, голливудские фильмы, прохладительные напитки, дрянную мануфактуру и другие залежалые товары, которые монополисты сбывали таким образом за счет американских налогоплательщиков. В конечном итоге, меньше шести процентов американской «помощи» Европе составили материалы, нужные для развития промышленности. «Помощь» США вскоре усилила экономический хаос, наводнив западноевропейские страны американскими товарами и ослабив тем самым местную промышленность и местное сельское хозяйство.

Так, например, Голландии нужны рынки для сбыта сыра и молочных продуктов. Однако она не только не получила доступа на американский рынок, огражденный высокой стеной таможенных тарифов, но была вынуждена взять 20 тысяч тонн американского молочного порошка. Италии — экспортеру макарон и растительного масла — пришлось ввозить эти продукты из США. При помощи ряда манипуляций американские тресты заставили западные страны покупать у них уголь по 22 доллара за тонну, хотя в Европе уголь можно было получить за половину этой цены. Шахты, сталелитейные заводы, судостроительные верфи и ряд мелких предприятий резко сократили свое производство. В 1948 году в Бельгии, Франции, Италии и Западной Германии резко увеличилась безработица; после первого года американской «помощи» удвоилось и утроилось количество просьб о предоставлении пособий¹.

По сообщению Администрации экономического сотрудничества (оперативный орган плана Маршалла), в странах, не охваченных этим планом, темпы восстановления были более быстрыми, несмотря на большие трудности². С 1951 по 1952 год промышленное производство в СССР возросло на 11 процентов, а в странах народной демократии — на 17—23 процента. За этот же период рост

производства наблюдался лишь в шести европейских капиталистических странах. В девяти странах производство снизилось, а в одной осталось на прежнем уровне*. Самый большой прирост, имевший место в Западной Германии, составил 7 процентов. В Англии производство снизилось на 3 процента³.

В 1950—1951 годах план Маршалла угрожал промышленности Италии полным разорением. Так как работать стало невыгодно, многие капиталисты закрыли свои фабрики, а некоторые перевели свои предприятия в Южную Америку. Сотни тысяч рабочих в Милане, Болоньяно, Болонье, Турине, Генуе и других городах оказались под угрозой голодной смерти. «Нью-Йорк таймс» поместила корреспонденцию Чианфара из Генуи, в которой говорилось, что положение предприятий Ансальдо «безнадежно». «На заводах занято 35 тысяч человек, а работы имеется меньше, чем для 4 тысяч. При нынешних условиях предприятия Ансальдо не в состоянии выдержать частную конкуренцию»⁴. (Речь идет, конечно, об американской конкуренции.)

«При анализе нынешнего кризиса во Франции и Англии, — писал Генри Хэзлитт в номере «Ньюсуик» от 3 декабря 1951 года, — возникает вопрос: может быть, сейчас положение в Европе было бы лучшим, если бы мы никогда не предоставляли ей долларовой помощи по плану Маршалла?». Кто больше всего выгадал от даров по плану Маршалла, оплаченных трудящимися США в форме повышенных налогов и цен, — так это крупные монополии. Они получили готовый рынок для избыточной продукции. А это, в свою очередь, поддержало уровень монопольных цен и прибылей в США**.

* В отчете Организации Объединенных Наций о состоянии мировой экономики, опубликованном в июне 1949 года, указано, что в 1948 году индекс промышленного производства (1938 г. = 100) составлял в Италии 89, в Греции — 70, во Франции — 100, в Англии — 110. Индекс промышленного производства Польши — страны, подвергшейся неизмеримо большим разрушениям и не получавшей американской «помощи» — был равен 141. Следует, однако, учесть, проводя статистические параллели с 1938 годом, что в 1938 году Европа задыхалась в тисках депрессии. В Англии десятки тысяч горняков были частично безработными. Французская промышленность в 1938 году дала лишь три четверти продукции 1929 года. — *Прим. автора.*

** В своей книге «Экономика мира и войны» Джон Итон показал, что в конечном счете Англии пришлось оплатить полученную ею помощь по плану Маршалла. В 1949 году Уолл-стрит заставил Сити

На деньги, отпущенные по плану Маршалла, горстка американских трестов скупила в Западной Европе ряд промышленных предприятий, имеющих стратегическое значение. Под контроль империй Моргана, Чэйза, Диллона — Рида и Рокфеллера подпали многие ведущие отрасли французской промышленности: сталелитейные, нефтеперерабатывающие и химические заводы, многие коммерческие фирмы и банки. Некоторые отрасли английской промышленности частично подпали под контроль американского директора «оборонного» производства. На деньги плана Маршалла была куплена также «лояльность» некоторых западноевропейских государственных деятелей и их органов печати. План Маршалла финансировал ряд антисоветских и антирабочих кампаний и субсидировал множество военных преступников в Западной Германии, Австрии и других странах.

Кока-кола превращается в напалм

Однако западноевропейские страны так и не смогли поглотить избыточную продукцию США и смягчить кризис перепроизводства. В самом деле, чем больше американской «помощи» они получали, тем меньше долларов давал им экспорт на капиталистическом мировом рынке и тем меньше они могли покупать. С другой стороны, налоговое бремя, которое взваливает план Маршалла на трудящихся США, снижало покупательную способность последних. Монополисты, разумеется, прибегли к классическому способу избавления от всех видов излишков — к экспорту вооружения. Молочный порошок и кока-кола молниеносно превратились в напалм и взрывчатые вещества.

Когда программа производства вооружений в США была пущена на полный ход, официальная цель плана Маршалла — повышение уровня жизни западноевропейских народов — была забыта. Томас Финлеттер, один из руководителей Администрации экономического сотрудни-

девальвировать фунт стерлингов по отношению к доллару. В результате Англия заплатила за свой импорт из США в 1950—1951 годах на 375 миллионов фунтов стерлингов больше, чем она заплатила бы по старому курсу. Эта переплата на 44 миллиона фунтов превышает всю помощь по плану Маршалла, полученную Англией за те же два года. — *Прим. автора.*

чества, ведавший вопросами «помощи» Англии, сообщил 10 февраля 1949 года, что его ведомство «весьма значительно сокращает программу жилищного строительства, а также программу здравоохранения и просвещения». «План Маршалла годится как военная мера, но никуда не годен как деловое предприятие», — заявил один из администраторов плана Маршалла, Джозеф Фрээр на пресс-конференции в Риме в начале 1951 года⁵. После подписания в 1949 году Атлантического пакта и назначения американского главнокомандующего западноевропейскими вооруженными силами экономические администраторы плана Маршалла были заменены представителями армии, военно-морского и военно-воздушного флота. Помощь по плану Маршалла оказалась привязанной к военным бюджетам западноевропейских стран. За каждый миллион долларов, полученный в виде яичного порошка, им приказывали изготавливать определенное количество бомб или пулеметов. Так, в 1949 году Франция получила в качестве «помощи» 280 миллиардов франков, но по приказу Вашингтона затратила на вооружение 387 миллиардов.

А между тем за танки и самолеты надо было платить, и американские поставщики и промышленники требовали уплаты не в греческих драмах или итальянских лирах, а в своей собственной валюте. Тут возник затруднительный вопрос: как Европа расплатится за это оружие? Часть долларов была предоставлена в порядке помощи по плану Маршалла. Но было невозможно взвалить на американских трудящихся всю стоимость защиты «свободы» итальянских или греческих рабочих и крестьян. Вашингтонские специалисты предложили хитроумный выход. 12 февраля 1951 года они опубликовали заявление, в котором перечислены товары, которые страны Западной Европы должны вывозить в США в обмен на оружие. Итальянцам было предложено поставлять «деликатесные сыры, вишни в спирту и вермут». «Англичане будут снабжать США конфетами, специальными спиртными напитками и медикаментами, стимулирующими сердечную деятельность»; французские рабочие будут поставлять «коньяк и шампанское; голландцы — какао и печенье; португальцы — анчоусы; немцы — пряную ветчину; шведы — особые сорта ржаного хлеба, греки — маслины»⁶.

Но, как и следовало ожидать, этот искусный план встретил непреодолимые препятствия. Во-первых, ежегодное производство этих деликатесов в западноевропейских странах намного превосходило платежеспособный спрос американского рынка. И, что еще хуже, многие трудящиеся стран Западной Европы начали подозревать, что имеется связь между жалкими условиями их существования и поставками американским «благодетелям» вишен в спирту.

Вооружаясь для первой и второй мировых войн, правящий класс западноевропейских стран мог еще сводить концы с концами, то есть обеспечивать хотя бы занятым рабочим минимум калорий, необходимый для поддержания их существования. Теперь, видимо, это уже невозможно. Даже буржуазные экономисты говорят, что увеличение бремени вооружений — это последняя соломинка.

«Еще туже затяните пояса!» — заклинаят своих рабочих Париж, Лондон и Рим. Но ведь и до гонки вооружений заработная плата и жизненный уровень большей части трудящихся Западной Европы были такими низкими, что дальнейшее их ухудшение может повлечь за собой катастрофу.

План Маршалла, помимо служения всем тем военным целям, для которых он был предназначен, ускорил загнивание западноевропейского капитализма. В опубликованном в мае 1949 года отчете Международной торговой палаты США говорится: «Когда в 1953 году прекратится предоставление помощи Администрацией экономического сотрудничества, европейцы окажутся перед выбором: либо стать пенсионерами Соединенных Штатов, либо снизить свой жизненный уровень». Нынешние руководящие деятели Англии, Франции и Италии с их планами вооружений и затягивания поясов очень напоминают терпящих кораблекрушения капитанов, которые спешат затопить свои суда.

Британская империя и аскетизм

С самого окончания войны Англия находится в состоянии постоянного кризиса. Министры финансов выступают со все более мрачными предсказаниями неминуемого национального банкротства. Некоторые из них намерены

обратиться к Уолл-стриту с отчаянными мольбами о займах, а также настойчивее требовать еще больших «жертв от народа». Но несомненным фактом является то, что британская олигархия, располагая всеми богатствами империи, всеми достижениями науки, техники, промышленности и квалифицированной рабочей силой, не в состоянии больше хотя бы сносно кормить свои рабочие массы. Нехватает мяса, масла, яиц, угля, жилищ. По словам английского специалиста по вопросам здравоохранения д-ра Э. Бикнелла, в 1947 году средний англичанин потреблял в день только 2100 калорий, тогда как необходимый минимум равен трем тысячам калорий⁷.

Известный бразильский социолог Жозуэ де Кастро пишет, ссылаясь на исследования английского промышленника и специалиста по вопросам питания лорда Бойд-Орра, что в 1952 году около половины населения Англии недоедало. Эти цифры подтверждаются работами сэра Уильяма Кроуфорда. Де Кастро цитирует также заявления шестисот районных врачей графства Чешир, которые утверждают, что они почти ничего не могут сделать для предупреждения заболеваний, так как большая часть их вызвана постоянным недоеданием⁸. По данным английских органов здравоохранения, свыше 137 тысяч трудящихся, больных туберкулезом, не помещены в больницы и заражают окружающих. Согласно данным, приведенным Палмом Даттом, в 1951 году свыше полумиллиона людей ожидали своей очереди на занятие больничной койки, но со времени войны не было построено ни одной новой больницы*.

В 1950 году национальный доход Англии был равен 33,5 миллиарда долларов. По подсчетам Управления научно-исследовательских работ по вопросам труда, основанным на официальной правительственной статистике, в 1950 году 43 процента национального дохода шло на заработную плату трудящихся и на жалованье личному составу вооруженных сил, а 35 процентов — ничтожной по численности части населения, живущей на ренту, проценты и прибыли**. В то время как правые лейбористы

* Палм Датт, Кризис Британии и Британской империи, Издательство иностранной литературы, 1954 г.

** Там же.

разглагольствовали о «социализме», прибили английских монополистов побили все прежние рекорды, а потребление трудящихся упало до самого низкого уровня за многие годы. В 1951 году цены на хлеб, мясо и животное масло были соответственно на 22, 50 и 55 процентов выше, чем в 1947 году. Миллионы рабочих влчат нищенское существование на 10—20 долларов в неделю. Опрос, произведенный институтом Гэллага в 1948 году, показал, что свыше 40 процентов взрослых англичан выражают желание уехать из страны, если им представится такая возможность.

В обзоре Организации Объединенных Наций об экономическом положении Европы за 1953 год мы читаем, что жизненный уровень английского народа теперь значительно ниже, чем во время кризиса. По сравнению со средними цифрами за 1934—1938 годы потребление мяса на душу населения сократилось в 1951—1952 годах на 23 процента, сахара — на 20 процентов, молока и молочных продуктов — на 17 процентов. Потребление на душу населения одежды и хозяйственных предметов долговременного пользования снизилось соответственно на 12 и 13 процентов⁹.

Следует подчеркнуть, что эти официальные цифры далеко не полно отражают картину снижения уровня жизни. Дело в том, что в итоговую цифру потребления товаров и продуктов входит и та часть английской продукции, которая потребляется живущими в роскоши богачами, а также сотнями тысяч американских солдат, чиновников и туристов, нахлынувших на Британские острова.

Создание национальной системы здравоохранения было единственной крупной уступкой трудящимся за время пребывания у власти лейбористской партии. Помимо этого, за весь послевоенный период английское правительство не провело ни одного крупного мероприятия, направленного на повышение жизненного уровня трудового народа Англии. Даже пострадавшие от войны районы, которых относительно немного по сравнению со странами Восточной Европы, восстановлены не полностью. Лидеры лейбористской партии Бевин—Этли обещали английским рабочим «социализм в наши дни». Одной из крупных авантюр лейбористов была покупка у капиталистов угольных шахт. Это оказалось псевдонационализацией,

так как прибыли попережнему текли в карманы шахтовладельцев в виде процентов по облигациям, которые они получили в качестве возмещения за свою собственность. Правительство помогло предпринимателям, взяв на себя управление их недоходными предприятиями с изношенным оборудованием. Все остальные проекты «национализации» провалились по той причине, что нелепо пытаться заставить англичан, 90 процентов которых не имеет за душой и 100 фунтов стерлингов, приобрести Английский банк, железные дороги, сталелитейные заводы и т. д. у миллиардеров, которым они принадлежат*.

Послевоенные обещания лейбористов насчет улучшения питания и жилищных условий при помощи мнимой национализации или благотворительной американской «помощи» рассеялись, как дым. «Возьмите англичан, — сказал Трумэн 6 марта 1952 года. — Они потребляют мяса в неделю менее чем на 16 центов... Они имели бы больше, если бы не их жертвы во имя обороны». Действительно, трудящиеся Англии «имели бы больше», так как общий объем произведенной ими продукции возрос с 1945 по 1950 год на 50 процентов, но значительная часть этого прироста пошла на поддержку английской финансовой олигархии. В 1952 году Англия затратила на вооружение 1634 миллиона фунтов стерлингов — в четырнадцать раз больше, чем за год до первой мировой войны, и в шесть раз больше, чем накануне второй мировой войны. Под прикрытием этих гигантских расходов происходит усиленная эксплуатация поднимающихся народов колониальных и зависимых стран. Поскольку английская финансовая олигархия существует на доходы от иностранных капиталовложений, она связала свою судьбу с вашингтонской программой мировой «холодной войны». За это заплачено ценой еще больших недостатков, еще большего ослабления и застоя отечественной промышленности, ценой возложения непосильного бремени на плечи трудящихся масс Англии.

* «В результате проведенных нами мер по национализации. — заявил министр финансов лейбористского правительства Хью Дальтон, — количество надежных ценных бумаг, котирующихся на фондовой бирже, скоро возрастет с 15 миллиардов фунтов стерлингов до 17 миллиардов». («Нью стейтсмен энд Нейшн», 21 февраля 1948 года.). — *Прим. автора.*

«Свободное предпринимательство» во Франции и Италии

Аналогичную картину являет собой находящаяся в агонии капиталистическая экономика Франции. Достигнув, высшей точки развития в 1913 году, она с тех пор фактически пребывает в состоянии застоя. И здесь паразитическая зависимость финансового капитала от вывоза капитала, доходов, связанных с добычей сырья и эксплуатацией населения Вьетнама, Марокко, Алжира, Мадагаскара и Западной Африки, привела к снижению капиталовложений в промышленность метрополии, к постепенному износу оборудования и упадку этой промышленности.

Согласно данным «Статистического ежегодника ООН» за 1952 год, общий размер производства во Франции в 1950 году лишь на 20 процентов превысил уровень 1913-года. В 1951 году даже значительно развитое во Франции производство тканей из натурального и искусственного шелка, а также хлопчатобумажных тканей продолжало топтаться на уровне 1938 года¹⁰. По официальным данным французского правительства, общий размер производства во Франции снизился в 1952 году на 10 процентов по сравнению с 1951 годом.

Объем строительных работ был в 1952 году на 33 процента ниже, чем в 1930 году, а число занятых в этой отрасли рабочих сократилось на 300 тысяч. Поскольку средний возраст городских строений во Франции превышает семьдесят лет, необходимо строить ежегодно не менее 250 тысяч новых квартир, чтобы избавить людей от необходимости ютиться в убогих хибарках. Но даже при таких темпах понадобилось бы сорок лет для того, чтобы большая часть населения получила сносные жилища. За 1949—1952 годы строилось в среднем 75 тысяч зданий в год, причем значительная часть их предназначалась для богачей. Это значит, что большинство французов обречено на жизнь в трущобах.

Провозглашенный после войны с большой помпой план Монне, суливший рост производства и повышение жизненного уровня, положен под сукно. Хотя приняты отчаянные меры для увеличения экспорта, а налоговое бремя, ложащееся на народные массы, в несколько раз тяжелее, чем в 1938 году, ни одному из многочисленных

французских кабинетов не удалось еще сбалансировать «бюджет или добиться активного внешнеторгового баланса.

Даже до второй мировой войны правящий класс Франции не мог обеспечить своему народу достаточное питание, одежду и мало-мальски сносные жилищные условия, хотя под его властью находилась одна из плодороднейших стран мира, не говоря уже о несметных богатствах ее обширной империи. Перевооружение, вассальная зависимость от США, война против народа Вьетнама и бешеная инфляция еще больше ухудшили положение*.

В 1938 году доля рабочих в национальном доходе составляла 45 процентов, в 1950 году она снизилась до 29,5 процента. За тот же период доля капиталистов выросла с 34 до 54 процентов.

Для большинства французских рабочих отопление, одежда, освещение и сносное питание стали роскошью. Хотя 80 процентов их заработной платы расходуется на питание и одежду, в 1950 году потребление животного масла и обуви было на 20—30 процентов ниже, чем в 1938 году. После мощных массовых забастовок и длительного нажима на правительство последнее, наконец, согласилось в сентябре 1953 года повысить *минимальную месячную* заработную плату рабочих до 62 долларов 85 центов.

Французскому крестьянству приходится еще хуже. Как видно из официальной статистики за 1950 год, 3 процентам крупных землевладельцев принадлежит 30 процентов обрабатываемой земли, тогда как 80 процентов крестьян (1700 тысяч семей) имеют только 25 процентов земли. За последнее десятилетие около миллиона мелких фермеров были согнаны с земли, а их земля поглощена крупными землевладельцами. Теперь эти крестьяне стали

* Официальная статистика самоубийств в департаменте Сены ярко иллюстрирует ухудшение условий существования французского народа. В 1946 году в этом районе (куда входит и Париж) было зарегистрировано 477 самоубийств и 189 попыток самоубийства, то есть всего 666 случаев. В 1947 году, когда был введен в действие план Маршалла эта цифра выросла до 1473 (в том числе 679 смертных случаев и 794 покушения на самоубийство). В 1950 году общая цифра составила уже 2991 случай, а в 1951 году количество самоубийств и покушений на самоубийство было в шесть раз больше, чем в 1946 году («Юманите». 21 ноября 1951 года.). —Прим. автора.

арендаторами-издольщиками или нищенски оплачиваемыми батраками в крупных поместьях.

В Италии разложение системы «свободного предпринимательства» зашло еще дальше, чем во Франции. Широкие массы трудового населения страны медленно умирают от голода. По официальным статистическим данным за 1951 год, из 10 732 тысяч итальянских семей 7 836 тысяч зарабатывали меньше 15 долларов в неделю. Калорийность питания на душу населения снизилась с 2700 в 1938 году до 2300 в 1951 году. Общий годовой доход страны в пересчете на душу населения составил два доллара в неделю. По данным правительственной статистики, трудящиеся приобретают в среднем одну пару чулок на человека в год и одну пару обуви в пять лет. В стране насчитывалось около трех миллионов безработных и столько же полубезработных. В 1951 году в Италии было зарегистрировано 3,5 миллиона нищих и полтора миллиона престарелых лиц, существующих на пенсию от одного до трех долларов в неделю¹¹.

Если принять объем промышленного производства в Италии и доход на душу населения в 1914 году за 100, то окажется, что в 1928 году объем производства составил 110, а доход — 83; в 1948 году объем производства был равен 145, а доход на душу населения — 66. Два процента населения получает 33 процента национального дохода страны, а половина населения — только 12 процентов. В 1950 году на каждые 65 тысяч лир заработной платы, выплаченных рабочим, владельцы итальянских текстильных фабрик извлекали 715 тысяч лир прибылей¹².

55 процентов городов и сел Центральной Италии не имеют электрического освещения, 93 процента не имеют газа. В Южной Италии и на Сицилии бетонные или каменные коробки, многие из которых непригодны даже для скота, служат человеческим «жилем». В Милане десятки тысяч людей, включая детей, живут в ямах близ канализационных труб. В окрестностях Рима и в долине Тибра сотни тысяч трудящихся обитают в бараках и пещерах. Тысячи ютятся в сырых развалинах древних акведуков вдоль знаменитой Аппиевой дороги. И за подобное жилище рабочие часто платят 30 процентов своего нищенского заработка! С 1945 по 1950 год христианско-демократическое правительство построило 60 тысяч до-

мов, из которых 30 тысяч — это виллы и особняки и 12 тысяч — здания для церквей и монастырей.

В 1952 году затраты итальянского правительства на школы составили 10 лир, или два американских цента, на ребенка. Хотя 80 тысяч учителей не имеют работы, от 60 до 70 процентов населения южных районов страны неграмотно. Из 4,8 миллиона детей школьного возраста 2,2 миллиона не получают даже начального образования; 30 процентов общин не имеют школ.

Из 5 миллионов крестьянских семей 4,3 миллиона, или 84 процента всего крестьянского населения, либо не имеют земли, либо имеют меньше двух с половиной акров*. Около трех четвертей всей обрабатываемой земли принадлежит католической церкви и помещикам-полуфеодалам¹³.

Положение в провинции Гроссето можно считать типичным. В этой провинции 34 тысячи крестьянских семей владеют лишь 3 процентами земли. Остальная земля принадлежит нескольким «аристократам», которые «предоставляют работу» крестьянам. Половина урожая, который последние выращивают при помощи примитивных орудий и изнурительного труда, идет «падроне». Из-за отсутствия канализации среди крестьян свирепствуют тиф и другие болезни. Но улучшение санитарных условий требует затрат, а, как сказал один крестьянин о своем «падроне», «ему всегда нужны деньги» — на содержание скаковых лошадей, на поездки во Флориду, на оплату проигрышей в Монте-Карло. Мне говорили, что раз или два в год он появляется в своем имении, окруженный священниками и карабинерами, и предостерегает крестьян от «коммунистической опасности».

В стране имеется 12 миллионов акров земли, которую можно было бы распределить между крестьянами. Однако лишение феодальных и церковных землевладельцев их собственности вырвало бы почву из-под ног единственных друзей, которых Вашингтон имеет в Италии.

В результате движения масс, в котором руководящая роль принадлежит коммунистам, правительство де Гаспери

* Из них 800 тысяч семей считаются крестьянами-середняками, 1 миллион, владеющих крохотными участками земли, — бедными и весьма бедными; 2,5 миллиона семей не имеют земли. — *Прим. автора.*

опубликовало, наконец, план, по которому безземельные крестьяне могут приобретать землю у ее владельцев по цене 65 тысяч лир за гектар, выплачивая дополнительно 3,66 процента ежегодно. Но даже такая фальшивая земельная реформа встретила отчаянное сопротивление. Бывший американский гаулейтер в Италии Дж. Целлербах (из фирмы «Кроун Целлербах энд Компани») предостерегающе заявил: «Мы не являемся сторонниками новшеств».

Чтобы скрыть свое политическое банкротство, клерико-феодально-капиталистическая клика, правящая Италией, кричит о недостатке природных богатств, о перенаселении и рекомендует в качестве всеобщей панацеи эмиграцию безработных. В 1947 году свыше 240 тысяч безработных эмигрировало из Италии, главным образом в Латинскую Америку. Однако официальные представители США предупредили, что «Италия не может больше надеяться экспортировать миллионы своих безработных, так как другие страны тоже переживают трудности, связанные с безработицей»¹⁴. Дэвид Лоуренс писал в «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» от 4 июля 1952 года: «Итальянский премьер-министр Альчиде де Гаспери очень милый человек... Мы долго беседовали. Он сказал мне: «Мы пытаемся вывозить наши товары, но не имеем возможности это делать. Мы пытаемся вывозить наших горняков в Англию, но их там не хотят. Мы пытаемся вывозить наших людей в различные части света, но их туда не пускают».

Так выглядит в общем «свободный мир» в Италии, стране солнца, плодородной земли, развитой промышленности, стране, где имеются миллионы квалифицированных рабочих, — на одной стороне откормленные помещики, банкиры и карабинеры, на другой — голодные рабочие, рахитичные и туберкулезные дети. Это страна великолепных дворцов и мраморных соборов, окруженных морем нищеты, страна, где голодные дети, отгоняя чаек, собирают на морском берегу отбросы, тогда как ухмыляющиеся американские туристы восхищаются изумительной итальянской кухней; где щеголеватые американские моряки по пути в притоны и публичные дома Неаполя бросают мелкие монеты нищим детям, а у берегов стоят настороже военные корабли на случай, если народу что-нибудь «взбредет в голову».

Еще хуже положение в таких странах, как Греция, где навязанный им план Маршалла усугубил «органические трудности», вследствие которых эти страны далеко отстали в гонке капиталистической конкуренции. В марте 1952 года афинская проправительственная газета «Элефтерия» писала по поводу катастрофического воздействия военной и экономической помощи США на народное хозяйство Греции: «Все население ощущает растущее удушье... лица наемного труда, крестьяне и торговцы впали в полную нищету. Безработица растет. Предпринимательская деятельность парализована. Цены растут и страна охвачена отчаянием»¹⁵. Лондонская «Дейли экспресс» писала 2 сентября 1952 года: «С тех пор, как США сменили нас в Греции, в 1947 году, они затратили уже около миллиарда долларов. Сейчас большая часть этих денег находится в карманах мошенников. Вся экономическая жизнь страны подавлена, чтобы жулики и спекулянты могли сорвать свой куш»¹⁶.

Распад единого мирового рынка

После второй мировой войны мировой капитализм не смог восстановить хотя бы временную финансово-экономическую устойчивость, как это было после войны 1914—1918 годов. Простые коммерческие сделки прежнего времени сменились чрезвычайно сложными операциями, которые могут быть осуществлены только государственными организациями. Международный товарообмен, и до войны находившийся в состоянии, близком к анархии, еще больше дезорганизовался. Капиталистические страны, за исключением Соединенных Штатов и Швейцарии, стали неплатежеспособными. Их золотой запас уплывал в Форт Нокс*. Их валюта, потерявшая управление, лишенная золотого обеспечения, колебалась, кренилась и опрокидывалась. Состояние экономической неустойчивости и хаоса стало постоянным явлением.

С 1945 года главным занятием буржуазных специалистов стали лихорадочные поиски какого-то «равновесия»: равновесия между экспортом и импортом, между долларом, фунтом стерлингов, франком или рупией, равновесия платежного баланса. Несмотря на все усилия, один

* Форт в штате Кентукки, где хранятся золотые запасы США. —
Прим. ред.

кризис следует за другим. Не успевают ассигновать несколько миллионов долларов, чтобы подпереть ими оседающие стены Английского банка, как расшатанная экономика Франции и Италии требует новой поддержки. Лишившись доверия к собственной валюте, европейские капиталисты сначала стремились перевести свои капиталы в доллары. Но по мере роста инфляции, распространившейся также и на Соединенные Штаты, они потеряли доверие и к доллару и начали накапливать золото.

Эта неустойчивость в значительной мере является результатом распада бывшего прежде единым мировым рынком, что, по определению Сталина, является наиболее важным экономическим результатом второй мировой войны.

До второй мировой войны обмен товарами происходил на более или менее объединенном мировом рынке, включавшем и СССР. Когда Китай и страны Восточной Европы вступили в лагерь социализма, возник новый мировой рынок. Экономический обзор ООН за 1953 год показывает, что товарообмен между большей частью этих стран впятеро, а в некоторых случаях и в десять раз превысил довоенный уровень.

Навязанный Соединенными Штатами бойкот обширных рынков, которые представляют собой СССР, Китай и европейские страны народной демократии, лишает страны Западной Европы продовольствия и различных видов сырья. Кроме того, эта политика лишает Запад возможности сбывать свои товары восточноевропейским странам, которые были традиционными потребителями большого количества промышленных изделий. (В 1952 году объем торговли Англии с этими странами снизился до одной шестой объема 1937 года.) Одновременно с этим Вашингтон не допускает иностранные товары на американский внутренний рынок. Это обстоятельство в сочетании с демпингом американских товаров вносит еще больше расстройств в мировой рынок. Таким образом, капиталисты, бойкотируя социалистический лагерь, увеличивают свои собственные экономические трудности.

Западная Европа могла бы разрешить наиболее сложные проблемы дефицита путем торговли со странами Восточной Европы. 7 января 1951 года газета «Крисчен сайенс монитор» писала: «Если бы европейские готовые изделия снова устремились на Восток в обмен на восточ-

ное сырье, то возможно, что Западная Европа скоро перестала бы зависеть от американской экономической помощи». Западная Европа могла бы предоставить странам Восточной Европы суда для перевозки миллионов тонн грузов, поставлять станки, железнодорожное оборудование и т. д., а взамен получать от них разного рода сырье, продовольствие, а также золото в виде оплаты. Например, прекратив в 1952 году экспорт в СССР, Англия лишилась 80 процентов поставок кормов, которые она получала прежде из СССР. Это препятствует развитию сельского хозяйства Англии. Из-за недостатка долларов, необходимых для импорта мяса, англичане вынуждены были сократить норму выдачи мяса, так что стоимость недельного пайка составляет ныне всего 24 цента. Торговля с Востоком дала бы миллионам итальянцев регулярное трехразовое питание, но зато это ослабило бы власть Уолл-стрита над европейскими странами.

В некоторой мере бойкот отражает также панический страх империалистов перед растущей мощью лагеря социализма. Таким образом, бойкот является сам по себе выражением углубления общего кризиса капитализма. Так как прекращение бойкота ослабило бы «холодную войну», Вашингтон угрожает репрессиями всякий раз, когда узнает, что его «союзники» получили выгодные заказы в странах Востока.

Вместо того чтобы удушить лагерь социализма, блокада еще больше укрепила новый мировой рынок. В опубликованном ООН 5 марта 1953 года обзоре экономики Европы говорится, что «страны Восточной Европы, исключая Югославию, достигли намеченных ими целей» и что в этих странах «имеет место непрерывный и быстрый рост промышленной продукции. Есть основания считать, что, если нынешние темпы развития сохранятся, — производство и потребление основных видов промышленного сырья в Советском Союзе будет таким же, как в семи наиболее индустриализованных странах Западной Европы, или еще выше»¹⁷.

Пушки. Прикосновение царя Мидаса

Нарушение экономического равновесия между Соединенными Штатами и остальным капиталистическим миром становится все сильнее. В 1953 году объем промыш-

ленного производства США составлял две трети всего производства капиталистического мира. Четыре пятых мировых накоплений свободных и ищущих приложения капиталов скопились на Уолл-стрите. Это не только ослабило другие капиталистические страны, но и вывело из равновесия всю систему мирового капитализма.

До войны общее пассивное сальдо всех стран мира в торговле с США составляло в год около 360 миллионов долларов. В 1947 году эта сумма возросла в тридцать два раза, достигнув 11,5 миллиарда¹⁸. С 1946 по 1952 год общая сумма долларовой задолженности всех стран мира Соединенным Штатам повысилась до 34 миллиардов и только около 4 миллиардов из этой суммы было оплачено западноевропейскими странами золотом или долларами. «Их зависимость от США была такова, что пятипроцентный спад в США оказал на них почти такое же сильное действие, как великий кризис двадцатью годами ранее», — заметил экономический обозреватель «Нью-Йорк таймс» Майкл Гофман¹⁹. Сравнительно небольшой толчок, испытанный американской экономикой в 1951 году, снизил поступления от сбыта английских товаров в США на 300 миллионов фунтов стерлингов. Это дает представление о том, какая судьба постигнет экономику Европы, когда военный бум в США действительно начнет ослабевать.

Хотя западноевропейский монополистический капитализм перезрел и разлагается, все же после окончания войны общий объем продукции в этих странах возрос. Но характерно, что максимальный объем был достигнут только во второй половине 1950 года, когда было расширено военное производство.

Однако лихорадочная подготовка к войне еще больше приблизила к банкротству ослабленные капиталистические режимы в западноевропейских странах. Чтобы покрыть расходы на вооружение, странам Западной Европы приходится не только увеличивать вывоз товаров гражданского потребления, но также сокращать внутреннее потребление этих товаров и ограничивать импорт. В результате экспорт резко упал. Так, например, к концу 1951 года Франция имела дефицит торгового баланса в размере 339 миллиардов франков по сравнению с 102 миллиардами в 1950 году. В 1953 году этот дефицит возрастал еще более угрожающими темпами.

В 1952 и 1953 годах почти не было месяца, когда бы какой-нибудь из сателлитов Вашингтона не испытывал рецидива спада. В январе 1952 года хлопчатобумажная промышленность Франции переживала жестокий кризис, Италия и Дания задыхались от отсутствия долларов. В марте Манчестеру и Ланкаширу угрожал паралич. В марте 1953 года бюджетный год в Англии закончился с дефицитом в 1,2 миллиарда долларов.

Задыхаясь в тисках дефицита, Австралия, Новая Зеландия и Южная Африка, а также другие страны стерлингового блока объявили о сокращении на 50 процентов импорта из Англии. Каждая страна думала о том, как бы переложить на другую свои финансовые трудности.

«Конкуренция Голландии вызывает в Бельгии безработицу», — жаловался Брюссель²⁰. «Сокращение импорта Англией и Францией повлекло за собой безработицу в Голландии и Дании», — писала «Манчестер гардиан», «Это цепная реакция, начатая Англией», — объявила «Монд»²¹. В мае 1953 года Французский банк отказался предоставить правительству кредит в сумме 300 миллионов долларов. «НАТО может обанкротиться по чисто экономическим причинам. Англо-американский союз может лопнуть. Только деньги, деньги и еще раз деньги могут спасти положение»²², — предупреждали официальные представители государственного департамента конгрессменов, не желавших тратить деньги на Европу.

Предвестники надвигающегося краха достаточно очевидны. 28 января 1953 года лондонское правительство сообщило, что общий уровень промышленного производства в Англии на 10 процентов ниже прошлогоднего²³. 13 апреля 1953 года Организация европейского экономического сотрудничества (отдел НАТО) объявила, что «экономические перспективы для Западной Европы и большей части свободного мира являются неудовлетворительными и даже зловещими. Объем производства остался прежним, а в некоторых районах он снижается и будет снижаться еще больше»²⁴. Обширный обзор Экономической комиссии ООН для Европы, опубликованный 5 марта 1953 года, констатирует, что «ухудшение экономического положения Западной Европы продолжается. Неспособность западноевропейских стран обеспечить себе не оплачиваемое долларами снабжение продовольствием и сырьем, нежелание США предоставить Европе более емкие и

более устойчивые рынки для промышленных товаров... все это приводит к тому, что Западная Европа все в меньшей мере способна сохранить свой жизненный уровень и уровень занятости своего населения... Средиземноморские страны становятся все беднее и относительно и абсолютно»²⁵.

Самая характерная черта этого застоя и спада заключается в том, что он наступил, несмотря на колоссальные военные расходы, которые в прежние времена создавали временные бумы.

«Торговля, а не помощь!» — восклицают руководящие деятели капиталистической Западной Европы. «Если бы США имели намерение вложить средства в слаборазвитые страны, — уныло говорил английский консерватор, член парламента Роберт Бутби, — если бы они захотели изменить свою таможенную политику, если бы они согласились извлечь на свет божий свое золото, запрятанное в Форт Нокс... Но ведь они не собираются этого делать». Бывший английский министр торговли Гарольд Вильсон писал, что «Англия вынуждена больше вывозить для покрытия потребностей в импорте», но «мы лишились большей части заморских рынков, а раз они потеряны, их не так-то легко вернуть, особенно, когда их захватили американцы»²⁶. «Вашингтон, — писала 17 апреля 1953 года «Нью-Йорк таймс», — не собирается соглашаться с западноевропейской программой обеспечения платежеспособности путем «торговли, а не помощи»... Правительство Эйзенхауэра не может убедить Конгресс принять необходимые для этого меры, такие, как снижение таможенных тарифов». Еще бы! Как могут американские промышленники разрешить Конгрессу облегчить сбыт иностранных товаров на внутреннем рынке США?

Тем временем Вашингтон, перепуганный симптомами нарастающего в США кризиса, не позволил Франции и другим европейским государствам сократить импорт из США оружия и других товаров. Находясь в отчаянном положении, младшие партнеры из Лондона попытались растянуть выполнение предусмотренной НАТО программы производства бомб и пушек на более продолжительный срок. Вашингтон воспротивился этому замедлению производства вооружения и пригрозил прекратить долларовую помощь. Такой же ультиматум был предъявлен обессиленным Франции и Италии²⁷. Уолтер Липпман за-

метил по этому поводу, что для западных держав «было бы более трагичным остаться безоружными банкротами, нежели банкротами вооруженными».

Соединенные Штаты сбывли часть своих товарных излишков и некоторое время процветали за счет других. Но чем более жестким становится контроль США над капиталистическим мировым рынком, тем более он ведет к удушению мирового капитализма в целом. Американские тресты напоминают мифического царя Мидаса, который превращал в золото все, к чему прикасался, — и чуть не умер от голода.

После шести лет американской помощи экономика маршаллизованных стран попрежнему стремительно идет к катастрофе. После каждого нового ассигнования на вооружения их валюта и финансы все больше подвергаются инфляции. «Государства Западной Европы не являются больше в финансовом отношении жизнеспособными организмами, — писал Майкл Гофман. — Финансирование перевооружения при помощи налогов препятствует созданию капитала. Ни одно правительство не хочет еще признать, что король действительно гол, но финансисты знают, что это именно так»²⁸. Однако «финансисты» не хотят признать не только того, что король гол, но что он вдобавок находится и при последнем издыхании!

ПОСЛЕДНИЙ ЭТАП ПУТИ — КОЛОНИАЛИЗМ

Источники мощи мирового империализма — это рудники, поля и леса Африки, Юго-Восточной Азии и Латинской Америки, миллиарды часов принудительного труда, огромные запасы нефти, каучука, золота, серебра, олова, свинца и других видов сырья, которые он выкачивает из колониальных и зависимых стран. Ни одна из англо-американских, французских, бельгийских или голландских монополий не могла бы долго просуществовать, если бы не питалась, подобно вампиру, горячей кровью. Все здание монополистического капитализма покоится на этой эксплуатации, вся его деятельность основана на ней.

Рабский труд представлял основу первоначального капиталистического накопления. Он способствовал рождению капитализма. «Сокровища, добытые за пределами Европы посредством грабежа, порабощения туземцев, убийств, притекали в метрополию и тут превращались в капитал»*. С 1666 по 1766 год одни только англичане ввезли в различные колонии около трех миллионов рабов. С 1783 по 1793 год 921 корабль использовался для перевозки рабов. За эти одиннадцать лет было получено 12 294 116 фунтов стерлингов чистой прибыли. Лорд Дартмут, бывший в 1775 году министром колоний, заявил: «Мы не можем позволить колониям препятствовать столь прибыльной для нации торговле или затруднить ее»¹.

Теперь, спустя почти три столетия, порабощение и глубокое унижение миллионов людей в колониальных и зависимых странах попрежнему являются основой так называемого западного образа жизни. Труд издольщиков и пеонов, труд полурабов, работающих в африканских руд-

* К. Маркс и Ф. Энгельс, т. XVII, стр. 824.

никах, кочующих батраков-мексиканцев в Соединенных Штатах, — все это неотъемлемая составная часть такой системы. Как видно из обзора, опубликованного недавно Организацией Объединенных Наций, расширяется использование рабского труда*. Достаточно проанализировать высказывания ряда представителей монополий, чтобы понять, что стержень их внешней политики — это стремление «захватить и удержать в подчинении народы отсталых стран»².

Дыхательное горло капитализма

Причина заложена в самой природе капиталистического производства. Погоня за рынками и колониями сопровождается накоплением капитала все в больших размерах и растущим стремлением к прибылям. Джон Стюарт Милль отмечал, что экспорт капитала — «одна из главных причин того, что приостановлено снижение прибылей в Англии»³. Благодаря экспорту капитала временно ослабляется конкурентная борьба отечественных

* Как сообщил французский путешественник Жак Ален Комиссии по правам человека ООН, в английских и французских колониях производятся облавы на людей. Под дулами винтовок мужчин, женщин и детей сковывают наручниками по четверо и угоняют. По словам Жака Алена, в 1952 году «не менее 5 тысяч африканцев отправлялись ежемесячно через Красное море на рынки рабов в Саудовскую Аравию и Йемен». (Статья Кумара Гошала в «Нэшнл гардиан» от 23 марта 1953 года.)

27 ноября 1953 года, после семи лет американской оккупации и «демократизации» Японии, журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» нарисовал следующую картину жизни в этой стране. «Работоторговля расцвела пышным цветом. Только что привезенную из деревни девушку, не достигшую двадцати лет, можно купить дешевле, чем породистую собачку... Больше половины девочек, проданных торговцам детьми, кончают проституцией. Остальные работают в мастерских и на фабриках... Молодые текстильщицы получают от двух с половиной до пяти долларов в месяц. По окончании срока договора, который длится до одиннадцати лет, девушки оказываются завязшими в долгах еще больше, чем до поступления на работу, потому что они вынуждены занимать деньги под высокие проценты для оплаты питания, одежды и медицинской помощи. Большая часть проданных в рабство мальчиков попадает на рудники. На мелких рудниках работают исключительно юноши моложе двадцати лет. Некоторые фабричные работницы работают двадцать восемь дней в месяц по одиннадцать часов в день и получают 75 центов в месяц. По некоторым договорам рабочим предоставляется только помещение и одежда, а заработная плата вообще не выплачивается...» — *Прим. автора.*

капиталистов, готовых вцепиться друг другу в горло из-за недостатка возможностей приложения своих капиталов. Благодаря заграничным капиталовложениям монополии частично преодолевают трудности, связанные с ограниченной емкостью внутреннего рынка, и удовлетворяют свою неутолимую жажду получения максимальных прибылей.

Таким образом, экспорт капитала дает возможность кучке американских монополистов получать значительно более высокую норму прибыли, чем та, которую дают их инвестиции в собственной стране. Так, например, в 1948 году «Стандард ойл» получил от своих капиталовложений в США 11 процентов прибыли, а «Дженерал моторс» — 25 процентов. Капиталовложения же в Латинской Америке дали первому концерну 33 процента, а второму — 80 процентов. Еще больше давали им вложения капитала в Африке, на Среднем Востоке и в Юго-Восточной Азии. Здесь 200 и 300 процентов прибыли в год не считаются необычным явлением*. Разумеется, эта разница — результат более жестокой эксплуатации иностранных, особенно колониальных рабочих. В 1940 году американский горняк добывал в среднем 27 тонн меди, а чилийский — 23 тонны. Между тем их заработная плата за год составляла соответственно 1400 и 275 долларов**. По сообщению компании «Стандард ойл оф Нью-Джерси», в 1950 году чистая прибыль, полученная с каждого венесуэльского рабочего, равнялась 11 512 долларам. Зарплата большинства этих рабочих едва хватает на пропитание. Если принять заработную плату, выплачивавшуюся этой корпорацией в 1950 году рабочему в США, за 100 процентов, то заработная плата рабочего Канады составит 65 процентов, западногерманского рабочего — 21 процент, итальянского — 19 процентов, голландского — 16 процентов и австрийского — 13 процентов***.

С 1948 по 1950 год английские тресты получили от эксплуатации одних только малайских рабочих больше прибыли (650 миллионов долларов), чем от всего своего экспорта. В 1951 году семь крупнейших английских монополий («Юнилевер», «Англо-Ираниен», «Ройял Датч

* Виктор Перло, Американский империализм, Издательство иностранной литературы, 1951 г.

** Там же.

*** Там же.

шелл», «Импириэл тобакко», «П. энд О.», «Дэнлап раб-бер», «Тэйт энд Лайл») получили 468,4 миллиона фунтов стерлингов валовой прибыли со своих активов в 1115 миллионов фунтов стерлингов, что составляет 42 процента. 817 компаний, занятых добычей золота, меди, нефти и каучука и производством чая, заработали на своих капиталовложениях 47 процентов. На некоторых африканских рудниках предприниматели получают прибыль, в двадцать раз превышающую затраты на заработную плату! В 1937 году владельцы медных рудников в Северной Родезии загребли свыше 26 миллионов долларов чистой прибыли, тогда как общий годовой фонд заработной платы 17 тысяч рабочих, занятых на этих рудниках, был равен 1700 тысячам долларов, что составляет 68 долларов на человека⁴.

Колониальные и зависимые страны используются также для сбыта залежалых промышленных товаров. Установив над ними свой политический и экономический контроль, монополии могут собирать обильную дань, попросту повышая цены на продаваемые ими товары и снижая цены на то, что они покупают в зависимых странах. «Страна, находящаяся в благоприятных условиях, при обмене получает более труда за меньшее количество труда...»*. Так, в 1929 году бразилец мог купить автомобиль Форда за цену, равную стоимости двадцати мешков кофе, а в 1949 году эквивалент составлял уже двести мешков. Таково же соотношение цен и на другие товары⁵. В результате Бразилия, подобно большинству других зависимых стран, является банкротом. Все зависимые страны страдают от дефицита торгового баланса. В долларовом исчислении Иран в 1949 году ввез из США в пять раз больше, чем вывез в эту страну. Египет ввез в четыре раза, а Ирак — втрое больше, чем вывез.

Вследствие этого колониальные и зависимые страны обременены долгами, по которым платят проценты нью-йоркским и лондонским банкам, где заложена большая часть их активов и ресурсов. 73 процента миллиардной задолженности латиноамериканских стран Соединенным Штатам, накопившейся за 1952 год, или 731 миллион долларов, составляли проценты и дивиденды на капиталы, вложенные североамериканскими компаниями⁶.

* К. Маркс, Капитал, т. III, Госполитиздат, 1953, стр. 248,

Эта зависимость закрепляется тем, что чинятся препятствия развитию местной тяжелой промышленности и даже созданию крупных предприятий легкой промышленности.

В 1948 году финансовый капитал США извлек из колониальных и зависимых стран 7,5 миллиарда долларов прибыли. Это увеличило не только общую сумму полученных прибылей, но также и *среднюю норму прибыли на общую сумму вложенного капитала*. Таким образом, получается, что, с точки зрения трестов, 5 или 10 процентов вывозимой ими продукции представляет больше ценности, чем те 90 процентов, которые они продают на внутреннем рынке. Из этих десяти процентов они извлекают сверхприбыль *на весь* объем проданных товаров.

Следовательно, колониальные и зависимые страны — это как бы дыхательное горло монополистического капитализма. Если сдавить горло, он задохнется или с ним делаются судороги, принимающие форму фашизма или войны. Колонии и зависимые страны являются также разгрузочным клапаном, при помощи которого монополии избавляются от своих пагубных накоплений.

Сказанное объясняет непрерывную ожесточенную борьбу между империалистами за рынки и колонии.

Вообще говоря, *интенсивность*, с которой империалистические страны стремятся к войне, зависит от размера их избыточных капиталов и избыточных товаров, размера территории и численности населения, которые они могут эксплуатировать. Сейчас, как никогда, американские монополии задыхаются от избытков, совершенно не соответствующих размерам того «жизненного пространства», которое находится в их распоряжении. Они проникли в огромные английские и французские имперские владения, но им еще не удалось захватить их. Фактически Уолл-стрит вынужден вторгаться во владения всех капиталистических государств. Следовательно, новые военные столкновения *между ними* неизбежны.

Вот почему десяток крупнейших американских корпораций, в руках которых находится 75 процентов всех прямых капиталовложений США за границей, хотят превратить свой народ в орудие для достижения мирового господства.

Вместо разговоров о «бремени белого человека» и смиренной проповеди Священного писания — этой по-

трепанной маски, которой прикрывались английские колониальные порабитители, — американские монополисты теперь провозглашают лозунги свободы, христианской цивилизации и защиты от коммунизма. Выступая на совещании министров иностранных дел южноамериканских государств в Вашингтоне, Дин Ачесон торжественно вещал: «Свобода — эта та атмосфера, в которой люди могут работать, чтобы удовлетворить все положительные стремления и обеспечить ценности своей жизни... Там, где есть свобода, мы можем управлять собой так, как мы хотим... Содружество свободного мира — это духовный «союз»⁷.

Латиноамериканский «свободный мир»

Давайте теперь совершим небольшую экскурсию в этот «свободный мир» и рассмотрим природу его «духовности». Начнем с некоторых из латиноамериканских государств (а их двадцать одно), которые занимают территорию в 7,5 миллиона квадратных миль, а численность их населения превышает 170 миллионов человек.

Уолл-стрит часто называет Центральную и Южную Америку своими задворками. В этом нет ничего удивительного. Примерно четвертая часть наиболее ценных товаров, производимых этим сказочно богатым континентом и близлежащими островами, — кофе, минералы и железная руда из Бразилии, сахар с Кубы, свинец, олово и медь из Чили и Боливии, шерсть из Перу, нефть и уголь из Венесуэлы и Колумбии, богатые урожаи фруктов из Гаити, Гондураса, Гватемалы — все это обогащает горстку уолл-стритовских трестов. Им принадлежит или находится под их контролем значительная часть промышленности, торговли, банковского дела, судоходства, недвижности и страхового дела в Латинской Америке. Свыше 2,5 миллиарда долларов из тех 7,5 миллиарда, которые доставляет сегодня крупному капиталу США грабеж за пределами своей страны, поступает из стран Латинской Америки.

Что же дают тресты этим странам взамен? Во всех находящихся под господством США латиноамериканских странах социальная картина примерно одинакова: нищета, болезни, неграмотность, невежество, массовое голодание. От туриста, посещающего Рио-де-Жанейро

Монтевидео, Мехико или Каракас, гигантская трясина латиноамериканской нищеты частично заслонена виллами, садами, великолепными правительственными зданиями, роскошными ресторанами и клубами для миллионеров. Но не надо далеко ходить, чтобы обнаружить подлинный ад человеческих страданий, который представляет собой латиноамериканская деревня.

Только в 306 из 5 тысяч городов и сел Бразилии имеется водопровод и только в 170 есть канализация.. В этой стране ежегодно умирает свыше 350 тысяч грудных детей, а 500 из каждой тысячи детей не доживают до четырнадцатилетнего возраста. 24 миллиона взрослых неграмотны. 74 процента бразильских рабочих зарабатывает меньше 10 долларов в неделю. Поскольку цены в Бразилии примерно так же высоки, как в США, то рабочие семьи жестоко голодают. Еще хуже положение крестьян. В 1952 и 1953 годах в северной части страны голод и болезни унесли тысячи жертв.

На острове Пуэрто-Рико, который захвачен США в 1898 году и является колонией «Чэйз нэшнл бэнк», в 1950 году 500 тысяч человек из двухмиллионного населения страны не имели жилищ, а 300 тысяч — работы. По данным ООН, 86 процентов населения зарабатывали менее 80 центов в день. На принадлежащих американцам сахарных плантациях заработная плата составляла в среднем 5 долларов в неделю, а на промышленных предприятиях — 4 доллара⁸. Большая часть населения ютится в жалких лачугах, в однокомнатных хибарках, сооруженных из шифера или рифленого железа, не имеющих ни освещения, ни канализации. Города и села заражены туберкулезом, малярией, бильгарциозом и другими болезнями — спутниками нищеты. Многочисленные восстания пуэрториканского народа были потоплены в крови. Из-за невыносимых условий существования на самом острове десятки тысяч пуэрториканцев устремляются в поисках работы в США. Они ютятся по шесть-восемь человек в одной каморке, преимущественно в районе нью-йоркских трущоб; те из них, которым «повезет», находят низкооплачиваемую работу в качестве домашней прислуги.

Аналогичное положение в Никарагуа, оккупированном морской пехотой США в 1916 и 1927 годах, на Кубе (отвоеванной у Испании в 1898 году), на Гаити, в Венесуэ-

ле, Гондурасе, Колумбии и Гватемале. Американский капитал согнал в этих странах крестьян с земли. Посредством системы ростовщических займов и присвоения земель по просроченным закладам он превратил их в безземельных батраков. На Кубе «около 90 процентов пригодной для сельского хозяйства земли принадлежит американцам или находится у них в долгосрочной аренде»⁹. По данным Жозуэ де Кастро, семья кубинского фабричного рабочего, состоящая из пяти человек, существует на паек, калорийности которого достаточно лишь на одного человека¹⁰. В Гватемале компания «Юнайтед, фрут» претендует на три с лишним миллиона акров земли. Индейцы, составляющие 75 процентов населения, «считались и до сих пор считаются рабами, — пишет в «Нью-Йорк таймс» К. Кэлхоун. — Землю покупают не для ее использования, а для приобретения рабочей силы живущих на ней индейцев. Индейцы работают за 20 центов в день».

Об условиях существования народа Венесуэлы можно судить по тому факту, что, по официальным правительственным данным, при населении около 4 миллионов человек в стране насчитывается свыше 100 тысяч беспризорных детей. В 1950 году американские, английские и голландские нефтяные компании получили от своей деятельности в Венесуэле свыше 500 миллионов долларов чистой прибыли*. Гарвей О'Коннор заметил по этому поводу: «Когда нефть иссякнет, страна будет напоминать сундук старого портного, наполненный никому не нужными блесками. Двадцать пять лет назад она была нищей, больной и неграмотной. Такова она и теперь»¹¹.

Компании «Анаконда» и «Кеннекотт коппер» контролируют 95 процентов добычи чилийской меди. В 1950 году эти компании получили в среднем с каждого рабочего 5879 долларов прибыли. Заработная плата равна 13 центам в час. 68 процентов коммунальных предприятий Чили, 60 процентов добычи селитры, а также тоннажа торгового флота и фактически вся сталелитейная и медеплавильная промышленность являются собственностью

* В 1951 году на предприятиях компании «Стандард ойл» в Венесуэле было занято 14 500 рабочих. Чистая прибыль составила 202 278 тысяч долларов, или по 13 950 долларов на одного рабочего («Мудис индастриалз», 1952 г.). — *Прим. автора.*

корпораций Уолл-стрита*. В 1951 году прибыли, извлеченные в Чили североамериканскими трестами, превысили 40 миллиардов песо, то есть составили сумму, равную всему государственному бюджету страны. Свыше половины детей в Чили не доживает до девяти лет. Процент больных туберкулезом в семь раз больше, чем в США. По словам выдающегося чилийского поэта и народного трибуна Пабло Неруды, условия жизни рабочих медных и селитряных рудников Чили, принадлежащих группе Моргана — Рокфеллера и связанной с компанией Гугенхайма «Чукикамата», «можно сравнить только с теми, которые существовали в нацистских концентрационных лагерях»¹².

Корреспондент «Нью-Йорк таймс» Фостер Хэйли посетил в соседней с Чили Боливии (подвластной Рокфеллеру и Хохшильдлу) оловянные и свинцовые рудники, принадлежащие американским компаниям «Смелтинг» и «Анаконда». Он рисует следующую картину:

«Рудный пласт настолько горяч, что прикосновение к нему обжигает руки; температура воздуха превышает 50 градусов, влажность — 95 процентов. Пыль наполняет воздух и проникает в легкие... Шесть дней в неделю по восемь и более часов в день 3—4 тысячи мужчин, женщин и детей в возрасте от десяти до тридцати пяти лет добывают руду... Максимальная заработная плата мужчин — 135 боливиан (62 цента) в день... Их дома, сложенные из камня на сухой кладке, не отапливаются. По ночам температура опускается ниже нуля. Питаются они скудно... Все продовольствие привозное... 60 процентов рабочих больны туберкулезом... Половина детей умирает на первом году жизни, а вероятная продолжительность жизни тех, кто выживает, — тридцать пять лет**. Врачей нет; серьезная болезнь или ранение означают смерть. Вербовщики рабочей силы получают определенную сумму с человека...» И Хэйли добавляет к этому, что Полакайо, где он был, «еще не самый худший рудник»¹³.

* Директором «Брэден коппер Компани» — филиала «Кеннекотт коппер корпорейшн» — является Спруилл Брэден, бывший помощник государственного секретаря США, ведавший делами Латинской Америки. Компанию Дюпона принадлежит «Саус америкэн эксплозив компани» в Чили. Месторождения железной руды в северной части Чили принадлежат «Бетлехем стил Компани» — *Прим. автора.*

** Журнал «Форчун» сообщал в июле 1947 года, что из тысячи боливийцев 700 умирает в раннем детстве. — *Прим. автора,*

Власть «Акционерного общества «Убийца»

Диктаторская власть Уолл-стрита над латиноамериканскими владениями осуществляется руками местных квислингов, которые часто маскируются под патриотов и даже революционеров. Их снабжают деньгами и оружием, чтобы помочь им захватить и удерживать власть, а главное — подавлять забастовки. В 1928 году колумбийская хунта разгромила забастовку рабочих компании «Юнайтед фрут», причем было убито 1400 человек. В 1930 году правительство Перу оказало такую же услугу связанной с Морганом и Херстом компании «Серро де Паско», разрабатывающей месторождения меди и свинца¹⁴.

В связи с подъемом антиимпериалистического движения и ростом национальной буржуазии перед Уолл-стритом встают теперь в Латинской Америке более сложные проблемы. Хотя американские монополии стали чаще прибегать к мерам экономического давления, прямое насилие при помощи наемных местных банд остается его главным оружием. Недавно правительство Гватемалы приступило к проведению аграрной реформы, дающей землю тысячам голодающих крестьян. Ограждая интересы компании «Юнайтед фрут» и подчиненной Моргану «Электрик бонд энд шер Компани», Вашингтон ответил на это мерами, направленными к удушению экономики Гватемалы. Под дымовой завесой антикоммунизма он пытается теперь свергнуть законное правительство и установить марионеточный фашистский режим. 18 апреля 1953 года «Бизнес уик» дал следующий совет: «Правительство США должно прибегнуть к «большой дубинке» и даже к военным санкциям, чтобы убедить страну, подобную Гватемале, выкорчевать у себя коммунизм»*.

«Капитал США, — писала «Нью-Йорк таймс» в феврале 1953 года, — воздерживается от новых капиталовложений на Кубе из-за необоснованных требований

* В июне 1954 года США организовали силами наемников переворот в Гватемале, в результате которого законное правительство президента Арбенса было свергнуто реакционной военной хунтой во главе с полковником Армасом. Хунта отменила закон о национализации земли и жестоко распраивалась с демократическими силами Гватемалы. — *Прим. ред.*

организованных рабочих». Через несколько недель газета сообщила, что «американские деловые круги расценивают теперь положение на Кубе более оптимистически». 10 марта 1953 года был инсценирован государственный переворот и к власти пришел представитель «Нэшнл сити бэнк» Фульгенсио Батиста. Его хунта отменила конституционные гарантии, распустила все политические партии. Сотни рабочих были казнены, тысячи заключены в тюрьмы. «Нью-Йорк таймс» хвасталась, что режим Батиста «положил конец всем забастовкам и выступлениям рабочих с требованиями». «Рыцари свободы» снова обеспечили себе тридцатипроцентную норму прибыли на вложенные на Кубе 700. миллионов долларов.

Аналогичные события имели место в Британской Гвиане, где расположены богатейшие в мире месторождения бокситов. Десятки тысяч гвианцев за нищенское вознаграждение трудятся на «Меллон алюминум корпорейшн», которой «принадлежат» эти рудники. В октябре 1953 года народно-прогрессивная партия во главе с д-ром Чедди Джаганом получила в результате выборов 18 из 24 мест в Законодательном собрании и намеревалась ввести закон, обязывающий предпринимателей признать профсоюз рабочих бокситовых рудников. В Лондоне сфабриковали версию о «коммунистическом перевороте» и под этой дымовой завесой сместили законное правительство, отменили конституцию и создали атмосферу террора.

Правители большинства стран Южной и Центральной Америки, часто пользующиеся покровительством монополий США, являются самыми обыкновенными убийцами. На Кубе они убили руководителя профсоюза рабочих сахарных плантаций Хесуса Менендеса, секретаря профсоюза табачников Фернандеса Роига, работника профсоюза железнодорожников Мартинеса Ногеса и представителя профсоюза докеров Иглесиаса. За один только 1950 год в Чили, Бразилии, Перу и Колумбии было убито 90 профсоюзных работников и прогрессивных деятелей. В апреле 1951 года в Венесуэле была подавлена забастовка нефтяников, причем 4 тысячи рабочих были заключены в тюрьму и все профсоюзы разогнаны. В Боливии полиция, получившая оружие от Уолл-стрита, разгромила в мае 1951 года забастовку рабочих медных рудников; 100 рабочих было убито и 800 ранено.

Подвластную Вашингтону правящую клику Колумбии возглавляет друг Франко — Лауреано Гомес, а обязанности президента исполняет Роберто Урданета, являющийся юрисконсультom компаний «Стандард ойл оф Нью-Джерси» и «Юнайтед фрут». Эти фирмы — подлинные хозяева Колумбии. За последние четыре года в этой стране убито не менее 36 тысяч человек, включая женщин и детей.

Корреспондент «Нью-Йорк таймс» Сидней Грусон пишет: «Борьба, ведущаяся в Колумбии за последние пять лет, по числу жертв и неслыханной жестокости напоминает гражданскую войну... Конца ей не видно. Стало известно, что пять деревень, расположенных в ста милях к югу от Боготы, поддерживают политику либералов... Войска и полиция совершили нападение на эти деревни; наряду с мужчинами убито много женщин и детей. Можно привести сотни таких случаев... Фотоснимки, изображающие эти налеты войск и полиции, свидетельствуют об ужасающих зверствах; среди убитых и искалеченных имеются женщины и дети»¹⁵. В числе убитых — лидер коммунистов Хулио Ринкон и руководитель профсоюза нефтяников Аурелио Родригес.

По словам бывшего председателя сената Венесуэлы Вальморе Родригеса, в концентрационном лагере Гуаси — на тысячи политических заключенных погибли от физических пыток и эпидемических заболеваний. 13 февраля 1951 года Международная лига прав человека обратилась с протестом к бывшему генеральному секретарю Организации Объединенных Наций Трюгве Ли. В заявлении Лиги говорится, что в шести латиноамериканских странах не менее 30 тысяч человек подвергались пыткам, заключены в тюрьму или убиты за то, что являются политическими противниками существующих режимов. «В некоторых случаях, — говорится в этом документе, — указанные правительства не отрицали факта применения пыток. Есть сведения, что заключенных избивают, сдавливают им головы железными обручами, пытаются электрическими иглами, кладут на лед, сдирают щипцами ногти с пальцев рук и ног». Среди стран, упомянутых в этом докладе, — Венесуэла, Аргентина, Перу, Доминиканская Республика, Колумбия и Парагвай.

Переходя теперь к другим частям «задворок» Уолл-стрита, мы обнаружим, что на подопечных США тихо-

океанских территориях (Маршалльских, Марианских и Каролинских островах) в апреле 1947 года максимальная ставка заработной платы коренного населения составляла: для учеников в возрасте до шестнадцати лет — 3—5 центов в час, для прислуги — 4—6 центов, для чернорабочих — 5—7,5 цента, для рабочих низкой квалификации — 7,5—9 центов¹⁶.

После сорока восьми лет ожесточенной борьбы и после того, как устроенная в 1945 году Макартуром кровавая баня не смогла подавить национально-освободительное движение, филиппинский народ получил, наконец, в 1946 году «независимость» уолл-стритовского образца. По статистическим данным Экономической комиссии ООН за 1951 год, 75 процентов всех капиталовложений на Филиппинах, 80 процентов экспорта, 90 процентов импорта и все филиппинские банки находятся под контролем североамериканских трестов. (Генерал Макартур, который называет себя «опекуном» Филиппин, является владельцем огромных плантаций, гостиниц, пивоваренных заводов, а также золотых и хромитовых рудников.)

В этой стране, которой свыше полустолетия управляют американские тресты, в обрабатывающей промышленности занято меньше четырех процентов населения. А между тем Филиппины обладают всеми естественными богатствами, необходимыми для стремительного развития крупной промышленности: железом, углем, гидроэнергией, цветными металлами и плодородной почвой. В 1939 году средняя дневная заработная плата на Филиппинах составляла 30 центов, теперь — 96 центов. Однако квартирная плата и цены теперь в восемь раз выше, чем до войны. В 1948 году на золотых рудниках Бенгет, контролируемых нью-йоркской фирмой «Аллен энд Компани», рабочие получали 12,5 цента в час¹⁷. Свыше половины населения неграмотно. Лишь около четверти пригодной для сельского хозяйства земли обрабатывается, и большая часть ее находится в руках феодальных помещиков и католической церкви. Свыше половины филиппинских крестьян являются арендаторами-издольщиками. Рабочие сахарных плантаций до сих пор остаются полурабами. Массовая нищета и недоедание — таков удел населения островов. Двадцать три американские военные, морские и авиационные базы сдавливают кольцом Филиппинские

острова для «защиты» этой колонии Уолл-стрита. В 1951 году, после пятилетних напрасных попыток подавить Хукбалахап (Филиппинскую национально-освободительную армию), Вашингтон решил применить новую тактику. «Транспортные военные самолеты «С-47», — сообщила «Нью-Йорк таймс» 26 марта 1951 года, — сбросили сотни пятигаллоновых банок керосина и других нефтепродуктов на покрытую джунглями центральную часть острова Лусон. Затем наземные войска открыли стрельбу фосфорными ракетами, чтобы воспламенить горючее».

Пеонат и прибыли

Большая часть горной и металлургической промышленности Мексики, так же как и финансы страны, находится под контролем Уолл-стрита. Трестам Андерсона и Клейтона принадлежит значительная часть урожая хлопка, конопли, сахарного тростника, а также текстильная промышленность и большая часть земли. Американские компании являются собственниками 11 миллионов акров земли в Мексике; им принадлежит треть территории штата Коауила*. Одновременно Мексика представляет собой источник дешевой рабочей силы для североамериканских трестов. Свыше 10 процентов рабочих, занятых в сельском хозяйстве США в разгар уборочных работ, — это мексиканцы.

В прошлом многие мексиканцы переплывали реку Рио-Гранде-дель-Норте, чтобы попасть в США. Американские хозяева называли этих рабочих «мокрые спины». Теперь им больше не приходится нелегально пробираться в США. В корреспонденции, помещенной в «Нью-Йорк таймс», Глэдвин Хилл рассказывает о том, как солдаты гоняют и выстраивают десятки тысяч «оборванных и голодных мексиканцев, ищущих работы, делят их на группы по пятьдесят человек и затем подвергают осмотру... Представитель американских плантаторов определяет их физическую силу и пригодность для работы на фермах... Отобранных пропускают через своего рода конвейер, где их фотографируют и снимают у них отпечатки пальцев.

* Б. Александров, Проблемы сельского хозяйства в слабо-развитых странах, «Новое время», № 16, 1953.

Когда мексиканцы прибывают в США, фермеры заявляют, что они платят своим батракам только по 15 центов в час. Из заработной платы производятся еще вычеты за питание и специальные сборы... Одному неопытному сборщику хлопка через три дня сказали, что он заработал только на питание. Нередко «мокрые спины» работают неделями, а потом узнают, что им не причитается наличными ни цента... Редко их жильем служит что-нибудь лучшее, чем осушительная канава или лачуга, сколоченная из старой жести... Целые семьи работают по семь дней в неделю и по двенадцать часов в день только за пропитание»¹⁸. По словам Хилла, в 1952 году на американских фермах и ранчо работали полтора миллиона мексиканцев.

Поскольку рабочая сила оказывается почти бесплатной, а цены на продовольствие растут, монополии в области пищевой промышленности загребают колоссальные прибыли. Представитель калифорнийских владельцев плантаций сахарной свеклы заявил президентской комиссии по вопросу о рабочих-мигрантах: «Мы всяких видали. Мы берем китайцев, японцев, индусов, филиппинцев, мексиканцев (если угодно, «мокрые спины»), индейцев, негров, багамцев и кого угодно. Мы всегда соглашались брать любых рабочих, когда чувствовали в них необходимость»¹⁹.

7 ноября 1952 года по инициативе Союза негритянских баптистских священников города Майами (штат Флорида) Стетсон Кэннеди дал показание Комиссии по вопросу о принудительном труде Организации Объединённых Наций. Он заявил, что в США 5388 тысяч человек, в том числе негры, являются подневольными рабочими²⁰.

Подобно колониальным народам, негры в США находятся в состоянии полурабства, так как они представляют собой источник дешевой рабочей силы для различных сельскохозяйственных и сырьевых монополий. На расистском Юге США большую часть самой тяжелой работы выполняют негры. Их заработок зачастую составляет от трети до половины заработка белых рабочих. По данным переписи, в штатах Северная и Южная Каролина, Джорджия, Алабама, Миссисипи и Луизиана насчитывается 85 625 негров-землевладельцев и 580 330 — издольщиков и батраков (платных и бесплатных). Земель-

ная площадь фермеров негров уменьшилась с 1945 по 1950 год на 3 миллиона акров. С 1920 года негры были согнаны с 9 миллионов акров, или с одной трети принадлежавшей им в этих шести штатах земли. А между тем общая площадь обрабатываемой земли в этих штатах возросла с 1945 по 1950 год на 8 миллионов акров.

Хотя негры составляют всего десятую часть населения США, 56 процентов домашней прислуги и 60 процентов издольщиков — наиболее эксплуатируемой части сельскохозяйственного населения — являются неграми. Большая часть негритянской молодежи не только фактически лишена возможности получить образование в каком-либо из американских университетов ввиду существования процентной нормы, — миллионы не получают даже начального образования. Негры обычно работают в самых вредных отраслях, например, на литейных заводах и на заводах, изготавливающих удобрения. На Юге они поставляют большую часть рабочей силы хлопковым, табачным, лесозаготовительным и продовольственным трестам. 70 процентов квартир негров на Юге не имеют ни электрического освещения, ни водопровода, ни канализации.

Время от времени в пропагандистских целях правящий класс предоставляет неграм кое-какую лучше оплачиваемую работу. Однако, по данным справочника «Нигро хэндбук», меньше одного процента негров получили доступ к профессиям, требующим специальной подготовки, а половина промышленников и многие государственные ведомства совершенно не принимают на работу негров²¹. По данным Негритянского совета Большого Нью-Йорка, среди 2400 служащих и буфетчиков, работающих в шестнадцати крупнейших нью-йоркских отелях, нет ни одного негра. Из 525 электриков и других специалистов — только шесть негров²². А ведь негритянское население составляет около 15 процентов населения Нью-Йорка!

Загнанные в перенаселенные трущобы-гетто, не имея возможности улучшить свое экономическое положение, негры, чтобы не погибнуть от голода, вынуждены соглашаться на любую работу, причем за значительно более низкую заработную плату, чем та, которую получают белые рабочие. В петиции от 6 июня 1946 года, адресован-

ной Организации Объединенных Наций Национальным негритянским конгрессом, говорится, что «в 1940 году две трети негритянских семей зарабатывали меньше 750 долларов в год».

В 1947 году средний доход негритянской семьи в США составлял 1043 доллара против среднего дохода белой семьи в 3062 доллара²³. В 1950 году средний заработок белого рабочего был равен 2481 доллару, а негра — 1295 долларам²⁴. В 1949 году работницы негритянки зарабатывали лишь около 40 процентов того, что получали белые работницы, и вчетверо меньше белых рабочих-мужчин²⁵.

По утверждению экономиста Виктора Перло, в 1948 году американские капиталисты получили не менее четырех миллиардов долларов дополнительной прибыли от чернокожих рабочих «сверх средней прибыли, полученной монополиями от эксплуатации соответствующего количества белых рабочих». «Этот подсчет, — пишет далее Перло, — касается только производства товаров. Здесь не учтены сотни тысяч эксплуатируемых негритянок... работающих в домашнем услужении»*.

Индейцы — первый народ на нашем континенте испытавший на своей спине бич колониального гнета. Четыреста лет господства белого человека принесли им только страдания и нищету. Обреченные на вымирание согнанные со своих плодородных земель, лишенные политических прав, они являются гражданами третьего сорта в стране своих отцов.

Американские индейцы, уже сто двадцать семь лет находящиеся под опекой правительства, «вряд ли смогут быть полностью освобождены от ограничений раньше двухтысячного года. Таково мнение министерства внутренних дел, — пишет в «Нью-Йорк таймс» Антони Леви-Гиро. Сменявшие друг друга правительства и члены Конгресса много лет обещают предоставить индейцам полное равноправие. Но сейчас выполнение этого обещания кажется таким же отдаленным, как и раньше... Не заметно никаких признаков того, что будут приняты хоть какие-нибудь меры в этом направлении»²⁶.

* Виктор Перло, Американский империализм, Издательство иностранной литературы, 1951.

Нищета и изобилие на Ближнем и Среднем Востоке

Зависимость западноевропейских империалистов от американских пушек и долларов и их неспособность сломить освободительное движение народа дали возможность американским трестам занять господствующее положение в английских, французских, голландских и бельгийских колониях. Чтобы не быть принятыми за старых палачей, сменивших одежду, новые хозяева шумно провозгласили себя противниками старых методов империалистического господства. Некоторые бывшие колонии, такие, как Бирма, Филиппины, Ирак, Индонезия, Пакистан, Палестина и Трансиордания, получили право на собственные национальные флаги, собственную почтовую систему, представительство в ООН и другие внешние атрибуты суверенитета. Все признаки, свидетельствующие о том, что промышленность, финансы и сырьевые ресурсы страны находятся под контролем или в собственности у иностранных трестов, были поспешно прикрыты местными национальными эмблемами. Чтобы народ поддался на эту удочку, Вашингтон и Лондон провоцировали конфликты местного масштаба, как, например, между Индией и Пакистаном, Израилем и арабскими странами. Для инсценировки пародий на национальную независимость «покупают» местных вождей, как это обычно делается на Кубе или в Венесуэле.

Смена прямого колониального рабства менее бросающейся в глаза полуколониальной его формой сопровождалась миллиардными затратами на военные и авиационные базы (под предлогом советской агрессии) и подкупом местных феодалов и буржуазии при помощи «четвертого пункта программы Трумэна». Но, как это было и с латино-американскими колониями, Уолл-стриту пришлось и здесь прибегнуть к насилию. Те марионетки в Сирии, Иране, Трансиордании, Пакистане и других местах, которые по привычке стали принимать банкноты Английского банка наряду с валютой Уолл-стрита, были либо низложены, либо отправлены на тот свет.

Так, например, в марте 1950 года Вашингтон предложил тогдашнему иранскому премьер-министру Али Размара заем в размере 250 миллионов долларов. По словам лондонской «Таймс», Размара ответил послу США в Иране Грэйди, что он не хочет американской помощи. Более того, Размара также запретил трансляцию

в Тегеране антисоветских передач «Голоса Америки». Через несколько недель был обнаружен труп Размара, изрешеченный пулями. Вскоре были умерщвлены также те ливанские, сирийские, трансйорданские и пакистанские правители, которые не подчинялись приказам. «Абдулла — четвертый проанглийский деятель, убитый за последние месяцы, — хвастался в июле 1951 года моргановский журнал «Ньюсуик», говоря о борьбе между английскими и американскими трестами за Ближний и Средний Восток. 15 мая 1953 года, когда Даллес сел за стол, чтобы вести переговоры с египетским правителем генералом Нагибом, писала «Нью-Йорк таймс», «он начал с того, что положил на стол крупнокалиберный револьвер, сказав: «Это подарок от вашего друга Дуайта Эйзенхауэра».

«Большая пятерка» американской нефтяной промышленности («Стандард ойл оф Нью-Джерси», «Сокони вакуум», «Галф ойл», «Тексас ойл», «Стандард ойл оф Калифорния») получила в 1952 году миллиард долларов чистой прибыли от грабежа нефтяных богатств стран Ближнего и Среднего Востока. По словам сенатора-демократа от штата Миссури Томаса Хеннинга, себестоимость одного барреля сырой нефти составляет на Среднем Востоке десять центов против двух долларов в США. Хеннинг сказал также, что англо-американский нефтяной картель получил за последние шесть лет примерно 12 миллиардов долларов чистой прибыли (после уплаты налогов) и что теперь прибыли достигли уровня в 3 миллиарда долларов в год²⁷.

Нищета, царящая на Ближнем и Среднем Востоке, представляет разительный контраст с производимыми этим районом богатствами. С 1938 по 1952 год добыча нефти на Ближнем и Среднем Востоке возросла в шесть с половиной раз. Ближний и Средний Восток дает свыше половины нефти, движущейся по каналам международной торговли²⁸.

Местным правителям—ставленникам США—бросают кое-какие крохи, но 40 миллионов арабов, населяющих эти страны, обречены на жестокую нужду и голод. С тех пор как американские тресты явились на Ближний и Средний Восток и потребовали у англичан свою долю награбленной добычи, нищета местного населения достигла крайних пределов. По данным отчета ООН, опубликованного

в сентябре 1951 года, 60 процентов арабских детей умирает, не достигнув пятилетнего возраста. Свыше 75 процентов населения страдает туберкулезом, трахомой, бильгарциозом, дизентерией и пеллагрой. На заработок, получаемый за шестнадцатичасовой рабочий день, иранские женщины и дети могут купить только два фунта хлеба. В сельской местности средняя заработная плата равна одному доллару в неделю. Официально признанный доход Англо-Иранской нефтяной компании за 1951 год (400 миллионов долларов) в десять раз превысил доход всех иранских рабочих-нефтяников за тот же год.

В Сирии, Турции и Египте доход на душу населения составлял в 1951 году 2 доллара в неделю, в Ираке и Иране — 1 доллар, а в Саудовской Аравии — 75 центов. Но эта средняя сумма получена путем деления на численность населения общей суммы доходов, в том числе и тех, которые получает местное дворянство, купленное империалистами. На деле средний доход на душу населения в странах Ближнего и Среднего Востока составляет около 50 центов в неделю²⁹.

Таковы условия жизни населения сказочно богатого района, обладающего огромными запасами сырья для химической промышленности, минералами и рудами, реками, обеспечивающими возможность ирригации и производства электроэнергии, почвой, могущей стать плодородной, и половиной разведанных мировых запасов нефти. Связь, существующая между империализмом и голодом народных масс, очень хорошо выражена в заголовке сообщения, помещенного недавно в «Нью-Йорк таймс»: «Египет стал больше есть. Угроза экономике». В этом сообщении говорится: «При существующей в Египте экономической системе и при огромном перенаселении эта страна не может позволить себе, чтобы массы съедали больше минимума, необходимого для поддержания существования»³⁰.

Юго-Восточную Азию империалисты часто называют своей сокровищницей. Она поставляет в огромных количествах каучук, олово, нефть и другое сырье. За первые пять месяцев 1951 года одна только Малайя дала английским каучуковым трестам 202 857 400 долларов. Однако «за исключением, пожалуй, 10 тысяч белых, живущих в Сингапуре, — пишет Майкл Джеймс из Малайи, — рабочие этой колонии буквально умирают от голода. В по-

следнее время в общественные больницы поступили рабочие, страдающие сильнейшим истощением от недоедания... Заработная плата составляет 83 цента в день... Нигде в Британской империи я не видел худших социальных условий». Затем корреспондент приводит слова английских чиновников, что «вся беда в избытке находящихся в обращении денег!»³¹

Монополии больше, чем когда бы то ни было, препятствуют теперь развитию отсталой местной промышленности этих районов. Даже продовольствие, которое Юго-Восточная Азия раньше вывозила, ввозится из-за границы. Положение, существующее в пакистанской провинции Синд, типично для всей Юго-Восточной Азии. Подавляющее большинство рабочих живет в «басти» — поселках из лачуг, представляющих собой рассадники грязи и болезней. Тысячи людей гибнут ежегодно от малярии, холеры и туберкулеза. По словам газеты «Пакистан таймс», «средняя семья предпочитает потерять одного или двух детей, чем платить врачу и после этого голодать»³². В то время как в стране один врач приходится на 25 тысяч жителей, правительство Пакистана, поддерживаемое Соединенными Штатами, ассигнует на здравоохранение меньше одного процента своего бюджета, а более 50 процентов — на вооружения для защиты от «агрессии» со стороны соседнего Советского Таджикистана.

Полукапиталистическая, полуфеодалная Индия номинально независима, но многие заводы и фабрики, рудники и плантации, торговый флот и банки наполовину или полностью принадлежат иностранцам. В собственности или под контролем англо-американских трестов находится от 70 до 90 процентов индийских предприятий, производящих нефть, каучук, джут, шеллак, а также добыча руды, угля и слюды. Как и всюду, американские монополисты вытесняют английских. Вашингтон разрешает значительный экспорт оборудования только для нефтеочистительных заводов, принадлежащих американским нефтяным компаниям, и для предприятий, добывающих моназитовый песок для производства атомных бомб. Надежды Индии на развитие промышленности остались втуне. Цены на экспортируемое Индией сырье и на ввозимые ею промышленные товары тоже назначают американцы.

Крестьяне составляют подавляющее большинство на-

селения страны, а в сельском хозяйстве до сих пор сохранилась система землевладения, установленная сто пятьдесят лет назад британской Ост-Индской компанией. Свыше трети сельского населения — безземельные батраки. В провинциях Бихар и Бенгалия принадлежащие крестьянам участки земли редко превышают половину акра. Хотя почва в Индии чрезвычайно плодородна, долгие годы империалистической и феодальной эксплуатации, а также отсталость промышленности обрекли большую часть индийского народа на хронический голод, наводнения, эпидемии и массовую нищету. По словам де Кастро, «средняя продолжительность жизни индийца — двадцать шесть лет. 40 процентов детей умирает, не дожив до пяти лет»³³.

Во время голода 1950—1951 годов около ста миллионов взрослых и детей в Индии «существовали», получая менее чем 800 калорий в день. «Никто больше даже не беспокоится и не обращает внимания на множество трупов, валяющихся на улицах, — сообщал корреспондент лондонского журнала «Экономист» в июне 1951 года. — Жители целых деревень выглядят так, как будто они только что вышли из Бельзена (гитлеровский лагерь смерти)... Старики высохли, как мумии, дети рахитичные, со вздутыми животами и голодными глазами. Люди питаются через день сладким картофелем, если его удастся достать. В районе Пурнеа положение еще хуже. Люди едят вареные листья джута. Они не так худы, как в Мадубани, но они умирают от голода. Они страдают расстройством кишечника, испытывают различные боли и слабость. Свиристует оспа в тяжелой, часто неизлечимой форме». «Экономист» добавляет к этому, что, по имеющимся подсчетам, количество жертв голода может достичь 5 миллионов человек и что «на Западе это вызвало бы политический взрыв». По мнению журнала, «немного здравого смысла — и проблему можно было бы разрешить»³⁴.

«Благословенная свобода» в Африке

Африка до сих пор остается цитаделью неограниченного империалистического рабства. Примерно до 1920 года огромные богатства этого континента эксплуатировались преимущественно западноевропейскими империалистами, но в дальнейшем американские тресты приобрели там гос-

подствующее влияние. Рокфеллеровские и моргановские фирмы слились с рядом английских, французских и бельгийских трестов, оперирующих в горнорудной и других отраслях промышленности. Капитал Моргана занимает господствующее положение в добыче золота, меди, алмазов и урановой руды в Южной Африке. Американский стальной трест «Юнайтед Стейтс стил» вкладывает в настоящее время 100 миллионов долларов в разработку колоссального месторождения марганцевой руды во Французской Экваториальной Африке. Гугенхейм, Форд, «Дженерал моторс», Крейслер, «Стандард ойл», «Юнион карбайд», Файрстон, «Кеннекотт коппер», «Интернэшнл никел» и другие уолл-стритовские концерны тоже орудуют в разных частях Африки*.

Капиталовложения в Африке быстро окупаются, и получаемые прибыли в несколько раз превышают затраченные средства. «Ньюмонт майнинг корпорейшн» — моргановская компания, правление которой находится на Уолл-стрит, 14, — получила 20 долларов чистой прибыли на каждую тонну добытой руды. На рудниках цветных металлов «Цумеб» в Юго-Западной Африке рабочие получают по 50 центов в день³⁵. В списке директоров компании «Ньюмонт» числится Фред Сирлс-младший, Джеймс Бирнс и Люшиес Клей — люди, занимавшие недавно крупные государственные посты³⁶. Фирма «О'Окип» выплатила в 1947/48 году дивиденды в размере 90 процентов, а в 1949 году — 142 процента³⁷.

Если взять Африку в целом, то один врач приходится там на 200 тысяч жителей, одна школа — на 60 тысяч детей. Немногочисленные начальные школы находятся в руках миссионеров, которые воспитывают в детях кротость и покорность белым хозяевам. Во всей Нигерии — стране с населением около 30 миллионов человек — имеется лишь шесть начальных школ, 96 больничных коек и один врач на каждые 133 тысячи жителей**.

В марте 1948 года английское правительство послало

* В 1946 году финансовые группы Рокфеллера слились с английскими южноафриканскими группами и приобрели контроль над более чем ста южноафриканскими фирмами. Подчиненная Моргану англо-американская корпорация приобрела контроль над более чем сорока компаниями в Южной Африке и Родезии (Лондонская «Файнэншл таймс», 22 марта 1952 г.). — *Прим. автора.*

** Палм Датт, Кризис Британии и Британской империи, Издательство иностранной литературы, 1954.

в Нигерию (уже семьдесят пять лет находящуюся под его благожелательным правлением) комиссию для выяснения возможностей увеличения поставок мяса в Англию. По возвращении на родину эта комиссия доложила, что среднее потребление мяса на душу населения составляет в Нигерии меньше полутора унций в неделю и что свыше половины детей в этой стране не доживает до шестилетнего возраста³⁸. По официальным английским данным, в 1938 году рабочие, занятые на рудниках и каучуковых плантациях Нигерии, получали полшиллинга, то есть примерно 12 центов в день. В 1948 году, по сообщению правительственной комиссии, дневной заработок повысился до 50 центов, но это повышение было сведено на нет ростом цен*.

Обширный район Конго, аннексированный в 1908 году Бельгией, занимает пятое место в мире по добыче меди, В его недрах содержится также 60 процентов мировых запасов кобальта (важная добавка, применяемая при выплавке высококачественной стали), а также огромные запасы нефти, олова, цинка, серебра, сырья для производства, цемента, урана, хлопка и других ценных материалов. Вся экономическая жизнь Конго находится под контролем полудюжины нью-йоркских и брюссельских финансовых групп. Прибыли треста «Юньон миньер», разрабатывающего месторождения урана и кобальта и имеющего капитал в 3 миллиона франков, составили в 1949 году около 2 миллиардов франков, а в 1950 году—3 миллиарда. За последние несколько лет прибыли «Сосьете женераль де Бельжик», «Юнилевер» и других международных трестов, оперирующих в Конго, повысились на 400—2000 процентов. Фактически весь уран и значительная часть кобальта отправляется в США для нужд военной промышленности. Ряд нью-йоркских финансовых групп, связанных с группой Рокфеллера, установил теперь непосредственный финансовый контроль над горной промышленностью Конго.

Весь медицинский персонал Конго представлен 466 врачами, 27 фармацевтами и 21 дантистом, которые находятся в городах и обслуживают исключительно европейцев. 10 миллионов местного населения не получает фактически никакой медицинской помощи. В Конго нет вра-

* Палм Датт, Кризис Британии и Британской империи, Издательство иностранной литературы, 1954.

чей-африканцев. Свыше 60 процентов населения страдает туберкулезом, малярией, сонной болезнью, проказой, венерическими и другими заболеваниями. Больше 53 процентов детей погибает в младенческом возрасте. Со времени прихода европейских колонизаторов население Бельгийского Конго уменьшилось примерно на 50 процентов³⁹.

Северная Африка имеет большие природные богатства и плодородную почву, но ее население не пользуется этими благами. Большая часть обрабатываемой земли и месторождений ископаемых находится в руках нескольких трестов и помещиков. Марокко — один из крупнейших в мире поставщиков марганца и кобальта. В 1951 году четырнадцать французских фирм получили от марокканских рабочих 2,5 миллиарда франков чистой прибыли. Из 8 миллионов акров обрабатываемой земли 6 тысяч французских колонистов захватили себе 2,5 миллиона акров наиболее плодородных земель. Остальное приходится на долю 850 тысяч марокканцев, из которых 500 тысяч совсем не имеют земли. С 1948 по 1952 год площадь земли, обрабатываемой местным населением во Французской Северной Африке, сократилась еще на полтора миллиона акров⁴⁰.

Большая часть американских военно-воздушных баз, созданных в Северной Африке после второй мировой войны, находится в Марокко. К середине 1953 года было ассигновано полмиллиарда долларов на сооружение баз в дополнение к объектам, предоставленным в распоряжение Соединенных Штатов во время второй мировой войны. Эти фонды явились источником огромных злоупотреблений, вопрос о которых рассматривался в Конгрессе США.

Военное и экономическое проникновение США только усугубило нищету марокканского народа. В марте 1952 года реальная заработная плата рабочих-марокканцев была на 48 процентов ниже, чем в 1938 году и на 44 процента ниже уровня 1945 года. Официально минимальная «ставка заработной платы, действующая на большей части принадлежащих иностранному капиталу горнорудных предприятий, а также на военных базах, составляла в марте 1951 года 277 франков, или 79 центов в день!⁴¹ Вдобавок рабочим, так же как и грузчикам в доках Нью-Йорка, где хозяйничают гангстеры, приходится отдавать часть заработной платы агентам американских подрядчи-

ков за предоставление работы⁴². На принадлежащих фирме «Ньюмонт майнинг корпорейшн» свинцовых и цинковых рудниках Зеллиджа в Марокко рабочим платят 15 центов в час. Американские авиационные базы (один врач на каждые 120 тысяч и один полицейский на каждые 600 марокканцев) защищают эту часть «свободного мира».

В Алжире владения французских помещиков составляют преимущественно виноградники, равные по площади 8—14 тысячам акров каждое. В 1951 году каждый акр виноградников приносил владельцам 500 долларов прибыли в год⁴³. Миллионы безземельных североафриканских крестьян работают в поле от зари до зари, получая 30—40 центов в день, но даже такую работу достать нелегко. Местная промышленность, за исключением кустарной, совершенно лишена возможности существовать.

Североафриканский пейзаж украшен обширными «бидонвиллями» — поселками из лачуг, построенных из соломы и глины, где царит неопишуемая грязь, свирепствует туберкулез и всякого рода тропические болезни и где обитают десятки тысяч нищих. По всем дорогам Северной Африки бродят толпы оборванных молодых людей и детей, ищущих работы. Несколько картофелин, рваная тряпка на плечах, жалкая хижина или сырая бетонная клетушка — вот все, чем располагает средний североафриканский сельскохозяйственный рабочий после векового господства империалистов.

Северная часть Танганьики является крупнейшим в мире поставщиком сизаля — волокна, применяемого преимущественно в производстве шпагата, необходимого для вязки снопов. Треть рабочего населения Танганьики занята на громадных плантациях сизаля. «Рабочим, — писал Альбион Росс в «Нью-Йорк таймс» 5 июля 1953 года, — выдаются талоны. Каждый талон дает право на получение от 2 долларов 60 центов до 3 долларов 70 центов плюс премия в 70 центов. Примерно таков месячный заработок».

Вся правовая система в африканских владениях империалистов приспособлена к тому, чтобы обречь миллионы людей на рабский труд*. Каждый африканец должен платить налог, хотя бы даже у него не было ника-

* Джеймс Аллен. Атомный империализм, Издательство иностранной литературы, 1952.

ких доходов. Выходящая в Кении английская газета «Ист Африкен Стандард» высказывается по этому поводу очень откровенно: «Мы считаем, что обложение налогами — единственный способ заставить туземцев выйти из своих резерваций в поисках работы. Только таким образом можно повысить для туземцев стоимость жизни. И именно от этого зависят предложение и стоимость рабочей силы». Эти рабочие получают 2 фунта стерлингов в месяц. Изданный в 1922 году бельгийскими властями закон запрещает всякое обсуждение социальных проблем и карает тюремным заключением за критику существующего в Бельгийском Конго строя. «Журнал де трибюно» сообщает, что за один год суды провинции Леопольдвиль в Бельгийском Конго приговорили к принудительным работам 104 451 человека. Рабочие в этой колонии размещаются в особых лагерях, отгороженных колючей проволокой и охраняемых полицией. Малейший проступок карается поркой*. Рабочий день длится от двенадцати до шестнадцати часов. Горняки носят металлический или веревочный ошейник. Физически сильные получают ровно столько пищи, чтобы они могли работать; слабые умирают (но не без напутствия миссионеров, финансируемых Лондоном и Вашингтоном)⁴⁴.

30 июля 1953 года в «Нью-Йорк таймс» была помещена корреспонденция Альбиона Росса из Южной Родезии, в которой говорилось: «По действующему здесь закону «о господах и слугах» батраки-негры на фермах и большая часть негров-чернорабочих, занятых в промышленности, находятся в состоянии временного рабства... Если они убегают с фермы или с предприятия, полиция обязана поймать их... Основная ставка заработной платы контрактованного рабочего-негра составляет около 5 долларов 60 центов в месяц».

В распоряжении фашистского правительства Малана в Южной Африке имеется целый ряд специальных законов, направленных на то, чтобы обратить негритянское население в полурабов. «Закон о подавлении коммунизма» применяется против всех тех, кто выступает против фашизма. По закону об особых районах всех не-европейцев (шесть миллионов из восьмимиллионного населения)

* Бельгийский делегат в Совете по опеке ООН голосовал против отмены телесных наказаний на подопечных территориях. — *Прим. автора.*

размещают в изолированных гетто, насильственно стогая их с насиженных мест. Закон о паспортах требует, чтобы каждый мужчина африканец имел ряд специальных пропусков, ограничивающих свободу его передвижения и свободу выбора местожительства и работы. Осужденные за нарушение этих законов могут либо отсидеть свой срок в тюрьме, либо идти на сельскохозяйственные работы. За одиннадцать месяцев 1950 года такого рода приговоры были вынесены 825 529 африканцам⁴⁵. В сельской местности устроены лагеря для заключенных батраков. Представители рудников, железных дорог и других предприятий заключают с директорами тюрем договоры на поставку заключенных для разного рода работ доплатой по 20 центов за человека в день⁴⁶.

Местные рабочие колоссальных горнорудных предприятий Трансвааля размещены в огромных лагерях, огороженных колючей проволокой. Лагерь делится на участки, в каждом из которых содержится по 5 тысяч человек. На специальных вышках стоят на страже наемные бандиты с пулеметами. За малейшее нарушение правил и особенно за «леность» на работе виновный подвергается жестокой порке⁴⁷. Бэзил Дэвидсон, посетивший в 1952 году резервации африканцев в Южной Африке, представляющие собой подлинные концентрационные лагеря, куда согнано три миллиона негров, писал: «Лучшее, на что может рассчитывать население резерваций, — это не быстрая, а медленная голодная смерть»⁴⁸.

Эта система лагерей существовала еще в 1910 году. Поклонники «западной свободы» задолго до Гитлера научились превращать человеческие тела в, слитки золота.

Огнем и мечом

После второй мировой войны империалисты потеряли территорию в 30 миллионов квадратных миль — районы, обладающие запасами важнейшего сырья, — с населением более 600 миллионов человек (на Балканах, в Восточной Европе, Китае, Вьетнаме и Северной Корее). Это побудило империалистов еще больше усилить грабеж колониальных районов, оставшихся под их господством. Опубликованный в 1948 году лейбористский план для Западной Европы гласит: «Для того чтобы действительно ослабить нашу зависимость от американских поставок, необходимо прежде всего развить наши обширные ресурсы

на африканском континенте». Лондонская «Санди таймс» привела заявление Джона Фостера Даллеса о том, что Африка «могла бы обеспечить полную независимость Западной Европы от ресурсов Восточной Европы». Значительно увеличилась также потребность в колониальной рабочей силе для добычи стратегического сырья — урана, бокситов, железа и марганца.

Чтобы заставить африканцев работать на рудниках и плантациях, коренному населению Южной Африки, насчитывающему 8,5 миллиона человек, было предоставлено для поселения меньше 15 процентов всей территории страны, а в Трансваале — едва 10 процентов. В Кении англичане отобрали у 5,5 миллиона африканцев лучшую землю, предоставив им существовать на 50 тысячах квадратных миль бесплодной земли. Остальная территория была объявлена специальным районом для добычи ископаемых и развития других ресурсов. В результате этого началась организованная борьба народа за демократические права и улучшение невыносимых условий жизни.

В мае 1945 года алжирский народ, празднуя окончание войны, потребовал на своих митингах проведения земельной реформы. Однако это не входило в планы французских колонизаторов и тогдашнего правителя Алжира де Голля. Несколько алжирцев было арестовано по ложному обвинению в нападении на европейцев. Под этим предлогом находящиеся на жалованье у феодалов банды сожгли ряд сел и перерезали их жителей. В сообщении, опубликованном «Нью-Йорк таймс» 1 июня 1945 года, говорится: «Бунты против французской оккупации были подавлены при помощи американских самолетов». По словам очевидца, «ежедневно подвергалось казни 50 человек. Их сбрасывали со скалы в пропасть близ Бужи»⁴⁹.

В мае 1949 года близ Энфидавилля рабочие-туниисцы, занятые на плантациях в соседнем французском поместье, объявили забастовку, требуя минимальной заработной платы в 50 центов в день. Утром 28 мая они собрались вместе с членами своих семей перед конторой поместья, чтобы предъявить свои требования. О том, что последовало за этим, рассказывает очевидец в газете «Авенир де ля Тюнизи» от 30 июня 1949 года: «Внезапно появилась моторизованная колонна войск и без предупреждения открыла винтовочный и пулеметный огонь прямо по толпе мужчин, женщин и детей. Двор заполнился убитыми и

ранеными, среди которых были беременные женщины с простреленными животами».

Главная ценность Мадагаскара для парижских, лондонских и нью-йоркских трестов — это его запасы угля, слюды, бериллия, графита и урана. Восьмилетние дети и женщины с привязанными за спиной младенцами работают в рудниках и на шахтах за несколько центов в день. Хозяева фирмы братьев Лазар — Ротшильд обнаружили, что можно повысить дивиденды от слюдяных рудников, отказавшись от расходов на питание той части населения, которая не работает на рудниках. Таким образом мальгашки были обречены на голод и болезни. (На Мадагаскаре большая часть детей не доживает до десяти лет. В 1950 году рождаемость составила 84619, а смертность — 110201). За пятьдесят пять лет господства французских колонизаторов население Мадагаскара сократилось с 10 миллионов до 4,5 миллиона человек⁵⁰.

После второй мировой войны французские хозяева ускорили выполнение своих планов геноцида, рассчитывая таким образом ликвидировать мальгашское национально-освободительное движение. Сторонники этого движения получили большинство на провинциальных выборах в 1947 году, а также в профсоюзных организациях, объединявших уже в то время 120 тысяч трудящихся. В 1947 и 1948 годах французские войска совершили несколько чудовищных по своей жестокости побоищ: было убито 89 тысяч мальгашей. Эту цифру назвал в январе 1949 года на заседании следственной комиссии генерал Гарбей. Когда о массовых убийствах стало известно, парижская буржуазная печать сначала пыталась отрицать их. В дальнейшем она преуменьшила их, утверждая, что «в этом году было убито и казнено лишь около 20 тысяч человек»⁵¹.

В ноябре 1949 года горняки угольных шахт Энугу в Нигерии провели итальянскую забастовку. Они требовали заработной платы в 75 центов в день. Английские власти закрыли вентиляционные трубы, чтобы заставить горняков смириться. Когда это не удалось, они расстреляли двадцать два участника забастовки. Это побоище объединило весь народ Нигерии в широкий национальный фронт⁵². К 1952 году англо-американские, французские и бельгийские тресты, действующие в Нигерии и Конго, содержали в концентрационных лагерях свыше 20 тысяч

африканцев — профсоюзных активистов, прогрессивных деятелей и членов демократических организаций. В Марокко и Тунисе 30 тысяч человек были лишены свободы за участие в национально-освободительном движении.

Организуемые империалистами побоища, носившие сначала спорадический характер, стали теперь повседневным явлением в колониальных странах. Так, за одну неделю августа 1951 года в печати были помещены следующие сообщения: «В Тунисе снова спокойно — убито 22, сотни ранены...» «На Золотом Берегу французы убили 10 и ранили 50 африканцев, которые хотели перейти через границу во Французское Того, чтобы подать комиссии ООН петицию по вопросу о предоставлении независимости...» «В Таиланде беспорядки: убито 68 и ранено 1100 человек...» «В Панаме восстановлено нормальное положение. Сегодня убито 14 человек, ранено 110 и 1024 отправлено в тюрьму...» «15 убитых и сотни раненых в связи с прибытием в Тегеран Аверелла Гарримана». «Я привык к таким вещам, — хвалился Гарриман. — То же самое происходило во всех столицах, которые я посетил».

Только ничтожная часть совершаемых империалистами в колониальных странах зверств становится достоянием гласности. Как правило, капиталистическая печать упорно замалчивает события в этих районах. Но горькая правда состоит в том, что поддержание привычного образа жизни американских и западноевропейских олигархий достигается ценой порабощения почти миллиарда человек и медленной смерти многих миллионов. Вряд ли в ВОЗДВИГНУТЫХ монополиями в Гааге, Лондоне, Париже и Нью-Йорке зданиях найдется хоть один камень, не запятанный человеческой кровью.

Однако империалисты не присваивают себе *все* фунты и доллары, добытые кровью и потом колониальных народов. Кое-что перепадает и народам эксплуатирующих наций. Если средний еженедельный доход на душу населения в США составляет около 23 долларов, то это только потому, что в Латинской Америке доход равен лишь 2 долларам, в Африке — 1 доллару, а на Среднем Востоке и в Юго-Восточной Азии — 50 центам. Грабеж колониальный позволяет сеять рознь между трудящимися грабящих и ограбляемых стран. За счет этого грабежа жиреет рабочая аристократия, превращаясь в прислужников

корпораций. На награбленные деньги покупают совесть многих либералов (порой заботящихся о правах человека в своей стране) и лишают их способности замечать зверства империалистов в колониальных и зависимых странах.

Мошенничество вокруг «четвертого пункта программы Трумэна»

Стремясь сдержать поднимающуюся волну народно-освободительного движения, Уолл-стрит выдвинул так называемый «четвертый пункт программы Трумэна». В январе 1949 года Трумэн заявил: «Мы должны приступить к осуществлению новой смелой программы, чтобы успехи нашей науки и прогресс нашей техники могли быть использованы для развития и улучшения положения слаборазвитых стран... Мы должны стимулировать капиталовложения в районах, нуждающихся в развитии... В наших планах нет места старому империализму и эксплуатации для извлечения прибыли из других стран». Но вскоре выяснилось, что подлинное назначение «четвертого пункта программы Трумэна» такое же, что и назначение закончившего ныне свое существование плана Маршалла. Гарри Беннет, руководящий проведением в жизнь технических мероприятий по «четвертому пункту» сказал, что цель этого пункта — способствовать разрешению проблемы рынков для избыточной продукции США⁵³. Финансовый директор «Форд интернэшнл» Н. Богден заявил 9 ноября 1949 года на национальном совещании по внешней торговле: «Необходимо прежде всего довести до сознания всех правительств, что побудительным мотивом такого рода капиталовложений должно быть, в первую очередь, извлечение прибыли». Председатель технической миссии государственного департамента в Бразилии Джой Эббинк выступил 22 марта 1950 года в Нью-йоркском клубе экспортеров и сказал, что цель «четвертого пункта» — «сдерживать стремление отсталых стран к индустриализации». В книге «Партнеры по прогрессу», изданной в марте 1951 года Совещательным советом по «четвертому пункту», во главе которого стоял Нельсон Рокфеллер, указывалось, что «четвертый пункт» рассчитан на установление контроля над запасами марганца, вольфрама, каучука, хрома, цинка, меди, свинца, алюминия и дру-

гих стратегических материалов, имеющих в странах с отсталой промышленностью. В книге сказано, что свыше 73 процентов запасов стратегического сырья, накопленных в США, получено из этих стран. В ней откровенно говорится, что «четвертый пункт» — необходимое приложение к программе вооружений США⁵⁴.

«Даже при умеренном объеме мероприятий по «четвертому пункту», — писала «Уолл-стрит Джорнэл», — потребуется, чтобы отсталые страны заработали свыше 2800 миллионов долларов на оплату процентов и дивидендов на вложенные доллары». Такова была сумма, которую раньше с Уолл-стрита рассчитывали ежегодно выжимать из колониальных народов сверх тех семи с половиной миллиардов, которые они уже выжимают⁵⁵.

Из всего сказанного следует, что «четвертый пункт» — это нечто прямо противоположное программе индустриализации слаборазвитых стран. Он мыслился как средство *предотвращения* развития любой промышленности в любой стране, дабы она в конечном счете не «потрясла» рынки уолл-стритовских монополий. Колониальные и отсталые страны должны поглощать изготовленные в США товары и служить источниками сырья.

Чего другого можно ожидать от монополий? Разве торговец станет расходовать деньги на то, чтобы создать рядом с собой конкурентов? Уолл-стрит душит ряд отраслей английской промышленности. Он пытается такие промышленные страны, как Франция и Италия, превратить в непромышленные. Поэтому нет ничего более противоречащего интересам Уолл-стрита, чем широкая индустриализация отсталых стран.

В разработанном ООН докладе, озаглавленном «Исследование возможностей развития слаборазвитых территорий», говорится, что для повышения национального дохода этих стран на 2 процента в год потребовалось бы ежегодное вложение 10 миллиардов долларов. А Вашингтон ассигновал на выполнение «четвертого пункта программы Трумэна» в 1949 году 37 миллионов, в 1950 году — 200 миллионов и в 1951 году — 418 миллионов. Из последней суммы 237 миллионов были предназначены «Азии и тихоокеанскому району, включая Формозу». «То, что именуется экономической помощью, является на деле более дешевой формой военной помощи», — писала 3 марта 1952 года лондонская «Таймс».

Недавно группа сенаторов-демократов открыто признала, что главное назначение «четвертого пункта» — служить прикрытием для развития сети американских военных баз. 5 ноября 1953 года эти сенаторы опубликовали открытое письмо Гарольду Стассену, в котором сказано, что «программа «четвертого пункта» утонула в обширной программе военной помощи, с которой ее слила нынешняя администрация»⁵⁶. Правительство Бирмы установило, что помощь по «четвертому пункту» идет не Бирме, а находящимся на севере войскам Чан Кай-ши, совершающим набеги на бирманскую территорию. Бирма осудила это в ООН и заявила, что не примет больше «помощи от США»*.

В октябре 1952 года Сирия взбунтовалась против «четвертого пункта», потому что его результатом явились бешеный рост цен и вмешательство США во внутренние дела страны. На состоявшейся 10 октября 1952 года конференции Института тихоокеанских отношений делегаты Индии и Пакистана «резко обвинили США в использовании в эгоистических целях предназначенных на оказание помощи долларов». «Соединенные Штаты, — заявили эти делегаты, — намереваются использовать в качестве пушечного мяса в войне против Советского Союза народы Азии, не желающие принимать в ней участия»⁵⁷.

Для защиты «свободного мира» Вашингтон довел в 1951 году свой военный бюджет чуть ли не до 80 миллиардов долларов. Эта сумма превышает общий годовой доход 1100 миллионов человек, населяющих Африку, Южную Америку и Азию (без Китая и Советского Союза), который в 1951 году составил всего 78 миллиардов долларов**. На развитие сельского хозяйства в двадцати восьми отсталых районах мира Вашингтон ассигновал в том же году в общей сложности 8 миллионов долларов —

* 19 августа 1953 года, после двух лет махинаций вокруг «четвертого пункта», вооруженные отряды, обученные бывшим полицейским чиновником штата Нью-Джерси Норманом Шварцкопфом, свергли в Иране правительство Мосаддыка, причем было убито 300 и ранено 1100 иранцев, и объявили главой правительства Файзуллу Захеда. — *Прим. автора.*

** За указанный период доход 107-миллионного населения Южной Америки был равен 18 миллиардам, доход 198 миллионов человек, населяющих Африку, — 14 миллиардам, доход же 805 миллионов жителей Азии (без среднеазиатских республик СССР и без Китая) — 46 миллиардам долларов. («Фортнайтли ревью», 16—31 мая 1952 года.) — *Прим. автора.*

стоимость двух бомбардировщиков. Из этих цифр видно, что у империалистов стремление к производству орудий смерти примерно в 10 тысяч раз сильнее стремления повысить уровень жизни людей.

Что же касается борьбы с эрозией почвы и наводнениями и других неотложных общественных работ, необходимых в колониальных странах, то разве станет финансовая олигархия, противящаяся проведению такого рода работ в США, финансировать их в Индии или Иране? «Разумеется, — писал Ленин, — если бы капитализм мог развить земледелие, которое теперь повсюду страшно отстало от промышленности, если бы он мог поднять жизненный уровень масс населения, которое повсюду остается, несмотря на головокружительный технический прогресс, полуголодным и нищенским, — тогда об избытке капитала не могло бы быть и речи... Но тогда капитализм не был бы капитализмом...»*.

Чтобы внушить доверие жаждущим земли крестьянам стран Ближнего и Среднего Востока, а также Юго-Восточной Азии и отвлечь силы революционного национально-освободительного движения, Вашингтон поддерживает кое-где проведение земельной реформы. Но невозможно уничтожить помещичье землевладение и феодализм, повысить производительность сельского хозяйства без индустриализации страны. Чтобы развить промышленность, отсталая страна должна иметь возможность использовать свое национальное богатство, выкачиваемое ныне иностранными компаниями, приобрести оборудование, создать внутренний рынок посредством повышения заработной платы и уровня жизни трудящихся, сократить импорт иностранных промышленных товаров при помощи жесткой таможенной политики — короче говоря, избавиться от господства империалистов. Но именно это Вашингтон и пытается предотвратить. Поэтому-то его земельные реформы ничтожны по своим масштабам и их проведение не может остановить революционное движение. «Намеченная программа проведения земельной реформы, — пишет из Ирана Альбион Росс, — является, возможно, научно обоснованной. Но понадобится в самом лучшем случае *лет* сорок пять, чтобы все сельские жители стали самостоятельными землевладельцами». «Возникает, естественно.

* В, И, Ленин, Соч. т. 22, стр. 228—229.

вопрос — достаточно ли такие темпы для того, чтобы задержать революцию, которая кажется все более вероятной», — добавляет он⁵⁸. Подсчитано, что, если следовать разработанному США плану, понадобится около ста лет, чтобы 13 миллионов безземельных, нищих египетских феллахов получили землю, находящуюся в руках 13 тысяч помещиков.

Надвигающаяся буря

Бросая голодающим народам колоний жалкие подачки за счет ассигнований по «четвертому пункту», Вашингтон пытается одурачить эти народы, чтобы легче было эксплуатировать их естественные богатства и рабочую силу. Однако в общем и целом надо сказать, что махинации Вашингтона не сумели одурачить народы колониальных и зависимых стран. На горьком опыте они научились распознавать подлые уловки, направленные на то, чтобы увековечить их порабощение. Нищета населения Пуэрто-Рико, Филиппин, Кубы, Гаити, которые уже многие десятилетия находятся под властью Уолл-стрита, угнетение негров в самих Соединенных Штатах — все это более убедительно для колониальных народов, чем сладкие речи Вашингтона.

Не пугают рабочих и крестьян колониальных и зависимых стран и измышления «Голоса Америки» о «советской агрессии». В Египте даже консервативная печать пишет: «Не русские оккупируют нашу страну, не русские пытаются навязать нам пакты, которые в конечном счете ведут к истреблению наших детей»⁵⁹. Все больше людей в колониях сознают, что если бы не было СССР, господство империалистов сопровождалось бы еще худшими зверствами.

Все больший размах приобретает борьба за национальную независимость в латиноамериканских странах. В некоторых из них борьба ведется одновременно как против отечественных, так и против иностранных владельцев крупных поместий и рудников. В июне 1952 года Национальное собрание Гватемалы приняло закон об аграрной реформе, предусматривающей распределение земли между крестьянами-бедняками, — закон, за который долго и упорно боролись крестьянские массы. Несмотря на интриги государственного департамента и компании «Юнайтед фрут», демократический избирательный фронт

одержал блестящую победу на выборах в январе 1953 года и завоевал в Национальном собрании 51 место против 6, полученных оппозицией. Сегодня, после пяти лет жестокого террористического режима президента Видела, рабочий класс Чили сильнее, чем когда бы то ни было. Недавно чилийские рабочие успешно провели ряд забастовок на принадлежащих иностранному капиталу медных рудниках и угольных шахтах. К горнякам присоединились текстильщики, моряки торгового флота и докеры. Фактически все профсоюзы объединились под знаменем Конфедерации трудящихся Чили. Эта борьба привела к изменениям в политике по отношению к США.

В Бразилии забастовки запрещены законом, но, несмотря на это, с 1948 по 1950 год в стране бастовало свыше 700 тысяч человек. Коммунистическая партия Бразилии объявлена вне закона. Ее членов, в том числе и ее лидера Луиса Карлоса Престеса, разыскивает руководимая Вашингтоном полиция. Но находящаяся в подполье партия продолжает возглавлять борьбу народных масс Бразилии. Она выпускает двадцать семь еженедельных и ежемесячных изданий, которые широко распространяются по всей стране. Движение сторонников мира было запрещено, но около пяти миллионов человек не испугались правительственного террора и подписали Стокгольмское воззвание. Под давлением общественности были предотвращены ратификация военного пакта с США и передача нефтяных ресурсов страны американским компаниям.

9 апреля 1953 года народные массы Боливии с оружием в руках свергли подчиненное США правительство. Власть была передана национально-революционному движению, возглавляемому Пас Эстенсоро. Это правительство издало указ о национализации рудников, принадлежавших компаниям Патино, Хохшильда и Арамайю. Эти компании контролировали 80 процентов боливийского экспорта олова. Министр горной промышленности: Хуан Лечин заявил, что национализация «положит конец длительному периоду угнетения и геноцида, осуществлявшихся горнорудными компаниями». «Только за последние шесть лет, — добавил он, — на рудниках оловодобывающих компаний погибло четыре тысячи горняков». Джон Фостер Даллес счел нужным сделать предостережение, что «Латинская Америка может пойти по пути

Китая»⁶⁰. Он немедленно прекратил доступ в США боливийскому олову и заморозил в нью-йоркских банках боливийские вклады.

Латиноамериканская буржуазия пытается избавиться от господства Соединенных Штатов. Аргентина испытывает сильное экономическое давление со стороны США. Пытаясь вырваться из тисков американской политики цен, Аргентина начала вести торговый обмен со странами социалистического лагеря. Правительство Перона выходит из подчинения и отказывается поддерживать США в ряде важнейших вопросов.

В Организации Объединенных Наций латиноамериканские страны расходятся с США по некоторым вопросам. Блок африканских, азиатских и арабских стран, хотя он еще и скован цепями экономической зависимости, в ряде случаев перестает подчиняться диктату Вашингтона. Со все большей решимостью его представители требуют самостоятельности, независимости и права действовать в своей стране в соответствии с собственными интересами.

В поисках надежных сфер для своих капиталовложений американские тресты явно предпочитают вкладывать деньги в Центральной и Западной Африке. Они надеются, что отсталость и изолированность этого района, а также почти поголовная неграмотность коренного населения надолго гарантируют их от «советской агрессии», то есть от «заражения» масс прогрессивными идеями. Но стены этой цитадели тоже рушатся. От Алжира до Кении, Танганьики, Родезии и Южной Африки дворцы империалистических хозяев окружены пламенем восстаний.

В Южной Африке Африканский и Индийский национальные конгрессы, представляющие свыше 8 миллионов человек, развернули вместе с рядом прогрессивных организаций кампанию ненасильственного сопротивления реакционным, расистским законам Малана. Напуганная широкой кампанией против белых колонистов полиция Малана, прошедшая обучение под руководством немецких фашистов, лишила свободы и подвергла избиению тысячи людей. 7 ноября 1952 года были зверски убиты сотни негров. Правительство Малана утверждало, будто бы ему угрожала руководимая коммунистами подпольная организация, стремящаяся ниспровергнуть существующий строй. Подражая американским маккартистам и расистам

из южных штатов США, Малан заявил: «Внешние силы—Организация Объединенных Наций, коммунистическая Россия, полукоммунистическая Индия и английская лейбористская партия — объединились, чтобы навязать нам равноправие, которое для белой Южной Африки равносильно национальному самоубийству»⁶¹. Вскоре после этого представитель США в ООН выступал против вынесения резолюции, осуждающей правительство Малана. «Не будем приписывать народу Южной Африки дурных намерений или безрассудства», — сказал он.

В Центральной Африке создан Африканский демократический союз, насчитывающий 2 миллиона членов. На Берегу Слоновой Кости, население которого меньше 2,5 миллиона, к этому движению присоединилось 800 тысяч человек. Состоявшаяся в октябре 1951 года в Бамако-Африканская профсоюзная конференция заложила основы единства рабочего класса Африки; 3 ноября 1952 года во всей Французской Западной Африке — в Сенегале, Судане, Гвинее, на Берегу Слоновой Кости, в Дагомее, в Верхней Вольте бастовали рабочие всех отраслей промышленности. В борьбе за повышение заработной платы и отмену антипрофсоюзного законодательства они создали единый фронт, организовали движение активного и пассивного сопротивления. «Поезда не ходили. Ни один «бой» не постелил постель своему патрону. Ни один повар не вскипятил воды для своего хозяина-европейца»,—писал один из виднейших руководителей африканского профсоюзного движения Абдулла Диалло. В результате этой борьбы 3 ноября был принят кодекс законов о труде, который, помимо признания за трудящимися ряда прав, запрещает принудительный труд⁶². Проведя в декабре 1952 года трехнедельную забастовку, 40 тысяч горняков Северной Родезии добились у хозяев повышения заработной платы.

В мае 1949 года профсоюзы Кении организовали Восточно-африканский конгресс профсоюзов. За один год число его членов возросло с 5 тысяч до 10 тысяч членов. В том же году состоялась забастовка 2 тысяч рабочих транспорта. Вскоре после этого англичане запретили Федерации африканских рабочих созыв митингов. Секретари федерации Унда Дауди и Джафет Бенкс были арестованы и приговорены к каторжным работам. Были также арестованы Фред Кубай и Макхем Сингх. Рабочие Най-

роби объявили всеобщую забастовку. Лондон ответил на это броневиками, расстрелами и массовыми арестами.

На Золотом Берегу популярная Партия народного конвента приобрела миллионы сторонников. Чтобы воспрепятствовать росту этой организации, английский губернатор обратился в Лондон с просьбой о присылке военных кораблей. Однако англичанам в конечном счете пришлось уступить и предоставить населению Золотого Берега самоуправление. «Молодежь Нигерии охвачена идеей коммунизма», — предупреждали своих хозяев в 1951 году возвращавшиеся на родину миссионеры. Сотни тысяч людей от Южной Африки до Судана поют «Вставай, Африка!» и «салютуют сжатым кулаком», — писала лондонская «Таймс». Идеи Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина проникли в самую гущу африканских джунглей. Они распространяются в прериях, зажигают умы рабочих рудников и плантаций, вооружая народы всего африканского континента мощным средством борьбы за освобождение от империалистического рабства.

От Кении до Вьетнама

«Нигде в африканских владениях Африки я не видел условий труда, более близких к рабству», — заявил член английской палаты общин лейборист Феннер Брокуэй после своей недавней поездки в Кению⁶³.

Народ Кении, насчитывающий 5,5 миллиона человек и находящийся под властью 30 тысяч белых колонистов, неоднократно обращался к Организации Объединенных Наций и к своим лондонским хозяевам с просьбой о возвращении хотя бы части отнятой у него земли. (Только три лорда — Деламир, Уотерпарк и Плимут — захватили в Кении 1250 тысяч акров лучшей земли.) В своем обращении к ООН (1952 год) руководящие деятели Кении указывают, что крестьяне вынуждены сто восемьдесят дней в году бесплатно работать на белых помещиков за право жить на собственной земле. В обращении выдвигается ряд требований: освобождение арестованных руководителей профсоюзного движения Кении, прекращение расовой дискриминации и обеспечение минимальных демократических прав.

Лондон ответил на это массовыми арестами, конфискацией скота и массовыми репрессиями против населения

целых деревень. Чтобы подавить движение народа, стремящегося вернуть себе свою землю, англичане направили в октябре 1952 года в Кению на самолетах и броневиках тысячи солдат. Союз африканцев Кении был запрещен, а его руководитель Джомо Кениата арестован под предлогом, что Союз связан с организацией «Мау-Мау». В действительности движение «Мау-Мау» возникло только после того, как англичане запретили все легальные негритянские организации и арестовали 86 видных деятелей Союза африканцев Кении. Выступая 29 октября 1952 года в английской палате лордов, лорд Страболджи признал, что Лондон раздул значение движения «Мау-Мау», чтобы оправдать жестокие меры, посредством которых белые хотят помешать прогрессу негритянского населения. О характере этих мер можно судить по тому, что произошло 24 апреля 1953 года близ города Найроби. Англичане, как сообщило агентство Рейтер, «отдали распоряжение стрелять в каждого подозрительного человека, который не остановится, будучи окликнут. 900 солдат и полицейских окружили деревню Кариобанги и загнали все шеститысячное население в концентрационный лагерь, а в это время бульдозеры сравняли с землей их хижины». То же самое произошло и в других селах Кении.

Методы, которыми управляют империалисты, отказ в элементарных демократических правах не оставляют рабочим и крестьянам колониальных стран никакого выбора, кроме изменения форм своей борьбы.

В условиях все более жестокого террора у народа Кении не оставалось иного выбора, как взяться за оружие. В сентябре 1952 года все члены британской колонии в Кении получили письмо от участников движения Сопротивления, объединившего большую часть африканцев. Содержание этого письма, озаглавленного «Говорит Африка», следующее: «Вы заключили в тюрьму нашего вождя Джомо Кениата и многих других. Тысячи африканцев, не делающих ничего противозаконного, задерживают, обыскивают, избивают, подвергают унижениям, лишают свободы... Вы уничтожили нашу печать, арестовали ее редакторов, запретили наши газеты... В Кению пришел фашизм. Но ваша жестокость и власть оружия не заставят нас отказаться от наших целей. Вы не можете заставить замолчать голос народа. У нас теперь больше

мыслящих людей, мы будем продолжать борьбу против вас и добьемся свободы. Это голос новой Африки! Вы загнали нас в подполье, но не запугали нас. Нас шесть миллионов, и наша сила в нашей численности. Мы будем убивать вас так же, как вы убиваете нас сейчас. Когда придет наше время, не ждите пощады, потому что вы не знаете, что такое пощада»⁶⁴.

Когда-то, пишет с грустью лондонский «Экономист», «азиатов можно было усмирить демонстрацией силы». Но на «сравнительно более искушенных рабочих Абадана это уже не производит впечатления»⁶⁵.

Главное оружие империализма — сила и террор — уже лишилось своей былой действенности. Даже танки и самолеты не могут больше подавить подъем пробуждающихся народов колоний, ибо они научились отвечать ударом на удар.

Новый характер освободительной борьбы народов является результатом сочетания ряда обстоятельств. Пример народов Советского Союза, быстрые успехи нового Китая в огромной степени повысили политическую сознательность народов колониальных стран. Эти новые перспективы породили моральную силу. Увеличение числа безземельных крестьян, рост численности рабочего класса, усиление империалистического террора и, наконец, результаты второй мировой войны, сломившей мощь британской, французской, голландской и японской империй и ослабившей их власть над колониальными народами, — все это способствовало росту единства рабочих и крестьян.

Во время второй мировой войны патриоты и антифашисты колониальных и зависимых стран научились пользоваться оружием. Многие из них участвовали в борьбе против японского, итальянского и германского фашизма. В огне боев угнетенные народы поняли, что они способны побеждать наемные войска империалистов. Еще до Кореи народно-освободительные армии, особенно в Малайе и Индо-Китае, рассеяли высокомерные иллюзии белой расы господ.

2 сентября 1945 года народ Индо-Китая объявил о создании республики во главе с Хо Ши Мином. 6 марта 1946 года Париж признал независимую республику Вьетнам, но одновременно Леон Блюм, бывший тогда главой правительства, начал войну против нее, отдав приказ о

бомбардировке Хайфона и Ханоя, в результате которой было убито 6 тысяч человек. Парижские банкиры рассчитывали на краткую и победоносную кампанию. Они рассчитывали, используя туземные войска, заставить «азиатов убивать азиатов». Однако из 22-миллионного населения Вьетнама удалось набрать лишь несколько тысяч наемников, причем и те часто дезертируют и присоединяются к народным войскам. Король Камбоджи заявил, что он заслуживает возмездия за вступление во Французский Союз. Сознательные народные массы Камбоджи понимают, вынужден был он признать, что руководимый коммунистами Вьетнам борется за национальную независимость страны и что население Камбоджи не будет умирать за то, чтобы помочь французам остаться в стране⁶⁶.

Миновали дни, когда можно было пользоваться дешевым колониальным «пушечным мясом». Чтобы только удержаться в нескольких городах, Франции приходится затрачивать во Вьетнаме 4 миллиарда франков в неделю и жертвовать, наряду с наемниками, завербованными из бывших гитлеровских солдат, также и лучшими обученными кадрами французских солдат и офицеров. В 1953 году, после семи лет непрерывной войны, стоившей 200 тысяч жертв, полумиллионные силы французских захватчиков удерживали меньше 20 процентов территории Вьетнама.

8 января 1949 года Эндрю Рот писал в «Нейшн», что, по признанию видного члена правительства Бао Дая, «почти 99 процентов вьетнамского народа сочувствует правительству Сопrotивления, возглавляемому Хо Ши Мином». «Из ста солдат, прибывающих сюда, только пятеро доживают до возвращения домой...» «М-сье, мы, находящиеся здесь французы, конченные люди», — сказал корреспонденту «Сатердей ивнинг пост» Дэррелю Берригану один французский солдат. «Во французской армии нет дисциплины, — добавляет от себя Берриган, — Наиболее стойкими являются немцы... Но и они теперь деморализованы, как и французы». Рост дефицита и еще более глубокое банкротство — вот все, что получили французские империалисты от этой кровавой авантюры.

Разочарованные парижские банкиры, видя, что игра не стоит свеч, были уже готовы отступить. «Помощь по плану Маршалла покрывает лишь около 50 процентов на-

ших расходов во Вьетнаме», — жаловался Венсан Орк-оль 24 октября 1952 года. (Война в Индо-Китае стоила Франции свыше 7 миллиардов долларов, что превышает всю сумму долларовой помощи, полученной от США после второй мировой войны.) Но тем временем, по мере того как нарастали финансовые трудности Франции, Уолл-стрит проникал в Индо-Китай. Граница Вьетнама с Китаем простирается почти на пятьсот миль. Подобно Корее, Вьетнам может служить плацдармом для нападения на Китай. И Уолл-стрит подбодрял обессиленных французских империалистов обещанием дополнительной помощи.

В апреле 1953 года, после разгрома французских войск в Лаосе, Вашингтон попытался использовать положение и «интернационализировать» войну, превратив Вьетнам в новую Корею. «Держитесь! — упрасивали Эйзенхауэр с Даллесом. — Суда, груженные напалмом и огнеметами нового типа, находятся уже в пути!» Соединенные Штаты поставили Франции дополнительно еще 90 миллионов патронов, 80 тысяч автоматов, 11 тысяч пулеметов, самолеты и другое военное снаряжение⁶⁷. Французы держались, но это стоило им колоссальных жертв.

Как сообщила 18 декабря 1953 года «Нью-Йорк таймс», за последнее время Хо Ши Мин дважды оповестил Париж, что если французское правительство желает заключить во Вьетнаме перемирие на основе переговоров и разрешить вьетнамскую проблему мирным путем, народное правительство Демократической Республики Вьетнам готово вступить в переговоры с французским правительством. Однако на Бермудской конференции французский премьер-министр Жозеф Ланьель обещал Эйзенхауэру и Черчиллю, что его правительство будет продолжать войну и отвергнет мирные предложения Вьетнама. «Это обещание,—писал Бенджамен Уэллес в «Нью-Йорк таймс», — обеспечит [Франции] помощь США и Англии в Европе и в беспокойной Северной Африке»;

В Малайе английские тресты всячески стараются править теми же методами, которые они применяли против народа Индии и в войне с бурами в Южной Африке, — методами, которые впоследствии были рабски скопированы их рурскими партнерами. Подобно германским фашистам, англичане назначили цену за головы руководите

лей движения Сопrotивления. В апреле 1952 года англичане обещали 85 тысяч долларов за поимку вождя малайского народно-освободительного движения Чин Пэна, 55 тысяч долларов — за доставку живым или мертвым кого-либо из членов Центрального Комитета Малайской Коммунистической партии и 800 долларов — за рядового члена партии. По зверскому плану Бриггса—Темплера с жителями малайских городов и сел, отказывающимися стать осведомителями о народно-освободительных силах, поступают следующим образом: все их имущество, включая землю, конфискуется, старики, женщины и дети заключаются в концентрационные лагеря. «Вы никогда больше не будете жить здесь!» — кричал английский командующий в Малайе сэр Джералд Темплер жителям деревни Матанг Тинги 21 августа 1952 года. Их дома были сожжены и сравнены с землей.

Вот как описывает уничтожение одной деревни и угон ее населения корреспондент английской газеты «Обсервер»:

«Не слышно было ни криков, ни мольбы. Им дали несколько минут на то, чтобы забрать свои пожитки... Пламя стремительно охватило хижину, а семья стояла среди разбросанного вокруг жалкого скарба и смотрела... Это повторилось пять раз. Только ребенок заплакал. Остальные стояли с каменными лицами. В конце деревни старуха ждала своей очереди у дверей своей хижины. Рядом на земле лежал ее умирающий от туберкулеза сын; его руки и ноги иссохли, как щепки. Внутри хижины царил предельная нищета»⁶⁸.

К 1953 году сотни сел, десятки тысяч домов были снесены с лица земли. Официальные цифры английского правительства показывают, что с апреля 1950 по март 1952 года в концентрационные лагеря было помещено 430 тысяч малайцев — мужчин, женщин и детей (при населении в 5 миллионов человек).

Эти зверства укрепили решимость малайского народа продолжать антиимпериалистическую борьбу. Непрерывное наступление, которое ведут в течение пяти лет 150-тысячные английские сухопутные, воздушные и морские силы, не смогло подавить движения Сопrotивления в Малайе. Малайский народ создал собственное правительство во главе с Чин Пэном, школы, типографии и другие предприятия — все это в джунглях. Примерно

90 процентов территории Малайи покрыто густыми джунглями и, как сказал с сокрушением генерал Бриггс, «джунгли не горят»⁶⁹. В отместку англичане подвергают массовой бомбардировке города и села. Английские военные самолеты разбрызгивают химические яды для уничтожения посевов. «Фактически войска мятежников никогда не насчитывали более двух или трех тысяч человек. Но они сковывают сотни тысяч английских войск, — заявил руководитель английской информационной службы Эллиот Уотроус, — потому что на место одного убитого или раненого партизана немедленно становится другой»⁷⁰.

Наемным войскам империалистов противостоят народные силы, бойцы которых готовы на самопожертвование. «Один вьетнамский боец армии освобождения, — писала «Нью-Йорк таймс», — стал «живой бомбой». Он взорвал гранатами командующего французскими наземными силами в южной части Индо-Китая генерала Шарля Шансона и губернатора-аннамита и погиб при этом сам. Как выяснилось, этот боец был двадцатипятилетним юношей, членом «батальона самоубийц» вооруженных сил Вьет-Мина»⁷¹.

Слова Маркса, сказанные им в прошлом веке о чувстве братства, которым были проникнуты рабочие, примыкавшие к социалистическому движению, еще более справедливы теперь по отношению к поднимающимся народам колониальных стран.

Похоронный звон по империализму

Империализм теряет свободу маневрирования. Он окружен со всех сторон. «Каждое поместье владельца каучуковой плантации в Малайе—это настоящая крепость, — пишет корреспондент «Нью-Йорк таймс» Э. Стил. — Участок вокруг дома плантатора окружен колючей проволокой, рвами и пулеметными постами. Всю ночь он ярко освещен. Отряды вооруженной охраны патрулируют круглые сутки. Сам плантатор никогда не выходит из дому без пистолета, подвешенного у бедра, а порой и с автоматом наизготовке».

Альбион Росс пишет из Кении, что английские колонисты «обедают, держа на столе винтовку и следя одним глазом за слугой, а другим за окном»⁷². Как сообщает

журнал «Нью стейтсмен энд нэйшн» в номере от 13 декабря 1952 года, губернатор Кении сэр Эвелин Бэринг задает такой вопрос: «Будут ли и впредь вкладывать капиталы в Восточную Африку, если каждый европеец носит ружье, а каждый африканец прячет свой нож? Может ли процветать бизнес в Найроби, если африканцы не хотят работать? Будет ли и впредь столь приятна жизнь колониста в стране, которую так часто и так справедливо называют красивейшей в мире, если ни один европеец не может доверять африканцу, обрабатывающему землю или прислуживающему за столом?»

Рассказывая о своем пребывании во французской армии в Индо-Китае, наемник Ги де Шомон-Гитри писал:

«Я всех подозреваю. Я вглядываюсь в лица людей, пытаюсь угадать их намерения, и это лишает меня душевного равновесия. Мой сон тревожен. Я внезапно просыпаюсь и, затаив дыхание, прислушиваюсь к звукам, к разговорам в соседних бараках, к отдельным выстрелам, раздающимся со всех сторон... Обычно вьетнамцы узнают о наших передвижениях раньше, чем те части, которым предстоит провести операцию. Они знают, в каком направлении и какими силами мы намерены нанести удар. Противник ускользает от нас, так как мы не в состоянии создать полное окружение. Население бежит в джунгли, и когда мы прибываем, деревни оказываются пустыми. Но когда вьетнамцы наступают, они действуют наверняка. Они точно знают, с какими силами им придется иметь дело, они пользуются пулеметами и минометами и уничтожают наши транспортные конвои и патрули. Когда Народная армия атакует французские гарнизоны, местное население поджигает здания, в которых расположен гарнизон, и присоединяется к атакующим войскам. Солдаты не решаются отойти на сто метров от укрепления»⁷³.

Колониальные народы учатся таким образом преодолевать временное военное превосходство врага, совершая при этом чудеса. Это факт огромного исторического значения. Вначале бойцы Вьет-Мина сражались преимущественно дубинками и охотничьими ружьями. Однако они держали в страхе сначала японцев, а затем прекрасно вооруженные французские войска и наносили им тяжелые потери. Бойцы научились также использовать захваченную у противника артиллерию. Из разрозненных партизан-

ских отрядов возникла мощная армия. Поражение американских сил в Корее и французов во Вьетнаме доказывает, что техника бессильна против духа народной армии; что, хотя превосходство в вооружении имеет существенное значение, оно ни в коем случае не является решающим. О том же свидетельствует победоносная борьба Советской России в 1918—1922 годах против интервенции четырнадцати держав, разгром Красной Армией вооруженной до зубов гитлеровской армии, блестящая победа китайского народа над во много раз лучше оснащенными силами японцев и Чан Кай-ши.

Первоначальному превосходству противника в воздухе, массированным бомбардировкам и концентрации артиллерии народные войска противопоставляют тактику ведения боев ночью, рассредоточения, отходов, просачивания и окружения. Некоторыми видами этой тактики пользовался сам американский народ в период революции 1776 года. Борясь против тирании и гнета, американские революционеры разбили значительно лучше вооруженные войска англичан и их немецких наемников.

Тем временем империализм еще стремительней, чем прежде, создает условия, ведущие его к гибели. Низкая заработная плата и одностороннее развитие экономики в колониальных и зависимых странах осложняют для капитализма проблему рынков. Империализм превращает все больше колоний в свои сырьевые придатки. Вся экономическая жизнь колоний становится зависимой от сбыта всего нескольких видов товаров — кофе, сахара, каучука, олова, меди и т. д. Падение спроса или цен на сырье на мировом рынке немедленно ведет к массовой безработице и массовому голоду в колониальных и зависимых странах. Так, например, незначительное снижение темпов накопления запасов олова и каучука в США нанесло жестокий удар по экономике ряда стран Южной Америки и Юго-Восточной Азии.

С другой стороны, поскольку империализм все еще энергично продолжает вывоз капитала в отсталые страны, он одновременно усиливает террор, создавая себе, таким образом, грозного мстителя — революционный рабочий класс, объединенный с угнетенным крестьянством в непобедимое народно-освободительное движение. Таким образом, капитализм сам постепенно вооружает угнетенных средствами и ресурсами для их освобождения.

Кризис колониальной системы стал центральным фактором всей международной обстановки. Он ведет к дальнейшим осложнениям политических и экономических проблем современного капитализма. Эксплуатация колоний может продолжаться только при помощи огромного арсенала оружия. Хотя деятельность в колониях еще выгодна для многих трестов, она оплачивается ценой колоссальных военных расходов и обложения народов империалистических стран разорительными налогами.

Американские корпорации, получившие с 1946 года свыше 200 миллиардов долларов прибыли, до зарезу нуждаются в заграничных рынках для вывоза капитала. Между тем с 1951 года экспорт капитала фактически стал сокращаться. Крупные американские дельцы считают, что для устойчивости экономики экспорт частного капитала должен составлять 2—4 миллиарда долларов в год. В действительности же ежегодный экспорт капитала лишь немного превышает 1 миллиард долларов, а в последнее время он снизился еще больше. Это может быть временным явлением, но следует иметь в виду, что краху 1929 года предшествовало резкое сокращение экспорта капитала.

Новый тип освободительной борьбы в колониальных странах явно предвещает конец империализма как мировой системы. Беспощадная борьба миллионов людей во Вьетнаме, Малайе, Бирме, на Филиппинах, в Индии, Индонезии, Африке и Латинской Америке подрывает основы монополистического капитализма.

КОРЕЙСКАЯ ВОЙНА. ЧЕМУ ОНА УЧИТ И ЧТО ПРЕДВЕЩАЕТ

Революционные силы, бурлящие во всех колониальных и зависимых странах, нашли свое высшее историческое выражение в национально-освободительном движении китайского народа. Победа китайской революции, охватившей почти полмиллиарда человек, дала новый толчок антиимпериалистической борьбе всех народов Азии. Эта победа нанесла уже покосившемуся фундаменту империалистической системы удар, по силе подобный землетрясению.

Китай и Юго-Восточная Азия представляли для Уолл-стрита самые важные после Латинской Америки внешние рынки сбыта и сферы эксплуатации. В дальнейшем мы покажем, что именно упорное стремление вновь захватить Китай побудило Уолл-стрит совершить 25 июня 1950 года нападение на Северную Корею. Однако сначала рассмотрим вкратце отношение Вашингтона к Корее и Китаю в прошлом. Это прольет свет на нынешние планы Вашингтона.

Торговое проникновение европейцев в Китай уходит вглубь веков, но открытая агрессия в широких масштабах против китайского народа началась в 1840 году¹, когда Китай воспротивился ввозу опиума. Англия объявила Китаю войну, захватила Гонконг и обложила налогом китайскую торговлю. В 1860 году Соединенные Штаты и Англия совместно вмешались в Дела Китая, чтобы подавить антифеодальное Тайпинское восстание. Американские военные корабли обстреляли в 1871 году Корею и вместе с японцами напали в 1874 году на Формозу². В 1900 году Вашингтон принял участие в подавлении боксерского восстания и принудил Китай согласиться на пребывание американских войск в Пекине, Тяньцзине и

Шанхае, а также на патрулирование американскими военными кораблями китайского побережья и реки Янцзы.

В начале XX столетия Китай безжалостно эксплуатировался английскими, американскими, японскими, немецкими, французскими, русскими, португальскими и другими капиталистами. Эти захватчики ввели на китайскую территорию свои вооруженные силы, заставили Китай предоставить их подданным экстерриториальные права и оторвали от страны лучшие куски территории, превратив их в свои колонии. Они владели большей частью шахт, железных дорог, текстильных фабрик и других предприятий. Они организовали армию китайских милитаристов, чтобы последние помогли им установить контроль над еще большей частью китайской территории. К 1900 году американский капитал начал проникать в Корею, и часть крупнейших рудников страны — Капсан, Суан, Холтон и другие — оказалась во владении Соединенных Штатов.

В 1912 году, когда в Нанкине было образовано временное революционное правительство, Соединенные Штаты вели интриги против Сунь Ят-сена, добиваясь его отставки. В 1917 году Соединенные Штаты и Япония заключили соглашение о политике «открытых дверей» в отношении Китая и поддержали различных китайских милитаристов в их попытках сломить развивающееся национально-освободительное движение. 30 мая 1925 года американская морская пехота помогала англичанам и японцам чинить кровавую расправу над шанхайскими рабочими*.

* Эдгар Сноу так описывает судьбу рабочих в находившемся под господством империалистов Шанхее: «Я «вспоминаю, что в течение 1934 года более чем 29 тысяч трупов было подобрано на улицах, в реках и каналах Шанхая—трупов бедняков, лишенных средств к существованию, трупов умерших от голода, а также утопленных младенцев и детей, которых родители не могли прокормить... Я вспоминаю сотни заводов и фабрик, где мальчики и девочки — настоящие рабы... — работают по двенадцать-тринадцать часов в день и затем падают в изнеможении и засыпают на грязной соломенной подстилке, служащей им постелью, тут же, возле машины. Я вспоминаю маленьких девочек и бледных молодых женщин на текстильных фабриках, которые, как и большинство завербованных рабочих на шанхайских фабриках, буквально проданы на эту работу, как настоящие рабы, на четыре или пять лет. Они не могли покидать предприятий без специального разрешения, находясь под тщательным надзором днем и ночью за «высокими стенами» (Эдгар Сноу, Красная звезда над Китаем, Нью-Йорк, 1937 г.). — *Прим. автора.*

В январе 1927 года американский флот направился к Шанхаю, чтобы помочь подавить китайскую революцию. 24 марта он бомбардировал Нанкин. В течение десятилетия Соединенные Штаты поддерживали японцев в их войне против Китая, предоставляя им займы, кредиты, сырье и вооружение.

Иностранные капиталисты поддерживали в Китае гнет феодальной системы, так как она замедляла развитие промышленности и сельского хозяйства и ставила страну в зависимость от импорта из-за границы. Китай обладает исключительно плодородными районами (в некоторых из них можно выращивать два-три урожая в год), тем не менее он вынужден был ввозить рис, пшеницу, сахар, хлопок и другие основные сельскохозяйственные продукты. Голод в Китае частично освободил Соединенные Штаты от «излишков». В 1946 году в результате американского демпинга 80 процентов табачных предприятий и 75 процентов текстильных фабрик Китая были вынуждены закрыться.

За двадцать лет гоминдановского и японского грабежа и расправ китайский народ перенес невиданные страдания и лишения. Только восемь лет борьбы против японских захватчиков стоили Китаю более 10 миллионов жизней; кроме того, были сожжены бесчисленные города и деревни, что нанесло материальный ущерб, оценивающийся почти в 50 миллиардов долларов.

В 1945 году Соединенные Штаты разгромили японскую военную мощь на Тихом океане, советские дальневосточные армии сломили вооруженные силы Японии в Маньчжурии. Китайский народ жаждал мира, а также свободы от голода, от кнута внутренних угнетателей, от феодализма и продажной чанкайшистской клики.

Но крупнейшие в мире банкиры и торговцы, находящиеся за восемь тысяч миль от Китая, решили иначе. По их мнению, созревшие плоды китайской революции должны были быть уничтожены. Цепи правителей Токио должны были быть заменены цепями Уолл-стрита. Заверяя мир, что он действует в качестве советника-посредника, Вашингтон послал в Китай армию и военно-морские силы, чтобы вмешаться в гражданскую войну на стороне Чан Кай-ши. Американцы перебросили на самолетах армии Чан Кай-ши в районы, эвакуированные японцами. Американские генералы ринулись на различные острова

Тихого океана, где находились склады, ломившиеся от лежавшего без употребления вооружения. Чтобы стимулировать производство нового вооружения, они быстро предоставили в распоряжение Чан Кай-ши находившееся на складах вооружение общей стоимостью в 6 миллиардов долларов. Они вооружили 64 чанкайшистские дивизии, 18 специальных колонн, 20 полков безопасности и авиадесантный корпус, оснастив их тысячами орудий, самолетов, танков и миллионами снарядов и патронов. Математические расчеты убеждали в неизбежности победы Чан Кай-ши. В 1946 году в распоряжении Чан Кай-ши была почти пятимиллионная армия (против полуторамиллионов солдат Народно-освободительной армии) с превосходством огневой мощи в пропорции 5:1. На пути в Китай находилось оружие для оснащения еще 3 миллионов гоминдановских войск.

Рождение нового Китая

Однако борьба против японцев преисполнила китайских крестьян и рабочих верой в собственные силы, усилила их ненависть к невероятно жестокому режиму Чан Кай-ши. Миллионы крестьян и рабочих вливались в ряды Народно-освободительной армии. 600 тысяч добровольцев, 300 тысяч повозок и миллион голов тяглового скота предоставили крестьяне в распоряжение Народно-освободительной армии, чтобы поддерживать ее транспортную систему, которая показала свое превосходство над многочисленными американскими «джипами» и грузовиками, находившимися на службе у гоминдановцев. Большая часть американского оружия была захвачена Народно-освободительной армией. Этим оружием были оснащены новые народные дивизии. Вашингтон, заявил Мао Цзэ-дун, стал арсеналом Народно-освободительной армии, а Чан Кай-ши — ее главным поставщиком*. Новый Китай с его миллионами сынов и дочерей, воодушевленных новыми идеями, боролся до конца и победил.

* Почти за четыре года гражданской войны на сторону Народно-освободительной армии перешло более 1770 тысяч гоминдановских солдат; она захватила более 50 тысяч артиллерийских орудий, свыше 300 тысяч пулеметов, более 30 тысяч танков, броневозов и других машин, наряду с огромным количеством другого военного снаряжения. — *Прим. автора.*

Победа пришла в результате многолетнего воспитания масс, в результате непрерывной работы и героической борьбы Коммунистической партии Китая и искусной тактики ее выдающихся руководителей. В 1927 году несколько тысяч солдат и офицеров старой армии восстали против предательства Чан Кай-ши. Под руководством Чжу Дэ они создали ядро народной армии. Крестьяне из Хунани, руководимые Мао Цзэ-дуном, присоединились к их рядам. Борясь с голодом и болезнями, преследуемая и атакуемая шедшими по пятам войсками Чан Кай-ши, народная армия прошла 8 тысяч миль за время своего легендарного Великого похода. Пересекая горы и реки, болота и пустыни, она, наконец, в октябре 1935 года достигла Яньани. Затем последовали годы ожесточенной борьбы. С помощью немецких, французских, японских, а затем американских генералов и их оружия Чан Кай-ши предпринял пять походов с целью уничтожения этой армии. Народная армия, хотя она и была вооружена примитивным оружием, разгромила все эти походы. Сделав Яньань своим центром, народная армия развернула борьбу против японцев, образуя обширные партизанские районы в тылу у захватчиков.

Чан Кай-ши, действуя главным образом как агент иностранных угнетателей Китая, отвергал неоднократные предложения руководителей компартии о прекращении гражданской войны. Стремясь к миру и национальной независимости, огромное большинство китайского народа, включая различные слои национальной буржуазии и даже некоторых членов гоминдана, сплотилось вокруг коалиционного правительства, руководимого коммунистами. Благодаря этой глубокой преданности народным интересам новые силы Китая выросли в непобедимую многомиллионную армию.

Победа революции вывела 475-миллионный китайский народ* на новый путь. Он сразу же начал очищать свою страну от накопившейся феодальной гнили. Став хозяином своей страны, китайский народ приступил к работе с огромным энтузиазмом. Рабочие, крестьяне — герои вчерашних сражений — превратились в героев мирного труда.

* По данным переписи в КНР, на 30 июня 1953 года численность населения Китая, включая Тайвань и китайцев, проживающих за границей, составляет 601 912 371 человек. — *Прим. ред.*

В течение столетий коварные реки Китая ежегодно затопляли плодородные долины, уничтожая урожаи и опустошая обширные районы, равные по площади Франции. В ответ на призыв Мао Цзэ-дуна победить водную стихию и голод армия в 5 миллионов мужчин и женщин начала работу по усмирению диких рек страны. За год они вынули более 10 миллиардов кубических футов земли и камня и соорудили плотины и дамбы общей протяженностью в 1500 миль. Они также построили огромные водоемы, чтобы собирать паводковые воды больших рек. Отныне на этих землях (их площадь превышает одну седьмую всей обрабатываемой земли Китая) обеспечены устойчивые урожаи.

Революция разорвала цепи феодализма. Десятки миллионов крестьян получили землю и были освобождены от ростовщичества и эксплуатации. Раньше они отдавали две трети своего урожая помещику, теперь же они оставляют себе 80 процентов урожая. В результате урожай 1950 года дал 550 фунтов зерна на каждого жителя -- вдвое больше, чем потреблялось в стране в прошлом. В 1952 году народный Китай вырастил урожай зерна в 150 миллионов тонн — на 40 миллионов больше, чем в 1949 году. Традиционный враг Китая — голод был побежден.

Под руководством коммунистической партии и с братской помощью Советского Союза были заложены основы индустриализации Китая. Началась ликвидация многовековой отсталости, нищеты, невежества и неграмотности. Впервые на полях Китая появились комбайны и дизельные тракторы, механизаторы и агрономы. Почти мгновенно возникли новые школы и библиотеки, дома культуры и медицинские пункты, сотни газет и театров. Интеллектуальные и творческие силы народа, которые в течение веков подавлялись и уничтожались, нашли свое выражение в искусстве и литературе. По словам китайского поэта Ху Фына, «китайский народ, составляющий четвертую часть человечества, поднялся во всем своем титаническом величии».

После триумфа китайской революции ошеломленные вашингтонские политики в течение месяца буквально отказывались верить, что старого Китая уже больше не существует. Утрата дани от экономической эксплуатации Китая была для них достаточно жестоким ударом. Еще

более тяжелым ударом для Вашингтонских политиков явилось влияние победоносной китайской революции на другие народы Азии. Жизнерадостные китайские песни Освобождения находили отклик во всех частях Азии. Помимо всего этого Уолл-стрит пытался изменить новое соотношение сил на мировой арене, которое возникло в результате присоединения 475-миллионного Китая к руководимому Советским Союзом международному лагерю мира. СССР установил дружеские отношения с народным правительством Китая сразу же после его прихода к власти, заключив договор о братском союзе и взаимной помощи. Этот договор, заявил Молотов, «превращает советско-китайскую дружбу в такую великую и могучую силу в деле укрепления мира во всем мире, *равной которой нет и не было в истории человечества*». (Курсив мой.—Г. М.)*

Некоторые государственные деятели в Вашингтоне утешали себя тем, что, мол, руководители нового Китая «не являются неподкупными» и что политическое давление и экономический бойкот вынудят их, в конце концов, обратиться за американской «помощью». Другие делали ставку на так называемую традиционную китайскую «неорганизованность» и отсутствие технических кадров, на голод и саботаж, на продолжение гражданской войны и нападение Чан Кай-ши, за которым должно было последовать дальнейшее американское вмешательство, — собственно говоря, те же самые надежды, которые лелеяли Черчилль и белогвардейцы в 1918 году в отношении молодой Советской республики.

Однако эти ожидания не оправдались. Американская политика эмбарго не достигла своих целей в отношении народного Китая. Новое китайское правительство вырастило рекордные урожаи хлопка, добилось самообеспеченности страны по основным продовольственным продуктам, приостановило инфляцию, стабилизировало цены и на 90 процентов увеличило объем продукции, выпускаемой промышленностью Маньчжурии (по сравнению с 1949 годом). «Нью-Йорк таймс» писала 24 июня 1951 года:

«Китайские коммунисты могут отметить замечательные достижения в строительстве и управлении страной,

* В. М. Молотов, Речь на собрании избирателей Молотовского избирательного округа г. Москвы 10 марта 1950 г., Госполитиздат, 1950, стр. 19—20.

Они добились выдающихся результатов в восстановлении шоссейных и железных дорог, очищении городов, учреждении эффективной администрации, ликвидации коррупции, регулировании рек и повышении производства в городе и деревне»³.

Последний аванпост

В своей «Белой книге» о Китае, выпущенной 5 августа 1949 года, государственный департамент признал, что режим Чан Кай-ши потерял всякую народную поддержку и слишком прогнил, чтобы его можно было спасти. «Правительство Соединенных Штатов, — отмечалось в «Белой книге», — не могло оказать влияния на зловещий результат гражданской войны в Китае... Ничто из того, что США сделали, или из того, что они могли бы сделать в разумных границах своих возможностей, не могло изменить этого результата. Ничто, даже из неиспользованных США средств, не могло бы способствовать этому. Это был результат развития внутренних сил Китая — сил, на которые США пытались оказать влияние, но не смогли»⁴. Действительно, потерпевший поражение режим Чан Кай-ши был прогнившим, но такими же являются и режимы Бао Дая в Индо-Китае, Кирино на Филиппинах, Пибунсонграма в Таиланде, Иосида в Японии и Ли Сын Мана в Южной Корее. Нужно было не дать китайской революции распространиться на другие части Азии. Только ослабление или уничтожение нового Китая давали какую-то надежду на это.

«Белая книга» сопровождалась завуалированными рекомендациями о проведении дальнейших диверсий против народного Китая, но основная проблема заключалась в том, *как* это сделать. Последнее убежище Чан Кай-ши — Тайвань — находится в сотне миль от материка. Шансы Чан Кай-ши на захват какой-либо части материка, а также его военная сила в тот период были практически равны нулю.

Между тем в Пекине законное правительство Китая провозгласило свой суверенитет над Тайванем. Некоторые заправила Пентагона рассчитывали, что это дает им возможность восстановить потерянный контакт с материком. Пекин, думали они, можно будет спровоцировать на попытку занять Тайвань. «Формоза является частью Китая

и не имеет специального военного значения», — неожиданно заявил госдепартамент 23 октября 1949 года и даже добавил для уточнения, что «Соединенные Штаты не берут на себя ответственности и каких-либо обязательств — реальных или моральных — в отношении Формозы». 5 января 1950 года Трумэн подтвердил это заявление, добавив, что «правительство Соединенных Штатов не имеет захватнических намерений по отношению к Формозе и не будет оказывать военной помощи или давать советы китайским силам на Формозе»⁵.

Пытаясь создать впечатление, что его интерес к Тайваню, так же как и любовь к Чан Кай-ши, были чисто платоническими, Вашингтон в то же время тайно направлял суда с пушками, самолетами и боеприпасами на этот остров. Даже в тот момент, когда Трумэн говорил о том, что США не имеют «захватнических намерений», агентство Рейтер сообщило 3 января 1950 года об «отправке на Формозу американского вооружения стоимостью в 90 миллионов долларов, включавшего танки, которые стоили по 60 тысяч долларов, но были оценены в 1000 долларов каждый».

Американские советники уже были посланы на Тайвань, чтобы руководить налетами авиации Чан Кай-ши на материк.

Их надежды на то, что произойдет битва за Тайвань, не осуществились. Пекин отклонил приглашение Вашингтона дать ему повод для дальнейшего вмешательства в дела Китая. Несмотря на неоднократное впрыскивание в виде новых поставок вооружения и долларовых подачек, вдохнуть жизнь в омертвевший режим Чан Кай-ши не удалось. Различные военные миссии, отправленные на Тайвань для оценки военных возможностей Чан Кай-ши, возвращались с разочаровывающими докладами. Только широкое и прямое вмешательство Соединенных Штатов, указывалось в докладах, давало надежду на восстановление господства гоминдановского режима над китайским народом.

7-й американский флот уже давно был послан «охранять Формозский пролив» и был готов приступить к этому. Большинство заправил Пентагона, и в особенности командование Макарура на Дальнем Востоке, жаждали действий. Они обвиняли некоторых членов-трумэиовского правительства в том, что последние являются «скрытыми

коммунистами», ответственными за поражение Соединенных Штатов в Китае, и что они «миндальничали с китайскими коммунистами». Группа Макартура — Тафта — Ноулэнда — Фергюсона, выступавшая под лозунгом «Азия прежде всего», развернула большую пропагандистскую кампанию за прямую интервенцию в Китае.

Тем, кто советовал потерпеть до тех пор, пока не будут созданы чанкайшистская и японская армии, группа сторонников лозунга «Азия прежде всего» отвечала, что Китай с каждым днем мирного существования становится все более неуязвимым. Представитель этой группы генерал Клер Ли Ченнолт заявил: «Американская армия совместно с армией Чан Кай-ши может вновь захватить китайский материк... Это будет наилучшей сделкой... Она принесет богатые плоды». Такова, добавил он, «точка зрения генерала Макартура, Ведемейера и многих других»⁶. Стремление наиболее влиятельных военных и финансовых групп развязать в том или ином виде войну против Китая стало более определенным.

С начала 1950 года время уже не ждало. Англия, Индия и многие другие страны признали новое пекинское правительство. Различные американские профсоюзы, а также некоторые круги-судовладельцев и торговые круги Западного побережья США предложили установить с Китаем нормальные деловые отношения. Многие европейские консерваторы также заявляли, что упрямый отказ Вашингтона признать неамериканизированный Китай является абсурдным. Казалось, что требование Пекина о допуске его в Организацию Объединенных Наций, за что прежде всего выступает Советский Союз, нельзя больше игнорировать. Присутствие в ООН чанкайшистского агента, никого не представляющего, но голосующего от имени 475-миллионного китайского народа, становилось все более нелепым. Даже некоторые сателлиты Соединенных Штатов начали ставить под сомнение весомость решений ООН по дальневосточным вопросам, принятых без консультации с Китаем. Не желая быть соучастником махинаций в ООН, Советский Союз отказался участвовать в заседаниях, на которых присутствовал представитель Чан Кай-ши. Перед Вашингтоном встала дилемма. Неучастие Советского Союза и Китая сделало очевидным тот факт, что так называемое большинство в Организации Объединенных Наций было не чем иным, как штампо-

вальной машиной государственного департамента. С другой стороны, допуск Китая в ООН усилил бы международный лагерь мира и воспрепятствовал превращению Японии в одну из передовых военных баз, направленных против Советского Союза и Китая,—первоочередное мероприятие в планах Пентагона.

Все это обязывало Вашингтон к чему-то большему, чем крики о приверженности к окончательно опозоренному Чан Кай-ши. Это требовало ускорения начала войны против Китая. А так как военная машина Чан Кай-ши и Пентагона оказалась застопоренной и изолированной на Тайване, то единственной областью соприкосновения на суше между вооруженными силами США и азиатским континентом была Южная Корея.

Ворота вторжения

Корейский полуостров, являющийся частью китайского Материка, в прошлом уже восемь раз служил в качестве плацдарма для крупных нападений на Китай и Россию. Через него пролегали пути многочисленных японских вторжений в Маньчжурию и Сибирь. Таким образом, исторически, а также и стратегически агрессия против Кореи означала агрессию и против Китая, подобно тому как нападение на Мексику или Канаду представляло бы собой агрессию против Соединенных Штатов. Помимо тесной географической связи, китайский и корейский народы являются братскими народами. После 1905 года когда Корея была аннексирована Японией, Китай стал убежищем для десятков тысяч корейских патриотов и революционеров. В течение более чем трех десятилетий китайцы и корейцы совместно боролись против японских и чанкайшистских армий. Узы, связывающие оба народа, настолько крепки, что каждый из них всегда готов прийти на помощь другому, если тот подвергнется нападению;

Имея в виду все это, заправила Пентагона, подталкиваемые группой сторонников лозунга «Азия прежде всего», обратили более пристальное внимание на классический путь к китайскому матерiku. Мнение Макартура было решающим не только для группы «Азия прежде всего», но также и для высших финансовых кругов Уолл-стрита. Они прославляли Макартура, который тоже является миллионером, как великого солдата и государственного деятеля, окруженного ореолом всемогущества,

и изображали его национальным вождем. Стремясь стать «монархом» Дальнего Востока, Макартур явно следовал принципам пресловутого меморандума Танака, который указывал, что нельзя достигнуть мирового господства, не завоевав Китая, а этого, в свою очередь, нельзя достигнуть, не подчинив себе сначала Корею. Макартур неоднократно выдвигал следующий тезис: *«Заняв всю Корею, мы сможем поставить под удар единственные линии снабжения, которые связывают советскую Сибирь с Югом... Мы смогли бы контролировать весь район от Владивостока до Сингапура... Ничто тогда не находилось бы вне досягаемости нашей силы»*⁷. (Курсив мой. — Г. М.) В 1950 году внутреннее положение в Корее достигло такого состояния, когда первый шаг к осуществлению этой первоочередной цели казался и необходимым и благоприятным.

Фактически война Уолл-стрита против корейского народа началась в сентябре 1945 года, в тот самый момент, когда американские генералы высадились в Южной Корее.

Профессор Джордж Маккьюн, бывший советник государственного департамента и крупнейший эксперт США по корейским делам, писал в своей книге «Корея сегодня»: «До того как американцы высадились в Корее, многие выдающиеся корейцы вместе с большим числом патриотов, освобожденных из японских тюрем после капитуляции Японии, созвали Всекорейский съезд представителей народных комитетов в Сеуле, в работе которого приняли участие представители всех районов Кореи».

6 сентября 1945 года съезд провозгласил образование Народной республики. Это произошло до того, как хотя бы один американский солдат высадился в Корее. Маккьюн пишет: «Когда 8 сентября американские войска прибыли в Корею, Народная республика предложила свои услуги американскому командованию, но они были отвергнуты. Генерал Ходж заявил, что «военные власти являются единственными властями Кореи»⁸. Генерал Ходж, командовавший американскими войсками в Корее, распустил Центральный народный комитет и заявил: «Корейцы и японцы — твари одной породы» и что «японские чиновники, включая полицию, должны быть восстановлены в своих правах в Корее, чтобы предупредить хаос»⁹.

В апреле 1946 года Ли Сын Ман, поддержанный американскими штыками, арестовал лидеров всех демократических организаций. Опрос, проведенный в том же году американцами, показал, что 49 процентов населения Южной Кореи предпочитали прежних жестоких японских оккупантов американцам.

В сентябре 1947 года Советский Союз предложил, чтобы все оккупационные войска были выведены из Кореи и чтобы корейскому народу — как на Севере, так и на Юге — была предоставлена возможность избрать свое собственное правительство. Опасаясь, что народ отвергнет марионеточный режим Ли Сын Мана, Соединенные Штаты настояли на выборах в присутствии иностранных войск. Американские власти организовали такие выборы, что к голосованию было допущено лишь 30 процентов избирателей. Маккьюн пишет: «Жертвы, которыми сопровождалась выборы, свидетельствуют о том, что чиновниками и террористическими группами на избирателей было оказано грубое давление»¹⁰.

Тогда в апреле 1948 года 240 делегатов, представлявших 57 южнокорейских организаций и практически все политические партии, за исключением горстки лисынмановских фашистов, собрались в виде протеста в Северной Кореи и приняли программу, предусматривавшую проведение всеобщих выборов и вывод иностранных войск.

В декабре 1948 года Советский Союз вывел свои войска из Северной Кореи. На последовавших затем выборах рабочие и крестьяне Северной Кореи проголосовали за установление Народной республики. Новое правительство роздало сельскохозяйственные орудия и 6 миллионов акров земли 680 тысячам крестьянских семей, национализировало банки и промышленность, ввело всеобщее обучение, восьмичасовой рабочий день, социальное обеспечение для трудящихся и начало создавать новые отрасли промышленности, строить театры, школы и дома культуры.

На юге страны американские войска оставались до весны 1949 года. Там компания Макартуо — Морган, преследовавшая те же самые цели, что и Мицубиси, сохраняла примерно тот же социальный порядок: 3 процента населения владели 60 процентами земли; крестьяне продолжали отдавать в виде арендной платы 80 процентов урожая помещикам. За сорок лет своего господства

японские монополисты ввели курение опиума и проституцию, продажу девушек и детей, двенадцатичасовой рабочий день. Японский капитал, который у себя в стране получал 13 процентов чистой прибыли, в Корее наживал тридцатитрехпроцентные прибыли. В то время как компании Уолл-стрита захватывали находившиеся ранее в руках японцев земли, рудники и фабрики, генерал Ходж создал опору режиму Ли Сын Мана, обучив и оснастив южнокорейскую армию численностью в 250 тысяч человек и большое число террористических групп.

Марионеточный режим Ли Сын Мана, не пользовавшийся народной поддержкой и находившийся под покровительством американцев, пытался править при помощи фашистского террора. «Министр Ли Сын Мана Ан Хо Сан, — писала «Нью-Йорк таймс», — обучался в Германии и применяет методы, подобные тем, которые применялись в нацистской Германии»¹¹. Народ отвечал на это забастовками, демонстрациями и, наконец, восстаниями и вооруженным сопротивлением. Войска, которые посылались для борьбы с восставшими, зачастую присоединялись к последним. Ли Сын Ману пришлось нанимать профессиональных убийц у Чан Кай-ши, а также бандитов, которые раньше находились на службе у японцев.

15 ноября 1948 года корреспондент журнала «Лайф» сообщал из Сучона (Южная Корея): «Все эти люди подвергались проверке лояльности... Позади них стояли два человека с дубинками. Они били стоявшую на коленях группу людей по головам и спинам, пока не уставали. Прикладами они выбивали зубы». 1 февраля 1950 года (за пять месяцев до того, как американцы начали умирать за «демократию» Уолл-стрита — Ли Сын Мана) «Нью-Йорк таймс» писала: «Многие американцы приходят в ужас от убийств, пыток и массовых расправ... Национальное собрание подняло шум в связи с тем, что значительное число известных людей умирало от пыток в полиции и в армии».

В мае 1950 года фашистский режим Ли Сын Мана, находившийся на грани развала и разложения, потерпел сокрушительное поражение во время выборов. Несмотря на террор и лишение права голоса всех демократических и рабочих организаций, он получил менее 20 процентов голосов и только 45 из 210 мест в Национальном собрании. Ли Сын Ман остался у власти, угрожая жесто-

кими репрессиями всем тем, кто откликнется на призыв Севера создать объединенную Корею. Ли Юн, вице-президент Южной Кореи, заявил: «Конституция подорвана. Я страшусь террора, убийств и т. д. Никто из должностных лиц не может быть уверен, что сохранит свой пост»¹².

К 1950 году режим Ли Сын Мана, чтобы удержаться у власти, уничтожил 149 тысяч человек. Как и любая другая обанкротившаяся и охваченная паникой олигархия, этот режим возлагал свою последнюю надежду на войну.

Поскольку режим Ли Сын Мана разваливался и так как ему противостояло подавляющее большинство корейского народа, лишь новая американская оккупация могла предотвратить его крах. В Вашингтоне сознавали, что сохранение режима Ли Сын Мана требует уничтожения демократических сил как на севере, так и на юге Кореи. В нашу эпоху, как показал Гитлер, это можно осуществить наиболее эффективно под предлогом обороны против «коммунистической агрессии».

Северокорейское и китайское правительства опубликовали множество захваченных в Южной Корее документов, которые показывают, что лисынмановцы готовились к нападению на Северную Корею задолго до 25 июня 1950 года. Вашингтон не представил ни одного доказательства, которое говорило бы об обратном. Наоборот, сообщения американской печати, публиковавшиеся до начала войны, подтверждают доказательства, приведенные Северной Кореей. 24 августа 1948 года Макартур заявил лисынмаповцам: «Искусственный барьер разделяет вашу страну. Этот барьер должен быть снесен». 30 сентября 1949 года Ли Сын Ман писал Роберту Оливеру, своему вашингтонскому агенту: «Я твердо убежден, что наступил психологический момент для военного выступления. Вы должны повлиять на американских руководителей и общественное мнение, чтобы они молчаливо одобрили наши первые операции, а затем оказали необходимую военную помощь». 21 октября 1949 года Ли Сын Ман, находясь на борту американского военного корабля, открыто заявил, что Корея должна быть объединена вооруженной силой. «Мы могли бы занять Пхеньян в три дня, — хвастался он. — Наши войска готовы вторгнуться в Северную Корею»¹³.

Подготовка к развязыванию войны

5 августа 1949 года Аллен Реймонд писал в «Нью-Йорк геральд трибюн», что «одной из отличительных черт южнокорейской армии является ее открытое стремление предпринять наступление против Северной Кореи». Зимой и весной 1950 года войска Ли Сын Мана постоянно совершали налеты, нарушая северокорейскую границу. Ли Сын Ман требовал поставок тяжелого вооружения, заявляя, что «нельзя больше игнорировать крики отчаяния наших соотечественников на Севере». 14 марта 1950 года, *за три месяца до того, как разразилась война в Корее*. Уолтер Салливэн писал в «Нью-Йорк таймс»: «Тринадцать членов южнокорейского Национального собрания... были признаны сегодня виновными в нарушении закона о национальной безопасности и приговорены к тюремному заключению сроком от полутора до десяти лет». Среди обвинений, выдвинутых против членов Национального собрания, сообщал Салливэн, одно состояло в том, что они являются *«противниками вторжения южнокорейских войск в Северную Корею»*. (Курсив мой. — Г. М.)

2 мая 1950 года журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» привел следующее высказывание сенатора Коннели, председателя сенатской комиссии по иностранным делам: «Ряд людей ожидает определенных событий. Эти события при помощи различных маневров могут быть использованы для создания инцидента, который вынудит нас воевать. Многие из этих людей говорят: «Когда-нибудь нам все равно придется воевать, так почему не начать сейчас?» Как сообщил Хомер Бигарт 12 июня 1950 года, «корейский посол Джон Чан предупредил высокопоставленных лиц госдепартамента, что Южная Корея находилась на грани краха». Он просил «какой-либо гарантии вооруженного вмешательства со стороны Соединенных Штатов в случае войны»¹⁴. (Преемник Чана — Бен Лим хвастался, выступая 15 октября 1953 года по радио: «Наша цель заключается в том, чтобы объединить Корею под властью Ли Сын Мана... *Ради этого мы начали войну»*¹⁵).

В ответ на эту просьбу Джон Фостер Даллес, которого братья Олсоп характеризовали как «лихого и бесстрашного игрока, готового поставить на карту все», а также видные военные представители отправились в Южную Корею. Даллес совещался с представителями лисын-

мановского правительства, заверив их в полной американской поддержке. 19 июня 1950 года на заседании южнокорейского Национального собрания Даллес заявил: «Вы не одиноки. Вы никогда не будете одинокими, пока вы продолжаете достойным образом играть свою роль в великом плане»¹⁶. Ли Сын Ман ответил: «Если мы не сможем сохранить демократию при помощи холодной войны, мы победим в «горячей войне». 18 июня, во время своей «инспекционной» поездки на 38-ю параллель, Даллес, обращаясь к войскам, заявил, что «Соединенные Штаты готовы оказать любую моральную и материальную помощь, в которой нуждается Южная Корея в своей борьбе против коммунизма». 20 июня, перед тем как покинуть Корею, Даллес написал Ли Сын Ману: «Я отдаю себе отчет в том, какую важную и решающую роль сыграет ваша страна в драме, которая сейчас начинается»*.

Драма уже началась. Ибо 18 июня 1950 года в Токио состоялось второе спешное совещание Объединенной группы начальников штабов США. (Первое совещание имело место в феврале.) Министр обороны Джонсон, генерал Брэдли и другие представители Пентагона примчались для переговоров с Макартуром. По сообщению Маркиса Чайлдса, было решено, что «необходима новая активная политика», и был «отдан приказ направить на Дальний Восток группу американских бомбардировщиков, включая новейшие и самые тяжелые типы»¹⁷. 21 июня 1950 года Даллес заявил: «Корея не одинока... За мои-

* «Интернэшнл никел компани» (одним из ее главных акционеров является Даллес), контролирующая 85 процентов производства никеля во всем капиталистическом мире, значительно — на 25 процентов — повысила цены на никель за два месяца до событий 25 июня 1950 года. Как сообщала «Нью-Йорк таймс», группа китайских спекулянтов, часть которых живет на Тайване, провела крупную спекуляцию на соевом рынке. Она повысила цену с 2,31 до 3,45 доллара за бушель, получив 30 миллионов долларов за одну операцию. «Имена торговцев, — осторожно заметила газета, — не могут быть оглашены, так как они являются родственниками г-жи Чан Кай-ши». Менее известен тот факт, что цена на каучук подскочила на 50 процентов за период с марта по май 1950 года и что импорт каучука Соединенными Штатами достиг во втором квартале 1950 года рекордного за послевоенное время уровня. Учитывая то, что во время войны на Дальнем Востоке поставки каучука оказались бы под явной угрозой, представляется несомненным, что, кроме «Интернэшнл никел Компани», Даллеса и спекулянтов соевыми бобами, другие лица также были поставлены в известность о предстоящей войне. — *Прим. автора.*

ми переговорами с генералом Макартуром последуют позитивные действия» *.

Первое сообщение о том, что 25 июня 1950 года Северная Корея «напала» на Южную, поступило из лисын-мановских и макартуровских источников. Затем последовало официальное сообщение правительства Северной Кореи, клеймившее выдвинутые Южной Кореей обвинения, как чистойшую фальшивку. Северокорейское правительство сообщало, что в ночь с 24 на 25 июня войска Южной Кореи неожиданно предприняли нападение, проникнув на одну-две мили за 38-ю параллель. Пленные южнокорейские солдаты показали, что накануне они были приведены в готовность для нападения.

Вашингтон немедленно объявил Северную Корею агрессором и призвал к решительной «обороне против коммунистической агрессии». Однако это обвинение оказалось несостоятельным — слишком уж чудовищной была ложь. То, что разлагающийся и разваливающийся южнокорейский режим, которому нечего было терять, но который рассчитывал выиграть все, мог все свои надежды возложить на войну, было очевидно. Но что могло выиграть от войны стабильное и процветающее правительство Северной Кореи, занятое строительством новых городов и созданием новых отраслей промышленности? Разумеется, оно стремилось к объединению Кореи, но зачем ему было пытаться сделать это вооруженной силой, если режим Ли Сын Мала разлагался и рушился сам по себе?

СССР и Китай, у самых порогов которых запылал огонь войны, потребовали немедленного созыва Совета Безопасности ООН, с тем чтобы последний дал указание прекратить огонь и начать мирные переговоры.

Однако в Вашингтоне, который находится в десяти тысячах миль от Кореи, был издан приказ о немедленном американском военном вмешательстве. В три часа утра, когда вся страна еще спала, полдюжины людей, включая президента Трумэна, бодрствовали, подписывая смертный приговор сотням тысяч корейцев, китайцев, американцев. Они не осмелились проконсультироваться с Конгрессом или Организацией Объединенных Наций,

* Айвор Монтэгю, Заговор против мира, Издательство иностранной литературы, 1953.

Устав которой (ст. 2, п. 7) исключает вмешательство в гражданскую войну и требует (ст. 27, п. 3), чтобы по вопросам о любых военных действиях, предпринимаемых от имени ООН, были поданы голоса семи членов Совета Безопасности, включая совпадающие голоса всех постоянных членов Совета.

Военные действия начались на рассвете в воскресенье 25 июня. В тот же самый день Совет Безопасности, в отсутствие представителей СССР и Китая, принял резолюцию, объявлявшую Северную Корею виновной стороной. «Их решение, — писал Джон Пратт, бывший советник английского министерства иностранных дел по вопросам Дальнего Востока, — было основано на телеграмме, полученной от комиссии Организации Объединенных Наций в Сеуле. Телеграмма гласила, что *не было ясности в вопросе о том, какая сторона начала военные действия*. Текст этой телеграммы не был опубликован». (Курсив мой. — Г. М.)¹⁸

Как сообщала 9 и 24 мая 1951 года газета «Нью-Йорк таймс», согласно показаниям генералов Маршалла и Брэдли на заседаниях сената, «президент, принимая решение об интервенции в Корею, не запросил у Объединенной группы начальников штабов официальной оценки военного положения». Война была предрешена задолго до этого. Американский народ, Организация Объединенных Наций и весь мир были поставлены перед совершившимся фактом.

Из всего этого явствует, что круги, олицетворяемые Макартуром, Даллесом, Уолл-стритом, являлись ядром заговора, перед которым группа Трумэна — Ачесона добровольно капитулировала. 7 июня 1951 года бывший сенатор Том Коннели проболтался, что «Даллес был одним из тех, кто переоценил силу Южной Кореи, кто был уверен, что Южная Корея может одолеть Северную Корею»¹⁹. «Авторитетно заявлено, — писал 3 января 1953 года Уильям Небблет в журнале «Нейшн», — что теория стратегической бомбардировки (поборниками которой являются Маккэрни и генерал Хойт Ванденберг, начальник штаба военно-воздушных сил, уверившие президента Трумэна, что дальневосточные воздушные силы США могут стереть с лица земли Северную Корею в течение нескольких недель) оказала большое влияние на решение Трумэна вмешаться в дела Кореи».

Характерно, что ни Даллес, ни кто-либо из его ближайших коллег не были вызваны на длительные сенатские заседания, происходившие в мае и июне 1951 года и последовавшие за отставкой Макартура. В процессе этих заседаний ничего не было сказано о содержании переговоров Макартура с Даллесом и Объединенной группой начальников штабов, которые велись на совещании в Токио перед самым началом войны.

В свете известных фактов и обстоятельств возникновения войны в Корее не имеет значения, кто из подчиненных Уолл-стрита, будь это в Сеуле, Токио или Вашингтоне, действовал в качестве главного посредника в заговоре. Тем более было бы неправильным возложить всю ответственность за преступление на какое-либо одно лицо. Курс действий Вашингтона не был бы радикально изменен, если бы даже в отдельном случае содержание доклада Макартура было иным*. Подобные предположения затемняют тот основной факт, что корейская война была задумана американскими империалистами в целом. Нельзя ничего понять ни в происхождении этой войны, ни в ее последующем течении без некоторого знакомства с различными течениями, которые вовлекли американских империалистов в эту кровавую авантюру — именно в это время и в этом месте.

Мотивы и цели

Весной 1950 года стремление Уолл-стрита развязать войну подстегивалось, кроме наболевшей проблемы о предотвращении надвигающегося краха режима Ли Сын Мана, еще рядом факторов. В то время как этот крах

* И. Ф. Стоун совершает эту ошибку в своей насыщенной фактами книге «Закулисная история войны в Корее». Как и многие либералы, Стоун все еще говорит о Вашингтоне как о «доме, разделенном внутренними распрями». Между тем в игре, затеянной империалистами, клоун также необходим, как и маккиавеллиевский заговорщик. В действительности и битье Трумэна себя в грудь и «преследование» Ачесона маккартистами были так же необходимы для осуществления преступления в Корее, как и секретные совещания Даллеса и раскрытие Ли Сын Маном «коммунистических заговоров» среди членов его Национального собрания. Роли всех этих лиц в тот период, когда они их выполняли, кажутся порой непонятными, но на самом деле выглядят тщательно продуманными, если их рассматривать ретроспективно. Анализируя эти роли, приходишь к выводу, что тезис «разделения дома» является искусственным. — *Прим. автора.*

толкали их *в определенном направлении*, а именно к войне в Корее, другие факторы, отражавшие различные аспекты общего кризиса капитализма толкали их *к войне вообще*.

Во-первых, нависала угроза глубокого экономического кризиса. В 1949 году и в начале 1950 года «Дженерал электрик», трест Дюпона, «Вестингауз», «Дженерал моторс» и «Юнайтед Стейтс стил» уволили десятки тысяч рабочих. В Новой Англии и других районах США некоторые средние предприятия закрылись. В апреле и мае 1950 года пополнение запасов готовой продукции на складах вызвало слабый подъем, но большинство американских экономических и деловых органов опасалось резкого падения. Нью-йоркская газета «Джорнэл оф коммерс» предсказала «приближение спада, равного по глубине спаду 1931 года. Безработица также становится большой угрозой». 15 мая 1950 года эта же газета заявляла: «Есть все основания считать, что правительство стоит наготове с огромным новым шприцем, чтобы впрыснуть новую жизнь в экономику».

Во-вторых, запугивание «советской агрессией» после пяти лет беспрепятственных обвинений, не подтверждаемых конкретными фактами, теряло свое воздействие. Нужно было что-то сделать, чтобы вывести народ из состояния «мирного благодущия», поставив его перед лицом настоящей войны.

В-третьих, весной 1950 года всемирное движение сторонников мира обратилось ко всем народам со Стокгольмским воззванием. С возрастающей силой голоса сотен миллионов людей заглушали пропаганду Уолл-стрита о «неизбежности третьей мировой войны». К маю 1950 года два миллиона американцев поставили свои подписи под этим воззванием.

В-четвертых, программа фашизации и милитаризации требовала предлога для создания в стране «чрезвычайного положения». Требовалось нечто вроде провокации с поджогом рейхстага. Без этого было бы трудно, если не невозможно, урезать гражданские права, преследовать и бросать в тюрьмы коммунистов и профсоюзных лидеров, объявить защиту мира преступлением, навязывать населению более высокие налоги и цены, а также другие тяготы. Кроме того, война против Кореи должна была послужить проверкой того, как американская молодежь будет сражаться и умирать в авантюристических иностран-

ных войнах. «Корея была благословением, — заявил от имени Пентагона генерал Джеймс Ван Флит. — Какая-то Корея все равно должна была возникнуть в том или другом месте земного шара, чтобы укрепить нашу оборону»²⁰.

В-пятых, весной 1950 года оккупационный режим Мак-артура в Японии становился все более и более непопулярным. Майские выборы в Японии показали, что большинство народа враждебно настроено в отношении сепаратного мирного договора и предоставления американцам военных баз. Экономически Япония была несостоятельна. Японские деловые круги смотрели на торговлю с Китаем как на единственное средство для поддержания своей экономики. Но сближение между Китаем и Японией ослабило бы хватку, которой Уолл-стрит душил японскую экономику. А при помощи войны в Корее Вашингтон мог бы установить еще более жесткий контроль над японской промышленностью, навязать Японии сепаратный мирный договор с целью увековечить военные базы на японской территории и еще крепче привязать самураев к своим планам развязывания третьей мировой войны.

В-шестых, за период между 1945 и 1950 годами «Дж. П. Морган энд Компани» и другие ведущие фирмы Уолл-стрита захватили более чем на полтора миллиарда долларов акций и облигаций «Японской восточной компании развития». Большинство этих акций дает право на владение богатыми железом, никелем, вольфрамом, алюминием, золотом, свинцом и графитом рудниками Северной Кореи. (В 1940 году Северная Корея добывала больше железной руды, чем Маньчжурия.) С укреплением Кореической Народно-Демократической Республики ценность всех этих бумаг упала до нуля. *Таким образом, для банков Уолл-стрита завоевание Северной Кореи могло означать не только чистое увеличение капитала на полтора миллиарда долларов, но и возобновление ежегодного получения 30 процентов дивидендов, которые выплачивались на эти акции и облигации раньше.*

В-седьмых, Атлантический пакт, хотя он и оставался в силе, отнюдь не был крепким связующим обязательством. Подписавшие его западноевропейские страны спорили из-за того, какое бремя вооружений они должны были принять на себя. Франция и Англия выражали недовольство давлением, которое оказывал на них Вашинг-

тон с целью превращения их территорий в свои военные базы. Французские квислинги, обычно покорные, противились тому, чтобы считать боннских нацистов равными партнерами. Вашингтон надеялся, что корейская война, а также угроза оставить их на произвол судьбы вынудят западноевропейские державы к еще большему подчинению.

В-восьмых, замышляемая против Советского Союза агрессия требовала не только лишить Совет Безопасности силы, но и превратить Организацию Объединенных Наций в прямое орудие агрессии, в отдел государственного департамента США, готовый санкционировать американское вмешательство во внутренние дела любой страны.

Кроме того, нападение на Северную Корею имело и более широкие цели: стремительно завоевать Корейский полуостров и превратить его в мощную военную базу, господствующую над Маньчжурией и советским Дальним Востоком; угрозами атомной войны вынудить Пекин расторгнуть советско-китайский договор о дружбе, союзе и взаимной помощи; развязать большую войну против Китая с целью сломить революцию или обескровить ее в такой степени, чтобы помешать укреплению нового Китая, и, наконец, создать возможность распространить в дальнейшем войну на Советский Союз.

С самого начала войны в Корее и *задолго до того, как китайцы пришли на помощь северокорейцам*, дела и слова Вашингтонских официальных лиц ясно свидетельствовали о том, что война велась также и против Китая. 24 августа 1950 года американский 7-й флот установил контроль над Тайванем и островами, расположенными непосредственно у китайского побережья. По словам Хэнсона Болдуина, американские разведывательные самолеты сразу же стали «совершать ежедневные полеты над Маньчжурией, чтобы фотографировать объекты, в то время как самолеты морской авиации, действовавшие с аэродромов Окинава и других мест, патрулировали китайское побережье вплоть до Гонконга»²¹. Американские самолеты начали также серию «символических» бомбежек маньчжурских городов и деревень.

Несмотря на цензурные вымарки, протоколы показаний Макарута специальной сенатской комиссии (май 1951 года) содержат неоднократные утверждения Макарута, что решение США об интервенции в

Корею имело в виду и провокацию третьей мировой войны²². Отвечая сенатору Гарри Кейну на вопрос, была ли корейская война превентивной войной, генерал Брэд-ли заявил: «До некоторой степени... [пять строк вычеркнуто] действия, которые мы предприняли, оказались для России неожиданными. Китай полностью связан, большая часть русского снаряжения изношена»²³. Фактически большинство дебатов в сенате вращалось вокруг вопроса о том, «когда мы сможем вынудить Советов выступить и начать воевать».

Разгром у реки Ялуцзян

«Никогда раньше в нашей истории мы не были так подготовлены к ведению какой-либо войны, как к началу этой войны. В настоящее время после нескольких недель войны мы имеем в Корею больше войск и вооружения, чем было послано нами в ноябре 1942 года для вторжения в Северную Африку». Так писал 15 июля 1950 года Джон Осборн, корреспондент журнала «Лайф» в Корею. Южнокорейская армия, оснащение которой стоило 500 миллионов долларов, была подготовлена для вторжения. Клика Ли Сын Мана была уверена в превосходстве вооружения, уже находившегося в ее руках, и в неограниченной поддержке, которая ей будет оказана, как только она развяжет войну. За несколько месяцев до вторжения лисынмановцы хвастались: «Мы можем разбить Северную Корею в несколько дней». И у них были к тому основания. Корреспондент «Нью-Йорк таймс» Уолтер Салливэн отмечал 27 июля 1950 года: «У северокорейцев захвачено разнокалиберное вооружение, среди которого попадаются даже винтовки времен первой мировой войны». И. Ф. Стоун пишет, что генерал Риджуэй потешался над низким качеством вооружения северокорейцев. Та же «Нью-Йорк таймс» писала 30 июля 1950 года: «Северокорейцы испытывают нехватку в людях... Среди захваченных в последнее время военнопленных есть солдаты, которые прошли всего четырехдневное обучение». Из всего этого становится очевидным, что северокорейская армия не была подготовлена к агрессивной войне.

И все же в результате северокорейского контрнаступления прекрасно вооруженная южнокорейская армия

стала разваливаться. Макартур немедленно направил в Южную Корею еще большее число американских офицеров, снабдил южнокорейскую армию еще большим количеством вооружения, но все было напрасно. Лисынмановская армия попросту таяла: одни солдаты перешли на сторону северокорейской армии, другие сменили военную форму на гражданскую одежду и исчезли. Через неделю после начала войны Сидней Смит, корреспондент агентства Ассошиэйтед Пресс, привел следующее высказывание одного американского генерала: «Мы совсем одиноки. У южнокорейской армии больше нет солдат». Почти весь народ Южной Кореи поднялся против режима Ли Сын Мана; члены южнокорейского правительства бежали на американские военные корабли. Южная Корея являла собой классический пример распадающегося милитаристского режима, переоценившего свои силы и не пользующегося поддержкой народа.

Вашингтон был раздосадован. Его план предусматривал, что азиаты будут убивать азиатов под наблюдением американских генералов и при поддержке американского военно-воздушного флота, но оказалось, что что-то не ладилось. На южнокорейцев нельзя было положиться, не было уверенности, что они смогут защищать свои «свободы».

Приведенные в боевую готовность бронетанковые дивизии, размещенные в Японии, а также людские резервы и вооружение, накопленные на различных тихоокеанских базах США, были брошены в Корею, чтобы сломить не только северокорейскую армию, но и весь корейский народ и прежде всего уничтожить его прогрессивные антифашистские силы. Не пожалели ничего, чтобы добиться быстрой и решающей победы. От этого зависели дальнейшие планы Вашингтона относительно Китая, от этого зависел его военный престиж, а также верность его ненадежных союзников, которых Вашингтон рассчитывал поразить своей непобедимой мощью. Макартур пообещал тем, кто его поддерживал, что кампания по осуществлению «полицейской акции» продлится самое большее несколько месяцев. Но сравнительно маленькая северокорейская армия, лишь недавно созданная и не имевшая ни тяжелых танков, ни самолетов, не только сдержала американские войска, но наносила им одно сокрушительное поражение за другим и, наконец, загнала их на неболь-

той клочок земли возле Пусана. В августе 1950 года войска Соединенных Штатов стояли перед угрозой быть сброшенными в море.

Этого генералы из Пентагона никак не ожидали. На карту была поставлена судьба американской армии, ее лучших частей и резервов. Вашингтон обратился с призывом к своим «союзникам» — Англии, Франции, Греции, Турции и т. д., потребовав от них войск, самолетов, военных кораблей. Наконец, в сентябре 1950 года Пентагон бросил в Корею армаду военных кораблей, сотни транспортных судов, тысячи самолетов и сотни тысяч войск, приказав им одержать немедленную и решающую победу. 15 сентября 1950 года объединенные силы интервентов высадились в Инчоне, в ста семидесяти милях за северокорейской линией фронта. Корейская Народная армия была вынуждена отойти на север.

Макартур шагал по опустошенной земле Кореи. Его хвастливые сводки, составленные в духе гитлеровских, сообщали о полном уничтожении врага. Уолл-стрит прославлял военный гений Макарура. Объединенная группа начальников штабов слала по радио безудержную хвалу его «блестящему и смелому руководству». Трумэн заявил: «Операции Макарура не имеют себе равных в истории... Я приветствую всех вас и говорю вам: «Прекрасная и доблестная работа». Ли Сын Ман превозносил Макарура, Чан Кай-ши слал ему «искренние поздравления». А в то время как Макарур приказывал своим армиям двигаться к реке Ялуцзян, Организация Объединенных Наций предложила Пекину послать своих представителей в Нью-Йорк, чтобы получить там американский ультиматум.

Маньчжурия рассматривалась как следующая после Кореи цель. Американские самолеты уже совершали разведывательные полеты над крупной индустриальной базой, находящейся на северо-востоке, в частности над такими индустриальными центрами, как Фушунь, Мукден и Андунь. В течение июля, августа, сентября и октября 1950 года американские самолеты сбрасывали бомбы на различные маньчжурские города и центры коммуникаций, несмотря на неоднократные протесты и предупреждения Пекина. И октября 1950 года Китай предупредил Соединенные Штаты, что он не будет спокойно смотреть на то, что американские войска пересекли 38-ю параллель.

«Китайский народ горячо любит мир, но ради защиты мира он никогда не боялся и не побоялся дать отпор агрессору»*. Чжоу Эн-лай предупредил, что Соединенные Штаты допустят прискорбную ошибку, если примут это мирное желание Китая за проявление слабости.

Вашингтон не посчитался с предупреждением Пекина и приказал своим войскам продолжать продвижение к реке Ялуцзян. Генералы Макартура хвастались, что они «перемелют первоклассные китайские войска». Но их ждал иной прием. 26 ноября 1950 года отряды китайских народных добровольцев начали наступление. В войсках Макартура была пробита брешь, и часть их попала в западню. Американская армия была разгромлена и безостановочно покатила назад. Бежали целые дивизии, побросав свое вооружение. Как сообщала лондонская «Таймс», турецкая бригада, первоначально насчитывавшая 8 тысяч человек, «была уничтожена как боевая единица». Так было и со многими другими частями интервенционистской армии. Несмотря на строгую цензуру, все сообщения с фронта говорили о потрясающем военном бедствии, о невероятной катастрофе. Корея превратилась в смертельную западню²⁴.

Руководящие вашингтонские политические круги были охвачены унынием, страхом и замешательством. Их теории об «азиатах» и «низших расах», их иллюзия об американской сверхмощи и непобедимости рассыпались в прах.

Представители Белого дома, Пентагона и государственного департамента, писала газета «Уолл-стрит Джорнэл», «были взволнованы и потрясены». Один дипломат повторял про себя: «Быть войне, быть войне». Другой тихо твердил: «Мы должны сбросить на них атомную бомбу, мы должны сбросить на них атомную бомбу — прямо на Маньчжурию, мы должны сбросить на них атомную бомбу». Третий с беспокойством говорил: «Нам нужно также лучше следить за Европой. Один бог знает, что может там случиться, пока мы увязли в Корее»²⁵.

Вчерашние храбрые вояки начали плакать и хныкать. Они жаловались на «неприкосновенное убежище Китая» в Маньчжурии (как будто они сами не вели войну, опираясь на полдюжины убежищ на острове Окинава и в

* «Правда», 12 октября 1950 года.

Япони!). Генералы жаловались на «несправедливую», «мошенническую» и «необычную» тактику, примененную китайцами и корейцами, — тактику ведения войны, не предусмотренную в их уставах. Такие органы Уолл-стрита, как газета «Нью-Йорк геральд трибюн», которая за день до этого насмеялась над предупреждениями Пекина, теперь жаловалась: «Китайские коммунисты предприняли неожиданное и мощное наступление как раз в то время, когда мы пытались осуществить мирное урегулирование в Корее». Под «мирным урегулированием» газета подразумевала ультиматум Макартура северокорейцам о капитуляции.

В то же время представители Пентагона (так же как и Гитлер после Можайска и Волоколамска) начали выискивать различные оправдания своему поражению: «Войска Макартура попали в западню... Корейцы и китайцы охвачены диким фанатизмом; они воюют под воздействием наркотиков... Им помогала неблагоприятная погода и Генерал-мороз» и т. д. Чтобы поддержать упавший моральный дух войск и смягчить недовольство в самих Соединенных Штатах, штаб Макартура прибег к «оптимистическому образу мышления». Его сводки сообщали об астрономических потерях корейско-китайских войск и об «ослаблении их воли к борьбе». «Наши парни разъярены тем, что коммунистические войска уклоняются от сражений... Мы немного подогрели напалмом три деревни, которые показались нам холодными», — бодро сообщали из Токио²⁶.

Покойный генерал Соул официально заявил: «Мы победили их лучшие войска, а их остальная армия — это сброд. Китайцы не могут поддерживать линии снабжения, их командиры не понимают современной войны. У них мало самолетов, мало артиллерии и они не знают, как их применять... Им уже надоел коммунизм в Китае. Мы можем побить, мы можем разгромить их». Тем не менее несколько дней спустя, 11 февраля 1951 года, корейско-китайское контрнаступление вновь прорвало фронт интервентов.

Чтобы восстановить подорванный престиж США, американские военные корабли наносили визиты в иностранные порты, новейшие американские реактивные самолеты с ревом пронеслись над городами других стран, демонстрируя военную мощь Соединенных Штатов. Даллес

полетел в Токио, чтобы разработать с Мицубиси новые планы вооружения Японии, а затем в Лондон, пытаясь оказать давление на Англию, чтобы она порвала свои отношения с Китаем. С целью поддержать своих слабеющих союзников Вашингтон опубликовал заявление, в котором говорилось: «Мы будем защищать западное христианство и в то же время удерживать свои позиции в Азии».

Поражение в Корее вызвало среди военного командования острые разногласия по вопросам тактики. Те, кто был объединен в октябре, когда победа казалась близкой, в декабре перессорились. Они обвиняли друг друга в вероломстве, тупости и грубых ошибках. Одни обвиняли Ачесона, другие—Макартура, а третьи—Рузвельта и называли «ошибкой» то, что США помогли разгромить фашистскую Германию и Японию. Некоторые требовали действий в Индо-Китае, Бирме, Пакистане и Западной Европе. «Американская кровь слишком драгоценна, чтобы ее проливать в Корее. Найдите более подходящее место для этого»,—убеждали генералов сенаторы. В Пентагоне высокопоставленные генералы и лейтенанты занимались составлением новых планов. Возникло множество теорий о том, как вести войну, каждая из которых предлагала верную формулу победы: теория военно-морской мощи; теория военно-воздушной мощи; теории Чан Кай-ши, Макартура и Эйзенхауэра; теория атомной бомбы; теория вооружения в первую очередь немецких фашистов; а также теория вооружения в первую очередь японских фашистов.

Отчаяние и растерянность охватили всю страну. Моральный дух, который и так был невысок, в связи с войной в Корее упал до самой низкой точки. Это еще раз свидетельствует о том, что введенные в заблуждение миллионы людей перестают поддерживать агрессивную войну после первых же неудач. Многие почувствовали, что мощь Соединенных Штатов далеко не соответствует их планам мирового господства. Некоторые стали понимать, какая катастрофа грозит им, если страна пойдет за безрассудными проповедниками третьей мировой войны.

Макартур имел дело только с несколькими дивизиями китайских добровольцев, но за ними стояли закаленные в боях дивизии страны, население которой равно 475 миллионам. Народ начал осознавать, как преступно посылать на убой американскую молодежь под предлогом защиты Соединенных Штатов в Азии. Многие американцы увидели

также незаконность вмешательства Вашингтона в войну в Корее. Война не была объявлена. С общественным мнением не консультировались, санкции Конгресса получено не было. Слишком очевидной была лживость утверждения, что в Корее проводится «полицейская акция ООН», ибо мнения Организации Объединенных Наций не спрашивали до тех пор, пока интервенция не стала совершившимся фактом. Страну все шире охватывала волна мирных настроений.

Сокрушительное поражение в Корее, казалось, отрезвило даже некоторых реакционеров. Из осторожности некоторые политики быстро отошли от военной платформы Макартура. «Нашей первой ошибкой было то, что мы пошли в Корею, и второй — что мы пересекли 38-ю параллель», — заявили Бирд и другие. Липпман писал: «Трумэн и Ачесон потеряли контроль над войной и ее стратегией... Мы на грани паники... Наш народ чувствует, как невыносимо то, что американские солдаты должны страдать на войне, которая больше не может быть выиграна»²⁷.

Наблюдая возрастающее отвращение и ненависть народа к войне, Липпман предупредил: «В своей деятельности правительство опирается теперь не на гражданскую власть или поддержку народа, а на генералов».

Некоторое время казалось, что часть американского правящего класса как будто бы образумилась. Но стремление к мировому господству, очевидно, помешало сделать здравую и разумную оценку общего положения. Липпман настаивал на том, чтобы Соединенные Штаты ушли из Кореи, предупреждая, что «со стратегической точки зрения было бы безумием вводить в войну основные силы Атлантического сообщества и западного христианства, пока Кремль не введет в действие свои основные силы». Этот «генерал от христианства» забыл о том, что гитлеровских генералов также упрекали за попытки удерживать территорию, когда необходимо было отступать. Запреты Пентагона тоже не были в состоянии отступить. Потерпев поражение в малой войне в Корее, они все же рвались вперед, ставя все на карту в большой войне.

Голосование в ООН и атомный шантаж

В ноябре 1950 года войска Макартура, насчитывавшие полмиллиона человек, продвигались к китайской границе, подвергая города и села массированным бомбардиров-

кам, прославляемые за эти «подвиги». Вашингтон ответил на строгие предупреждения Китая бомбардировкой маньчжурских городов и деревень. «Китайские войска, — писала французская газета «Монд» в передовой от 31 января 1951 года, — вступили в Корею только после официального предупреждения Чжоу Энь-лая, после того как американские войска пересекли 38-ю параллель и когда позже, приблизившись к границе Маньчжурии, они собирались установить контроль над плотинами и гидроэлектростанциями, снабжавшими Маньчжурию электроэнергией... Более того, после первого удара по войскам Макартура; китайские добровольцы не преследовали их, а отошли». Лондонский журнал «Нью стейтсмен энд нейшн» писал 2 декабря 1952 года: «Каждый опытный дипломат и журналист в Европе знал, что китайцы действовали в соответствии с общепринятыми правилами, готовясь к защите своих границ по мере того, как к ним приближался Макартур».

Китай осмелился отбросить войска Макартура от своих границ. Стесненные ограниченном фронтом Корейского полуострова, империалисты бросались в лобовую атаку на несокрушимую стену народных армий и вопили: «Это злобный зверь! Когда на него нападают, он защищается». Вскоре Вашингтон вновь обрел свое прежнее хладнокровие и стал потрясать факелом войны сильнее, чем когда-либо раньше. «Атомная бомба! Сбросить атомную бомбу!» — кричали его представители. «Разбомбить Москву и покончить с ней!» — кричала часть представителей монополий. «Разбомбить Пекин и Мукден и объявить Китай агрессором!» — вопили другие. Группа сторонников немедленной войны, а также печать Генри Люса и Моргана требовали начать тотальную третью мировую войну. Хор сенаторов во главе с Расселом, Брюстером, Бриджесом, Ноулэндом, Фергюсоном, Мартином и Кейном вопил: «Если мы сбросили атомную бомбу на Японию и имели благоприятные результаты, то почему нам не сделать того же с Китаем и Россией?»

18 января 1951 года представители американского правительства выступили в Организации Объединенных Наций и потребовали объявить Китай агрессором. Макартур, утверждало американское правительство, подошел к реке Ялуцзян только «как глава полицейских сил, которые должны были патрулировать китайскую границу», и что

резкий прием, оказанный ему китайцами, «не должен остаться безнаказанным».

За шесть месяцев до этого, 26 июня 1950 года, Соединенные Штаты уже показали, что они могут использовать ООН в качестве орудия агрессии. Организация Объединенных Наций объявила Северную Корею агрессором со слов Ли Сын Мана и на основании утверждения комиссии ООН, в которую входили представители Турции и Сальвадора, а также гоминдановец. Она санкционировала американское вмешательство, несмотря на тот факт, что Устав ООН не предусматривает вмешательства в гражданскую войну. Решение было принято без консультации с Китаем и Советским Союзом—этими двумя ведущими мировыми державами. Под американским нажимом Организация Объединенных Наций отказалась заслушать представителей Северной Кореи, а позже и Китая. ООН отвергла многочисленные советские предложения о том, чтобы Совет Безопасности выступил посредником в вопросе о прекращении военных действий.

Организация Объединенных Наций игнорировала также неоднократные призывы Всемирного Совета мира, говорившего от имени 600 миллионов человек, подписавших его воззвания. Но ООН позволила марионетке Чан Кай-ши использовать свою трибуну для внесения резолюций, подобных той, которая обвиняла Советский Союз в том, что он не поддержал режим Чан Кай-ши в 1945 году. ООН предоставила свой флаг Макартуру для прикрытия агрессии. Но так называемый верховный командующий вооруженными силами Организации Объединенных Наций сам признал, что он не поддерживал никакой связи с ООН и что его «отношения с ООН были лишь воображаемыми»²⁸. Организация Объединенных Наций была превращена в еще более жалкое орудие империалистов, чем даже Лига Наций*.

16 декабря 1950 года Китай через своего делегата У Сю-цюаня представил ООН доказательства, подтверждающие факты нарушения Соединенными Штатами границ Китая. Документированный доклад Пекина показал,

* 7 ноября 1953 года Демари Бес сообщил в «Сатердей ивнинг пост»: «В течение лета 1952 года, когда я несколько раз посещал так называемый штаб войск Организации Объединенных Наций в Токио и Корею, я ни разу не видел ни одного штабного офицера не-американца». — *Прим. автора.*

что за период с 27 августа по 24 ноября 1950 года отмечено 200 случаев нарушения американской авиацией китайской границы, в которых участвовало свыше тысячи самолетов. Некоторые из них бомбили населенные пункты, убив многих мирных жителей. Кроме того, в это же время имели место операции американского флота у китайского побережья, оккупация американцами острова Тайвань, а также военная поддержка Чан Кай-ши. «Можно ли сказать, что китайские самолеты перелетели через воздушные границы Соединенных Штатов и подвергли бомбардировке американских женщин и детей?» — спросил У Сю-цюань. Он заявил далее, что факт агрессии со стороны США невозможно отрицать. У Сю-цюань просил Организацию Объединенных Наций не игнорировать голос пятисотмиллионного народа, предупредив, что Китай «нельзя ни запугать угрозами, ни купить при помощи долларов». Но все было тщетно: консорциум Даллес—Морган оставался непреклонным.

Этот консорциум решил, что Китай, чья территория в полтора раза превышает территорию Соединенных Штатов, а население в десять раз больше, чем население Франции или Англии, не должен иметь голоса при решении касающихся его вопросов. Это помешало бы планам консорциума в отношении Японии, для которой в тот момент Даллес разрабатывал проект «мирного договора». Пытаясь оправдать эту жалкую инсценировку, «Нью-Йорк таймс» выступила в поддержку государственного департамента: «Пекинский режим олицетворяет собой новое государство, а так как сейчас еще нельзя считать, что это новое государство действительно контролирует Китай... то нет никаких причин излишне торопиться похоронить старое правительство и приветствовать новое»²⁹.

Послушные голоса контролируемых Соединенными Штатами латиноамериканских республик еще раз выступили от имени «большинства» в Организации Объединенных Наций. Среди них были такие «независимые государства», как Сальвадор, Коста-Рика, Гондурас, Перу, Доминиканская республика, Панама, Куба, Венесуэла, Гаити и Парагвай, общее население которых меньше населения одной провинции Китая. Их голоса провалили резолюции СССР и Индии, которые вместе с Китаем и другими азиатскими и арабскими странами представляют почти три пятых человечества. (Из всех азиатских стран

только Таиланд и Филиппины голосовали за резолюцию Соединенных Штатов.)

Джеймс Рестон, часто говорящий от лица государственного департамента, без стеснения признавал, что ООН стала филиалом госдепартамента. «Некоторые члены ООН хотели бы сказать Соединенным Штатам, что их действия в отношении китайских коммунистов неразумны, противоречивы и лицемерны. Но они не смеют этого сказать... Все они зависят от Соединенных Штатов»³⁰.

«Слава богу!» — воскликнул Остин после того, как в результате нажима и шантажа этот циничный фарс был оформлен в виде документа ООН. «Теперь, после принятия резолюции, — писала «Нью-Йорк таймс», — возможности для последующего урегулирования больше не существует». Уолл-стрит получил «законное» прикрытие ООН, для расширения войны, когда бы он ни счел это подходящим.

Резолюция ООН, осуждающая Китай как агрессора, явилась по существу объявлением Соединенными Штатами войны Китайской Республике; кроме того, она извратила смысл термина «агрессия», перенеся его на войны «освободительные и на оборону против агрессии. (Эта резолюция также внесла большую ясность в концепцию Уолл-стрита об «агрессивности» СССР. Ибо ни Крупп, ни Даллес, ни правители Кубы никогда не санкционировали разгрома Красной Армией гитлеровского вермахта.) Вооружившись документом ООН, объявлявшим Китай агрессором, Трумэн в своей речи в Покателло 10 мая 1951 года хвастался, что именно он отдал приказ о том, чтобы сбросить атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки. Трумэн заявил, в частности: «Я это сделал, и, уверяю вас, я снова сделаю это, если понадобится». Военным было приказано начать серию испытаний атомных бомб в штате Невада. «Чувство уверенности охватило весь мир в результате атомных испытаний... Мужайтесь! Америка вооружается», — заявил губернатор Дьюи запуганным заокеанским партнерам Уолл-стрита. «Голос Америки» передавал по радио атомные взрывы, сообщая, что «сотряслись двери и окна домов, находящихся в нескольких милях от места взрывов». Но ни Москва, ни Пекин не оказались запуганными. В дрожь бросило Лондон и Париж, а также народ Соединенных Штатов.

Китайский народ устоял и победил японских банди-

тов и Чан Кай-ши, имевшего превосходство в вооружении. Он узнал, что вооружение не является всесильным. Он столкнулся с американской военной машиной и окрестил американскую военщину «бумажным тигром». Вчерашнюю слабую и угнетенную нацию уже нельзя было запугать. Она уже не была больше одинокой.

«Кто должен больше бояться атомной бомбы? — спрашивали китайцы. — Советский Союз и Китай с их огромным населением, разбросанным на огромных территориях, или Нью-Йорк, Вашингтон и Лондон?.. Дни, когда империалисты могли запугивать нас, прошли... Американские войска не могут быть терпимы у границ Китая, так же, как китайские войска не могут быть терпимы у границ Америки... Они должны уйти, и находиться вне пределов Дальнего Востока». Таков был громоподобный исторический ответ молодого гиганта Азии атомным шантажистам.

Буря протестов поднялась в рядах международного движения в защиту мира. Французские, итальянские, бельгийские профсоюзы предупредили свои правительства, чтобы они не следовали за вашингтонскими маньяками, одержимыми мыслью об атомной бомбардировке Китая и о развязывании третьей мировой войны. «Американцы, убирайтесь из Кореи!» — звучало по всей Европе и Азии. Пропасть, разделяющая народы и их правителей в маршаллизованных странах, углубилась еще больше. Чем упорнее требовал лагерь Макартура распространить войну на Китай, тем большая паника охватывала правящие круги Западной Европы. Трещины в Атлантическом пакте становились шире. Вашингтон оказывался все более изолированным. Серьезный удар, нанесенный ему в Корею, больше нельзя было скрывать. Он потряс весь империалистический лагерь.

Еще 10 января 1951 года Макартур признал в неофициальном письме Объединенной группе начальников штабов, что Северную Корею нельзя завоевать³¹. Шумные требования группы «Азия прежде всего» подвергнуть атомной бомбардировке Китай послужили для правительства Трумэна пробным шаром, давшим ему возможность проверить, как далеко могли идти за Уолл-стритом американский народ и западные союзники. До весны 1951 года — это следует особенно подчеркнуть! — у группы Трумэна—Ачесона никогда не было расхождений с макартуровским крылом по основным военным задачам в Корею.

Пока победа казалась обеспеченной, их взгляды, возможно, расходились только в вопросе о том, следует ли месяцем другой задержаться у реки Ялуцзян или надо немедленно вторгнуться в Маньчжурию. По сообщению лондонского журнала «Экономист», в декабре 1950 года Ачесон все еще пытался склонить Эттли согласиться с программой Макартура³². Как выяснилось позже из показаний Макартура перед сенатской комиссией, Объединенная группа начальников штабов рекомендовала 12 января 1951 года распространить корейскую войну на Китай. Генерал Макартур, писал Артур Крок в «Нью-Йорк таймс», подтвердил свое заявление документальными данными³³.

Макартур предпочел уйти в отставку

Между тем зимнее наступление 1950/51 года не дало ничего, что хоть отдаленно соответствовало бы пустым претензиям Макартура на победу. Неопределенная война становилась все более определенной, поскольку это касалось потерь. Большинство американцев расценивало растущее число жертв — убитых, раненых и пропавших без вести — как неоправданное преступление Вашингтона. Путем ответов на опросы, а также другими способами большинство американцев выражало свое несогласие с продолжением войны. Многие церковные и массовые организации, а также некоторые профсоюзы осудили бойню в Корее.

Военный разгром и настроение народов США и Европы заставили часть сенаторов и конгрессменов пересмотреть свои позиции. Группа Трумэна — Ачесона начала проявлять нерешительность в отношении своих первоначальных двухпартийных соглашений с группой Макартура. В личном послании Макартуру Трумэн отмечал, что «корейская кампания должна вестись так, чтобы выиграть время для объединения сил против коммунистов и сохранить союзников, в которых США будут отчаянно нуждаться в случае войны с Россией»³⁴.

«Мы теряем лучшие войска. Мы должны спасти уже обученный персонал, чтобы подготовить еще большую армию», — предупреждали некоторые генералы. Объединенная группа начальников штабов вдруг переменяла тон, заявив: «Расширение войны в Корее противоречило нашему убеждению, так как оно ставило под угрозу меж-

дународный мир». «Мы намерены предотвратить третью мировую войну», — заявил Омар Брэдли.

Эти неслыханно еретические заявления, хотя они делались лишь с целью временно успокоить американцев, возмутили сторонников Макартура, которые рассматривали затишье в Корее как наилучший повод для провоцирования войны против Советского Союза. А так как сторонники группы Трумэна — Ачесона, стоявшей за «войну позже», поддерживали вначале план массированных бомбардировок Китая, то авантюристы Макартура, требовавшие «войны немедленно», отчаянно завопили об «измене и предательстве».

Чтобы ускорить развязку, сторонники Макартура решили поставить группу Трумэна — Ачесона в затруднительное положение, преждевременно огласив то, что было согласовано между ними раньше, в начале корейской кампании. Именно «высказывания вслух того, о чем Трумэн и Ачесон предпочитали молчать, привели к отстранению Макартура от командования», — заявила «Нью-Йорк таймс». «Значение имели не идеи Макартура, а способ, при помощи которого он пытался их осуществить, не то, что он сделал, а то, что он сказал», — писала «Уолл-стрит Джорнэл».

А Макартур и его сторонники в сущности заявили, что «Трумэн и Ачесон лгут», когда представляют дело так, будто война против Кореи имела целью отражение агрессии. Целью войны с самого начала было свержение китайского правительства. Макартур знал, что они не посмеют отрицать этого. Двух чемоданов документов, которые юн захватил с собой из Токио и которые содержали приказы и сообщения госдепартамента и Пентагона, было более чем достаточно, чтобы это доказать.

Есть много фактов, свидетельствующих о том, что группа сторонников Макартура и «войны немедленно» настояла на его отставке, чтобы добиться своих целей другими средствами. «Надо думать, что Макартур не является жертвой ситуации, скорее он сам ее создал», — наметнула газета «Нью-Йорк таймс»³⁵. Макартур хотел доказать, что правительство Трумэна было неспособно «ни достичь мира, ни вести войну».

Сторонники Макартура надеялись нажить капитал на его бесславном уходе в отставку, вызвав массовые симпатии к нему как к «невинному мученику» и козлу отпущен-

ния Трумэна. Гувер, Даллес и вся уолл-стритовская компания сторонников «немедленной войны» устроили Макартура «триумфальную» встречу. После речи Макартура на совместном заседании палаты представителей и сената Дьюи Шорт (республиканец от штата Миссури) заявил: «Мы слышали здесь самого бога во плоти, голос бога». Конгрессмены плакали, была сделана попытка превратить всеобщее замешательство, вызванное отставкой Макартура, в фашистскую военную истерию, прославить Макартура как предназначенного божественным провидением американского «фюрера». Но после инсценированного приема в Нью-Йорке американский народ потерял к нему интерес. Полупустые залы встречали его в большинстве других городов. Подавляющее большинство американцев отвергло призыв Макартура принять его фашистский символ «креста и флага» в качестве символа их страны.

Раскол и компромисс

Чудовищный обман американского народа продолжался, но растущие трудности и противоречия обострили разногласия. Сторонники Макартура засыпали сенаторов и конгрессменов потоком посланий: «Обвините этого мерзавца в государственной измене за то, что он продал страну, устранив Макартура. Обвините в государственной измене дурака, который называет себя президентом... Обвините в государственной измене иуд, которые продали нас в неволю... Великий американец распят на кресте, в то время как сила Сталина растет... Во имя неба устрани-те этого человека из Белого дома, пока он не довел нас до уничтожения!»³⁶. Тафт и другие обзывали Трумэна «жалким идиотом, не обладающим способностью суждения, который обрек американских солдат на смерть в чужих странах»³⁷. Тем не менее многие другие продолжали еще петь хвалу этому «жалкому идиоту». «Большая дискуссия» началась.

Она открылась в январе 1951 года серией речей бывшего президента Герберта Гувера, Тафта и других, в которых они подвергли внешнюю политику Трумэна — Ачесона резкой критике, показывая ее ошибки и провалы. Эта дискуссия продолжалась и во время дебатов в сенате, последовавших вслед за отставкой Макартура. Эти дебаты стали наиболее известными в современной аме-

риканской истории и продолжались с 3 мая по 27 июня 1951 года. Выступление Макартура длилось три дня, Ачесон выступал восемь дней, министр обороны Маршалл, генерал Бредли и другие члены Объединенной группы начальников штабов занимали трибуну неделями. Дебаты вращались вокруг поражения в Корее и изменения общей военной стратегии. Они также концентрировались на том, когда и как можно разжечь войну против СССР. (Концепции, выдвигавшиеся во время дебатов, будут рассмотрены нами в 10-й главе.) В ответ на вопрос, что делать с Кореей, представители группы Макартура — Гувера — Тафта, то есть группы сторонников политики «Азия прежде всего», указали на банкротство планов вооружения Западной Европы и подготовки сухопутной войны. Они выступили за «самостоятельную» атомную воздушную войну против Китая с «рассчитанным риском» вызвать третью мировую войну. Крыло Трумэна—Ачесона ссылалось на все еще недостаточную мощь военно-воздушных сил, призывало к терпению и утверждало, что продолжение вооружения западноевропейских союзников все еще необходимо.

В ходе дебатов два спорящих лагеря достигли как будто бы компромиссного соглашения. Пресса характеризовала этот компромисс следующим образом: «Согласились с тем, что главным врагом является Советский Союз и мировой коммунизм и что с обоими нужно вести борьбу во всем мире». Так как отступление означает поражение, «принцип «не отступать нигде» был поддержан как, по существу, правильный принцип»³⁸. План заключался в том, чтобы вести ограниченные войны, но повременить с решающей схваткой до тех пор, «пока мы не будем подготовлены лучше». Или, как это формулируют редакторы «Нью-Йорк геральд трибюн», в настоящее время необходимо «добиться затишья в Азии, чтобы перестроить оборону Европы. При такой политике... мы легка могли бы бомбить территорию, находящуюся за рекой Ялуцзян»³⁹. Короче говоря, начать большую войну на Дальнем Востоке, когда к ней будет готова также и Европа.

Кроме того, компромиссный план предусматривал еще более бешеную подготовку к войне. Вашингтон развернул небывалую гонку вооружений. Чарльз Уилсон лаконично охарактеризовал эту программу так: «Заказы будут раз-

мещаться в объеме один миллиард долларов в неделю или больше».

Новые контингента американских войск были посланы во Францию и Западную Германию. Конгресс ассигновал 4 миллиарда долларов на строительство секретных военных баз, «расположенных на таком расстоянии от Советского Союза, с которого легко нанести по нему удар» Он также выделил 100 миллионов долларов на усиление диверсий, саботажа и подрывной деятельности в Восточном Берлине, Германской Демократической Республике и странах народной демократии — так называемый «план икс».

В Белом доме Трумэн торжественно заверил посетивших его румынских белогвардейцев и фашистов: «Если я смогу продолжать осуществление программы, которую начал, — сказал он, — вы будете снова у власти в Бухаресте еще до того, как отправитесь в другой мир»⁴⁰.

Весной 1951 года Эттли, а затем Ориоль были спешно вызваны в Вашингтон. Эттли и Ориоля заверили, что их страны в данное время не будут ввергнуты в третью мировую войну и что они будут заблаговременно уведомлены о решении бомбардировать Китай. Разумеется, при условии, что они подчинятся решению Пентагона о немедленном возрождении вермахта и военно-воздушных сил в Западной Германии и более быстром увеличении их собственных вооруженных сил под командованием Эйзенхауэра. 3 апреля 1951 года Ориоль появился на совместном заседании палаты представителей и сената, чтобы дать обещание. Он сказал: «Один за всех и все за одного. Мы стоим за правду и братство», при условии, если Франция получит больше долларов и бомб для нашего общего дела во Вьетнаме. «У нас ещё есть надежные союзники», — обрадовались лидеры американского правительства. Но на так называемых изоляционистов это не произвело никакого впечатления. «Пойдут ли миллионы ваших коммунистов и борцов за мир с нашими боннскими эсэсовскими дивизиями против Москвы?» — ядовито спросили они. «А что вы можете сказать о вашей армии в Корее?» — кричали они павшему духом Эттли.

Сильно нуждаясь в более подготовленных солдатах, Вашингтон стал собирать нацистские обломки. Кэролус в журнале «Нейшн» писал: «Гордо выпятив грудь, один немецкий промышленник заявил: «Они нуждаются в нас,

они очень нуждаются в нас. Если бы они послушали Гитлера, они не попали бы в эту заваруху в Корее. Поделом им, а теперь они хотят, чтобы мы таскали им каштаны из огня»⁴¹. В феврале 1951 года Макклой освободил оставшихся в заключении нацистских военных преступников. Приветствовать их и просить у них прощения был послан Эйзенхауэр. Возлагая венки на могилы погибших во время войны американцев, Эйзенхауэр заявил: «Каждый из нас должен выполнить свою роль... Наши дети унаследуют больше того, что может быть выражено в миллионах». Несколькими днями спустя боннское правительство передало «Чэйз нэшнл бэнк» свой первый вклад в «наследство Эйзенхауэра» — 20 миллионов долларов (проценты и очередные взносы по займам, которые Уолл-стрит предоставлял Гитлеру).

Эйзенхауэр был представлен как сказочный дудочник, за которым должны были слепо последовать все крысы Европы. По возвращении в США в мае 1951 года Эйзенхауэр сделал Конгрессу хвастливый оптимистический доклад. «В Риме, — заявил он, — растет решимость достойно встретить стоящие перед нами задачи. То же самое наблюдается в Португалии, Норвегии, Дании. Маленький Люксембург, население которого составляет всего 300 тысяч человек... проникся решимостью и заявил: «У нас будет всеобщая воинская повинность. Мы нуждаемся в артиллерии и оснащении»... Продолжая свою поездку я прибыл в Оттаву, где канадцы сказали: «Ведь у нас есть артиллерия, мы можем отправить ее им». Я хочу сказать, что эти маленькие инциденты убеждают меня в том, что у нас происходит возрождение духа»⁴².

Высокопоставленные западногерманские офицеры были спешно посланы в Соединенные Штаты для консултации и обучения. На конференции в Мюнхене встретились американские и немецкие историки, чтобы «устранить ошибки, содержащиеся в книгах по истории». Макклой дал сигнал боннскому правительству заявить, что оно никогда не признает границ Польши. Во Франкфурте представители «И. Г. Фарбениндустри», западногерманских химических и стальных трестов, шницлеры, абсты и пфердменгесы собрались на тайные совещания вместе с представителями Дюпона, Форда, Рокфеллера, Мелона и «Импириэл кемикл», чтобы поделить между собой поставки динамита для планируемой кровавой бойни.

Компромисс между сторонниками «немедленной войны» и сторонниками «войны позже» предусматривал также молчаливое согласие на продолжение войны в Корее. В поисках нового военного идеала они окрестили свой «крестовый поход» в защиту корейской «свободы» как «Операция «Убийца». «Наши цели в Корее скорее истребительного, нежели географического характера, — хвасталась газета «Нью-Йорк геральд трибюн». Она заключается в том, чтобы «уничтожить красные войска хладнокровным и решительным использованием огневой мощи»⁴³. «Мы находимся там не ради приобретения территорий, а для того, чтобы убивать как можно больше врагов», — заявили руководители Пентагона, считая, по видимому, что в это время корейские и китайские солдаты будут играть в мацзян*. «Операция «Убийца» вызвала ответные действия. Корея, как жернов, перемалывала американские войска, чей боевой дух упал еще ниже. Отвращение народа к войне стало еще более сильным.

Мир и паника

Северная Корея, Китай и Советский Союз, поддерживаемые временами Индией и другими азиатскими народами, с самого возникновения конфликта призывали прекратить огонь и урегулировать конфликт мирным путем. В июле 1950 года Советский Союз обратился к Организации Объединенных Наций с предложением созвать Совет Безопасности для посредничества между двумя сторонами в гражданской войне и ведения переговоров с целью немедленного прекращения военных действий. 13 июля 1950 года Сталин и Неру обменялись заявлениями, направленными на установление мира в Корее. Приветствуя инициативу Неру, Сталин заявил: «Вполне разделяю Вашу точку зрения насчет целесообразности мирного урегулирования корейского вопроса через Совет Безопасности с обязательным участием представителей пяти великих держав, в том числе Народного Правительства Китая»**. Позднее Громыко, Вышинский и Малик двадцать три раза предлагали Соединенным Штатам, Англии и ООН положить конец кровопролитию в Корее. Вашингтон презрительно отверг все китайские и совет-

* Распространенная игра в кости — *Прим. ред.*

** «Правда», 18 июля 1950 года.

ские мирные предложения. Он также провалил резолюцию арабских и азиатских стран, призывавшую Организацию Объединенных Наций созвать конференцию семи азиатских стран в целях немедленного прекращения огня и установления перемирия в Корее.

18 июля 1950 года Ачесон ответил Неру: «Я знаю, Вы согласитесь с тем, что решение [созвать Совет Безопасности с участием Китая с целью прекращения войны] не должно быть продиктовано незаконной агрессией или какими-либо другими действиями, которые заставили бы Организацию Объединенных Наций подчиниться насилию или принуждению». *Таким образом, за пять месяцев до того, как Китай оказал помощь Северной Корее, одно его участие в обсуждении в ООН вопроса о том, как покончить с войной, было равнозначно, согласно формуле Уолл-стрита, «принуждению и агрессии». Наряду с этим продолжение бойни Соединенными Штатами считалось «стремлением к миру».*

За все время войны в Корее Соединенные Штаты не выдвинули ни одного мирного предложения. В палате представителей лишь смелый голос конгрессмена Вито Маркантонио звучал в защиту мира. В сенате единственное предложение прекратить корейскую войну и добиться мирного урегулирования поступило от сенатора из штата Колорадо Эдвина Джонсона. Оно было помещено на видном месте в газете «Правда». Но печать Уолл-стрита похоронила несколько строчек, сообщавших о нем, на последних страницах.

24 июня 1951 года Яков Малик, советский представитель в Организации Объединенных Наций, снова предложил прекратить огонь и начать мирные переговоры в Корее. Его призыв к немедленному установлению перемирия передавался по радио во всех странах мира. Не будучи уже в состоянии обещать победу в Корее ни своим союзникам, ни американскому народу, Вашингтон на этот раз был вынужден, по крайней мере, принять к сведению советское мирное предложение.

Большинство американского народа, как и американские солдаты в Корее, страстно желало перемирия. После года напрасных жертв они поняли, что не было ничего более разумного, чем прекращение дальнейшего кровопролития, путем немедленного прекращения *огня одновременно* с началом мирных переговоров.

Здравые военные соображения также указывали на необходимость прекращения войны или установления, по крайней мере, временного перемирия. Это дало бы возможность американской военщине выпутаться из безнадежной авантюры. Ранее Сталин предупредил, что американские войска не могут рассчитывать на победу в Корее, что если они будут продолжать свою агрессию, «то война в Корее может кончиться лишь поражением интервентов». Китай предупредил, что война в Корее только начинается и что Соединенные Штаты увязнут в бесконечной войне так же, как это случилось с Японией. Андрей Громыко заявил, что «в Корее не хватит места для белых крестов над могилами интервентов, если война не прекратится».

Следует думать, что летом 1951 года некоторые вашингтонские политики считали целесообразным прекратить корейскую войну. Однако всемогущая олигархия Уолл-стрита не хотела этого в силу тех самых причин, по которым она начала войну. Если начало 1950 года было отмечено страхом перед экономическим кризисом, то в конце 1950 года, когда американские бомбардировщики превращали в груды камней города и деревни Кореи, заправила трестов были счастливы и чувствовали себя уверенно. Война в Корее воздавала им с лихвой. Счетные машины Уолл-стрита показывали баснословные прибыли. Индекс цен на фондовой бирже поднялся с 105 в июне 1949 года до 175 в феврале 1951 года. Все корпорации, производящие атомные бомбы, боеприпасы, напалм, танки, орудия и самолеты, удвоили и утроили свои прибыли. «Сэвидж армз корпорейшн» за три первых месяца 1951 года увеличила свои прибыли в тридцать раз по сравнению с соответствующим периодом 1949 года*. «Америкэн зинк, лед энд смелтинг» получила в 1950 году 5,67 доллара прибыли на каждую акцию по сравнению с 31 центом в 1949 году. Сбыт продукции «Юнион карбид» в 1950 году возрос на 100 миллионов долларов. Дюпон получил 307 миллионов долларов чистой прибыли (на 100 миллионов больше, чем в 1949 году), «Стандард ойл» — 408 миллионов долларов (на 132 миллиона долларов больше, чем в 1949 году), «Дженерал моторс» — 834 миллиона (на 300 миллионов больше, чем в 1949 году).

* Все цифры округлены.— *Прим. автора.*

В первом квартале 1951 года прибыли компании «Америкэн смелтинг энд рифайнинг» возросли на 205 процентов по сравнению с 1950 годом, «Рейнолдс металз» — на 191 процент, «Юнайтед Стейтс раббер» — на 131 процент, «Стандард ойл» — на 81 процент⁴⁴. Общие прибыли корпораций возросли с 28 миллиардов долларов в 1949 году до 42 миллиардов в 1950 году. Чистые прибыли корпораций после уплаты налогов составили 22 миллиарда, что в два раза превысило прибыли военного 1944 года. В 1951 году они выросли еще больше. «Мерк энд Компани» за первые шесть месяцев 1951 года получила 7200 тысяч долларов прибыли вместо 3900 тысяч, полученных в предыдущем году. Из каждого солдата, убитого или раненого в Корее, американские монополии по производству лекарств извлекали свою долю прибыли.

Корейское кровопролитие оживило военно-промышленные тресты и в других капиталистических странах. Прибыли англо-американских рудников «Рио Тинто» в Испании возросли до миллиона фунтов стерлингов в 1951 году по сравнению с 228 тысячами фунтов стерлингов в 1950 году. Прибыли «Мануфактурас, металлурги-кас, мадрелинас» — отделения меллоновского алюминиевого треста — выросли на 900 процентов. Акции рурской компании «Клекнер верке», котировавшиеся по 66 марок в октябре 1950 года, в 1951 году поднялись до 220 марок. Стоимость акций «И. Г. Фарбен» выросла вдвое. Японские облигации, находящиеся в руках уолл-стритовских финансовых групп, поднялись после начала корейской войны с 56 до 94. «Цюрих кредит анштальт бюлетин» писал: «Имеется изобилие контрактов... Рур снова производит вооружение» и это «помогает нашему экспорту. Стоимость акций на бирже достигла наивысшей точки за последние двадцать лет»⁴⁵.

Различные монополии, занимающиеся добычей сырья, также пожинали огромные прибыли. Товарный индекс Муди, который в январе 1950 года был на уровне 347 (за 100 принят 1941 год), поднялся в декабре того же года до 503. Цена на каучук возросла с 18 до 74 центов за фунт, на цинк — с 74 центов до 1,37 доллара, на хлопок — с 30 до 44 центов. Круги, близкие к Франко, утроили цену на ртуть. Цена на шерсть подскочила с 1,59 доллара за фунт до 4 долларов, на олово — с 200 фунтов до 900 фунтов стерлингов за тонну. Резервный фонд «Импириэл

кемиклс» увеличился за год с 44 миллионов фунтов стерлингов до 152 миллионов фунтов стерлингов (в округленных цифрах). Компании «Бако консолидейтед раббер» и «Кэмблинг раббер энд тин» утроили свои прибыли. На акции малайских оловянных рудников выплачивались стопроцентные дивиденды. «Корейская война сделала многих местных дельцов миллионерами», — сообщила из Малайи лондонская «Таймс». В 1950 году долларовые поступления Англии из Малайи возросли до 305 миллионов долларов против 130 миллионов долларов в 1949 году. «Дальнейшие военные заказы, — добавлял лондонский «Бэнкерс мэгэзин, — еще больше повысят стоимость акций». «Корейская затея явилась впрыскиванием для бизнеса», — констатировал экономист Уолл-стрита Роджер Бэбсон. «Корейское предприятие, — писала «Нью-Йорк таймс», — оживило экономику». «Корейская война изгнала призрак депрессии, который преследует бизнес в Соединенных Штатах Америки со времени окончания второй мировой войны», — писал журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт». Руфус Такер, главный экономист «Дженерал моторс», заявил в январе 1951 года правлению Национальной промышленной конференции: «С удовлетворением послевоенного потребительского спроса на товары длительного пользования весной 1950 года нам пришлось бы пережить трудные времена, если бы не было войны в Корее».

Газета «Уолл-стрит Джорнэл» в передовой статье писала: «Соединенные Штаты намерены требовать на переговорах в Корее больше того, на что, по нашему мнению, могут когда-либо согласиться коммунисты»⁴⁶. Майкл Гофман в своих комментариях отмечал: «Если японский экспорт не увеличится, по крайней мере, втрое, Япония вообще не сможет выжить, когда кончится война в Корее, а вместе с ней и американские военные заказы в Японии»⁴⁷. Более того, фирмы Уолл-стрита — держатели японских облигаций должны были получить по 700 долларов прибыли на каждые 1000 долларов их номинальной стоимости. «Возмещение этого долга, — заметил журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» 12 января 1951 года, — *зависит от продолжения корейской войны*». (Курсив мой. — Г. М.)

Большой бизнес, имевший военные заказы на миллиарды долларов и добывавшийся еще больших заказов, был

страшно напуган перспективой мира в Корее. Не успел еще Малик закончить чтение текста своего предложения о мире, как Уолл-стрит уже охватила паника. На фондовой и товарной биржах курсы акций трестов и королей вооружения начала трясти лихорадка. Объявления в финансовых разделах газет гласили: «Акции упали до самого низкого уровня. 1700 миллионов долларов сметены советским предложением о перемирии... Цены на золото в Париже резко снижаются в результате предложения Малика о перемирии»⁴⁸. Печать Уолл-стрита вопила: «Новый шквал распродажи акций уменьшает их стоимость на один миллиард долларов, после того как слухи о мирном предложении русских достигли биржи»⁴⁹. Стремительно упали товарные цены. «Русские предложения о перемирии ввергли лондонские рынки в хаос»⁵⁰. «Серьезнейшей экономической угрозой, нависшей над Америкой, является угроза внезапного поворота к миру», — предупреждал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт»⁵¹. Разве играло какую-нибудь роль то, что в Корее будет убито или ранено на 100 тысяч человек больше, если акции компании «Юнайтед Стейтс стил» поднимутся до 65?

Формула «мир через войну»

Под прикрытием разговоров о мире Вашингтон совершил еще один маневр в своей политике войны. Чтобы показать солдатам, их обеспокоенным семьям и всему американскому народу, что он тоже желает мира, Вашингтон, согласился, наконец, начать мирные переговоры в Кэсоне, а затем в Паньмыньчжоне. Но его генералы тотчас же показали, что их истинной целью было продолжение войны под прикрытием переговоров о перемирии. Пользуясь формулировками, составленными в стиле нацистских генералов, оправдывавших истребление испанского народа в 1936 году, заправила Пентагона говорили о Корее, как о «полигоне для опытов по наиболее эффективному использованию войск и вооружений». «До того как мы начнем переговоры и во время этих переговоров, — заявляли они возмущенным и сбитым с толку солдатам, — мы будем продолжать убивать». «Наша цель в Корее — нанести максимальные потери... с тем, чтобы мы смогли приступить к каким-либо переговорам» — заявил Брэдли. «Операция «Убийца», на фронте и мирные фразы в Орга-

низации Объединенных Наций — такова была политика Вашингтона.

Мирные переговоры начались 10 июля 1951 года. Они были прерваны Риджуэем 5 августа на том основании, что в трехстах футах от дома, где происходили переговоры о перемирии, была замечена проходившая северокорейская пехотная рота. Риджуэй назвал это вопиющим нарушением соглашения. Северокорейский представитель пообещал исправить ошибку и просил Риджуэя вновь прислать своих представителей в Кэсон и не прерывать переговоров из-за пустяков. Хотя вначале северокорейский и китайский делегаты настаивали на 38-й параллели как линии перемирия, в дальнейшем они согласились с американским требованием, что «линия прекращения огня должна проходить там, где в настоящее время находится фронт». 18 августа 1951 года печать сообщила, что «среди делегаций, ведущих переговоры, преобладает дружеская атмосфера» и что «появились реальные возможности установить перемирие»*. На следующий день банда вооруженных людей была послана в нейтральную зону Кэсона, где устроила засаду взводу северокорейской военной полиции и убила его командира. Одновременно Риджуэй начал одну из самых опустошительных за время войны в Корее артиллерийских бомбардировок.

20 августа автомашины северокорейской делегации, следовавшей к месту переговоров о перемирии, были обстреляны американскими самолетами. 22 августа американские самолеты бомбардировали нейтральную зону Кэсона. (Американское командование не отрицало факта этих нападений.) 11 октября переговоры были возобновлены. 12 октября американские самолеты вновь подвергли бомбардировке нейтральную зону Кэсона, убив одного ребенка и ранив другого (Риджуэй признал это 15 октября). 25 октября еще один американский самолет бомбардировал нейтральную зону. Американские солдаты в Корее были возмущены этим саботажем переговоров о перемирии. «Последние события, — сообщал Джордж Баретт, корреспондент «Нью-Йорк таймс», — убедили многих солдат в том, что их собственные командиры по неизвестным им причинам препятствуют достижению соглашения». Джеймс Рестон, корреспондент этой же

* И. Ф. Стоун. Закулисная история войны в Корее, Издательство иностранной литературы, 1953.

газеты, сообщал: «Официальные лица в Вашингтоне признают, что в глазах всего мира это может выглядеть так, как будто Соединенные Штаты умышленно стремятся избежать прекращения огня в Корею»⁵².

Не поддаваясь на угрозы, китайский и северокорейский делегаты настаивали на продолжении мирных переговоров. Из-за неоднократных нарушений американцами нейтральной зоны Кэсона переговоры были перенесены в Паньмыньчжонь. Но и там почему-то продолжали падать американские снаряды и бомбы, что объяснялось «ошибками». Тем не менее к концу января 1952 года соглашение было достигнуто по всем основным вопросам, ранее бывшим спорными. На повестке дня не оставалось ничего, кроме установления даты прекращения огня и начала перемирия.

В этот момент с целью создать тупик Вашингтон прибег к новому маневру. Он стал настаивать на том, чтобы задержать репатриацию сначала 100 тысяч, а затем еще 46 тысяч китайских и корейских военнопленных. Однако, по словам И. Ф. Стоуна, «данные Пентагона показывали, что у нас, у Соединенных Штатов, к началу переговоров содержалось 17 382 китайских военнопленных. Это число возросло до 20 678 к концу 1951 года, когда возник вопрос о добровольной репатриации. В настоящее время число военнопленных (приведены только округленные цифры) составляет 21 тысячу. Эти данные не говорят о массовых побегах, поощренных предложением о предоставлении убежища»⁵³.

Конвенция о военнопленных, подписанная в Женеве в 1949 году Соединенными Штатами Америки и другими государствами и одобренная Организацией Объединенных Наций, гласит, что «военнопленные должны быть освобождены и репатрированы без задержки после прекращения военных действий». Вашингтон не только нарушил свое обязательство, взятое в связи с этим соглашением, но и сфабриковал проблему военнопленных, которой вовсе не существовало. Это было сделано путем так называемого «процесса опроса», результатом которого, как будет видно из дальнейшего, было убийство сотен военнопленных.

Весь мир был возмущен цинизмом вашингтонских политиков, которые, залив Корею кровью, теперь отвергли перемирие, ссылаясь на моральную ответственность за

передачу военнопленных, которые якобы отказывались репатриироваться. Даже такая консервативная газета, как кливлендская «Плейн дилер», заявила: «Позиция Соединенных Штатов по вопросу о военнопленных слаба. Во-первых, это нарушение Женевской конвенции о военнопленных 1949 года, участником которой мы являемся. Во-вторых, вполне понятно, что, если бы роли переменялись и наш теоретический враг отказался бы возвратить всех американских пленников, мы подняли бы страшный шум и это было бы вполне справедливо»⁵⁴.

Вашингтон продолжал саботировать мирные переговоры. Он принес в жертву еще 75 тысяч солдат и офицеров, чтобы занять несколько высот, которые он вновь потерял несколько месяцев спустя.

Американские империалисты оказались перед дилеммой: они не могли идти вперед, но не могли и отступить. Однако они не могли и оставаться на одном месте без того, чтобы серьезно не уронить свой престиж и не вызвать еще более массового сопротивления этой бесполезной войне. Американские империалисты, казалось, были пойманы в гигантские тиски. «Это ловушка,—предупреждал представитель Уолл-стрита Дэвид Лоуренс. — Трумэн и Ачесон попали в ловушку: они не могут отклонить предложения о перемирии в Корее, исходящего от русских, без того, чтобы их не обвинили в ненужном затягивании войны... В то же время не удастся и добиться победы над коммунистическими силами... А разве можно путем дипломатических переговоров вынудить красный Китай и Северную Корею согласиться на те уступки, которые им не могут быть навязаны военными средствами?»

Вашингтон хотел выйти из положения при помощи своего рода ограниченного перемирия, благодаря которому он мог бы эффективно применить свою политику «убивать азиатов азиатами», в то время как американско-чанкайшистские военно-воздушные силы избирали бы объекты для своих бомбардировок в Китае. Он хотел соглашения, которое давало бы ему возможность, отозвав большую часть наземных войск, поддерживать очаг войны на Дальнем Востоке с меньшими затратами и меньшими обязательствами и приняться за развязывание войны в другом месте. Но героические китайский и корейский народы, защищавшие свои страны и мир во всем мире, нельзя было обмануть. Они настаивали на мирном урегулирова-

нии, которое уменьшило бы или ликвидировало опасность войны, а не усиливало ее. «Вы должны вести переговоры с нами как равные с равными и достичь соглашения на базе равноправия», — заявил 10 октября 1952 года в Паньмыньчжоне генерал Нам Ир представителям Вашингтона. «Были времена, — добавил он, — когда вы могли подчинить себе то или иное восточное королевство просто посылкой канонерок к его берегам. Вы должны помнить, что эти времена прошли, прошли навсегда».

Но этого Вашингтон не хотел признавать. Мир в Корее не мог быть отделен от мира с Китаем и от погашения уже запыхавшего очага третьей мировой войны. «Уход из Кореи, — предупредил генерал Маршалл 9 мая 1951 года, — имел бы трагические последствия для Соединенных Штатов в связи с укреплением Китайской коммунистической партии, а также для Индо-Китая, Таиланда, Индонезии и для усилий на Филиппинах». А сенатор Уайли спрашивал: «Если мы остановимся там, где начали, как же мы сможем оправдать потери 175 тысяч убитых, раненых и пропавших без вести, понесенные нами в Корее?»

С избранием Эйзенхауэра на пост президента корейская дилемма обострилась еще более. Опрос, проведенный институтом Гэллага, показал, что важнейшим фактором в победе Эйзенхауэра в ноябре 1952 года было убеждение, что американское вмешательство в Корее было ошибкой. Газеты во всех частях страны сообщали о росте требований установить мир в Корее, поступавших от возмущенных граждан, представлявших все оттенки общественного мнения. Чтобы завоевать голоса, Эйзенхауэр был вынужден пообещать, что, если его изберут, он отправится в Корею, с тем чтобы положить конец войне. Перед правительством Эйзенхауэра стояла задача убедить американский народ в том, что оно отличается от режима Трумэна.

Тупик или полное поражение?

Военное положение вызвало такое же замешательство. Весенне-летнее наступление, предпринятое под руководством Кларка и Ван Флита, окончилось полным провалом. В бешенстве американская военщина провозгласила жестокую цель — смести с лица земли семьдесят

восемь корейских городов. Но растущая мощь североко-
рейских и китайских военно-воздушных сил и противо-
воздушной обороны приводила к тому, что бомбовые и
напалмовые налеты американской авиации обходились все
дороже в смысле потерь самолетов. Более того, амери-
канской авиации не удалось перерезать линии снабже-
ния Северной Кореи.

По сообщению Роберта Аллена, во время посещения
Эйзенхауэром Кореи генерал Кларк сказал ему, что для
выхода из военного тупика необходимы атомные бомбы⁵⁵.
Но даже Трумэн знал, что это не было решением вопроса.
«Бомбардировка Маньчжурии, — заявил Трумэн, — если
мы не намерены сопроводить ее посылкой в Корею пяти
миллионов солдат, не решит конфликта в Корее». Иначе
говоря, бомбардировка Маньчжурии, этот последний ко-
зырь Уолл-стрита, обрекла бы 500 тысяч американских
солдат на уничтожение на Корейском полуострове.

Во время зимнего наступления 1952/53 года (кото-
рое последовало за поездкой Эйзенхауэра в Корею)
Кларк и Ван Флит бросили в бой свои лучшие механизиро-
ванные части, пытаясь захватить тактически важную
возвышенность. Артиллерия выпускала по 300 тысяч сна-
рядов в день. Однако выбить китайцев и северокорейцев
ни с одной высоты не удалось. Когда китайцы и североко-
рейцы, предприняв местное наступление, заняли и удер-
жали хорошо укрепленные американские позиции, мо-
ральный дух американских войск упал еще ниже.

Генерал Марк Кларк отправился во Вьетнам. Ван
Флит, не оправдавший надежд, был отстранен, а Макс-
уэллу Тэйлору стали создавать репутацию более искусно-
го генерала. По возвращении в США Ван Флит объяс-
нял свой провал «недостатком боеприпасов». Генерал
Коллинс, вызванный 28 марта 1953 года в сенатскую ко-
миссию, ответил Ван Флиту следующее: «По моему мнени-
ю — и я заявляю это со всей ответственностью воен-
ного человека, — вы не смогли бы предотвратить укрепле-
ние северокорейских и китайских сил даже в том слу-
чае, если бы израсходовали больше боеприпасов, чем мо-
жет произвести наша американская промышленность...
Эти люди [китайцы и северокорейцы] работают; когда же
вы начинаете стрельбу, они покидают позиции и уходят
в укрытия. Но как только вы прекращаете их обстрели-
вать (а вы не можете стрелять двадцать четыре часа в

сутки, если не хотите разорить всю казну Соединенных Штатов), они снова приступают к работе»⁵⁶.

Таким образом, новое наступление в Корее было невозможным без огромных расходов, на которые американский народ не хотел согласиться и которые не предвещали успеха. Распространение войны на Китай было связано с «рассчитанным риском» третьей мировой войны. Но к этому времени, по словам братьев Олсоп, Вашингтон вынужден был считаться с тем фактом, что «советская воздушная и атомная мощь достигла уровня, при котором она могла опустошить США».

Таким образом, поражение в Корее поставило Вашингтон перед необходимостью полной переоценки стратегии. Некоторые представители большого бизнеса утверждали, что, поскольку в ближайшее время не предвидится большой войны, «мы так или иначе обречены на депрессию», а поэтому было бы лучше покончить с непопулярной войной в Корее и бороться с депрессией при помощи дальнейших военных заказов.

Используя последние средства, правительство Эйзенхауэра сделало еще одну попытку вынудить Китай подчиниться диктату Соединенных Штатов. Вскоре после того как Эйзенхауэр приступил к исполнению своих обязанностей, он объявил, что войска Чан Кай-ши на Тайване могут теперь проводить операции против материка. Это зловещее заявление означало, что США будут осуществлять свою угрозу террористических налетов на китайские города от имени Чан Кай-ши и с помощью обученных в Соединенных Штатах летчиков, находящихся на службе у Чан Кай-ши.

Китай немедленно уведомил Вашингтон, что эта политика шантажа потерпит провал. 7 февраля 1953 года Мао Цзэ-дун заявил: «Мы хотим немедленно прекратить войну и оставить неразрешенные вопросы для урегулирования впоследствии. Однако американский империализм предпочитает не делать этого. Что же, тогда будем продолжать борьбу. Сколько бы лет американский империализм ни намерен был вести войну, мы готовы бороться с ним, бороться до тех пор, пока американский империализм не пойдет на попятный, до тех пор, пока китайский и корейский народы не добьются полной победы»*.

* «Правда», 9 февраля 1953 года.

Угроза Эйзенхауэра вызвала оцепенение во всем мире. Наиболее распространенная в Индии газета «Таймс оф Индия» квалифицировала речь Эйзенхауэра как «безумие», указывая, что она отмечена «лицемерными и пагубными доводами»⁵⁷. Обозреватели сообщали из Дели, что «с тех пор как Индия завоевала в 1947 году независимость, ни один президент Соединенных Штатов Америки не подвергался такой резкой критике, которая обрушилась на президента Эйзенхауэра»⁵⁸. Лондонская «Таймс» заявила, что «вашингтонская политика может вызвать неблагоприятные политические отклики без компенсирующих военных выгод»⁵⁹. Черчилль напомнил Вашингтону: «Никому не нравится длительный тупик, но есть вещи похуже, чем тупик, — есть полное поражение»⁶⁰ — намекнув тем самым на то, что попытка Вашингтона распространить войну могла привести к полному поражению американской военщины в Корее.

«Горькое перемирие»

Все еще находясь в нерешительности, Вашингтон на этот раз вынужден был обратить внимание на настойчивые требования Советского Союза и Китая возобновить переговоры о перемирии. Теперь проблема заключалась в том, чтобы «спасти лицо». Впервые в своей истории Соединенные Штаты не могли диктовать условия мира. Поджигатели войны из Пентагона, остановленные на поле боя и вынужденные вступить в настоящие мирные переговоры, оказались в весьма затруднительном положении. Это означало признать свое поражение. «Опасность, которую усматривают в Вашингтоне, — сообщил Хэнсон Болдуин в мае 1953 года, — заключается в том, что, если в настоящих условиях будет достигнуто перемирие, это будет означать, что Соединенные Штаты впервые в своей истории проиграли крупную военную кампанию».

Чтобы избежать этого, американская делегация в Паньмыньжоне, хотя она и выражала теперь очевидное желание урегулировать вопрос, действовала так же грубо, как и раньше. 6 мая 1953 года китайский и северокорейский представители приняли предложение Вашингтона о военнопленных. Однако генерал Гариссон, глава американской делегации, продолжал выискивать новые препятствия, чтобы помешать заключению соглашения. В то время как возобновлялись переговоры, командующий

военно-воздушными силами генерал Баркус разразился злобными угрозами подвергнуть Пхеньян еще более жестоким бомбардировкам.

Вашингтон утверждал, что мирные переговоры, приостановленные на шесть месяцев, были возобновлены в связи с «изменением атмосферы, вызванной смертью Сталина». Чтобы сделать дымовую завесу еще более плотной, вся американская печать стала твердить, что «Россия изменила свой курс» и что «это является тайной, которая с каждым днем становится все непостижимей»⁶¹. Этой «тайной» оказалось заявление советского правительства в апреле 1953 года о том, что Советский Союз поддержит переговоры, ведущие к перемирию в Корее. Но то же самое говорил и Сталин в декабре 1952 года в своих ответах на вопросы корреспондента «Нью-Йорк таймс» Джеймса Рестона. «СССР, — заявил он, — заинтересован в ликвидации войны в Корее»* и будет сотрудничать в любом новом дипломатическом мероприятии, имеющем целью положить конец войне. Однако в то время Вашингтон все еще пытался изобразить это предложение как «ловушку», рассчитанную на раскол свободного мира».

Поскольку кровопролитие в Корее должно было вот-вот прекратиться, Уолл-стрит подбадривал себя перед лицом предстоящих «тяжелых испытаний». Он заверил самого себя, что «перемирие не является миром, что переговоры будут бесконечными и что окончательное урегулирование маловероятно»⁶². Однако в Нью-Йорке курс акций и цены на товары резко упали. Нечто вроде паники охватило также биржи в Токио и Осака (американские военные расходы в Японии в 1952 году исчислялись в миллиард долларов). Американские экономисты предупреждали, что перемирие в Корее ввергло бы японскую экономику в катастрофу, более того, оно могло привести к возобновлению торговли Японии с Китаем.

Уолл-стрит боялся, что окончание войны в Корее приведет к окончанию «холодной войны». «Москва, — писал журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», — посылает красных голубей мира, чтобы заставить Соединенные Штаты перевести экономику на мирные рельсы и поставить их перед основной проблемой — проблемой под-

* «Правда», 26 декабря 1952 года.

держания занятости среди населения»⁶³. «Расчет президента Эйзенхауэра, — объясняла газета «Нью-Йорк таймс», — заключался в том, что американцы будут полностью заняты», потому что «сложные проблемы, связанные с общим урегулированием на Дальнем Востоке, не будут поставлены на обсуждение...» «Однако, — жаловалась далее газета, — русские оказались не такими любезными»⁶⁴.

Не были такими и народы Северной Кореи и Китая, а также силы мира во всем мире. Их героическая борьба заставила поджигателей войны пойти на перемирие. С неохотой генералы Уолл-стрита отправились к палаткам Паньмыньчжоня, где велись переговоры о перемирии, чтобы столкнуться с суровыми и неприятными для них фактами. В статье под заголовком «Горькое перемирие» финансовый журнал «Бэрронс» 15 июня 1953 года писал: «Первым и решающим обстоятельством является то, что после трех лет войны, больших потерь и миллиардных расходов американская армия стоит на той же линии, с которой началась война».

Ожесточенное сопротивление Ли Сын Мана перемирию и его отчаянные попытки продолжить войну еще раз показали всему миру истинное лицо вашингтонского «борца за свободу». Это убедительно свидетельствовало о том, что начал войну именно Ли Сын Ман, чье сообщение предоставило Трумэну единственный предлог для вмешательства. Действия Ли Сын Мана «по освобождению» военнопленных, заявил генерал Ван Флит 20 июня 1953 года, не были совершенно неожиданными для командования Объединенных Наций. «Ван Флит намекнул, — заявила газета «Детройт фрипресс», — что подобный план [создать тупик. — Г. М.] рассматривался некоторыми союзными официальными лицами несколько времени тому назад, однако Ван Флит отказался уточнить это свое заявление».

Влиятельные английские газеты требовали, чтобы тупик, созданный Ли Сын Маном, «был разрешен устранением южнокорейского премьера с его поста». Американские войска в Корее выражали свои мнения и чувства более откровенно. Американские солдаты на фронте, сообщал Лерой Хэнсон, сотрудник агентства Юнайтед Пресс, говорили, что «они повесили бы этого...»⁶⁵ Солдаты, писал Хэнсон, заявляли: «Мы думаем, что среди нас не най-

дется ни одного человека — даже если бы ему грозил электрический стул, — который отказался бы застрелить Ли Сын Мана, чтобы положить всему этому конец». Однако правители в Вашингтоне смотрели на это иначе. Сенатор Ноулэнд заявил: «Я не думаю, чтобы Ли Сын Ман сделал что-либо такое, что давало бы кому-нибудь основание отказать ему в доверии». Ноулэнд напомнил, что Ли Сын Ман получил образование в Соединенных Штатах⁶⁶.

Роберт Олден сообщал из Сеула в газете «Нью-Йорк таймс», что «план Пёна [министра иностранных дел Ли Сын Мана] относительно разрешения корейского вопроса заключается в том, чтобы сбросить водородную бомбу на Москву. Пён часто высказывал эту мысль в разговорах с дипломатами».

27 июля 1953 года в Паньмыньчжоне было подписано соглашение о перемирии. Ли Сын Ман тотчас же потребовал, чтобы Соединенные Штаты предоставили ему гарантию возобновить войну, если соглашение не будет достигнуто в течение девяноста дней после открытия мирной конференции. Даллес уклонился от прямого ответа на это требование, заявив, что «на этот раз Соединенные Штаты не возобновят *автоматически* войну». 28 июля Ли Сын Ман и Даллес выступили с совместным заявлением, в котором говорилось, что Соединенные Штаты покинут конференцию, если соглашение не будет достигнуто в течение девяноста дней.

Так как Индия действовала в качестве силы, выступающей за мир, Соединенные Штаты мобилизовали своих латиноамериканских сателлитов, чтобы помешать Индии участвовать в мирной конференции. Затем последовало соглашение между Даллесом и Ли Сын Маном, содержавшее угрозу начать войну против Китая, если последний будет продолжать поддерживать северокорейское правительство. Чтобы подкрепить эту угрозу, Вашингтон отправил в Индо-Китай дополнительно на 400 миллионов долларов пушек и самолетов. «Американские дипломаты, — писал Рей Кромли, — пускают в ход все свои доводы, чтобы убедить французов не соглашаться на передаваемые по радио предложения красного Китая о созыве мирной конференции, подобной корейской мирной конференции, с целью положить конец войне в Индо-Китае»⁶⁷.

В Токио японский министр иностранных дел Кацуо

Окадзаки официально сообщил о новом японо-американском соглашении о взаимной помощи, подписанном 7 августа 1953 года и содержавшем требование о том, чтобы «Япония начала развивать промышленность, производящую тяжелое вооружение». Предыдущее соглашение, подписанное 8 сентября 1952 года, предусматривало пребывание американских войск в Японии в течение неограниченного срока и «оказание Соединенным Штатам содействия в любых действиях, которые они могут предпринять на Дальнем Востоке». Усилилась подготовка к третьей мировой войне на Тайване. 11 августа 1953 года Джеймс Рестон сообщал: «В настоящее время на острове находится больше американских офицеров и представителей разведки, чем когда-либо раньше».

Намерения Уолл-стрита были в общем изложены Джозефом Маккарти, который заявил: «Конечно, мы будем время от времени заключать перемирие, но, как только будут восстановлены финансовые и материальные ресурсы, мы снова начнем горячую войну. Перед нашей страной стоит выбор: либо победа, либо смерть. Эта война была объявлена Карлом Марксом в 1848 году. Если будет нужно, мы выиграем ее одни».

Некоторые общие уроки

Уроки корейской войны имеют огромное историческое значение. Некоторые из них уже были отмечены в этой главе. Специфические военные уроки—такие, как влияние войны на расшатывание военных союзов США, — будут рассмотрены ниже. Здесь мы хотим только отметить, что империалистам удалось достичь лишь второстепенных целей: поддержать режимы Чан Кай-ши и Ли Сын Мана, которые были бы уже давно погребены и забыты. В США гонка вооружений и процесс фашизации, которые характеризовали довоенный период, еще более усилились.

Кучка трестов получила огромные прибыли. Однако капиталистическая система в целом в результате «малой войны» в Корее оказалась еще ближе к полному банкротству. Вскоре инфляция, безудержное взвинчивание цен, нарушение торговли, валютный хаос и т. д. поставили ряд капиталистических стран, в частности Францию и Англию, на грань экономического краха. Это были признаки, означавшие, что, развязав новую мировую войну, империа-

лизм может лишь ускорить свою неотвратимую судьбу и что пережить подобную войну капитализм не может.

Среди колониальных народов, в особенности среди народов Азии, корейская война вызвала еще более лютую ненависть к империалистическим державам. Джордж Баррет сообщал: «Когда южнокорейцы увидели, что коммунисты при отступлении оставили в неприкосновенности их дома и школы, в то время как американские войска оставляли лишь пожарища там, где раньше стояли города, то коммунисты даже при отступлении одерживали моральные победы»⁶⁸.

Несокрушимый отпор северокорейского и китайского народов, неспособность Соединенных Штатов — сильнейшей индустриальной державы капиталистического мира — одержать решающую победу укрепили силы угнетенных народов колониальных и зависимых стран в их борьбе.

В Корее империализм бросался на несокрушимую стену. С военной точки зрения, он больше не мог одержать победы на земле и встретил достойное сопротивление в воздухе. Война в Корее представляла собой стратегию правящего класса на последней стадии его существования. Массовое уничтожение, к которому империализм прибегал и раньше, стало его последним оружием, оружием отчаяния. Но это отчаяние, как мы увидим ниже, определяет всю вашингтонскую стратегию третьей мировой войны.

Война в Корее вновь продемонстрировала непреклонную решимость Советского Союза поддерживать мир во всем мире и бесконечное терпение, с которым он противостоял всем империалистическим провокациям, направленным на развязывание третьей мировой войны. Это свидетельствует о том, что империалистические заговоры, которые в прошлом вели к мировым пожарам, больше уже не в силах вызвать их.

Среди народов мира война в Корее вызвала ужас и отвращение. Она разоблачила все легенды, созданные Вашингтоном, относительно «защиты христианства и западной цивилизации». Международные силы мира привлекли на свою сторону миллионы новых сторонников. Поджигатели войны оказались еще более изолированными. Война в Корее усилила также стремление американского народа к миру. В противовес планам инициаторов корейского конфликта, последний умножил препятствия, стоящие на пути третьей мировой войны.

ФАШИЗМ АМЕРИКАНСКОГО ОБРАЗЦА

Куда грядет американская демократия? Сохранит ли она свой буржуазно-либеральный характер, или будет заменена безжалостной диктатурой финансовой олигархии? Этот вопрос много обсуждался еще в прошлом столетии. Некоторые оптимисты, вроде лорда Брайса, считали, что Америка никогда не будет поражена тем, что он называл болезнями Старого света. «В некоторых частях страны, — признавал Брайс в 1888 году, — стали усиливаться различия». Но он при этом добавлял: «У бедных нет оснований вести борьбу, нет оснований для неприязни к имущим, нет оснований для жалоб на них. Возмущение последних лет было направлено не против богатых классов вообще, а только против крупных трестов... которые используют свое богатство для принятия законов, идущих против общественных интересов»¹.

Другой английский обозреватель Александр Маккей, говоря о здоровом характере американской демократии, отмечал в 1849 году: «Вполне возможно, что некоторые из американских миллионеров не будут возражать против установления другого порядка вещей. Но их число и влияние незначительны»².

Американский капитализм по сравнению с европейским был еще молод и его развитие шло по восходящей линии. Обилие незаселенных девственных земель способствовало появлению миллионов независимых фермеров, а относительная нехватка рабочей силы способствовала установлению более высокой заработной платы и быстрому распространению механизации. В результате многочисленных массовых выступлений во время и после революционной войны 1776 года и позже, в 1860 году, американскому народу удалось расширить свои гражданские и демократические права. Все это создало более широкие

экономические возможности и гражданские свободы для многих белых рабочих. Так возобладала точка зрения, согласно которой американский капитализм и меньшинство, державшее в своих руках государственную власть, отличались якобы от капиталистов истерзанного войной и раздираемого кризисами Старого света. Несмотря на систему рабского труда, люди говорили о надеждах, которые несла с собой американская демократия.

Чарльз Диккенс, гораздо более сочувственно относившийся к интересам народа, чем большинство других людей, приехавших из-за границы, показал себя тонким политическим наблюдателем. Еще в 1842 году он отметил «растущую тиранию денежных интересов» и «гнусный рост американской безнравственной печати». Увидев американский Конгресс в действии, Диккенс следующим образом описал его членов:

«Я увидел в них колесики,двигающие самое искаженное подобие политической машины, какое когда-либо изготавливали наихудшие инструменты. Подлое мошенничество во время выборов... когда щитами служат грязные газетки, а кинжалами — наемные перья... поощрение и подстрекательство к развитию всякой дурной склонности в общественном сознании и искусственное подавление всех хороших влияний: все это — иначе говоря, бесчестные интриги в самой гнусной и бесстыдной форме — глядело ив каждого уголка переполненного зала». «С каждым годом, — писал он далее, — Конгресс и сенат будут все «меньше значить в глазах всех порядочных людей и с каждым годом вырождающееся дитя своими дурными делами будет все больше позорить память великих отцов революции» *.

То, что Диккенс увидел в 1842 году, было лишь началом. Спустя столетие даже Уолтер Липпман не мог не спросить: «Во имя бога, что с нами случилось? Что мы такое сделали, что наша общественная жизнь так осквернена, так испорчена?»³ Дитя превратилось в дюжего мажора.

«Командная цепь» Уолл-стрита

Вырождение американской буржуазной демократии происходило по мере концентрации и централизации капитала. Хотя антитрестовский закон Шермана был принят

* Ч. Диккенс, Из американских заметок, 1949 г., стр. 94.

еще в 1890 году, в результате движения популистов и других антимонополистических движений, слияние банковских и промышленных предприятий шло быстрее, чем раньше⁴. В конце прошлого столетия большинство основных жизненно важных элементов, определяющих экономику страны, — рудники, строительные материалы, железные дороги, химическая, сталелитейная, нефтяная, газовая и электрическая промышленность, сельскохозяйственные цены, патенты, кредиты, процентные ставки, а также школы и пресса — все это подпало под контроль небольшой кучки гигантских промышленных монополий. В 1911 году Фредерик Таунсенд Мартин, банкир-миллионер, откровенно писал: «Не имеет абсолютно никакого значения, какая политическая партия находится у власти или какой президент держит бразды правления. Мы не политики и не народные мыслители. Мы богаты, мы владем Америкой»⁵.

В 1912 году комиссия Конгресса сообщила, что 180 человек, взаимно связанные через 746 директорских постов, контролировали 134 крупнейшие корпорации.

Лидеры республиканской и демократической партий все еще клялись в верности либеральным демократическим принципам Джефферсона и Линкольна, однако действия новой финансовой олигархии и усиление американского империализма требовали дальнейших ограничений гражданских и демократических прав народа, а также все большего применения силы и насилия против американского рабочего класса. Государственный департамент и военные ведомства стали прямыми орудиями трестов, возглавляемых Дж. П. Морганом и компанией. Чтобы увеличить богатство и капиталовложения двухсот семейств Америки, в Мексике, на Кубе, на Филиппинах, а также во всей Центральной и Южной Америке и в некоторых частях Африки и Азии осуществлялась интервенция силами американской морской пехоты и военных кораблей⁶.

В настоящее время примерно 400 человек, занимающих 1200 постов в правлениях 250 крупнейших корпораций, являются фактическими правителями Америки. Составляя только одну двадцатую процента общего числа корпораций (587 тысяч), они владеют более чем 42 процентами всех активов корпораций. Одна лишь группа Моргана «Ферст нэшнл бэнк» контролирует 83 процента этих корпораций с активами в 55 миллиардов долларов⁷. Объеди-

ненные многочисленными финансовыми и семейными связями, они образуют нечто вроде держательской компании, в которой сильнейшая в финансовом отношении группа осуществляет решающий контроль над всеми остальными.

Американская финансовая олигархия состоит из девяти основных объединений: групп Моргана, Рокфеллера, Кун — Леба, Меллона и Форда, а также чикагской, кливлэндской, бостонской и калифорнийской финансовых групп. Относительная сила каждой из этих групп внутри финансовой олигархии постоянно меняется. Группы Дюпонов и Меллонов, например, обладают в настоящее время большей властью, чем раньше. Рокфеллер обгоняет Моргана благодаря фантастическим прибылям, полученным от нефти в последние годы*.

Верховный комитет этой олигархии, не подчиняющийся никому, кроме самого себя, формулирует основную политику страны. По словам бывшего сенатора от штата Юта Элберта Томаса, тайный штаб американской олигархии состоит из лидеров следующих двенадцати корпораций, активы каждой из которых превышают миллиард долларов: «Америкэн телефон энд телеграф», «Стандард ойл оф Нью-Джерси», «Дженерал моторс», «Юнайтед Стейтс стил», «Э. И. Дюпон де Немур», «Бетлехем стил», «Дженерал электрик», «Ирвинг траст Компани», «Вестингауз электрик», «Интернэшнл харвестер», «Гудийр тайр энд раббер» и «Юнайтед Стейтс раббер»⁸. Слившись с государственным аппаратом и захватив все ключевые позиции, эти компании принимают решения и издают указы, которые имеют большую силу, чем решения и указы бывших королей и царей. Основные детали закона Тафта—Хартли, например, были разработаны группой лиц, представлявших указанные выше корпорации. Эти лица, собрались тайно в роскошных апартаментах одной из Вашингтонских гостиниц в ноябре 1945 года⁹. В сущности, Соединенные Штаты находятся во власти диктатуры этих

* В конце 1952 года общие активы 66 крупнейших компаний достигли небывалого уровня — 174 318 787 тысяч долларов. Из этих компании 11 связаны с Рокфеллерами, 19 — с Морганом, 4 — с калифорнийской группой; с Дюпонами и бостонской группой связано по 3 компании, с группой Кун—Леб и чикагской группой — по 5 и остальные — с группами Форда, Лемана, Диллон — Рид и другими («Экономик ноутс», июнь 1953 года). — *Прим. автора.*

взаимно переплетенных банков и трестов, обычно называемых Уолл-стритом.

Эта безымянная, но всеохватывающая диктатура скрыта за ширмой «демократических» институтов. Члены этой избранной группы банкиров и промышленников являются «почтенными» и «невинными» людьми, поддерживающими церковь и занимающимися филантропией. Они уснащают свои нечастые публичные заявления такими словами, как «бог», «правда», «справедливость» и «свобода». Однако по одному их мановению армии юристов, судей, политиков, писателей и журналистов приходят в движение. Группы Меллона, Дюпона, Рокфеллера, Моргана, Леманов, братьев Браун, Гарримана, Джианнини и «Чэйз нэшнл бэнк» контролируют большинство ежедневных газет и журналов, кино, радио- и телевизионную сеть, государственные школы и советы попечителей колледжей и университетов — короче говоря, они практически контролируют любой образ, любое слово или мысль, которые доходят до американского народа¹⁰.

Решения этой правящей верхушки передаются по цепи. Первыми в этой цепи являются различные местные банкиры, главы промышленных компаний и органов общественной информации, военные, занимающие ключевые позиции, и члены кабинета. Их основная задача состоит в выполнении политических и экономических решений, принятых на секретных совещаниях верховного консорциума.

Адольф Саббат из Иллинойса, бывший конгрессменом в течение более чем сорока лет, отмечал: «Приказы поступают от Национальной ассоциации промышленников Национальному штабу республиканской партии в Вашингтоне, а он распределяет задания между конгрессменами. Пью и Дюпоны, контролирующие Национальную ассоциацию промышленников, контролируют также и республиканскую партию»¹¹.

Следующими в этой цепи являются представители федеральной власти, власти штатов и местных властей, начиная от президента и кончая сенаторами, судьями и мелкими провинциальными политиками. Эти играют роль демократического фасада. Они преданы либо республиканской, либо демократической партии и должны быть «избраны». Для избрания на высокие посты требуются миллионы долларов. По словам сенатора Гая Джиллета, многие кандидаты, баллотировавшиеся в Конгресс, расхо-

довали более полутора миллионов ради того, чтобы получить место, которое приносит от 12 до 15 тысяч долларов жалованья в год¹².

Крупные корпорации и банки финансируют предвыборные кампании. На президентских выборах 1952 года группа Рокфеллера, «Чэйз нэшнл бэнк» вместе с группой Моргана финансировала предвыборную кампанию Эйзенхауэра. Предвыборная кампания сенатора Роберта Тафта была поддержана чикагской и кливлэндской финансово-промышленными группами. Уинтроп Олдрич, глава «Чэйз нэшнл бэнк», занимающий ведущее положение в обширной рокфеллеровской империи, 6 июля 1952 года прибыл⁴ в Чикаго. Спустя несколько дней газета «Чикаго трибюн» сообщала, что Олдрич начал покупать делегатов, присутствовавших на съезде республиканской партии, по цене от 3 тысяч до 10 тысяч долларов. К Олдричу присоединились Альфред Слоун, председатель правления «Дженерал моторс», и Генри Форд второй, который, как писала нью-йоркская газета «Дейли мирор», «держит на якоре у Мичиганской набережной яхту, где развлекают колеблющихся делегатов. Форд стоит за Айка, и он добрался даже до Вирджинии, чтобы привлечь на его сторону голоса»¹³.

Основной социальной базой демократической партии, особенно в крупных городах с большим числом избирателей, являются рабочие, негры и национальные меньшинства. Но ее руководство, подчиненное большому бизнесу, ничем не отличается от республиканской партии. Таким образом, многие выборы представляют собой игру, в которой все заранее обусловлено между двумя группами кандидатов, служащих одним и тем же крупнейшим корпорациям. Чувствуя, что их выбор ограничен, от 40 до 60 процентов американцев, обладающих правом голоса, часто воздерживаются от участия в голосовании и не используют своих демократических прав.

Кроме того, миллионы негров лишены избирательного права. Согласно докладу Совета южных штатов от 7 февраля 1953 года, только около 1110 тысяч негров из 10 миллионов негров, проживающих на Юге, внесены в списки избирателей. Негров, желающих принять участие в выборах, особенно в сельских местностях, белые помещики не допускают к голосованию, навязывая им жесткие требования (например, требование о поручительстве со стороны белого) или применяя открытое насилие¹⁴.

Вот почему ни в одном из графств Соединенных Штатов нет шерифа-негра, ни в одном из городов нет мэра-негра, ни в одном штате нет сенатора-негра. В штате Миссиссипи с населением в два миллиона, половину которого составляют негры, избираются представители, враждебно настроенные к неграм, потому что лишь 7,5 процента населения обладает правом голоса.

Связанные с банками и корпорациями, законодатели автоматически штампуют требования своих хозяев. Иногда они даже не пытаются узнавать, за что голосуют, если это поддерживается большим бизнесом¹⁵. Например, 19 июля 1951 года поддержанный Уолл-стритом законопроект «о контроле над экономикой, запрещающий снижение цен, прошел через Конгресс во время дебатов, длившихся тридцать секунд. «На галерее прессы, — писала «Нью-Йорк таймс», — репортеры задавали вопрос, известно ли законодателям, за что они голосовали»¹⁶. Однако время ценится дешево, когда преследуется цель путем обструкции провалить законопроект, предусматривающий запрещение линчевания негров.

Бронированный кулак

Даже в так называемые нормальные времена капиталисты не могут управлять при помощи одного обмана и подкупа. Эти последние методы должны сочетаться с применением насилия. Еще в 1790 году Александр Гамильтон, использовавший свое положение министра финансов для увеличения богатства торговцев и земельной аристократии, выступал за уничтожение демократии железной рукой¹⁷. На протяжении первой половины XIX столетия с целью помешать организации профсоюзов использовались как бандиты, так и суды. Профсоюзы обвинялись в том, что они создают «преступные заговоры». «В субботу двадцать человек, которые приняли решение не работать, были осуждены, — писал Уильям Каллен Брайант в 1836 году. — Их преступление состоит в том, что они единодушно отказались выйти на работу»¹⁸.

Репрессии и насилия против рабочих участились во второй половине прошлого столетия с возникновением крупных монополий. Наряду с бесчисленными актами насилия над негритянским народом, имели место расправы с рабочими. Приведем несколько примеров: избиение в 1877 году семидесяти бастовавших железнодорожников;

инсценировка суда и казни через повешение в Хей-маркет, после того как 1 мая 1886 года забастовали 350 тысяч рабочих, требовавших восьмичасового рабочего дня; убийства в Гомстеде в 1892 году; избиение в Лудлоу в 1914 году рокфеллеровской полицией во время забастовки шахтеров тридцати трех человек, большей частью женщин и детей. После первой мировой войны большой бизнес произвел ряд арестов и высылку американцев иностранного происхождения. Следует отметить и пресловутые рейды Пальмера против «радикалов» и руководителей рабочего класса. В период между 1919 и 1922 годами широко применялось насилие для подавления крупных забастовочных выступлений сталелитейщиков, шахтеров и железнодорожников, которые были направлены против практики предпринимателей, принимавших на работу не-членов профсоюза¹⁹.

В этой атмосфере истерии два итальянских рабочих Николо Сакко и Бартоломео Ванцетти были незаконно обвинены в грабеже и убийстве и семь лет спустя казнены, несмотря на протесты во всем мире.

Американские тресты полностью раскрыли свои фашистские тенденции во время большой депрессии тридцатых годов. Опасаясь, что этот кризис может вызвать восстание политически сознательного рабочего класса, действующего в союзе с бедными фермерами, большой бизнес открыто потребовал, чтобы конституция была заменена диктатурой. «Нейшнс бизнес», орган Торговой палаты США, в номере за март 1935 года утверждал: «Многие мыслящие люди считают, что наша форма правления должна быть изменена на нечто подобное фашистской форме правления»²⁰.

Под лозунгом «Изгнать всех радикальных профессоров и студентов из университетов!» херстовская пресса и организация Дочери американской революции вели кампанию в пользу законопроектов, требовавших, чтобы преподаватели давали присягу в лояльности. Фашисты, вроде священника Кофлина, Хью Лонга, Джералда Смита и другие, превозносились в печати и обильно снабжались деньгами. Национальный командор Американского легиона Олвин Осли заявил: «Если потребуется, Американский легион готов выступить в защиту наших институтов, подобно тому, как фашисты действовали в отношении разрушителей, которые угрожали Италии»²¹.

Национальная ассоциация промышленников, Национальная ассоциация торговли металлами и Торговая палата США финансировали профашистские организации; «Лигу свободы», «Сторонников крестового похода», «Стражей республики», «Конституционную лигу Америки», которые специализировались на антирабочей, антинегритянской, антисемитской пропаганде, а также на пропаганде против Нового курса. Они объявили мероприятия Рузвельта по оказанию помощи нуждающимся и безработным «коммунистическими» и «подрывными». Чтобы подавить растущие требования рабочих и фермеров освободить их от нужды и безработицы, они покровительствовали также различным террористическим боевым группам, организациям «рубашек» — черных, коричневых, голубых, хаки, серебряных. В 1936 году в США насчитывалось 119 подобных профашистских групп.

Крупные корпорации содержали также огромную армию профессиональных штрейкбрехеров, убийц, шпионов, а также частные арсеналы с оружием. В Вашингтоне Макартур разогнал при помощи танков и штыков ветеранов войны, шедших просить пособий. Расстрелы, имевшие место в Чикаго в День памяти павших и во время всеобщей забастовки текстильщиков, так же как и убийства на предприятии Форда в Дирборне, были совершены во время мирных демонстраций рабочих, требовавших работы.

О царстве террора, которое наступило после сан-францисской всеобщей забастовки 1934 года, журнал «Нейшн» писал: «Буквально тысячи людей, в том числе многие из тех, кто не участвовал в забастовке, подверглись отравляющему действию газов; им проламывали черепа, их топтали и расстреливали. Те, кто пытался добиться лучших условий труда, были встречены специальными палками длиной в четыре фута, газовыми бомбами, железными трубками, полицейскими дубинками и пулями». О событиях в Импириэл Вэли (штат Калифорния) журнал сообщал, что «полиция, частные войска и террористические группы совершали всевозможные преступления против кочующих рабочих»²².

В 1935 году министр внутренних дел Икес заявил: «С каждым днем становится все более очевидным, что в этой стране имеется зловещее движение, которое стремится навязать свободным американским институтам

систему ненавистного фашизма. Эта группа состоит из тех (или, по крайней мере, пользуется их активной поддержкой), кто чудовищно обогатился и усилился на эксплуатации не только естественных ресурсов, но и на эксплуатации мужчин, женщин и детей Америки. Не остановившись ни перед чем, чтобы добыть богатство, которым эти люди владеют, они не остановятся ни перед чем, чтобы удержать это богатство и приумножить его... Изображая дело так, будто нашей стране угрожает коммунистическое восстание, эти господа пытаются заставить нас поддержать фашистский государственный переворот»²³. 29 апреля 1938 года президент Рузвельт заявил, что это «монополистическая финансовая олигархия, которая является основным источником фашистской угрозы».

В 30-х годах американский фашизм, хотя он и окреп к тому времени, смог добиться лишь незначительных успехов. Такие неизбежные фашистские орудия, как ложь о «советской агрессии» и «коммунистической угрозе», все еще были монополизированы гитлеровцами, и в первую очередь потому, «что капитализм Соединенных Штатов не был так глубоко поражен общим кризисом системы, как германский капитализм»²⁴. Во-вторых, у большого бизнеса было очень мало союзников среди американского народа. Антимонополистические настроения были широко распространены по всей стране. 15 миллионов безработных, миллионы фермеров и мелких предпринимателей, которые потеряли свои дома и сбережения во время депрессии, были резко настроены против Уолл-стрита. Фермеры на Среднем и Дальнем Западе изгоняли судей, чтобы предотвратить судебные постановления о просрочке залоговых обязательств и лишении их земельных участков.

Кризис научил рабочих тому, что им необходимо иметь прогрессивное руководство. Возник Конгресс производственных профсоюзов, рабочее движение развивалось. Крупные выступления и массовые демонстрации, организованные коммунистической партией в интересах безработных и неорганизованных рабочих, открыли новую перспективу перед всем рабочим классом и многими народными организациями и усилили их боевой дух. В результате в интересах рабочих были приняты закон о страховании на случай безработицы и другие законы. Крупные забастовки, широкая экономическая и политиче-

ская борьба, а также выступления в защиту демократии, имевшие место в тот период, сыграли решающую роль в преграждении движения к фашизму и в срыве попыток некоторых монополий привести США в лагерь нацистской Германии.

Американский фашизм еще не решался перейти в наступление. Он боялся и ненавидел уступки Рузвельта народу и его разговоры об «обеспеченной жизни» и «веке простого человека». Но многие монополисты вскоре поняли, что эта тактика Рузвельта фактически дала им передышку и временно стабилизировала их систему. Это оказалось возможным потому, что мировой капитализм в целом тогда еще не был смертельно ранен. Американские тресты, хотя они и были серьезно затронуты жестокими кризисом, в 30-х годах еще не возлагали полностью своих основных надежд на войну и военное производство. Производство вооружений, признавала газета «Уолл-стрит Джорнэл», «является поддерживающим фактором». Но оно еще не было *самым решающим* фактором.

Однако после второй мировой войны все это изменилось. Новые огромные накопления капитала и расширение производства усилили основные противоречия американского капитализма. Его лидеры больше, чем когда-либо, боялись политических последствий новой депрессии. Жажда максимальных прибылей и более крупных рынков сбыта, крах германского и японского фашистских режимов, которые служили в Европе и Азии в качестве жандармов для американских и других монополистов, а также другие факторы подхлестнули американскую финансовую олигархию в ее движении по пути к фашизму. В то же время «военное процветание» дало возможность трестам вновь подчинить своему влиянию средние классы и значительную часть хорошо оплачиваемых рабочих. Во время войны Уолл-стрит укрепил также свой контроль над правительственным аппаратом и слился с ним еще теснее.

Наступление по шести направлениям

«В США это не может произойти», — твердили многие американцы в 30-х годах, в то время как все полнее проявлялась отвратительная сущность германского, итальянского, японского и испанского фашизма. Считалось, что американцы никогда не потерпят режима, подобного ре-

жимам Гитлера, Муссолини, Хирохито. Но это предположение, даже если оно и верное, еще не исключает возможности появления разновидности фашизма, свойственной только Соединенным Штатам. Не всегда фашизм можно распознать по его внешнему облику или лозунгам, которыми он прикрывается. Все это меняется в зависимости от традиций и настроений народа, который фашизм пытается поработить. В Италии фашизм облачился в одежды цезаризма и провозгласил ликвидацию классовых различий, в Германии он разглагольствовал о социализме и расовом превосходстве, в Японии — о синтоизме, в Испании — о благочестивом католицизме. В Соединенных Штатах он говорит о «свободе», «демократии» и «американском образе жизни».

Тем не менее проявления фашизма всюду одинаковы. Фашизм преследует одну и ту же основную цель — все более и более высокие прибыли для ненасытных трестов. Универсальными средствами для достижения этой цели являются уничтожение профсоюзов и организаций рабочего класса, антикоммунизм, систематическое насаждение шовинизма, ненависти к цветным народам (проповедь превосходства арийцев или белых), антисемитизм, поощрение разложения культуры, военная истерия и прославление кровопролития. Все это, в том числе ликвидация гражданских свобод и господство монополий при помощи открытого террора, появляется не в один день или даже не в один год. Установлению фашистской диктатуры обычно предшествует несколько предфашистских стадий, во время которых права рабочего класса и гражданские свободы более или менее постепенно ограничиваются или вовсе ликвидируются.

Такой процесс в настоящее время происходит в Соединенных Штатах Америки. В период, когда пишутся эти строки, Америка еще не подчинена полному фашистскому господству, которое является открытой террористической диктатурой наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее милитаристских групп финансового капитала. Но страна уже находится по ту сторону сумеречной зоны, отделяющей буржуазную демократию от фашистского полицейского государства. Множество американцев, обвиненных в политической неблагонадежности и в том, что они таят «опасные» мысли, уже лишены конституционных прав. От этой стадии развития:

фашизма до открытых террористических репрессий против профсоюзов и трудящихся в целом только один шаг. Именно к этому фатальному шагу и готовится американская финансовая олигархия.

В целом наступление фашизма в США или то, что может быть названо «подготовительным» процессом, который предшествует переходу к полному фашизму, осуществляется путем наступления по следующим шести направлениям:

1. Ускорение разложения буржуазной демократии, чтобы провозгласить необходимость в более «сильном» руководстве и создать, таким образом, условия для передачи всего правительственного аппарата открыто фашистскому крылу реакции, возглавляемому Маккарти.

2. Создание юридической основы фашизма при помощи законов Тафта—Хартли, Смита, Маккарэна и различных так называемых «чрезвычайных» законов, насаждение атмосферы страха и террора путем использования вымышленной внутренней угрозы (например, угрозы того, будто коммунисты готовят свержение правительства насильственным путем). Все это делается для того, чтобы зажать рот любой оппозиции путем посягательств на свободу, средства к существованию и даже жизнь руководителей профсоюзов, либералов, американцев иностранного происхождения, негритянских лидеров, на политические партии национальных меньшинств, прогрессивные организации и т. д.

3. Попытки сознательно распространять духовное, моральное вырождение, особенно среди молодежи. Цель этого состоит в том, чтобы устранить с пути реакции серьезное препятствие — здоровую, сознательную и честную молодежь, готовую бороться за свое будущее.

4. Поддержание постоянной и все усиливающейся военной истерии путем создания страха перед мнимой внешней угрозой (миф о советской агрессии).

5. Подавление растущей борьбы негритянских масс за полное политическое и экономическое равноправие и проповедь фашистского мифа о расовом превосходстве, чтобы воспрепятствовать объединению негров и белых.

6. Ускорение подготовки фашистских кадров путем усиленного воспитания чувства жестокости у молодежи и других слоев населения при помощи такого рода войн, как война против корейского народа.

Когда мы говорим, что олигархия находится в состоянии кризиса, это значит, что все ее доходы и богатства, накопленные в результате эксплуатации иностранных и своих рабочих, уже не удовлетворяют ее хищнических потребностей. Поэтому в такой период правящий класс и его прислужники используют государственный аппарат для еще большего грабежа. Разграбление и воровство достигают невероятных размеров, а это, в свою очередь, усиливает разложение государственного аппарата. Но чем больше буржуазно-демократическое правительство оказывается пораженным коррупцией, тем «разумней» кажется требование отдать власть «сильному человеку». Испытывающим отвращение к происходящему, сбитым с толку или охваченным паникой массам навязывается националистский сверхпатриот, который обещает очистить авгиевы конюшни от прогнившего, подверженного кризисам режима. Таким образом, фашизм всегда «играет и на лучших чувствах масс, на их чувстве справедливости и иногда даже на их революционных традициях» и, лицемерно разоблачая коррупцию, он «отдает народ на растерзание наиболее коррумпированным продажным элементам»*.

Упадок буржуазной демократии и подъем маккартизма

В Соединенных Штатах партийная власть опирается на партийные машины городов и штатов, которые контролируют распределение постов, назначений, поставки на миллиарды долларов, налоги, контракты. Однако жадные партийные политики редко бывают удовлетворены подачками скупых банкиров, которые распоряжаются расходами. Они обращаются к крупным преступным синдикатам, дополняя обычное взяточничество и воровство доходами от всякого рода преступной деятельности, как например, от игорных домов и домов терпимости. Таким образом, большой бизнес, преступления и партийная политика всегда были взаимозависимы.

После второй мировой войны преступление, обман и мошенничество стали неотъемлемой, органической частью всего правительственного аппарата. Видя, как ненасытные тресты загребают миллиарды, различные более мелкие жулики внутри и вне правительства считают вполне спра-

* Г. Димитров, В борьбе за единый фронт против фашизма и войны, Партиздат ЦК ВКП(б), 1937, стр. 8—9.

ведливым урвать по возможности большую часть добычи²⁵. Среди воров появилась своеобразная иерархия, я грязь коррупции достигла Белого дома.

Во многих случаях стало трудно провести разграничительную линию, отделяющую обыкновенных воров, авантюристов и гангстеров от мэров, судей, сенаторов, губернаторов и других так называемых общественных лидеров²⁶. «Спекулятивные сделки с земельными участками в местах строительства заводов по производству водородной бомбы приносят прибыль в 100 тысяч долларов на капитал, составляющий несколько сот долларов», — сообщила «Нью-Йорк таймс», причем в этих сделках были замешаны члены комиссии по атомной энергии. Правительственные чиновники в содружестве с большим бизнесом уворовали правительственной собственности на миллиарды долларов²⁷.

Большинство сделок между большим бизнесом и преступными синдикатами остаются в тайне. Однако время от времени между мелкой сошкой разражаются скандалы из-за дележа добычи. Иногда грабительская деятельность преступных синдикатов вторгается в область узаконенного грабежа большого бизнеса²⁸. Все это ведет к разному роду «расследованиям». В 1951 году сенатская комиссия по расследованию преступлений сообщила: «Организованные преступные банды прочно укрепились в больших городах, контролируя игорные дома, торговлю наркотиками и дома терпимости. Они организованы в монополии... получают помощь и защиту со стороны полиции... Они не останавливаются перед убийствами, обстрелом или другими формами насилия, чтобы устранить конкуренцию... или застрашать свои потенциальные жертвы»²⁹. Доклад тщательно избегал показа подлинной природы американской политической коррупции, сети гангстерского мира, связывающей партии — как демократическую, так и республиканскую, — банки, тресты и всю банду хищников, наживающуюся на смерти и вооружениях.

Прослушав показания свидетелей, данные под присягой перед комиссией по расследованию преступлений, сенатор Дж. Фулбрайт из Арканзаса воскликнул: «За всю свою жизнь я никогда не слышал так много лжи!» Комиссия была в конце концов распущена, потому что она вызвала всеобщую «цепную реакцию». Бойлсы называли взяточниками макгратов, макграты обзывали мошенниками

мориссов, мориссы называли ворами фланаганов, а линксы называли жуликами Трумэнов и т. д. и т. п.

Посыльные при партийных офисах — лучшие представители гангстерского мира и Уолл-стрита. Это, вероятно, лучше всего можно проиллюстрировать на примере политической карьеры Гарри Трумэна. В 1934 году уголовный преступник Том Пендергаст, давнишний друг и покровитель Трумэна и босс политической машины демократической партии города Канзас-Сити, заявил: «Я могу ввести своего личного посыльного в сенат Соединенных Штатов, если захочу этого». Это не было пустым хвастовством. Гарри Трумэн был избран в американский сенат. Позже конгрессмен Дьюи Шорт, республиканец из штата Миссури, заявил в палате представителей, что Трумэн, баллотируясь в сенат, «получил большинство в 137 тысяч голосов, что в два раза превышает число избирателей, имевшихся в тот период в Канзас-Сити, и каждый в Миссури знает, что они считали голоса людей, умерших двадцать лет назад, списав их фамилии с надгробных камней»³⁰.

После смерти Пендергаста власть над политической машиной демократической партии в Канзас-Сити взял Чарльз Бинаггио. Согласно сообщению газеты «Пост дис-пэч», выходящей в Сент-Луисе, Бинаггио «был связан с пятнадцатью преступными предприятиями» и с «самыми известными в стране убийцами и поджигателями». В 1949 году Бинаггио был убит. Джон О'Доннел в газете «Дейли ньюс» писал: «Президент Трумэн водится со странной компанией. Перед своей внезапной смертью Бинаггио совершил несколько паломничеств в Белый дом».

Трумэн идеально подходил для цели Уолл-стрита, заключавшейся в том, чтобы вызвать у народа презрение к демократическому правительству и устранить последний барьер на пути полного слияния правительства и монополий. Газета «Нью-Йорк геральд трибюн» писала о Трумэне: «Ребяческое слово «ослиный», кажется, является основным в его словаре... Нужно только удивляться, как может президент, допускающий подобные просчеты, благополучно вести дела великой нации в критический момент истории». «Нью-Йорк таймс», боясь, как бы народ преждевременно и полностью не потерял веры в «руководителя», с гордостью сообщала через своего вашингтонского корреспондента Артура Крока, что президент «искусно

вращал перед собой глобус и мог назвать почти каждый район на карте»³¹.

Подобно Брюнингу или Виктору Эммануилу, Трумэн устраивал монополистов со всех точек зрения, за исключением одной: ему не доставало диктаторской хватки.

В то время как монополисты использовали Трумэна для всего, на что он был годен, их маккартисты кричали: «Предательство в Белом доме совершалось при помощи виски и бенедиктина» и что «этот... [следует нецензурное выражение] должен быть обвинен в государственной измене». (Маккарти намекал на Трумэна.) Сторонники Тафта продолжали называть Трумэна «маленьким идиотом в Белом доме». Усиление деятельности сторонников Маккартура вызвало призрак катастрофы. «Зараженный коммунизмом социалистический режим Трумэна, — неистовствовали они, — должен быть заменен «флагом и крестом». Они сделали ставку на Эйзенхауэра.

С избранием Эйзенхауэра американская олигархия отказалась от управления через своих агентов и профессиональных политиков и взяла командование государственным аппаратом непосредственно в свои руки. Она укомплектовала все посты в кабинете высокопоставленными представителями американских монополий*. Чарльз Уилсон, председатель правления «Дженерал моторс», и Роберт Кейс, вице-председатель этой же компании, заняли посты министра обороны и заместителя министра обороны. Два других представителя «Дженерал моторс» и Дюпона — Дуглас Маккей и Артур Саммерфильд — обосновались в министерстве внутренних дел и министерстве почт. Джон Фостер Даллес, представляющий группу Рокфеллера, был назначен государственным секретарем. (Будучи юристом Рокфеллера, «И. Г. Фарбениндустри» и различных картелей, Даллес наряду с этим является также директором картеля «Интернэшнл никел», который контролирует производство никеля в капиталистическом мире.) Друг Франко Уинтроп Олдрич, президент «Чэйз нэшнл бэнк», тесно связанный с интересами Рокфеллера, был назначен послом в Великобританию. Моргановская

* Мартин Даркин, лидер Американской федерации труда, назначенный министром труда вышел в отставку после того как Эйзенхауэр отказался внести некоторые незначительные изменения в закон Тафта—Хартли. — *Прим. автора.*

империя представлена Гарольдом Стассеном, руководителем Управления взаимного обеспечения безопасности, и Робертом Стивенсом, военным министром, а в прошлом директором компаний «Дженерал электрик», «Дженерал фудз» и «Нью-Йорк телефон Компани». Гарольд Толботт, председатель компании «Норт америкэн эвизйшн», возглавляет министерство авиации. Роберт Андерсон, министр военно-морского флота, является владельцем полумиллиона акров земли в Техасе и нефтяной империи. Синклер Уикс, министр торговли, крупный промышленник и миллионер, принадлежит к бостонской группе финансистов.

Кливлендская и меллоновская финансовые группы, контролирующие производство стали, каучука, добычу угля и нефти, коммунальные предприятия, представлены Джорджем Хэмфри, который является директором тридцати четырех стальных и угольных компаний. Аллен Даллес, назначенный Эйзенхауэром главой сверхсекретного Центрального разведывательного управления, был директором «Дж. Генри Шредер бэнк», который финансировал Гитлера. Вместе со своим братом Джоном Фостером Даллесом* и сестрой Элеонорой, ныне сотрудницей государственного департамента, он был тесно связан с магнатами, создавшими «Третий рейх» Гитлера. Захваченные нацистские документы показывают, что Аллен Даллес поддерживал постоянный контакт с высокопоставленными лицами из гестапо, в том числе со зловещим помощником Гимmlера кровавым Кальтенбруннером. Дуглас Диллон из компании «Диллон, Рид», сын Кларенса Диллона, ближайший советник Фрица Тиссена, концерна «И. Г. Фарбен» и немецкого Стаального

* Альберт Кан писал: «10 октября 1944 года сенатор Пеппер заявил: «Об одной связи господина Даллеса, я думаю, американский народ особенно вправе знать: это его связь с теми банкирскими кругами, которые спасли Гитлера от финансового банкротства и поставила его нацистскую партию на ноги». Кан пишет, что «Даллес является одним из директоров «Интернэшнл никел Компани оф Канада»—компании, которой правительство США в 1946 году предъявило иск за то, что она вступила в картельное соглашение с «И. Г. Фарбен» об установлении единых цен и незаконно помогала перевооружению Германии...» (Альберт Кан, *Измена родине*, Издательство иностранной литературы, 1951, стр. 283—284.— *Прим. ред.*).— *Прим. автора.*

треста, тесно связанного с ними в финансовом отношении, был назначен послом во Францию*.

Новая перестройка при администрации Эйзенхауэра была осуществлена потому, что американские тресты уже больше не могут управлять по-старому. Наглые «крупные хищения» национального богатства (на сотни миллиардов долларов), еще более хищническое воровство при помощи гонки вооружений в интересах «одной только верхушки», усиленный курс на войну и фашизм уже не могли быть осуществлены через посредников типа Трумэна.

История не повторяется, но методы, применяемые правящими классами в период кризисов, имеют много общего. Например, рурская олигархия выдвинула в президенты Веймарской республики генерала Гинденбурга, профессионального солдата и национального героя, реакционера-шовиниста, не разбиравшегося ни во внутренних, ни в международных делах. Его избрание проложило путь фашистской диктатуре. В 1952 году американская финансовая олигархия избрала Эйзенхауэра — тоже прославленное военное имя — для такой же роли. Все явные профашистские элементы Уолл-стрита сгруппировались вокруг него.

При Гинденбурге помещики-юнкеры объединились с рурскими монополистами. В Соединенных Штатах при Эйзенхауэре произошла новая перегруппировка политических сил и объединение южных диксикратов с республиканской финансовой олигархией Севера. Чтобы облегчить свержение Веймарской республики, немецкие фаши-

* В то время как большой бизнес захватил государственный аппарат, бывшие генералы Пентагона получили доходные местечки в различных компаниях большого бизнеса. Генерал Макартур стал главой компании «Ремингтон. Рэнд»; генерал Б. Семервелл был назначен президентом «Копперс Компани», директором «Карборундум Компани» и других компаний, производящих боеприпасы; генерал-лейтенант Лесли Гровс, который руководил проектированием атомных бомб, стал вице-президентом компании «Ремингтон. Рэнд»; Джордж Маршалл стал директором «Пан америкэн эйруэйз»; Айра Икер, бывший командующий 8-м военно-воздушным флотом в Европе, ныне является президентом «Хьюз тул Компани» и генеральным директором «Хьюз эйркрафт Компани»; Джозеф Макнэрни, который сменил Эйзенхауэра на посту верховного командующего американскими вооруженными силами в Европе, является президентом «Консолидэйтед валти эйркрафт» и председателем Национального комитета управления обороны. — *Прим. автора.*

сты выдвинули миф о том, что поражение Германии в первой мировой войне было вызвано предательством изнутри и неспособными руководителями не немецкого происхождения, которые верили в обещания президента Вильсона. Немецкие фашисты проповедовали «политику силы» и ратовали за ликвидацию коррупции. Во время избирательной кампании Эйзенхауэра слова «Сталин», «Ялта», «Потсдам», «коррупция Трумэновской администрации» и «военное поражение в Корее» сыграли подобную же роль. В 1932 году немецкие монополистические круги поддерживали гинденбургов, папенов и шахтов, но одновременно они держали в резерве своих гитлеров, герингов и риббентропов. Подобно этому и американская олигархия поддерживает режим Эйзенхауэра, отстаивая фашизм Маккарти пока в резерве.

После избрания Эйзенхауэра американский фашизм начал объединять свои силы и принимать определенные формы. До того времени Маккарти считали чудачком, истеричным мракобесом, олицетворяющим «безумствующую крайность» американской реакции. В настоящее время он явно олицетворяет разработанный монополиями план уничтожения гражданских прав и профсоюзов — двух основных препятствий, задерживающих переход к полному фашизму и большой войне против Советского Союза, Китая и стран народной демократии. Маккартизм поддерживается фактически всеми монополиями, сгруппировавшимися вокруг администрации Эйзенхауэра — Даллеса.

Крыло Маккарти уже в значительной степени диктует внешнюю политику Соединенных Штатов. Оно навязывает свои «образцы» газетам, радиопередачам, школам, колледжам, библиотекам и терроризирует большую часть американского населения. Чтобы сделать Маккарти самым могущественным лицом в Конгрессе, Эйзенхауэр выдвинул его на пост председателя сенатской комиссии по расследованию деятельности правительственных органов. Растущая власть Маккарти поощряется постоянной и щедрой поддержкой, которую ему оказывает почти вся монополистическая печать. Последняя уже называет его сторожевым псом интересов Соединенных Штатов как внутри страны, так и за рубежом.

Джозеф Маккарти обладает типичными чертами яркого фашиста. На нем лежит печать беззастенчивого дема-

гога и политического авантюриста. Он испытывает бешеную, физиологическую ненависть к народным движениям, что было характерно и для Гитлера. Маккартизм, как и гитлеризм, питает и, в свою очередь, питается войной и антикоммунизмом.

Маккартисты искусно играют на чувствах американского народа, большинству которого надоели растущие тяготы, связанные с «горячей» и «холодной» войнами, и провалы американской внешней политики. Чтобы завоевать массовую поддержку, маккартизм выдвигает политику «действий в одиночку» — своеобразный изоляционизм, соединенный с крайним шовинизмом.

Однако «антикоммунизм» является основным оружием маккартизма. Маккартисты, зная, что многие либералы и правые рабочие лидеры запятали себя в этом отношении, неустанно оказывают на них нажим, чтобы довести их антикоммунизм до своего логического развития — фашизма. Большая Ложь служит для того, чтобы смягчить сопротивление фашизму. Наряду с инсценировками судов, террором, обвинениями в «преступлении по ассоциации», она направлена на то, чтобы создать в стране обстановку всеобщей истерии.

Маккартизм свидетельствует о том, что правительство Эйзенхауэра — Даллеса носит, по существу, фашистский характер. Правительство поддерживает Маккарти, хотя он постоянно бранит его за то, что оно медленно движется к войне и фашизму. Финансовая олигархия зачастую требует ради «единства» республиканской партии послушания Джозефу Маккарти. Вопрос Эттли, кто является более сильным — Эйзенхауэр или сенатор Маккарти, отражает усиливающееся господство фашистского крыла республиканской партии в правительстве. Однако «более правдоподобно то, — писал журнал «Нейшн», — что Эйзенхауэр фактически одобряет если не методы, то цели Маккарти»³².

Есть две тактические причины, побудившие монополии создать маккартизм. Во-первых, маккартизм действует как орудие подавления оппозиции военной программе Эйзенхауэра, во-вторых, маккартизм придерживается как резерв, как «припрятанный козырь» на случай, если программа Эйзенхауэра — Даллеса, заключающаяся в том, чтобы сохранять демократический фасад и продолжать безжалостную империалистическую политику за ру-

бежом, провалится. «Ставка Маккарти — это не больше и не меньше, как президентское кресло», — писали братья Олсоп. Но они в то же время отметили, что, «вероятно, только провал администрации Эйзенхауэра, который вызвал бы серьезную депрессию или войну, предоставил бы Маккарти реальную возможность взять власть в стране»³³.

В рамках «законности»

В странах, где фашизм не имеет значительной массовой опоры, фашистская буржуазия сначала пытается добиться своих целей при помощи законных парламентских средств. Она создает *юридическую основу*, направленную на уничтожение профсоюзов и политических партий, на подавление национальных меньшинств, ликвидацию демократической судебной процедуры и, наконец, самого конституционного правительства. Даже гитлеровский фашизм обеспечил себя такого рода *юридической основой* — специальными «рабочими законами», «нюрнбергскими законами» и широким антикоммунистическим законодательством.

Так как основной целью фашизма является увеличение нормы прибыли, его первые шаги направлены против рабочего класса. Эти первые шаги призваны главным образом заранее сковать рабочие массы и не дать им возможности сбросить цепи, которые на них наденут позднее. Закон Тафта—Хартли был принят в 1947 году, когда американский фашизм находился еще в зародышевой стадии. Этот закон был составлен самыми злейшими врагами организованного рабочего класса — юристами корпораций, имевшими большой стаж антипрофсоюзной деятельности. Его основные статьи обеспечивают большой бизнес самыми различными средствами подавления профсоюзов — постановлениями, объявляющими почти любую забастовку незаконной, а также множеством средств, направленных на ликвидацию коллективных договоров; он ограничивает право американских рабочих на пикетирование и общественное осуждение штрейкбрехеров и провокаторов.

Закон Тафта — Хартли сковал рост профсоюзов. С 1947 года число членов профсоюзов находится на одном и том же уровне. На рабочие профсоюзы уже наложено штрафов на сумму более 31 миллиона долларов за про-

ведение «незаконных» забастовок или за отказ идти работать на предприятия, где бастовал какой-либо признанный профсоюз. Члены профсоюзов и рабочие лидеры, подобно Бену Голду, председателю профсоюза рабочих меховой и кожевенной промышленности, преследуются в судебном порядке по обвинению в «лжесвидетельстве», выразившемся якобы в том, что они подписали требуемое законом письменное свидетельство о непринадлежности к коммунистической партии. 3 мая 1953 года тридцать шесть бастовавших членов Объединенного профсоюза горняков были арестованы по обвинению в «заговоре, преследующем цель лишить граждан права не вступать в профсоюзы».

За принятием закона Тафта—Хартли последовало воскрешение закона Смита (закона против подстрекательства к мятежу и о регистрации иностранцев, который был принят в 1940 году). 20 июля 1948 года члены Национального комитета Коммунистической партии США были арестованы по обвинению в «составлении заговора с целью проповедования и пропагандирования свержения американского правительства насильственным путем».

Во время суда защита потребовала, чтобы правительство привело хотя бы один пример того, что коммунистическая партия когда-либо выступала за применение насилия с целью свержения правительства США.

Генеральный секретарь Коммунистической партии Соединенных Штатов Юджин Деннис заявил: «Мы предъявим как доказательство все, что мы писали и говорили... А самое главное — наши дела сами скажут за нас, как в течение почти тридцати лет мы, коммунисты, верой и правдой служим американскому рабочему классу, американскому народу». В своей заключительной речи перед присяжными в октябре 1949 года Деннис указал, что обвинение не выдвинуло ни одного доказательства, которое каким-нибудь образом связывало бы коммунистическую партию с «какой-либо попыткой возбудить или организовать восстание, мятеж или бунт» или которое свидетельствовало бы о том, что компартия когда-либо «составляла заговор с целью проповедования необходимости приобретения или применения оружия или пропагандировала подстрекательство к мятежу, предательство или восстание против Соединенных Штатов»³⁴.

Элизабет Гарли Флинн, обращаясь к присяжным, которые в 1952 году судили вторую группу руководителей компартии, сказала: «Насилие имеет место в истории, но не там, где его ищет правительство. Оно имело место в ирландской истории — это Коннэли, О'Кейси и другие — и свидетельствует о длительной и кровопролитной борьбе против английского господства. Оно имело место в истории американского рабочего класса: в Колорадо, Западной Вирджинии, Хоумстеде, Южном Чикаго и в районе Эмбаркадеро в Сан-Франциско. Оно имело место в американской истории: революция, войны против американских индейцев, гражданская война, испано-американская война. Оно имело место в борьбе негритянского народа»*. Защита показала, что именно старый и умирающий класс всегда и всюду выступает за насилие и применяет насилие, чтобы сохранить свое отжившее господство.

В ответ обвинение представило отдельные отрывки из работ Ленина, относящихся к революционной ситуации, возникшей после банкротства и падения царского режима. Судья Гарольд Медина, юрист корпораций и землевладелец-миллионер, а также специально подобранные присяжные вынесли приговор на основании показаний профессиональных антикоммунистов, ренегатов и подосланных провокаторов. Медина приговорил всех обвиняемых, за исключением одного, к пяти годам тюремного заключения. Герой второй мировой войны Роберт Томпсон получил три года тюремного заключения. Позднее Томпсона присудили еще к четырем, а Гэса Холла к трем годам тюремного заключения за то, что они не явились отбывать первоначальный срок тюремного заключения. Тринадцать руководителей компартии, которых в 1952 году судил судья Эдвард Димок, были приговорены к тюремному заключению на различные сроки (до трех лет).

Член Верховного суда Хьюго Блэк, выразив свое несогласие с постановлением Верховного суда об утверждении приговора, заявил: «Им не были предъявлены обвинения в каких-либо действиях, направленных на свержение правительства. Их не обвинили даже в том, что

* Альберт Кан, *Измена родине*, Издательство иностранной литературы, 1951.

они говорили или писали что-либо, направленное на свержение правительства. Они были обвинены в том, что условились собираться вместе, чтобы обсуждать и позднее публиковать определенные идеи». Даже «Нью-Йорк таймс» признавала, что руководители компартии были осуждены «не за какие-то открытые действия, не за разговор с целью свержения правительства... Они имели дело со словами, а не действиями... Их обвинили в том, что они пытались создать определенную атмосферу»³⁵, что, конечно, верно. Осужденные руководители компартии пытались создать антифашистскую, антивоенную атмосферу. Они поощряли и стимулировали развитие в США прогрессивного мышления в экономической и политической области и рост американской прогрессивной культуры. Будучи коммунистами, они учили американских рабочих, что их интересы одинаковы с интересами рабочих других стран.

Но по мере того, как возрастали трудности американского правящего класса, публикация и распространение этих идей превращалось для него в смертельную угрозу. Угрозу потому, что, хотя Коммунистическая партия Соединенных Штатов Америки в настоящее время насчитывает всего лишь несколько десятков тысяч активных членов, потенциально она является массовой партией. Ибо ее программа о миролюбивой, демократической Америке указывает путь к решению проблем в соответствии со складывающейся обстановкой. Вот почему реакция должна была создать фиктивную угрозу «коммунистического насилия». Это дало ей возможность ставить на каждого, кто противился войне и фашизму, клеймо «антиамериканец» и «подрывной элемент».

В Питтсбурге магнаты меллоновских стальных, угольных и алюминиевых компаний поступили с местной организацией коммунистической партии по типично гитлеровскому образцу. Их полиция совершила налет на помещение компартии и бросила в тюрьму ее руководителей. Стив Нельсон, выдающийся левый лидер, писатель и бывший командир бригады имени Авраама Линкольна, которая сражалась за республиканскую Испанию, а также Джеймс Долсен, шестидесятивосьмилетний писатель и корреспондент газеты «Дейли уоркер», были приговорены к двадцати годам тюрьмы на основании старого пенсильванского закона против подстрекательства к мятежу.

Вместе с четырьмя своими товарищами-подсудимыми Нельсон и Долсен были приговорены также дополнительно к пяти годам тюремного заключения на основании закона Смита. Долсен писал статьи, направленные против войны в Корее. Объявляя приговор, судья заявил, что «преступление» Долсена «хуже, чем убийство».

Война против Кореи и заключение Верховного суда о том, что коммунистическая партия представляет собой «явную и существующую угрозу», открыли путь потоку других обвинительных актов. Антикоммунистический террор направлялся так, чтобы уничтожить руководство прогрессивных профсоюзов и организаций, выступающих в защиту мира. В ноябре 1951 года группа нью-йоркских граждан, возглавлявших Информационный центр сторонников мира, была предана суду за то, что члены этой группы отказались зарегистрироваться в качестве «иностранных агентов». По всей стране городские муниципальные советы, окружные и сельские правления, а также законодательные органы многих штатов принимали специальные законы против «подрывной деятельности» и о принесении присяги в лояльности.

Закон Смита был использован для того, чтобы проповедование марксизма объявить актом измены. За законом Смита последовал еще более жестокий закон Маккарэна, который объявляет людей преступниками за одну только принадлежность к той или иной организации. Принятый в 1951 году, этот закон во многом копирует гитлеровский декрет от 1933 года против подрывной деятельности. По закону Маккарэна любая организация, выступающая за повышение заработной платы, улучшение условий труда, единство белых и негров, мир с Китаем или же выступающая против самого закона Маккарэна, может быть объявлена подрывной, и с ней поступят соответствующим образом. Как и закон Смита, закон Маккарэна объявляет актом измены пропаганду почти любых изменений прогрессивного характера или выражение идей, которые могут быть истолкованы в таком духе Федеральным бюро расследований или маккартистскими мракобесами. Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности объявила подрывными 608 демократических организаций³⁶. Нагло требуя, чтобы коммунистическая партия и другие прогрессивные организации представили списки всех своих членов, министерство юстиции опубликовало

официальное сообщение о том, что оно соорудило шесть огромных концентрационных лагерей. Было сообщено, что эти лагеря держатся в состоянии готовности для возможного заключения в них 500 тысяч человек — мужчин, женщин и детей.

Закон Маккарэна уничтожает гражданские права миллионов натурализованных американцев. Он предоставляет правительственным агентам широкие полномочия в области преследования тех или иных лиц, право расследования в отношении привычек и мыслей миллионов людей, а также двадцать новых предлогов для высылки натурализованных американских граждан. Этот закон разрешает высылку лиц за проступки, которые они якобы совершили пятьдесят лет назад.

Интернациональный рабочий орден — рабочее братство, созданное двадцать три года назад и объединявшее 160 тысяч людей различных рас и национальностей, — был распущен. Его имущество и страховые фонды, которые шли на поддержку рабочих семей, находившихся в бедственном положении, были ликвидированы. Судьи лишали гражданства натурализованных лиц под предлогом, что пятнадцать лет назад они не указали, что состояли подписчиками прогрессивной газеты³⁷. Мужчин и женщин, многие из которых являются старыми рабочими лидерами, арестовывают (обычно ночью или рано утром), на них надевают наручники и увозят из своих домов в тюрьму на острове Эллис.

Число американцев, подвергшихся преследованию со стороны ФБР, комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, комиссий Маккарти и Маккарэна, а также со стороны мракобесов из бюро проверки лояльности, уже весьма велико. По словам Иоганнеса Стила, писателя и бывшего радиокомментатора, примерно полмиллиона американцев — преподавателей, деятелей искусства, ученых, членов профсоюза и других — либо уже являются безработными, либо находятся на пути к тому, чтобы лишиться средств к существованию из-за своих политических взглядов.

Легальный террор оживил многочисленные фашистские банды «открытых действий». В некоторых местностях, особенно на Юге, подобные банды используются для нападения на прогрессивных деятелей, негров, борцов за мир и членов профсоюзов. В Пикскилле (штат

Нью-Йорк) фашистские хулиганы в стоворе с полицией открыто напали на людей, пришедших на концерт Поля Робсона, нанеся многим из них ранения. В Мимсе (штат Флорида) они бросили бомбу в дом Гарри Мура, активного работника Национальной ассоциации содействия развитию цветного населения. Гарри Мур и его жена Гарриета были убиты. Антисемитские погромы различных еврейских культурных учреждений имели место в Чикаго, Питтсбурге и других городах. Некоторые из этих погромов возглавлялись фашистами, ввезенными американскими властями из лагерей перемещенных лиц, находящихся в Западной Германии. В феврале 1953 года в Силвер-Сити (штат Нью-Мексико) был дотла сожжен дом одного профсоюзного деятеля и подожжен дом профсоюзов, потому что союз рабочих горнорудной и металлургической промышленности активно участвовал в создании фильма, изображавшего условия жизни рабочих в этом горняцком городке.

Фашистское запугивание приняло такие масштабы, что люди отказываются заявлять, что они стоят за сохранение гражданских свобод. Из ста двенадцати человек, опрошенных репортером газеты, выходящей в Мэдисоне (штат Висконсин), сто одиннадцать отказались подписать выдержки из Декларации независимости и Билля о правах. Они заявили, что боятся возможных осложнений. «Страх, — писал К. Филлипс в газете «Нью-Йорк таймс», — принял размеры национального невроза.. Он распространился повсюду. Страх и тревога за свою работу, за свою жизнь, страх перед тем, что тебя назовут коммунистом, страх перед атомной бомбой и неизбежной войной охватил массы»³⁸. «Профессора боятся произнести слово «коммунизм» или говорить о том, что они когда-нибудь читали какую-либо книгу на эту тему», — заявил Т. Грин, профессор философии йельского университета³⁹.

В результате обследования двадцати двух американских колледжей корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» Колмэн Зейгель пришел к следующему выводу: «Коварный, крадущийся паралич свободы мысли и слова охватывает колледжи. Студенты боятся поисков знаний и правды, боятся говорить, действовать или думать независимо... Боязнь быть названным коммунистом приводит к тому, что студенты как физически, так и интеллектуально

шарахаются от слов «либерал», «мир», «свобода». Макинтош, декан колледжа Бернарда заявил: «Девушки-студентки боятся даже отстаивать гуманистическую точку зрения, потому, что она ассоциировалась с коммунизмом»⁴⁰.

Загнивающий капитализм, галопом несущийся к варварству, понимает, что правда, мир, гуманизм и социализм весьма родственные понятия. Как указывал Маркс еще сто лет назад, буржуазия поняла, что все виды оружия, которые она выковала против феодализма, могут быть повернуты своим острием против нее; что все средства воспитания, которые она создала, восставали против ее собственной цивилизации.

Наступление на культуру и нравственность

Американский большой бизнес почти всегда относился к «интеллигентам» с насмешкой. Сегодня презрение американского правящего класса к культурному наследию человечества является более откровенным, чем когда-либо раньше. Понимая, что культура является противоположностью фашизму, маккартистские инквизиторы, услышав слово «культура», подозревают наличие здесь коммунистического влияния и бросаются за тюремными ключами. Как и их гитлеровские предшественники, маккартисты часто направляют свои самые ожесточенные атаки против книгоиздателей, писателей, деятелей искусства, священников, преподавателей, врачей и либеральных журналистов. Наряду с другими они приговорили к тюремному заключению Говарда Фаста, В. Джерома, Александра Трахтенберга, Дальтона Трумбо, Карла Марцани, Альберта Мальца, Говарда Лоусона, д-ра Герберта Филлипса, Ринга Ларднера, Эдварда Барского, Фредерика Филда и поэта Уолтера Лоуэнфелса. Поль Робсон, как и другие артисты, служащие народу, лишен возможности выступать и путешествовать за границей. Многие редакторы прогрессивных изданий, такие, как Кедрик Бельфридж из «Нэшнл гардиен» были арестованы с целью высылки. Чтобы изолировать американский народ от влияния мировой культуры, многим всемирно известным иностранным артистам, писателям и ученым запрещен въезд в Соединенные Штаты.

По всей Америке библиотеки очищают свои полки от книг, которые содержат хоть какое-нибудь упоминание о

социальных переменах и прогрессе. По словам библиотекаря Калифорнийского университета Л. Поуэла, «чтение правдивой книги считается крайне подозрительным и даже изменническим делом»⁴¹.

В 1933 году Геббельс заявил, что «через пятнадцать лет никто в Германии не будет знать, что такое марксизм». В 1953 году это изречение стало лозунгом американских маккартистов. Подобно гитлеровцам, они объявляют подрывными не только научные труды Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, но также работы поэтов и писателей-гуманистов. В Скарсдейле (штат Нью-Йорк) некий Комитет десяти пытался запретить антологии американской и английской поэзии. В Лос-Анжелосе группе из двенадцати человек было поручено провести тщательную ревизию 600 тысяч томов, включавших труды Гегеля и Маркса, «чтобы изъять всю подрывную литературу»⁴². В штате Джорджия были уничтожены 30 тысяч экземпляров одной из книг историка Фрэнка Магрудера, потому что, по заявлению губернатора штата Юджина Талмеджа, «он отстаивал укрепление Устава Организации "Объединенных Наций, а нашими злейшими врагами являются члены ООН»⁴³. Школьная библиотека в Сапалпа (штат Оклахома) сожгла часть своих книг, так как женская гражданская группа сочла предосудительным трактовку вопросов социализма, содержащуюся в этих книгах»⁴⁴.

Усиливающиеся симптомы культурного и морального упадка зачастую являются самыми характерными показателями разложения той или иной общественной системы. Приводимые ниже факты лишь в малой степени отражают общую картину. Однако они помогут тому, чтобы представить себе, какие огромные усилия направляет американская олигархия на подрыв моральных устоев народа, его культуры и духовного здоровья.

Класс, который тратит миллиарды на Франко и Чан Кай-ши, не имеет денег для удовлетворения самых элементарных нужд детей американских рабочих. «Только Чарльз Диккенс смог бы точно описать положение в области здравоохранения и образования городской молодежи и детей», — заявил нью-йоркский судья Джером Фрэнк⁴⁵. «250 тысяч нью-йоркских детей школьного возраста лишены всякого медицинского надзора», — сообщила «Нью-Йорк геральд трибюн» 28 марта 1949 года.

22 миллиона школьников имеют физические и психические дефекты и нуждаются в медицинском лечении. Руководитель Управления воинской повинности Луис Гершей сообщил, что 45 процентов подлежавших призыву молодых людей, прошедших медицинское обследование с 1948 года, были признаны негодными из-за физических, умственных и нравственных недостатков, и это несмотря на то, что требования при обследовании были снижены до минимума. В июле и августе 1950 года процент призывников, признанных негодными из-за умственных и физических дефектов, поднялся до 58.

Официальный орган американского министерства просвещения «Скул лайф» заявляет, что в США в настоящее время насчитывается 10 миллионов неграмотных и что 20 процентов, или 6 миллионов, американских детей школьного возраста не получают никакого образования. Другие миллионы детей получают неполное образование⁴⁶. В штате Кентукки, например, «только один из четырнадцати детей заканчивает среднюю школу. Три пятых школ представляют собой здания с одной классной комнатой»⁴⁷.

Вместо школ, культурных учреждений и учреждений по охране здоровья большой бизнес снабжает американских детей «комиксами» — 60 миллионов экземпляров ежемесячно — прославляющими эротику, убийство и войну. Когда дети подрастают и становятся юношами, им преподносят криминальную литературу типа книг Микки Спиллейна, которая «пропитана кровью, ненавистью и жестокостью». Вот язык героев Спиллейна: «Убивайте их направо и налево»⁴⁸. Комиссия Конгресса, возглавляемая Гатингсом, определила общее число непристойных карманного издания книг, проданных в Соединенных Штатах за последние два года, почти в 500 миллионов экземпляров. Комиссия характеризует эти книги как «искусные призывы к чувственности, безнравственности, разврату, извращениям и вырождению»⁴⁹.

Подобная же пропаганда ведется через радио и телевидение. Комиссия Гатингса сообщила, что, «принимая в течение недели передачи по шести телевизионным каналам в районе Лос-Анжелоса в период с шести до девяти часов вечера, наблюдатели зарегистрировали 91 убийство, 71 ограбление, 3 случая похищения людей, 10

случаев воровства, 4 кражи со взломом, 2 поджога, 2 побега из тюрьмы, одно убийство путем взрыва, одно самоубийство, один случай шантажа и много других случаев нападений и избиений, пьянства и скандалов»⁵⁰.

По данным опубликованного 20 ноября 1953 года обзора Национальной ассоциации радиобозревателей по вопросам просвещения, нью-йоркские телевизионные передачи содержат в среднем 3 412 актов и угроз насилия в неделю. Программы для детей, сообщалось в этом же обзоре, содержат 22 акта насилия в час, то есть «в два раза больше того, что показывается в другое время», и что «в 1953 году пистолет заменил кулак или ногу в качестве самого обычного средства для совершения актов насилия».

Что касается других средств «общественного» просвещения, то Маргарет Баннинг, председатель Ассоциации издателей журналов, заявила комиссии, что «в газетах Америки так широко подают эротику, как нигде в мире», и что *«из 1231 журнала, издающегося в настоящее время в Соединенных Штатах, 1131 имеет целью лишь показ порочных и возбуждающих иллюстраций проституции»*⁵¹. (Курсив мой.—Г. М.)

Культурная пища, навязанная американскому народу, была охарактеризована театральным критиком Бруксом Аткинсоном, который писал: «Ни один человек в наше время не должен рисковать идти в театр без психиатра... Театру требуется нормальный, здоровый убийца, получающий удовлетворение от своей работы и не испытывающий страха или раскаяния»⁵². Большинство буржуазных критиков оплакивает бесплодность современной американской литературы. Писатели, утверждают они, чувствуют себя бессильными и циничными. В их произведениях отсутствуют творческие идеи и отражение жизни. Они превозносят банальность и декадентство. «Множество романов южных писателей, — отмечал Орвин Прескотт, критик «Нью-Йорк таймс», — содержит описание высохших веток на живых дубах, разврата под сенью магнолий, безумия и гниения от берегов Вирджинии до лиманов Луизианы»⁵³.

Писатели ударились в необузданно грубое и одностороннее изображение действительности. Уродливое и отвратительное является в их глазах постоянной, неизменной формой человеческого существования. Они убеж-

дены в том, что преступление и безумие — нормальное состояние человека, что его «сознательная жизнь» — нечто второстепенное по сравнению с «подсознательными животными влечениями». Изображаемый ими человек — это одержимая истерией марионетка, бессильная, беспомощная, ничтожная вещь среди вещей. Герои пьес и романов — это обычно странные, извращенные люди, психопаты и убийцы. Расхваливая достоинства одного антикоммунистического романа Ричарда Райта, Гренвилл Хикс пишет: «Это книга о современном человеке... Это описание действия, в особенности насильственного действия... Читая книгу, читатель чувствует, что он совершил бы любое убийство, описанное в книге, при аналогичных обстоятельствах»⁵⁴.

Большая часть американских населенных пунктов и городов представляет собой пустыню в культурном отношении; исключение составляют лишь отдельные районы, где еще активно работают прогрессивные организации. Третья часть городов США вообще не имеет публичных библиотек, а если они и существуют, в них мало книг и книги эти давно устарели. Только в самых крупных городах есть большие библиотеки. «Культурный» арсенал среднего американского города — это кино, где демонстрируют убийства, руки, обгаренные кровью, дымящееся оружие, зловещих женщин, потрясающих революверами и кинжалами. Названия демонстрируемых кинофильмов не отличаются разнообразием: «Кровь на ваших руках», «На краю гибели», «Смерть в полночь», «Прощальный поцелуй»⁵⁵. Монополии превратили рабочие районы в трущобы из питейных заведений, игорных притонов и публичных домов. В Чикаго, городе, население которого превышает четыре миллиона человек, фактически нет постоянного местного театра и очень мало книжных магазинов, но зато насчитывается 8129 таверн, бесконечное количество игорных домов и притонов разврата. Такая же картина и в других городах, в том числе и в столице США. «Потребление спиртных напитков на душу населения в Вашингтоне втрое больше, чем в других городах страны», — пишет «Нэшнл гардиен», «Питтсбург — убежище для преступных синдикатов, которые наживают по 20 миллиардов долларов в год», — пишет Арт Шилдс. Судьи, полиция, агенты ФБР вместе с рэкетирами содержат игорные и питейные дома и сотни притонов разврата,

которые представляют собой коммерческие учреждения, выкачивающие заработную плату у трудящихся.

Огромная армия политиканов, бизнесменов и гангстеров процветает за счет все большего развращения американцев. Они стараются увеличить сбыт не только детективной литературы, но также спиртных напитков и наркотиков. По данным нью-йоркского совета здравоохранения, в городе насчитывается около 300 тысяч хронических алкоголиков, для которых пьянство является неизлечимой болезнью⁵⁶. По стране в целом Национальный комитет по борьбе с алкоголизмом дает следующие цифры: «Четыре миллиона пьянствующих и миллион злостных алкоголиков». Как заявил комиссар США по борьбе с наркотиками Гарри Энслингер, «наркомания среди юношества приняла масштабы эпидемии»⁵⁷. «Нью-Йорк таймс» рисует «кошмарную картину: подростки одурманивают себя в помещении школ героином и марихуаной». Как сообщает федеральный уполномоченный по борьбе с потреблением наркотиков, «ученики средних школ закладывают свою одежду и образуют воровские шайки, чтобы на добытые деньги покупать наркотики». Из печати известно, что полицейские «посещают притоны наркоманов и публичные дома, взимая дань с проституток и сутенеров»⁵⁸.

Рост всеобщего упадка американского буржуазного общества наложил отпечаток и на молодежь. Большинство американских деятелей народного образования утверждает, что молодежь охвачена сознанием бессмысленности своего существования. Другие говорят, что часть молодежи США заражена чем-то вроде морального слабоумия. Клеллон Холмс пишет в воскресном номере «Нью-Йорк таймс», что молодое поколение — это «над всем издевающиеся нигилисты... лишённые личной и общественной ценности»⁵⁹. Из колледжей поступают сообщения о взяточничестве преподавателей и спортивных инструкторов. Растущая деморализация студенчества находит выражение в разного рода диких выходках, вроде налетов на общежития девушек. В апреле 1953 года «Нью-Йорк таймс» сообщала о бунте тысячи студентов Принстонского университета: «Мы хотим половой жизни, мы хотим женщин!» — кричали они. Через несколько дней появились сообщения об аналогичных сценах в Колумбийском и Йельском университетах⁶⁰.

Видный американский романист Нельсон Олгрэн писал в декабре 1952 года по поводу положения, создавшегося в Америке: «Мы слишком привыкли к иллюстрированным еженедельникам... на страницах которых нас изображают самыми счастливыми, самыми здоровыми, самыми здравомыслящими, самыми богатыми, самыми изобретательными, жизнерадостными и терпимыми людьми, и склонны забывать, что эти журналы куплены, что они получают деньги за свои картинки и что их показания являются лжесвидетельством». «Здесь, в закоулках позади бульваров Нью-Йорка, Чикаго и Лос-Анжелоса, — продолжает Олгрэн, — мы видим людей, лица которых отражают их абсолютную никчемность... Такое ничтожество и в то же время такая надменность, беспокойство, отсутствие интеллекта и в то же время такое отвратительное самодовольство...»⁶¹ А раз это так, то мы имеем дело с тяжелой болезнью, поразившей Америку, и этим частично объясняется тот факт, что мы в настоящее время превзошли весь мир в безумии, преступности, алкоголизме, наркомании, раковых заболеваниях, человекоубийстве, половых извращениях и в других извращениях, которым мы предаемся просто из любви к искусству... Как пророчески сказал Уолт Уитмен, «это подобно тому, как будто бы нам дали большое, прекрасное, всесторонне развитое тело, лишенное или почти лишенное души»⁶².

Медицинские авторитеты констатируют, что у «большинства американцев угнетенное, подавленное настроение, а миллионы людей находятся на грани нервного расстройства». Председатель Национальной ассоциации по борьбе с психическими заболеваниями Орен Рут опубликовал 4 мая 1952 года доклад, в котором говорится, что зафиксировано 800 тысяч случаев нервного расстройства в год и что у 65 процентов больных, посещающих врачей и медицинские учреждения, установлено наличие «нервных и психических заболеваний». «Примерно девять миллионов человек в США страдают душевными болезнями и другими нарушениями психики». Ежегодно в психиатрические больницы поступает до 350 тысяч человек, но сотни тысяч психически больных не получают лечения из-за вопиющего недостатка мест в лечебных учреждениях.

По данным официальной статистики, в 1950 году в США было зарегистрировано 1790 тысяч тяжелых уго-

ловных преступлений, что «превышает число преступлений, совершенных за год во всех других цивилизованных странах, вместе взятых», — замечает автор статьи в «Нью-Йорк таймс». По донесениям местных полицейских властей, в 1952 году в стране было совершено 2 036 510 правонарушений с применением насилия. 9 сентября ФБР сообщило, что в первой половине 1953 года в США совершалось: «одно убийство — каждые 40 минут, одно изнасилование — каждые 29 минут, грабеж — каждые 8,8 минуты, угроза применения физического насилия — каждые 5,7 минуты, похищение автомобиля — каждые 2,3 минуты и кража со взломом — каждую минуту». По словам балтиморского судьи Чарльза Мойлена, за последние двадцать пять лет число заключенных в федеральных и местных тюрьмах возрастало в семь раз быстрее, чем численность населения страны⁶³.

В 1952 году в Нью-Йорке было совершено 255 тысяч уголовных преступлений, что представляет собой непревзойденный рекорд. Однако за первые шесть месяцев 1953 года количество предумышленных убийств возросло по сравнению с 1952 годом на 22 процента, непредумышленных убийств — на 45,5 процента и насилий над личностью — на 10,7 процента. В статье, озаглавленной «По улицам шествует террор», Аллен Келлер пишет: «Теперь уже небезопасно сидеть на скамейках в нью-йоркских парках, куда прежде уходили женщины с детьми из своих тесных и душных квартир, чтобы подышать воздухом. Мало кто решается посещать Колумбийский парк, так как там среди бела дня вас могут избить»⁶⁴. Видный нью-йоркский церковный деятель, настоятель собора святого Иоанна Джеймс Пайк заявил: «Орды юных варваров заполнили наши улицы; в некоторых районах города стало физически небезопасно жить. Становится все труднее сохранять маленькие оазисы благопристойности и культуры. Мы видим перед собой не только плохих людей и испорченных детей, но *взрослых и детей, которые не признают категорий добра и зла*»⁶⁵. (Курсив мой. — Г. М.)

3 января 1953 года агентство Ассошиэйтед Пресс опубликовало обзор протоколов судов для несовершеннолетних по большинству крупных городов США. Оказалось, что «по сравнению с 1948 годом дети совершают больше преступлений и преступления эти более тяжелые» и что «со времени войны в Корее детская преступность

резко возросла... Десяти-двенадцатилетние дети совершают кражи со взломом... Растет количество преступлений на сексуальной почве, краж и убийств, совершаемых детьми». В 1952 году было арестовано четверо больше детей, чем в 1946 году, а аресты подростков за потребление наркотиков возросли в тридцать раз⁶⁶. По имеющимся подсчетам, 2 миллиона американских юношей и девушек, не достигших восемнадцати лет, ежегодно арестовываются полицией за разного рода преступления, начиная от кражи и кончая убийством. Представитель федерального бюро по вопросам воспитания детей д-р М. Эллиот заявил, что «свыше 500 тысяч детей содержатся ежегодно в тюрьмах для взрослых, потому что нет другого места для их содержания, и это значительно способствует их дальнейшему разложению»⁶⁷. «Так называемые школы для правонарушителей представляют собой социальные помойные ямы», — сказал директор школ для мальчиков-правонарушителей штата Иллинойс Чарльз Леонард, указав при этом, что эти школы являются источником обогащения для продажных политиканов. 23 ноября 1953 года прокурор штата Джон Гуткнехт заявил, что «продажность полиции является крупным фактором, способствующим росту детской преступности».

Фашизм и военный психоз

Когда в город Джэксон в штате Миссисипи прибыли члены Конгресса борьбы за гражданские права, чтобы просить губернатора смягчить смертный приговор, вынесенный Вилли Макги, выходящая в Джэксоне газета «Дейли ньюс» писала, пытаясь спровоцировать линчевание этой делегации: «Какого чорта нам надо ехать в Корею, чтобы стрелять в коммунистов, когда прекрасно можно заниматься такой охотой у себя дома!»⁶⁸. Связь между пропагандой фашистских зверств и разжиганием войны стала еще более очевидной, когда судья Кауфман приговорил к смертной казни Джулиуса и Этель Розенберг. Вынося свой приговор, явно носивший характер мести, судья предъявил им фантастическое обвинение в том, что они несут ответственность за потери США в Корее.

Джулиус и Этель Розенберг были осуждены не за шпионаж, а по обвинению в том, что они «сговорились вести шпионскую деятельность». Многие видные юристы

как в США, так и в других странах, а также выдающиеся ученые, такие, как д-р Гарольд Ури, тщательно проанализировали обвинения, предъявленные властями Розенбергам, и доказали их беспочвенность. Выдающийся английский юрист Д. Притт, возглавлявший Международную следственную комиссию по делу о поджоге рейхстага, доказал, что обвинение по делу Розенбергов основывалось на показаниях двух запуганных Федеральным бюро расследований и не заслуживающих доверия свидетелей, из которых один находился под угрозой смертной казни и пытался спасти себя, клеветая на других.

Данные, обнаруженные впоследствии, доказывают, что это дело было гнусной судебной инсценировкой, построенной на «показаниях», подобных тем, какие были использованы в процессах Дрейфуса, Сакко и Ванцетти и узников Скоттсборо. Фактически большая часть обвинительного акта была посвящена доказательству того, что Розенберги были коммунистами и профсоюзными активистами, что они читали прогрессивные книги, журналы и газеты и одно время помогали испанским эмигрантам — жертвам режима Франко. Однако, по словам членов Верховного суда Блэка, Дугласа и Франкфуртера, которые требовали пересмотра дела, Верховный суд не подверг пересмотру судопроизводство, не проанализировал улики, не рассмотрел вопроса о справедливости смертного приговора.

Вся подлость судебной расправы с Розенбергами становится очевидной из одного сопоставления: приговор Розенбергам был вынесен в тот самый день, когда ближайший советник Эйзенхауэра Джон Макклой, бывший в то время Верховным комиссаром США в Германии, отменил приговор, вынесенный генералу Готлибу Бергеру, человеку, который был правой рукой Гимmlера и сжег свыше 85 тысяч еврейских детей в крематории лагеря Аушвиц. В прошении о помиловании, направленном президенту Эйзенхауэру, Этель Розенберг писала: «Теперь, когда этим нацистским палачам, этим гнусным фашистам расточаются благодеяния, когда их зачастую восстанавливают на работе в государственных учреждениях, в великих демократических Соединенных Штатах готовится зверское уничтожение маленькой безобидной еврейской семьи, виновность которой подвергается серьезному сомнению во всем цивилизованом мире».

Со всех концов цивилизованного мира поступило множество просьб о помиловании. Руководители рабочего движения и государственные деятели иностранных государств присоединили свои голоса к этим просьбам. В Вашингтон устремился поток протестов десятков тысяч американцев. И все-таки президент Эйзенхауэр настоял на ускорении казни этих людей, родителей двух маленьких детей.

Вашингтон предъявил Розенбергам ультиматум: сознаться или умереть. «Если они хотят жить, они должны заговорить», — писала печать монополий. «Розенберги должны умереть, если они не сознаются», — заявляли даже члены совета директоров Американского союза защиты гражданских прав⁶⁹. Так военный психоз порожденный атомной бомбой, создал атмосферу, благоприятствующую фашистскому злодеянию.

Розенберги предпочли умереть, но не дать Уолл-стриту оружие, необходимое ему для ускорения фашизации США. Они не пожелали купить себе жизнь, предав свою страну ложью, продиктованной ФБР. Три мучительных года в камере смертников не заставили Этель и Джулиуса Розенберг дать ложные показания и поступиться своими убеждениями, капитулировав перед поджигателями войны.

Их казнь уничтожила остатки иллюзий, еще сохранившиеся среди мировой общественности, относительно того, что представляет собой правящий класс США. Вашингтон совершил преступление, прекрасно зная, что он тем самым бросает вызов мировому общественному мнению, навлекает на себя ненависть сотен миллионов людей на всем земном шаре. Но люди, готовящие атомную войну, действовали под влиянием более важных факторов. Казнь Розенбергов раздувала пламя военного психоза и фашизма в Соединенных Штатах.

Выше мы указали на некоторое сходство между методами, применяемыми сейчас американскими концернами, и теми, которыми пользовались в 1933 году германские монополисты. В особенности много сходства в их пропаганде необходимости вооружаться перед лицом «коммунистической опасности» для сохранения всеобщего мира. «Мы никому не угрожаем, — заявил Гитлер в 1938 году. — Мы требуем только одного: защиты наших прав и нашей свободы. Мы хотим только объединенной

Европы, в которой господствует мир, и устранения коммунистической опасности»⁷⁰. Почти в тех же самых выражениях ораторствовал в 1950 году Трумэн: «Мы никому не угрожаем; мы требуем только одного: свободы и законности. Мы хотим только одного: единого мира, в котором господствует мир, и устранения угрозы коммунистической агрессии»⁷¹. Геббельс говорил в 1936 году: «Национал-социалистское движение — оплот западно-европейской культуры, и как таковое оно объявило марксизму беспощадную войну не на жизнь, а на смерть». Даллес в 1952 году заявил: «Христианство и западная культура ведут с марксизмом борьбу не на жизнь, а на смерть». Характерно, что, как и гитлеровская Германия, Соединенные Штаты упорно отказывались подписывать международные соглашения, запрещающие бомбардировку гражданского населения. Вашингтон отказался также подписать декларацию об осуждении геноцида, которую поддерживает большая часть членов Организации Объединенных Наций.

Имеются, однако, и некоторые различия между гитлеровской Германией и США. Военная пропаганда Уолл-стрита более бесстыдна. Она даже не прикрыта какими-либо благовидными предложениями. Гитлеровцы заманивали миллионы немецких безработных рабочих и малоземельных крестьян обещаниями работы, земли и национального спасения. Они утверждали, что Германия скована по рукам и ногам Версальским договором, что она является «неимущей нацией». В 1953 году американские империалисты призывают к войне, бахвалясь одновременно своими богатствами и фактически держа под своим контролем ресурсы половины земного шара.

Другое различие — это масштабы, которые приняла военная истерия: гимны смерти, прославление массового истребления людей, сопровождаемое воплями о катастрофе, грозящей в случае «внезапного нападения врага», и т. д. Соединенные Штаты 1950—1953 годов значительно превзошли в этом отношении гитлеровскую Германию 1933—1939 годов. Главная причина заключается в той тесной связи, которая существует между стремлением к войне против СССР и стремлением к фашизму: оба эти стремления неотделимы друг от друга и стимулируют друг друга. Но американский фашизм, в отличие от нацизма, не имеет какой-либо массовой базы. Американская

олигархия пытается восполнить этот пробел, еще больше разжигая военный психоз. Она считает, что растущая милитаризация, военное напряжение, атомная паника, шпиономания и военное безумие в целом обеспечат достаточную массовую базу, для поддержания фактически фашистского режима в США.

К середине XX века пресса Уолл-стрита стала буквально одержима маниакальной страстью к некоторым словам и образам. Это напоминает явление, именуемое психиатрами эхололией, — навязчивое повторение одних и тех же слов. Самые употребительные слова — это: «застрелить», «убить», «разгромить», «уничтожить», «истребить», «взорвать». Заголовки одного лишь номера относительно уравниженной газеты — «Нью-Йорк таймс» — содержат следующие выражения: «Новые танки уничтожили...», «Военно-морской флот спустил на воду убийцу...», «Солдаты убили», «Танки взрывают...», «Убивают красных...», «Сирены ревут», «Атомная смерть...», «Операция «Убийца...», «Полиция преследует убийцу...», «Убито 50 человек...», «Самолеты бомбят...», «Гангстеры застрелили...», «Турки рассчитывают истребить еще больше красных...», «По словам Буша, атомная бомба может уничтожить сорок миллионов...»⁷².

В журнале «Лайф» помещены снимки учащихся начальных школ, которых обучают так: «*А* — атом, *Б* — бомба, *В* — война, *Г* — гибель». Тот же журнал рассказывает, что в Лос-Анжелосе учитель предложил четырнадцатилетнему школьнику написать короткое сочинение на вольную тему. «Школьник уверенно взялся за дело и застрочил без передышки. Вот что он написал: «Водородная бомба — олицетворенная смерть. Смерть, смерть, пылающая, испепеляющая смерть, гибель страшная, неотвратимая гибель, самая ужасная смерть, когда-либо изобретенная человеком. Всеразрушающая смерть, приносимая атомной энергией. Отравляющая, уничтожающая, истребляющая смерть. Смерть веков, вечная смерть»⁷³.

Этот зловещий продукт радио, печати и «комиксов» характеризует ту атмосферу грубого, беспощадного насилия, которой Уолл-стрит стремится окружить американский народ. Чтобы сбить американцев с толку, печать и радио переплетают факты с измышлениями, с методичностью пулемета вколачивая им в головы ловко подтасо-

ванные фразы и понятия. В то время как земля в районе испытания атомных бомб сотрясается от взрывов, радиокомментаторы соревнуются между собой, расписывая масштабы мировой атомной бойни. Журнал «Лайф» наряду с диаграммами на тему о том, «как мы можем стереть СССР с лица земли», помещает статьи, в которых вколачивает в головы своих пяти миллионов читателей, что «наступил век уничтожения... Не может быть компромиссов, не может быть соглашений с советским коммунизмом... Мы должны поставить перед народом США проблему атомного истребления»⁷⁴. «Дело может быть сделано... Запасы атомных бомб, орудий, танков растут...» «Это придает уверенность решительному Эйзенхауэру»⁷⁵, — вторили «Тайм» и «Ньюсуик».

Когда стало известно, что Советский Союз тоже имеет атомную бомбу, угрозы атомных маниаков, подобно бумерангу, обрушились на их же головы. Разжигатели паники стали жертвами своей собственной пропаганды. Наряду с ложью о советской агрессии прозвучала правда о производстве атомных и водородных бомб в СССР. Хвастовство Уолл-стрита, что «мы можем кремировать половину земного шара», потеряло всякий смысл. Перед глазами миллионов американцев встала страшная картина опустошения их собственной страны, представляющей только часть «половины земного шара».

Владельцы некоторых роскошных нью-йоркских отелей успокаивают своих клиентов, что им нечего бояться атомной бомбы: к их услугам квартиры с кондиционированным воздухом на глубине тридцати футов; оплата «всего лишь» 15 тысяч долларов в год. «Наши подвалы представляют надежную защиту от атомного нападения», — заявил президент «Чэйз нэшнл бэнк» Олдрич, когда некоторые охваченные паникой спекулянты бросились прятать свои ценности в шахтах северной части штата Нью-Йорк на глубине двести футов от поверхности земли. Некоторые из них, кроме того, соорудили в своих домах глубокие дорогостоящие убежища. Но это не могло успокоить родителей, озабоченных судьбой своих детей: подвалы миллионеров недоступны для американских детей.

Стало уже невозможно поддерживать измышления о легкой и дешевой войне. Чтобы заставить целый народ отвергнуть миролюбивые советские предложения и пред-

почесть им атомную смерть, надо было подавить естественные стимулы, движущие людьми, и превратить страну в осиное гнездо безумия. Но это нельзя проделать за один день. Так изготовление в Советском Союзе атомной бомбы сорвало составленные Уолл-стритом планы войны и фашизации.

«Я высказался бы за применение атомной бомбы, если бы это не сопровождалось слишком большой моральной реакцией», — заявил 11 марта 1951 года генерал Эйзенхауэр. Смысл его слов стал еще явнее, когда он добавил: «По моему мнению, в вопросе о применении атомной бомбы следует исходить из таких соображений: дает это мне преимущество при вступлении в войну или нет. Если бы я считал, что чистая выгода на моей стороне, я немедленно применил бы ее». Но счастливые времена Хиросимы уже миновали. Преимущество уже больше не на стороне убийц женщин и детей. Они теперь боятся «моральной реакции», то есть ответных действий СССР.

Попав в такое затруднительное положение, но не желая прекращать разжигания военной истерии, штаб психологической войны Уолл-стрита предпринял кампанию лжи, преследующую одновременно две цели.

С одной стороны, эта кампания имеет целью обмануть американцев утверждениями, будто бы военные провокации, направленные против Советского Союза, не сулят им больших осложнений. С другой стороны, дело изображается так, будто СССР угрожает Соединенным Штатам уничтожением и что только накопление новых запасов, бомб и подготовка к тотальной войне — предпочтительно превентивной — могут устранить эту угрозу. 14 февраля 1951 года Трумэн выступил с предсказанием о том, что «внезапное нападение может уничтожить сорок миллионов американцев» и что «такое нападение может произойти в любой момент». Через два дня после этого Ачесон заявил, что «предсказания катастрофы — сущий вздор».

Еще через две недели Трумэн счел нужным сделать новое предупреждение о том, что стране угрожает внезапное и опустошительное атомное нападение. Руководитель гражданской обороны М. Ф. Колдуэлл немедленно заявил, что «атомная бомба вовсе не означает катастрофы». Через месяц он же сказал, что «миллиарды, затраченные на сооружение бомбоубежищ, не защитят и одного процента населения Америки». 27 января 1953 года бывший

президент Трумэн заявил, что, насколько ему известно, Советы не обладают атомной бомбой, объявив тем самым, что его предыдущие заявления были ложью. На следующий день Комиссия по атомной энергии опровергла это заявление как нелепое.

И хотя Вашингтон сам возбуждал панический страх перед возможностью истребления, 17 августа 1952 года ассигнования на гражданскую оборону, то есть на сооружение бомбоубежищ, противопожарные мероприятия и медицинскую помощь, были сокращены с 625 миллионов долларов до 65 миллионов. Одновременно учреждения, ведающие гражданской обороной, получили предписание регулярно проводить в городах учебные атомные тревоги и создать систему наблюдения ввиду «возможности внезапной советской атомной бомбардировки». Было также определено число врачей, медсестер и больничных коек для обслуживания жертв атомной бомбы и даже количество братских могил для погибших.

Уолл-стрит полагает, что все это создаст неслыханно напряженную атмосферу, мрачное отчаяние и полное смирение, что все это в сочетании с ростом бремени вооружений убедит народ в неизбежности третьей мировой войны. Уолл-стрит хочет совершенно подавить стремление народа к миру, чтобы, как выразился заключенный в тюрьму борец за мир, один из руководителей компартии Гэс Холл, «американцы прониклись бредовой идеей победить в короткой атомной войне и после этого зажить счастливо».

Свыше трехсот лет правящий класс США угнетает негритянский народ. Он издевался над негритянской культурой и в значительной мере подавил искусство и таланты этого народа. Но лишь очень небольшая часть жестокостей, чинимых правящим классом по отношению к неграм, получает огласку. Не проходит и дня, чтобы американские негры не становились жертвами расистских зверств. Достаточно привести данные только *легализованных* убийств. По данным федерального управления тюрем, с 1930 по 1952 год на электрическом стуле и в газовых камерах было казнено 3219 мужчин и женщин. Негры составляют около 10 процентов населения США, но из общего числа казненных негров было 1732, а белых — 1449, то есть негров 53,9 процента, а белых — 45 процентов!⁷⁶

Репетиции в США

В ноябре 1951 года Конгресс борьбы за гражданские права во главе с Уильямом Паттерсоном обратился в Организацию Объединенных Наций с петицией принять меры против осуществляемой монополиями США по отношению к негритянскому народу политики геноцида. Конгресс представил ООН документ на двухстах сорока страницах, озаглавленный «Мы обвиняем в геноциде»^{77*}. В нем приводились обильные доказательства осуществления геноцида путем террора, угнетения, расистских законов, системы гетто, обречения людей на вымирание от голода и болезней, которые могли бы быть предотвращены, насилий со стороны населения, инсценированных судебных процессов, убийств и линчевания под видом «законной» казни. Вывод авторов доклада сводится к тому, что все это — результат сознательно проводимой политики, плана натравливания одной части населения США на другую с целью обречь негритянский народ на бесправие и порабощение.

Геноцид организован монополиями и проводится в жизнь центральными и местными государственными органами. Непосредственная и главная цель его заключается в том, чтобы обеспечить монополиям возможность выкачивания миллиардных сверхприбылей путем беспощадной эксплуатации труда негров. Во многих южных штатах, имеющих многочисленное негритянское население, происходит теперь запоздалый процесс индустриализации. Усиленная эксплуатация негров дает трестам хлыст для «обуздания белых рабочих на Севере, для разгрома профсоюзов, снижения заработной платы и т. д. Таким образом, плодом разжигания расовой ненависти является низкий уровень заработной платы как белых, так и черных рабочих. Но расизм является одновременно составной частью и элементом фашистской идеологии. При помощи гнусной теории «низших рас» нацисты доводили людей до скотского состояния. Проводимая в США политика, основанная на той же теории, преследует аналогичные цели.

В мае и июне 1951 года в ряде американских газет можно было прочесть помещенные на незаметном месте краткие сообщения такого рода: «Сегодня застрелены

* Указанная книга опубликована на русском языке Издательством иностранной литературы в 1953 году. — *Прим. ред.*

двое солдат негров Асман и Пассман, закованные в ножные и ручные кандалы. Шериф утверждает, что сделал это в порядке самозащиты». Рабочий-негр Карта Джонсон потерял оба глаза от ударов по лицу, нанесенных ему в тюрьме, куда он был заключен за нарушение правил о привилегии белых. В Колумбусе (штат Джорджия) полицейские ворвались в негритянский район; сотни людей были избиты кулаками и дубинками. На следующий день подверглись нападению негры, проживающие в соседнем городе Чероу (штат Южная Каролина). Во Флориде ночью всадники в капюшонах подожгли дома негров.

В Детройте негр Чарльз Горди был приговорен к пожизненному тюремному заключению за попытку защитить своего сына от незаконного ареста. В Бруклине (район Нью-Йорка) белый полицейский безжалостно застрелил молодого рабочего-негра Генри Филдса, отца четверых маленьких детей. В городе Бирмингеме (штат Алабама) были подожжены дома негров. В соседнем Фэрфилде было сожжено около четырехсот домов. Пожарные спокойно стояли рядом и наблюдали этот ад. В тот же день в Норфолке (штат Вирджиния) толпа втащила негра-священника Джозефа Манна в автомашину, облила его керосином и подожгла за то, что он выступил против сегрегации негров. Через три дня Манн умер от страшных ожогов.

Неграм часто приписывают «насилие над белой женщиной». Типичным в этом отношении является дело сорокачетырехлетнего негра Мака Ингрема, фермера-издольщика из Янсвилла (штат Северная Каролина), отца девятерых детей. Ингрем был арестован на основании заявления белой девушки, будто бы он совершил на нее нападение. Как сообщает журнал «Ньюсуик», во время заседания окружного суда в Касвилле 18 июня 1951 года адвокат обвиняемого спросил девушку:

- Прикасался к вам Ингрем?
- Нет.
- Говорил он с вами?
- Нет.
- Что же он сделал?
- Он смотрел на меня.
- На каком расстоянии от вас он находился?
- Около семидесяти пяти футов.

Судья Ральф Вернон приговорил Ингрема к двум годам каторжных работ за попытку нападения на белую женщину⁷⁸. И это, конечно, «либеральный» судья для Северной Каролины. Двое молодых негров Рели Спеллер и Клайд Броун, обвиненные в таком же «нападении», были казнены 28 мая 1953 года в газовой камере этого штата.

Пятьдесят три иностранных студента, прибывшие в США для прохождения инструктивных курсов на тему «демократия в действии», вынуждены были отменить поездку по Югу, потому что среди них было два темнокожих студента из Панамы, а закон штата Теннесси запрещает «совместное нахождение белых и цветных в гостинице или студенческом общежитии»⁷⁹. В течение пяти недель тело девятнадцатилетнего рядового Томаса Рида, убитого на «войне за демократию» в Корее, не могло быть погребено в Фениксе (штат Аризона), потому что он был негром, а кладбище «открыто» только для белых американцев. Вмешательство десятка общественных организаций не дало результатов⁸⁰.

Летом 1951 года негритянская чета с тремя детьми попыталась перебраться из негритянского гетто в Чикаго в соседний район Сисеро⁸¹. Чтобы воспрепятствовать этому, были подняты на ноги чуть ли не 10 тысяч молодых людей. Действия многих из них были организованы полицией. Негритянская семья перевезла свое имущество, приобретенное на сбережения, скопленные за четыре года труда, в новую квартиру. Журналы «Тайм» и «Ньюсуик» описывают последовавшие за этим события почти в восторженном тоне. «Свыше пятидесяти полицейских избивали негра ногами, палками, дубинками и рукоятками револьверов». Затем толпа «сорвала с петель двери и окна, пробила дыры в стенах, оборвала электропроводку, сломала водопроводные трубы, разбила радиаторы, холодильник и плиту». Заодно толпа ворвалась и в две квартиры в нижних этажах, которые давно уже были покинуты обитателями. Затем из окна третьего этажа под радостные возгласы собравшихся была выброшена вся обстановка Кларка, в том числе рояль и детская коляска. Когда мебель была подожжена, рев толпы усилился. Как отмечает «Тайм», толпа была «настроена добродушно, как будто бы она присутствовала на спортивном состязании, а полицейские напоминали служителей, вежливо

сдерживающих чрезмерный напор зрителей на стадионе во время футбольного матча»^{82*}.

В Нью-Йорке был разоблачен сговор между министерством юстиции США и полицейским управлением города относительно того, чтобы жестокое обращение полицейских с неграми оставалось безнаказанным⁸³.

Факт легализованного убийства в 1951 году Вилли Макги и семи негров из Мартинсвилла** стал широко известен потому, что было достаточно времени для организации общественного движения в их защиту. Восемь негритянских юношей были приговорены к смерти по ложному обвинению в изнасиловании белой женщины. Ни в одной цивилизованной стране изнасилование не карается смертью. Ни один белый мужчина не был еще казнен за это преступление. Миллионы людей задавались таким вопросом: как может здравомыслящий человек признавать правосудие, которое лишает жизни восемь человек по подобному обвинению, хотя бы даже оно было обоснованным? Даже реакционная парижская газета «Фран-тирер» писала: «Невероятно, чтобы цивилизованная страна могла опозорить правосудие, поставив его на службу самому низменному человеконенавистничеству».

В США Конгресс борьбы за гражданские права и многие другие общественные организации вели героическую борьбу, пытаясь воспрепятствовать казни. Эти организации обращались и к президенту и в Верховный суд с просьбой об отмене приговора. Делегации негров и белых посещали судей и губернаторов штатов Миссисипи и Вирджиния и убеждали их спасти восемь невинных людей. Как сообщали сами губернаторы, они получили десятки тысяч писем протеста. Поступили сорок две петиции от французского Национального собрания, а также обращения от Национального совета Нигерии и Камеруна. В Индии, Китае, Италии, Франции и Австралии состоялись митинги и демонстрации, участники которых выражали возмущение по поводу смертных приговоров.

* Летом 1953 года толпа хулиганов частично разрушила «в Чикаго новый дом, куда вселялись негры. 9 сентября 1953 года восемнадцать негров, в том числе женщины и дети, были сожжены в трущобах негритянского гетто, где во время пожара дома превращаются в ловушки — *Прим. автора.*

** Мартинсвилл (в Западной Вирджинии) — город, полностью, находящийся во владении концерна Дюпона. — *Прим. автора.*

Со всех частей света многочисленные священники, ученые, представители интеллигенции и общественные деятели обращались в Белый дом с просьбами о помиловании осужденных.

Макги терзали свыше шести лет. Десять раз в течение этого времени назначался срок его казни на электрическом стуле и десять раз энергичное вмешательство прогрессивных сил США спасало его в последний момент. Взволнованный мир ожидал каких-нибудь признаков если не справедливости, то хотя бы уважения к общественному мнению. Как может правящий класс США, спрашивали многие, оправдать эти восемь линчеваний среди бела дня?

Ведь в Америке 15 миллионов негров, симпатии которых хочет завоевать американская военщина, чтобы лучше использовать их в качестве пушечного мяса в Корее и в других местах. Было совершенно очевидно, что это бессмысленное расистское преступление вызовет у негритянских масс еще более неистовую ненависть к белым угнетателям. Надо было помнить также и о сотнях миллионов поднимающихся на борьбу людей в колониальных странах, перед которыми американская олигархия всячески старается приукрасить себя новым гримом, именуемым «свобода и демократия». «Зачем их толкать в сторону коммунизма казнью восьмерых негров?» — цинично спрашивали некоторые «либеральные» советники в Вашингтоне*.

Однако со стороны олигархии Уолл-стрита не последовало ни слова, ни кивка в сторону судьи или президента, чтобы предотвратить позорный акт. И они отвергли все протесты, остались глухими к трогательным мольбам жен и детей осужденных и к голосу негритянского народа. Один за другим восемь ни в чем не повинных негров были посажены на электрический стул и казнены.

Эти легализованные убийства, подобно казни Розенбергов, являются составной частью плана фашизации

* Нередко некоторые «мудрые» защитники империализма, вопреки своему желанию, раскрывают дилемму, стоящую перед классом угнетателей. 18 июля 1951 года в «Нью-Йорк таймс» была помещена статья Л. Марголина, в которой говорилось: «Инцидент в Сисеро привел к падению престижа Соединенных Штатов на Востоке, эквивалентному потере миллиарда долларов... Он сводит на нет результат долгих лет работы Информационной службы США...» — *Прим. автора.*

Америки. Но одновременно с этим они отражают растущий страх правящих классов перед силами мира во всем мире, страх перед движением борьбы негритянского народа, перед нарастающим стремлением негритянских масс смести стены гетто.

Американские монополии открыто потребовали осуществить эти кровавые убийства, не считаясь с результатами, которые они за собой повлекут. Они явно полагали,, что уступка мировому общественному мнению и давлению народных масс — отмена казней и замена их «всего лишь» пожизненным тюремным заключением — произвела бы нежелательное впечатление отступления. Это могло бы замедлить темпы движения к войне и фашизму. Это могло бы подорвать систему судов Линча. Таким образом, хозяева социального строя, дни которого сочтены, не хотят думать о последствиях своих преступлений и сами пишут себе надгробную надпись.

Репетиции в Азии

По своему характеру все проявления империалистического насилия в нашем веке однородны. В 1953 году генералы Бриггс и Темплер в Малайе повторили то, что делал в Индии генерал Дайер в 1919 году*. Пытаясь увековечить порабощение миллионов людей, мудрецы с Уолл-стрита и из Лондона поступают несколько не мудрее, чем гитлеры или хирохито. Пытаясь подавить борьбу корейского народа за независимость своей страны, японцы в 1919 году уничтожили, по собственному признанию, 360 261 корейца. С 1950 по 1953 год американцы уничтожили 3 миллиона корейцев. Характер насилия не изменился, изменились только его масштабы.

Предвестником преступлений, совершенных Пентагоном в Корее, были действия его воздушных сил в Европе и Азии во время второй мировой войны. С полным презрением к человеческой жизни они убили сотни тысяч жен-

* 13 апреля 1919 года генерал Реджинальд Дайер, командовавший английскими войсками в Амритсаре (Индия), отдал приказ расстрелять несколько тысяч безоружных мужчин, женщин и детей, собравшихся на огороженной территории в Джаллинвала Багх. Люди, не имевшие никакой возможности бежать или защищаться, были скошены пулеметным огнем. Раненые были оставлены умирать — стража не позволила оказать им какую-нибудь помощь. — *Прим. автора.*

щин и детей, сбросив атомные бомбы на Нагасаки и Хиросиму, подвергая беспорядочной бомбардировке крупные города Германии, Италии и Франции. Однако они сохранили в полной неприкосновенности от 70 до 80 процентов гитлеровских военных заводов. Американские самолеты сбрасывали бомбы на рабочие районы Милана и других итальянских городов, в результате чего пострадало много детей. Это делалось даже после того, как всякое вооруженное сопротивление в этих городах уже прекратилось*.

Корейский народ никогда не совершал никаких актов агрессии против Соединенных Штатов. Американские войска были отправлены в Корею, очевидно, для того, чтобы «спасти корейский народ от самого себя», защитить «свободолюбивых демократов» вроде Ли Сын Мана от власти корейских коммунистов. Но здесь, даже в большей мере, чем германские империалисты, действовавшие в Испании в 1936 году, Уолл-стрит окончательно разоблачил себя и смысл своих антикоммунистических лозунгов.

Лишь отдельные случайные сообщения о зверствах в Корее проникли в США сквозь рогатки военной цензуры, и то лишь для того, чтобы создать впечатление, будто бы эти зверства совершаются войсками марионетки Ли Сын Мана. Так, 10 апреля 1951 года корреспондент «Нью-Йорк таймс» Джордж Барретт передал следующее сообщение: «Свыше трехсот изрешеченных пулями трупов мужчин, женщин и детей — вот все, что осталось от местного населения... Это деревня мертвых: из тысячи четырехсот человек ее жителей тысяча человек убита здесь месяц назад. Корейские газеты получили прямое предписание ничего не писать о боине в Сим Ум, учитывая то неблагоприятное впечатление, которое произвели массовые казни, совершенные правительством в Сеуле в декабре прошлого года... Южнокорейские солдаты, вступив в город, методически приканчивали всех мужчин, женщин и детей, которые пытались выбраться из зоны обстрела». Корреспондент сообщал также, что американские солдаты всегда готовы спустить курок и застрелить женщину с детьми, а «пехотинцы во время краткого привала поджигают крестьянские дома для поднятия духа»⁸⁴.

* Имея в своем распоряжении десятки тысяч самолетов, советское Верховное командование никогда не посылало их сеять смерть среди гражданского населения Германии. — *Прим. автора.*

Корреспондент «Лайф» Джон Осборн всячески избегал упоминаний о роли американских войск. Рассказывая о «селах, стертых с лица земли, о расстреле и артиллерийском обстреле беженцев», он именовал это «зверствами по поручению», зверствами, инспирируемыми южнокорейской полицией...». «Они убивают, чтобы избавить себя от труда сопровождать пленных в тыл,— писал Осборн.— Они убивают гражданских лиц только для того, чтобы убраться с дороги или чтобы избавиться от необходимости обыскивать или допрашивать их. И они извлекают информацию такими жестокими методами, которые невозможно описать»⁸⁵. (Курсив мой. — Г. М.)

Отдельные консервативные французские и английские газеты, напуганные тем, что может принести война, возглавляемая США, их собственным странам, опубликовали более подробные сообщения. Некоторые из их корреспондентов осмелились даже написать, что зверства совершаются американцами и что они превосходят самые ужасные преступления гитлеровцев в Восточной Европе.

17 сентября 1950 года Фрэнк Робертсон телеграфировал лондонской газете «Обсервер»: «Американские летчики сбросили 200 тысяч галлонов напалма... Если не считать нескольких лачуг, в Чане не осталось ни одного неразрушенного здания... Изуродованные и окровавленные трупы, потерявшие форму человеческого тела... убитые лошади рядом с мертвыми детьми...». 9 сентября 1950 года журнал «Нью стейтсмен энд нейшн» привел следующие слова американского рядового Кимболла (уроженца Техаса), шофера грузовой автомашины: «Видели ли вы, что делают эти вшивые ублюдки [американские военные летчики]? Видели ли вы, как они сравнивают с землей села, находящиеся на расстоянии многих миль от чего-либо похожего на военный объект? Видели ли вы, как они расстреливают крестьян, работающих на полях, и поливают огнем хижины, в которых не поместится и корова?»

25 ноября 1950 года корреспондент агентства Рейтер Алекс Валентайн передал из Сеула: «Людей вывели на открытое место вблизи их жилищ и заставили стать на колени. Раздается один залп за другим. После каждого залпа крики боли и страха становились все громче. По заявлению командира, он дал приказ об этих расстрелах, так как был уверен, что все взрослые люди — коммуни-

стические агенты. Что же касается детей, сказал он, то их расстреляли потому, что их родители коммунисты и, следовательно, они когда вырастут, тоже станут коммунистами». Подобные же сообщения появились в ноябре 1950 года в лондонской газете «Дейли миррор».

Войска Макартура дошли до высшего предела варварства после поражения, понесенного ими в декабре 1950 года. В слепой ярости они не щадили ничего, грабя, убивая и превращая в пепел все на своем пути. «Зарево пожаров в Сеуле можно видеть с расстояния свыше ста миль», — хвасталось агентство Ассошиэйтед Пресс. Агентство АДН передало следующее сообщение: «Мы были в Синийчжу... На этот город с населением в 120 тысяч человек американские «летающие крепости» сбросили 90 тысяч зажигательных бомб. Город превратился в пылающий факел. Не было никакого спасения из огненного кольца. Матери бросались в пламя, чтобы спасти детей, и гибли сами. Тех, кому удавалось выбраться на шоссе, американские самолеты уничтожали пулеметным огнем... Десятки тысяч детей и женщин погребены под развалинами. Повсюду распространяется тошнотворный запах горелого мяса. Старики и младенцы сгорели заживо, кремированы. Город разрушен на 90 процентов. Все парки, театры, библиотеки, школы — все, созданное любовным и самоотверженным трудом целого поколения... погибло в огне»⁸⁶.

Перед эвакуацией из Пхеньяна американцы взорвали все школы и научные учреждения. Отступающие американские войска разрушили вполне современный Пхеньянский университет, Политехнический институт, 125 начальных и средних школ, 9 театров, 21 кинотеатр, здание оперы, музеи и храмы, часть которых была построена в XV веке. Погибло много бесценных сокровищ искусства, древние книги, картины и фрески. Сожжены крупнейшие библиотеки Кореи, в том числе Центральная государственная библиотека. В ряде зданий были заложены мины замедленного действия, чтобы помешать тушению пожаров. Город горел два дня.

Джордж Барретт писал из Пусана — центра «американского образа жизни» в Южной Корее: «Смерть—привычный гость для 460 тысяч беженцев, скопившихся здесь... Никого не беспокоят цифры смертности. Порой военным властям приходится требовать от корейских

гражданских властей, чтобы те убрали трупы с улиц, где они валяются, повидимому, всеми забытые»⁸⁷.

Шарль Фаврель в статье, помещенной в консервативной парижской газете «Монд», писал об «американском лагере, где около полумиллиона мужчин, женщин и детей содержатся под строгой охраной без пищи и одежды», как о «царстве смерти». «То, что я видел, выходит за пределы обычных человеческих понятий, — писал корреспондент. — Был Бухенвальд, был Дахау, но то, что я видел, не было ни Бухенвальдом, ни Дахау; по ужасу это нечто несоизмеримое... Свыше 400 тысяч умирающих от голода людей в страшной тесноте... Дети, их лица — кожа да кости. Больные, корчащиеся в непрерывных страданиях... Добавьте ко всему этому кошмару, напоминающий дантовский ад, вопль голода, kloкочущий в горле, как проклятие, и безразличие американцев, и вы составите себе представление об ужасах, возможных в двадцатом веке»⁸⁸. 29 января 1951 года после поездки на фронт тот же корреспондент писал: «Дорога усеяна тысячами трупов женщин и детей; их застывшие, искаженные судорогой лица покрыты тонким слоем выпавшего ночью снега. Мертвые дети еще прижимаются к матерям. И повсюду смрад от американских напалмовых бомб». По словам корреспондента, один американский военный сказал ему: «Если нам придется убить десять мирных жителей, чтобы уничтожить среди них одного солдата, который позже, возможно, будет стрелять в нас, то эти наши действия будут оправданы».

Фаврель обратился к ООН с настойчивой просьбой о помощи этим ни в чем не повинным жертвам. Он обращался и к Вашингтону. Ответ последовал из уст Макартура, который заявил, что «помощь гражданскому населению в Южной Корее осуществляется нормально».

Участь жителей Южной Кореи, насильственно мобилизованных в армию, оказалась не лучшей. Как сообщила 12 июня «Нью-Йорк геральд трибюн», председатель Национального собрания Южной Кореи Сун Мин Хо выступил с заявлением, что «в созданных американцами учебных лагерях 50 тысяч южнокорейских новобранцев умерли от болезней, голода и бесчеловечного обращения. Из оставшихся в живых 350 тысяч 80 процентов являются физическими калеками, не способными к работе», А находившийся в Токио генерал Риджуэй сказал: «Это

полностью относится к компетенции корейского правительства».

В мае 1951 года Северную Корею посетила комиссия Международной демократической федерации женщин, в которую входили представители семнадцати стран. 4 июля 1951 года эта комиссия опубликовала детально документированный доклад из семи глав, начинавшийся следующим заявлением: «Женщины различных стран, различных национальностей и вероисповеданий, разных политических направлений, беспартийные и члены разных политических партий, мы поставили себе задачу: правдиво, согласно совести и чести каждой из нас, рассказать женщинам, пославшим нас в эту Комиссию, о том, что мы обнаружили в Корее. Каждый из нижеприведенных фактов, цифры и все данные, указываемые в этом документе, записали лично члены Комиссии. Все это мы видели лично или записали со слов очевидцев и свидетелей».

Изучив материалы и заслушав показания сотен очевидцев, Нора К. Родд из Канады, Моника Фелтон из Англии, Ева Пристер из Австрии, Ида Бакман и Кет Флерон Якобсен из Дании, Т. Соенито-Хейлигерс из Нидерландов, Лилли Вехтер из Западной Германии, Жилетта Зиглер из Франции, Бен Слимман из Туниса, Абассия Фодил из Алжира, Жермен Анневар из Бельгии, Элизабетта Галло из Италии и другие пишут в своем докладе, что они осмотрели большое количество могил близ городов Синчен и Анак, где было убито 42 302 человека... Один большой ров был наполнен трупами взрослых, другой — трупами детей... Рядом с останками были видны веревки, которыми были связаны погибшие; видели также ключья женских волос, детскую обувь... В другой могиле члены Комиссии видели трупы 8 тысяч человек, которые были облиты керосином и сожжены.

Перед отступлением из Синчена американцы загнали в пещеру 479 человек и, облив их бензином, сожгли заживо. В другой секции пещеры большего размера было расстреляно из пулеметов более 1000 человек.

«Женщина Чай Чун Ок в возрасте шестидесяти пяти лет... рассказала, что семь из восьми ее детей были среди застреленных в большой пещере. «Они пришли в наш город и убили здесь всех», — говорила эта женщина...» В складе, расположенном за городом, американские

оккупанты сожгли заживо триста женщин, а их детей они уморили голодом.

На основании показаний многих свидетелей в городах Нампхо и Кансо можно констатировать, что американцы арестовывали людей за следующие «преступления»: за то, что они были патриотами, за то, что у них родственники в Народной армии, за то, что они входят в Крестьянский союз и другие демократические организации, как, например, потребительская кооперация, или за то, что их родственники принадлежали к этим организациям. Ким Сан Ен заявил, что он предполагал, что американцы, как христиане, будут вести себя хорошо. Он не мог себе представить, что они способны на подобные зверства. Все двенадцать членов его семьи были арестованы, связаны веревками и сожжены заживо.

Щадя читателя, мы опускаем описания некоторых особо чудовищных зверств, содержащиеся в этом докладе. Основной вывод, к которому пришла Комиссия, сводится к тому, что «корейский народ подвергается американскими оккупантами безжалостному и методическому истреблению», что массовые пытки и массовые убийства превосходят преступления, совершенные нацистами».

На этот и подобные другие доклады Макартур и его лисынмановские приспешники отвечали: «Казненные обвинялись в сочувствии коммунистам... В дальнейшем казни будут совершаться индивидуально, а не по групповому признаку, и более гуманными методами»⁸⁹.

Между тем все эти зверства вызвали негодование многих английских солдат. Как сообщал 20 декабря 1951 года корреспондент агентства Рейтер Джон Коллинс, «раздражение, вызываемое у личного состава английских вооруженных сил в Корее расстрелами женщин и детей, достигло сегодня крайних пределов... Нортумберлендские стрелки стояли с винтовками наготове, чтобы воспрепятствовать казням, назначенным на сегодняшнее утро». Даже такой реакционер, как архиепископ Йоркский, писал в редакцию «Таймс»: «Если будут продолжаться эти варварские казни, не останется никаких симпатий к Южной Корее».

Сохраняя полную невозмутимость, люди из Пентагона сначала просто называли все доклады и документы нелепыми, необоснованными слухами. Когда же улики стали неопровержимыми, их пропагандистский аппарат прибег

к старому гитлеровскому трюку — возложению вины на жертву.

В июне 1942 года германские фашисты усилили огонь в печах крематориев Биркенау, Освенцима, Тремблинки и Майданека, чтобы сжигать по 30 тысяч трупов мужчин, женщин и детей в день. Когда смрад горелого человеческого мяса показал всему миру характер «западной цивилизации» Круппа и компании, Геббельс, желая ослабить впечатление, объявил, что «это русские не ценят человеческую жизнь», и сфабриковал ложь о «русских зверствах» в Катынском лесу. Следуя этой традиции, люди из Пентагона заявили, что «китайцы и северокорейцы не ценят жизнь человека; они заставляют детей идти впереди воинских частей». Затем, 3 мая 1951 года, они через Ли Сын Мана выступили в ООН с обвинением, будто бы Советский Союз, Китай и Северная Корея создали заговор с целью совершения массовых убийств и истребления корейского народа! Этот убийца тысяч людей сослался даже на конвенцию, запрещающую геноцид! (Одновременно с этим был создан комитет Конгресса США для оживления чудовищной лжи Геббельса относительно событий в Катынском лесу.)

Мало того, в ноябре 1953 года Пентагон опубликовал доклад, в котором говорилось, что 6113 американских солдат, «вероятно», явились жертвами зверств. Это сообщение было основано на ничем не подтвержденных обвинениях генералов Хэнли и Риджуэя. Однако 17 ноября 1952 года вашингтонская газета «Таймс-геральд», а также газета «Чикаго трибюн» привели слова «крупнейшего авторитета Пентагона», который категорически заявил: «Штаб армии не имеет неоспоримых доказательств зверств или других варварских действий, совершенных китайскими красными в корейской войне». Когда в ноябре 1953 года Пентагон снова выступил со своими обвинениями, журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» откровенно выболтал, что обвинения в совершении зверств «затрудняют принятие коммунистического Китая» в Организацию Объединенных Наций.

Бактериологическая война

8 марта 1952 года Китайская Народная Республика заявила официальный протест против ведения Вашингтонском бактериологической войны. Она сообщила даты и на-

звания географических пунктов, на которые американские самолеты сбросили насекомых, зараженных болезнетворными бактериями. Она представила фотоснимки контейнеров и подробные показания Кеннета Инока и Джона Куинна, старших лейтенантов военно-воздушных сил США, которые заявили, что принимали участие в этих налетах в период между 29 февраля и 5 марта 1952 года. Впоследствии эти показания подтвердили два других пленных офицера американских военно-воздушных сил — полковник Фрэнк Швэбл, начальник штаба авиабригады, и майор Рой Блэй, офицер службы боевого и технического снабжения. «Главная цель, — заявили они 6 декабря 1952 года, — заключалась в том, чтобы создать в Северной Корее пояс заражения холерой, желтой лихорадкой и сыпным тифом»⁹⁰. Позднее, вернувшись в Соединенные Штаты, некоторые из этих офицеров отказались от своих показаний, заявив, что они дали их под давлением со стороны захвативших их в плен китайцев.

Однако изложенные ниже факты, а также заявления других свидетелей доказывают, что первоначальные показания летчиков не являются измышлением. В 1925 году сорок одна нация, в том числе СССР, Англия и Франция, подписали Женевский протокол, воспрещающий бактериологическую войну. Только две страны не ратифицировали конвенцию — Соединенные Штаты и Япония. В 1946 году президент Трумэн снял этот вопрос с повестки дня сената. Вашингтон срывал также попытки ряда государств добиться, чтобы Организация Объединенных Наций объявила бактериологическую войну преступлением против человечества.

С 1943 года США израсходовали много миллионов долларов на подготовку бактериологической войны. В 1946 году Вашингтон принял к себе на службу Исии Сиро (который в 1942—1944 годах был руководителем биологической войны Японии против Китая), а также специалистов гитлеровского управления биологической войны — д-ра Вилленинга, Гейнца Клуга, Вальтера Шрайбера и других*.

* 20 мая 1952 года было опубликовано заявление комитета Медицинского общества нью-йоркского округа, в котором содержался протест по этому поводу и говорилось, что д-р Шрайбер, назначенный 6 октября 1951 года правительством США на должность преподавателя медицинской школы военно-воздушных сил США, был в

Официальные представители военных кругов США неоднократно высказывались за применение бактериологического и химического оружия. «Я считаю биологическую войну целесообразной формой войны и полагаю, что она обладает большими перспективами», — заявил начальник военно-химической службы американской армии генерал Олден Уэйтт 15 июня 1946 года. 9 апреля 1951 года «Ньюсуик» писал: «Ждите известий о секретной миссии пловучей морской лаборатории по борьбе с эпидемиями, направленной в гавань Вонсан на восточном побережье Северной Кореи, которую военно-морской флот подверг длительной осаде. Десантные отряды морской пехоты захватили большое число красных китайцев на крохотном островке, расположенном в гавани, и доставили их на судно, где на них проверили симптомы страшной бубонной чумы!» 31 октября 1951 года генерал Маколифф заявил: «Биологическая война представляет собой идеальное диверсионное средство, так как оно может быть применено незаметно. Мы можем создать впечатление, что смерть или заболевание вызваны естественными причинами»⁹¹.

Специальная комиссия Международной ассоциации юристов-демократов во главе с известным австрийским профессором канонического и международного права католиком Генрихом Брандвейнером тщательно изучила на месте — в Китае и Корее — вопрос о ведении бактериологической войны и заявила в своем докладе, что американские вооруженные силы в Корее разбрасывали мух и других насекомых, искусственно зараженных бактериями; что армия США применяла также бомбы, наполненные отравляющими веществами, и другие химические вещества*.

Лауреат Нобелевской премии Фредерик Жолио-Кюри писал представителю США в ООН Уоррену Остину: «Про-

прошлом главным бактериологом германского верховного командования. Как указано в заявлении Медицинского общества, жертвы Шрайбера в концентрационных лагерях подвергались массовой стерилизации, на них «испытывали действие ожогов зажигательных бомб и иприта, отравленных пуль, им производили инъекции болезнетворных микробов. — *Прим. автора.*

* Хэнсон Болдуин пишет: «Наша совесть отнюдь не чиста. Мы обвиняли японцев в том, что они якобы вели бактериологическую войну против китайцев, а между тем в июле—августе 1945 года на Марианские острова было направлено судно с грузом носителей бак-

веренные сведения, которыми я располагаю, свидетельствуют о том, что в настоящее время ведется бактериологическая война». Священник Джеймс Эндикотт, бывший в прошлом в течение двадцати лет миссионером в Китае и недавно вновь посетивший Китай, сообщает, что им были обнаружены зараженные насекомые — мухи и пауки, являвшиеся носителями сибирской язвы.

В сентябре 1952 года Международная комиссия ученых в составе пользующихся мировой известностью шведских, французских, английских, итальянских, бразильских и других биологов, бактериологов и патологов совершила ряд широких обследований в Китае и Северной Корее. Комиссию возглавлял профессор биохимии Кэмбриджского университета д-р Джозеф Ниддем. Официальный отчет Комиссии состоит из девятнадцати глав и сорока шести приложений; объем его составляет триста тысяч слов. Отчет содержит детальнейший анализ большого количества фактов и документов, которые были подвергнуты тщательному и беспристрастному изучению. Вывод доклада этих видных ученых сводится к тому, что Соединенные Штаты вели бактериологическую войну.

Остров Кочжедо

В апреле 1952 года Красный Крест опубликовал заявление, которое было напечатано в женевском издании «Ревю интернациональ де ла круа руж». Вся американская печать, кроме «Дейли компас», «Нэшнл гардиан» и «Дейли уоркер», игнорировала его. В этом документе говорилось, что американские военные подвергали корейских военнопленных многократному опросу, терроризируя или подвергая обстрелу лагеря. Корреспондент лондонской газеты «Обсервер» сообщил, что охранниками лагеря военнопленных на острове Кочжедо были агенты Чан Кай-ши, зверски обращавшиеся с заключенными. Корреспондент писал, что охрана «подвергает заключенных всевозможным наказаниям — от избиения до пыток и висе-

терий для уничтожения посевов риса в Японии». 6 апреля 1952 года газета «Нью-Йорк геральд трибюн» привела заявление командира химического корпуса генерал-майора Баллена, который сказал, что «для доставки микробов на территорию противника требуется оборудование такого типа, которым наша служба уже хорошо оснащена, как, например, контейнеры, обычно применяемые для сбрасывания пропагандистских листовок». — *Прим. автора.*

лицы. В лагере состоялось свыше восьмидесяти таких казней. Избиение и пытки происходят обычно по ночам во многих секторах лагеря».

Во время одного такого повторного «опроса», проведенного полковником Фитцджеральдом 8 февраля 1952 года, в лагере на острове Кочжедо было убито 69 и ранено 142 военнопленных. Это признал сам Пентагон. Затем полковника Фитцджеральда сменил генерал Ф. Додд (позднее он был захвачен заключенными, которые требовали прекращения пыток и убийств, сопровождавших насильственный опрос). Сменивший Додда генерал Колсен дал заключенным письменное обещание улучшить обращение с ними. 10 мая 1952 года он заявил: «Я признаю, что имели место случаи кровопролития, и многие военнопленные были убиты или ранены... Я могу заверить вас, что в дальнейшем военнопленные могут рассчитывать в этом лагере на гуманное к себе отношение в соответствии с принципами международного права». Колсен был немедленно смещен со своего поста, и убийства людей, требовавших репатриации, возобновились в еще больших масштабах.

Так как обычными методами не удавалось завербовать корейских и китайских военнопленных в войска Ли Сын Мана и Чан Кай-ши, американская военщина начала проводить среди них «разъяснительную работу» при помощи пуль, ручных гранат и огнеметов. Оказавшись неспособными одержать решающую победу на поле битвы, Риджуэй, Кларк и Ван Флит вступили в войну с безоружными пленниками. Во время одной из таких операций на острове Кочжедо они бросили ночью против безоружных людей 6 тысяч вооруженных солдат. Эти «рыцари свободы» с гордостью публиковали коммюнике о своих героических подвигах. 10 июня 1952 года «Нью-Йорк таймс» сообщила: «Часто гранаты бросали прямо в помещения лагеря, и деревянные строения окутывались дымом и пламенем. Солдаты пробивали топорами отверстия в стенах и затем бросали гранаты в битком набитые военнопленными помещения. В результате было много убитых и тяжело раненых. Вскоре земля была усеяна трупами пленных, заколотых штыками. Этим падением непосредственно командовал бригадный генерал Томас Трэпнелл. Окопавшихся военнопленных кололи штыками».

В течение последующих одиннадцати дней проводились дополнительные операции, часть которых была подержана танками.

Сержант Дин Чэйз из Солт-Лейк-Сити в штате Юта обратился к генералу Марку Кларку с открытым письмом, за которое он был привлечен к суду военным трибуналом. В этом письме говорится: «Позор Кочжедо сохранится в анналах истории наравне с Дахау, Нордхаузенем и Бухенвальдом. Ваши действия представляют собой гнуснейшее и отвратительнейшее преступление против человеческой совести».

Судя по коммюнике, опубликованным американской армией, сотни безоружных военнопленных были убиты или ранены 17 сентября 1951 года, 18 февраля, 13 марта, 10 апреля, 15 и 30 мая, 2, 3 и 10 июня, 1 и 30 октября 1952 года на островах Кочжедо и Чечжудо и в лагерях, находящихся на материке. 16 декабря 1952 года «Нью-Йорк таймс» поместила сообщение о том, что 14 декабря «на острове Понган близ побережья Южной Кореи убито 82 и ранено 122 военнопленных». Консервативная лондонская «Санди диспетч» считает эти массовые убийства «самыми страшными в истории».

Печать США оправдывала бойню 30 мая 1952 года тем, что «некоторые пленные пытались передавать сообщения из одного участка лагеря в другой». Резня 1 октября и 14 декабря 1952 года якобы объяснялась тем, что «пленные китайцы пели коммунистические песни в нарушение официальных приказов»⁹². «Вчера утром в лагерь военнопленных на острове Чечжудо было послано два взвода американских солдат. Убито 52 китайских коммуниста и ранено 113», — передало агентство Ассошиэйтед Пресс 2 октября 1952 года. И здесь военнопленные китайцы пели хором в ознаменование третьей годовщины создания их Народной Республики. В телеграмме корреспондента «Нью-Йорк таймс» от 17 декабря 1952 года говорится: «Военнопленные взялись за руки и начали петь запрещенные песни — песню красных солдат и песню Декларации независимости Северной Кореи... В лагерь были направлены солдаты с примкнутыми штыками и заряженными винтовками и выстроены перед поющими. Ими командовал полковник Миллер. Он приказал американским солдатам дать по военнопленным залп боевыми патронами. Залп был дан, но песню подхватили во

всех участках лагеря и пение продолжалось с еще большим воодушевлением. Полковник приказал дать еще один залп. Пение продолжалось. Тогда полковник Миллер приказал пятидесяти южнокорейским солдатам и сорока американцам открыть огонь из винтовок и автоматов по заключенным сектора «Ф». Одновременно тяжелой пулемет, расположенный на ближайшей вышке, открыл огонь по участку «Б»... Когда кто-либо из пленных падал, сраженный ураганным огнем пулемета и стрелкового оружия, другие помогали ему встать на ноги, и он продолжал петь коммунистические песни. Даже будучи ранеными, они пели, лежа на земле. Некоторые не умолкали даже на операционном столе в госпитале».

И вот после того как были убиты или ранены две тысячи военнопленных китайцев и корейцев, после истребления путем беспорядочных напалмовых бомбардировок миллионов северокорейских женщин и детей, Вашингтон заявил: «Наша совесть и наши моральные устои не позволяют нам выдать китайских и корейских военнопленных, ставших антикоммунистами. Мы спасем их от преследований или даже верной смерти, которая угрожает им в случае возвращения на Север». Таков бесстыдный и бесчеловечный фарс, инсценированный Вашингтоном, с целью продолжать войну, ожесточить солдат и заглушить голос совести американского народа, приучая его к фашистскому террору.

Стратегия краха

Во всем мире людей волнуют вопросы: неужели реакция не усвоила никаких уроков истории? Разве обреченная олигархия когда-нибудь спасала себя резней? Разве избиение коммунаров Тьером и Бисмарком в 1871 году подавило французское и европейское рабочее движение? Разве зверства гитлеровцев ослабили боевой дух Красной Армии? Каких военных целей можно достичь при помощи этих зверств? Для чего американцы обстреливали из пулеметов бегущих женщин и детей, морили голодом в концентрационных лагерях бесчисленное множество ни в чем не повинных людей? Зачем им понадобилось продемонстрировать перед народами всего мира всю эту беспредельную жестокость? Вспомним, что уолл-стритовская военщина создала свои герники, лидице, орадуры и ковент-

ри *после* нюрнбергских процессов, *после* того как человечество отказалось оправдать применение зажигательных бомб «военной необходимостью», *после* того как человечество вынесло приговор палачам ни в чем не повинных женщин и детей.

Возможно, что тут сыграла известную роль неспособность Пентагона одержать военную победу. Ярость, вызванная у него сопротивлением корейского народа, была безгранична. Города, давно превращенные в пепел, как Вонсан и другие, подвергались бомбардировке в течение трехсот дней подряд. На один только Пхеньян американские самолеты сбросили 1500 тысяч бомб, то есть по четыре бомбы на каждого жителя города, включая женщин и детей. По существу, они стремились разрушить и сравнять с землей весь полуостров с его тридцатимиллионным населением.

Однако главные их цели иные. Мы знаем, что в прошлом многие длительные и упорные войны не сопровождались истреблением народов. Борьба велась между войсками, и цель заключалась в завоевании путем военной победы. Когда увеличилась разрушительная сила оружия, были заключены Гагская и Женевская конвенции для взаимной защиты воюющих. Однако подобные «джентльменские» войны велись только между самими империалистами, но не тогда, когда они воевали с народом. Ибо борьба народа против порабощения—непрерывная борьба. Ввиду массового сопротивления народа чисто военная тактика не дает решающего результата. И чтобы подавить это сопротивление, империалисты стремятся сломить народ в целом. Таким образом, в период общего кризиса повседневное насилие империализма над народом перерастает в стремление к его массовому уничтожению.

Зверства, которыми сопровождается конечная стадия империализма, обусловлены также и другими факторами. Один из главных источников слабости современных империалистических войск, ведущих борьбу против народа, — это слабость их духа. Побуждаемый стремлением к максимальным прибылям, Уолл-стрит не может дать своим войскам моральный стимул, основанный на общечеловеческих ценностях. Его солдаты не знают, почему они должны убивать или умирать. Ложь трудно внушить, и обычно она теряет свою силу, когда являющийся слепым орудием солдат сталкивается с трудностями и начинает

мыслить или ставить вопросы. Находящийся на расстоянии восьми тысяч миль от Кореи средний американец никогда не видел ни одного корейца и до начала войны не имел понятия о том, где расположена эта страна. Многие американские солдаты открыто выражают сомнения или негодование, когда Вашингтон обвиняет Северную Корею в агрессии.

Американская военщина явно не может больше опираться на солдат, способных к здравому суждению или обладающих еще остатками совести и моральных устоев «Все это в значительной степени чуждо... американской традиции, чуждо американской психологии, — пишет Джон Осборн. — Попытаться выиграть эту войну — значит заставлять наших солдат совершать чудовищные зверства»⁹³. Шарль Фаврель опубликовал во французском журнале католического направления «Эспри» открытое письмо, адресованное «мистеру Смигу», в котором говорится: «Мистер Смит, я видел действия ваших солдат в Корее, и я могу сказать вам, что они творят. В Корее они не знают жалости. Они считают себя представителями «высшей расы» и обращаются с «туземцами» как с паршивыми собаками»⁹⁴. Империалистам нужна армия грабителей и убийц. Когда армия совершает зверства, вызывающие ужас и ненависть, исключается возможность контакта между солдатом и народом, и нечего опасаться возникновения у солдата чувств, которые ослабят его эффективность как убивающей машины.

Расчет построен на том, что зверства окончательно развратят солдата морально. Солдат, отягощенный сознанием совершенных им преступлений, считает, что только совершение новых преступлений спасет ему жизнь. Даже безмолвное презрение женщин и детей вызывает у него приступы ярости и побуждает его к новым актам насилия.

Эти непрерывные зверства, это систематическое озверение солдат на поле боя наряду с созданием атмосферы безразличия на родине, оборачивается, в конечном счете, против самих американцев. Зверства, совершавшиеся гитлеровской армией, не только притупляли человеческие чувства солдат и офицеров, но растлевали их сознание и окончательно лишали их человеческого образа. А если боевой дух войск опирается только на способность убивать других, он быстро падает, сталкиваясь со справедливым гневом народной армии. Вчерашний убийца пре-

вращается в хнычущего труса. Тот, кто сеет страх, становится жертвой этого страха.

Однако американские монополисты ведут себя так, как будто они не способны ничего воспринимать. Ослепленные миражом мирового господства, они не видят того, что идут по пути обреченных. Ибо уроки истории гласят, что насилие против большинства народа самоубийственно. «Из всех семян, впитанных землей, — писал Бальзак, — кровь, пролитая мучениками, дает самые ранние всходы». Никогда справедливость этих слов не была столь очевидной, как сейчас.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 7

ПРОПАСТЬ УГЛУБЛЯЕТСЯ. НАРОД ПРОТИВ ПОДЖИГАТЕЛЕЙ ВОЙНЫ

Военные приготовления капиталистов всегда сопровождались возрастающим обнищанием большинства народа, с одной стороны, и скоплением огромных богатств в руках незначительного меньшинства — с другой. Колоссальные требования современной войны расширили пределы этих богатств, равно как и масштабы тех тягот и лишений, которые вынужден выносить на своих плечах народ. Рано или поздно это противоречие приводит к серьезному обострению всех конфликтов и противоречий между правящей верхушкой и народными массами.

В период общего кризиса военные приготовления чреватые и другими, еще более серьезными последствиями. Большие войны уже не могут более вестись и победа в них уже не может быть достигнута при помощи одной только мобилизации войск и накопления вооружений. Сейчас такие войны требуют полной поддержки со стороны всего населения, и прежде всего рабочих масс. Однако вместо добровольной поддержки агрессивные войны вызывают сейчас массовое недовольство и противодействие, которые олигархия пытается подавить путем установления режима страха и террора. Этим объясняется, почему каждый шаг на пути к войне неизменно сопровождается шагом по пути к фашизму. Подобно сиамским близнецам, одно неразрывно связано с другим.

Фашизм является средством для достижения цели, а цель эта — война и максимальные прибыли для крупных корпораций. Но поскольку это так, процесс фашизации должен *предшествовать* развязыванию агрессивной войны. По этой причине германские, итальянские и японские тресты установили фашистские режимы *раньше*, чем использовали народные массы в качестве пушечного мяса.

В подобном положении оказались ныне американские монополисты. Они не могут начать новой войны, не обуздав предварительно американский рабочий класс, не уничтожив предварительно гражданских прав и демократических организаций народа и не захватив абсолютной власти, чтобы принудить к послушанию всю нацию в целом.

Серьезная дилемма

Однако наиболее примечательным в сложившейся сегодня в США обстановке является огромное несоответствие между желанием Уолл-стрита навязать Америке откровенно фашистский режим и возможностью (по крайней мере, в настоящий момент) осуществить это желание. Это, несомненно, объясняется тем, что Соединенные Штаты во многом существенно отличаются как от Германии, так и от Японии. Начать с того, что буржуазно-демократические традиции США более крепки, более глубоко укоренились и их труднее уничтожить. К тому же сам пример гитлеровской Германии послужил предостережением для миллионов американцев.

Отсюда невозможность для Уолл-стрита идти к фашизму столь же прямым путем, как это сделали монополисты Рура. Уолл-стрит вынужден маскировать свои фашистские мероприятия лозунгами защиты свободы, равенства, конституции и даже становиться в позу апостола мира. Используя косвенные методы, он опутывает страну путами «чрезвычайных» законов, делая некоторые стачки фактически нелегальными и пытаясь поставить прогрессивные организации вне закона. Правда, это более искусная демагогия, чем демагогия нацистов. Однако подобными «полумерами» не удастся породить на свет ни штурмовых отрядов, ни послушного пушечного мяса. Квазифашизма может оказаться достаточно для «маленьких» корейских войн, но не для войны, сопряженной с неизмеримо большими тяготами и потерями.

Американские монополисты знают, что какой-нибудь грандиозный «пожар рейхстага», организованный в международном масштабе, дал бы им повод для перехода к полнокровному фашизму. Их нетерпение развязать войну против Советского Союза, несомненно, в значительной мере вызвано уверенностью, что это дало бы им одно-

временно возможность установить законченную военно-фашистскую диктатуру. Но как начать такую войну, не обуздав *предварительно* рабочих, не выковав *предварительно* цепей фашистского порабощения, не превратив *предварительно* нацию в более или менее тесно спаянное, вымуштрованное сообщество «крови и железа», способное на бесконечные жертвы?

Такова досадная дилемма. Она возникает из того довольно упрямого факта, что огромное большинство американского народа, несмотря на почти восьмилетнюю неустанную антисоветскую пропаганду, все еще отказывается признать как войну, так и фашизм в качестве чего-то неизбежного.

Конечно, высказывания американских правых рабочих лидеров создают иное впечатление. Руководство АФТ высказалось за войну против Китая. Дубинские и рейтеры поддержали доктрину Трумэна, Атлантический пакт, кровавую бойню в Греции и Корее. Кэри и компания выступили за объединенный фронт с фашизмом даже раньше, чем это сделал Трумэн. Однако ничто не могло бы быть более ошибочным, чем отождествление взглядов этих профсоюзных главарей со взглядами рядовых членов профсоюзов. Эти прислужники большого бизнеса, которых Джон Л. Луис, политический консерватор, охарактеризовал как людей, «готовых продать рабочее движение и профсоюзы за завтрак в Белом доме», отражают настроения американских рабочих не более, чем члены Эйзенхауэровского кабинета.

Тем не менее американские рабочие все еще являются сравнительно отсталыми в политическом отношении. За долгое время классы в Америке, по выражению Маркса, «еще не отстоялись и в непрерывном движении меняют свои составные части и уступают их друг другу...» «Лихорадочное, полное юношеских сил движение материального производства, — писал Маркс в 1853 году, — которое должно освоить новый мир, не дало ни времени, ни случая покончить со старым миром призраков»*. Благодаря специфическим условиям своего развития, одним из которых явился и наступивший несколько ранее упадок европейского капитализма, американский капитализм смог провозгласить себя «исключительным».

* К. М а р к с, Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта, Госполитиздат, 1951, стр. 17—18.

Американское профсоюзное движение, хотя вначале оно и было по своему духу резко антикапиталистическим, скоро выродилось в различные типы реформизма. Оно попало в руки рабочей аристократии, представляющей лучше оплачиваемую, квалифицированную часть рабочих, которая расколола и изолировала профсоюзы от широких масс хуже оплачиваемых, неорганизованных рабочих. До сих пор из общего числа 50 миллионов американских рабочих членами профсоюзов являются всего около 16 миллионов. Классовая сознательность американского рабочего класса была также притуплена расовым и национальными противоречиями, языковым барьером и более интенсивной эксплуатацией рабочих-негров и иммигрантов. К тому же американские монополисты превратили реки крови, пролитой в ходе двух мировых войн, в груды золота, частицы которого перепали и на долю некоторых групп рабочего класса и мелкой буржуазии.

Но даже при таком положении вещей американский рабочий класс сейчас, как и прежде, проявляет значительную активность и настойчивость, когда борется за свои непосредственные экономические интересы. Начиная с 1870 года он вел ожесточенную, а часто и героическую борьбу за повышение заработной платы и улучшение условий труда, организуя бесчисленное множество стачек и демонстраций. Зачастую он наталкивался при этом на противодействие реакционных профсоюзных лидеров, политические взгляды которых американские рабочие нередко отвергали, когда дело шло о заработной плате и условиях труда.

В настоящее время американские рабочие начинают занимать подобную же позицию в отношении антирабочих законов фашистского типа. Закон Тафта—Хартли уже заставил их острее осознать необходимость защиты элементарных демократических и гражданских свобод. Даже реакционные лидеры КПП признали, что закон Тафта—Хартли явился крупным шагом по пути к фашизму. Джон Л. Луис назвал этот закон «чуждым чудовищем, созданным для того, чтобы сделать невозможным вовлечение в профсоюзы новых членов, чтобы выматывать профсоюзы и уничтожить их в некоторых отраслях промышленности по указанию хозяев». В ходе выборов в 40 тысячах низовых организаций, которые, по расчетам

сторонников закона Тафта—Хартли, должны были дезорганизовать профсоюзы, 90 процентов рабочих голосовало за систему так называемых «закрытых цехов», при которой на работу принимаются только члены профсоюза. Впервые в истории профсоюзы допустили также в число своих членов тысячи рабочих-негров.

Пока еще большинство рабочих не принимает диктата большого бизнеса по вопросам заработной платы. В 1952 году стачечное движение американских рабочих в защиту своих профсоюзов и за улучшение условий труда было по числу участников самым крупным в истории Америки. Несмотря на войну в Корее, на требования закона Тафта—Хартли и те преследования, которым подвергались рабочие по закону Смита, в забастовках приняло участие около 4 миллионов человек; 665 тысяч рабочих сталелитейной промышленности бастовали в течение пятидесяти четырех дней. Это была самая длительная забастовка со времен памятной стачки, проведенной сталелитейщиками в 1919 году под руководством Уильяма З. Фостера. Боевые стачки были организованы также профсоюзом рабочих горнорудной и металлургической промышленности, объединенного профсоюза горняков, профсоюзов железнодорожников, портовых грузчиков, складских рабочих, текстильщиков, объединенного профсоюза рабочих электро- и радиопромышленности и многих других профсоюзов. 350 тысяч углекопов выиграли объявленную ими забастовку за повышение заработной платы. Число стачек, имевших место в 1945—1952 годах, в три раза превысило число стачек, проведенных в период между 1925 и 1931 годами; при этом выросла также и солидарность рабочих.

Большинство забастовок было направлено против замораживания заработной платы и роста стоимости жизни. Однако многие рабочие начинают понимать и то, что злейшими врагами рабочего класса являются наиболее ярые противники коммунизма и поджигатели войны.

И хотя объединенный профсоюз рабочих сталелитейной промышленности и другие профсоюзы, которым угрожают законы Смита и Маккарэна, и находятся в руках правого руководства, они, тем не менее, начинают проявлять тревогу в отношении политической стороны этих законов. Отдельные профсоюзы начинают выражать свое несогласие с растущей тенденцией в направлении к

фашизму. Объединенный профсоюз рабочих автомобильной промышленности на своем съезде в Атлантик-Сити в марте 1953 года обратился к 1350 тысячам своих членов с призывом объединиться со всеми другими профсоюзами для противодействия маккартизму и законам Смита, Маккарэна и Маккарэна — Уолтера, угрожающим традиционным свободам американского рабочего класса.

Многие профсоюзы отказываются повиноваться антикоммунистическим «охотникам за ведьмами». Попытка «Интернэшнл харвэстер Компани» разгромить самый крупный прогрессивный независимый профсоюз — объединенный профсоюз электриков — окончилась провалом. Митинги протеста, пикетирование и отказ свидетелей выступить в качестве доносчиков нанесли поражение инквизиторам из комиссии по расследованию антиамериканской деятельности в Детройте и Лос-Анжелосе. Подобные же события имели место в Чикаго, где профсоюз рабочих мясоконсервных предприятий, объединенный профсоюз электриков, профсоюз рабочих горнорудной и металлургической промышленности и другие профсоюзы объединились для разоблачения раскольнических действий комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, и изгнали из города ее шпионов.

В 1952 году ФБР потребовало, чтобы входящий в КПП профсоюз рабочих мясоконсервных предприятий в Чикаго выставил в своем помещении фотографии рабочих, бежавших от преследования по закону Смита. Профсоюз ответил: «Почему вы никогда не обращаетесь к нам с просьбой помочь вам разыскать пять тысяч линчевателей, до сих пор не отданных в руки правосудия, или лиц, виновных в убийстве трех наших рабочих во время нашей забастовки в 1949 году?» Местная организация профсоюза вернула фотографии в ФБР, заявив: «Мы не будем помогать поискам людей, которых преследуют за их политические взгляды»¹. В своем программном заявлении в мае 1953 года этот профсоюз отметил:

«Настало время, когда рабочее движение должно бороться словом и делом на всех фронтах: выступать за прекращение огня в Корее и всеобщий мир, за допуск народного Китая в ООН, в поддержку антиимпериалистической борьбы колониальных народов и за усиление борьбы против маккартизма».

От пробуждения к сопротивлению

Объединенный профсоюз рабочих электро- и радио-промышленности представил в Белый дом от имени 225 тысяч своих членов утвержденный на ежегодном национальном съезде этого профсоюза план действий, предусматривающий окончание войны в Корее. Международный профсоюз портовых грузчиков и складских рабочих на своем 10-м съезде в Сан-Франциско принял мирную программу, содержащую десять пунктов. Гарри Бриджес, председатель этого профсоюза, заявил двумстам пятидесяти делегатам съезда: «Сейчас политически сила американского рабочего класса находится на самом низком уровне, однако он идет по пути, который приведет к расцвету его политических сил».

Волна преследований и растущая наглость маккартистов заставляют все большее число американцев осознать, что единственным выходом является борьба. Целый ряд комитетов гражданских свобод, комитетов граждан, либеральных и рабочих организаций начал кампанию за отмену законов Тафта—Хартли и Маккарэна, за амнистию жертвам закона Смита и в защиту элементарных гражданских прав от мракобесов из комиссии по расследованию антиамериканской деятельности. Приведенные в ярость этим растущим сопротивлением, маккартисты распространяют свой террор на школы и колледжи, на церкви и издательства. Результатом этого явились новые голоса, раздающиеся в защиту свободы.

Множество священников поднялось на защиту свободы, чтобы учить и проповедовать. Национальный совет христианских церквей, представляющий миллионы организованных протестантов, осудил «охоту на ведьм», проводимую маккартистами в школах и церквях. Церковные руководители в Детройте заявили, что маккартизм пытается преследовать «тех, кто стремится жить в соответствии с учением Христа, которому маккартисты приклеивают ярлык коммуниста». Джеймс Пайк, настоятель протестантского собора в Нью-Йорке, осудил комиссию по расследованию антиамериканской деятельности, как подрывающую силы страны. «Критика, — сказал он, становится все менее и менее безопасной». 2500 протестантских священников мужественно выступили против военной истерии и просили президента Трумэна о смягчении смертного приговора Розенбергам. Группа протестант-

ских священников в Бостоне во главе с епископом Норманом Нэшом обратилась в Белый дом с просьбой об амнистии лидерам коммунистической партии, заключенным в тюрьму по закону Смита.

По всей стране раздаются голоса учителей, библиотекарей, профессоров и студентов колледжей, осуждающих нападки на академическую свободу. В Сан-Антонио (штат Техас) 40 тысяч делегатов съезда Эйламской районной организации Ассоциации учителей штата Техас заявили: «Настало время расследовать деятельность расследователей. В Америке не должно быть места для Ку-клукс-клана... Маккарти должен быть подвергнут проверке. Они разрушают Америку, которую мы пытаемся построить. Вместо того чтобы прятаться в свою раковину, поднимем голос протеста и ответим ударом на удар!»².

На 91-м ежегодном съезде Национальной ассоциации педагогов семь тысяч учителей, директоров школ и других работников просвещения из сорока восьми штатов резко критиковали сжигание книг и подавление свободы исследовательской мысли. «Американцы должны иметь свободу думать и писать, как им заблагорассудится», — заявил съезд в своей резолюции, принятой 25 июля 1953 года³. Члены Американской ассоциации библиотекарей и Совет книгоиздателей выпустили обращение, в котором говорится: «Творческая мысль по самому своему характеру является новой, а то, что ново, — отлично от старого. Носитель всякой новой мысли является бунтарем до тех пор, пока его идея не будет усовершенствована и подвергнута испытанию»⁴. Президент Американской ассоциации библиотекарей Роберт Даунс призвал 21 тысячу членов ассоциации «не поддаваться опасному заблуждению, известному под именем маккартизма»⁵.

Практика дискриминации негров, белый шовинизм, расизм и насилие по отношению к неграм наталкиваются на растущее единство негров и белых на предприятиях и заводах, на усиливающуюся борьбу множества народных организаций, профсоюзов и комитетов защиты гражданских прав. В течение последних трех лет многочисленные либеральные и прогрессивные деятели собирались на съезды, имевшие целью расширение борьбы против непрекращающегося угнетения негритянского народа в Соединенных Штатах. На съезде в Цинциннати (штат Огайо) в августе 1951 года 852 негритянских и белых де-

легата приняли резолюцию, в которой записано: «Нас может удовлетворить только полная свобода для негритянского народа и отмена статута гражданства второго сорта». Эта цель была еще раз подтверждена в 1952 году на 2-м съезде Национального совета рабочих-негров в Кливлэнде.

В июле 1953 года на 44-м съезде Национальной ассоциации содействия развитию цветного населения, организации, возглавляемой известными негритянскими либеральными и консервативными деятелями, присутствовал 741 делегат, среди которых были судья Хьюберт Деланей, судья Уильям Хэсти, Уолтер Уайт, Тэргуд Маршалл, Мэри Черч Террэл и Мэри Маклеод Бетьюн. Съезд дал торжественное обязательство добиться полной свободы негритянского народа в Соединенных Штатах не позднее 1963 года — сотой годовщины Прокламации об освобождении негров.

Фашистский расизм наталкивается прежде всего на растущую боевую активность широких масс негритянского народа и их энергичное сопротивление расовой дискриминации негров. Во многих частях страны рабочие-негры стали ведущей силой в борьбе за гражданские права и права рабочего класса. Так, в Ридсвилле (штат Вирджиния) 5 тысяч рыбаков-негров, подвергавшихся безжалостной эксплуатации со стороны фирмы «Мэнхейден фишермэн», впервые в истории организовали свой собственный профсоюз. Куклуксклановцы угрожали членам этого профсоюза поджогом их жилищ. «Но мы не испугались, — рассказал делегат рыбаков на съезде международного профсоюза меховщиков и кожевников, выступающего в поддержку негров. — Мы ответили им: «Валяйте, жгите наши лачуги, от этого никто ничего не потеряет. Но помните, что ветер разносит искры, от которых может вспыхнуть любое здание в городе».

Такие деятели, как Уильям Дюбуа, Поль и Эсланда Робсон, Бенджамин Дэвис, Петтис Перри-младший, Уильям Паттерсон, Клаудиа Джонс, Генри Уинстон, Докси Уилкерсон и другие, освещают путь освободительному движению негров. Содействуя активизации этого движения, они тем самым подняли на более высокую ступень также борьбу за мир и демократию. Поль Робсон, подвергающийся травле и бойкоту, зачастую не имеющий возможности добиться зала для своего выступления или

концерта, изъездил всю страну вдоль и поперек, сражаясь за мир и народную культуру. «Я пойду повсюду, где только есть народ, — заявил он, — чтобы выступить и петь перед ним». Негры-рабочие и негры-интеллигенты, культура негров, а также борьба негров за свободу придали новую силу и жизнеспособность всей прогрессивной Америке.

В течение весны и лета 1950 года, всего через несколько месяцев после опубликования Стокгольмского воззвания, его подписали уже около двух миллионов американцев. Когда некий ретивый министр юстиции заявил, что подписание Стокгольмского воззвания будет рассматриваться как «подрывная деятельность», многочисленные женские, церковные и студенческие организации провели ряд референдумов в защиту мира. В 1952 году, в ходе одного из таких референдумов, проведенного организацией «Поход американцев за мир» на самых больших сталелитейных заводах в Чикаго, 92 процента рабочих проголосовало за немедленное заключение перемирия в Кореи и 84 процента — за созыв совещания пяти великих держав. Результаты другого референдума показали, что фермеры Запада поддерживают Союз фермеров Монтаны, заявивший на своем съезде в ноябре 1951 года, что «единственная война, которой мы хотим, это война против невежества, нищеты, болезней и голода».

Факты показали также, что американцам начинает надоедать болтовня Вашингтона о «неизбежной войне», его похвальбы о смертоносных изобретениях и инсценируемые им «крестовые походы». Официальный орган шестнадцати профсоюзов железнодорожников — газета «Лейбор», издающаяся тиражом в миллион экземпляров, писала 28 февраля 1953 года: «Нет никакой необходимости водить американцев за нос. Цель кампании психологической войны заключается в том, чтобы заставить миллионы американских юношей сражаться и умирать в Азии за то, чтобы поставить у власти Чан Кай-ши». Газета отметила, что проводимая в Конгрессе под давлением покровителей чанкайшистской клики политика в отношении Китая ведет Америку к третьей мировой войне.

Опыт Кореи заметно уменьшил шансы на то, что американцев удастся обманом втянуть в антикоммунистический военный поход. Отвращение и возмущение тем, что большинство американцев назвало «войной Трумэна»,

стали почти всеобщими. «Я бы хотел, чтобы американский народ стал более черствым», — заявил в июле 1951 года тогдашний министр обороны Джордж Маршалл. Он имел при этом в виду тот факт, что свыше 99 процентов американского народа не откликнулось на призывы дать свою кровь, несмотря на всю настойчивость этих призывов. Маршалл привел в пример то всеобщее удовлетворение, с которым было встречено предложение Якова Малика о заключении перемирия в Корее. «Заявление одного советского представителя, — сказал Маршалл, — оказало очень серьезное влияние на нашу программу обороны. Мне кажется невероятным, чтобы американский народ мог реагировать на одно советское заявление так, как он это сделал. Очень печально... трагично и унижительно... что американский народ так реагировал на мирное предложение советского заместителя министра»⁶.

Да, это было так. Ибо эта реакция обнаружила «унижительную» пропасть, существовавшую между народом и его правителями. Голос генералов-банкиров не был голосом Америки. Даже те американцы, которые были отравлены ядом антикоммунизма, спрашивали: «Зачем сломя голову спешить к войне?».

Таким образом, одной из характернейших черт организованной Уолл-стритом военной кампании является то, что она не смогла завоевать себе достаточной поддержки со стороны американского народа. Несмотря на потоки военной пропаганды и обещания легкой войны, большинство американцев хочет мира. Тщательно разработанный заговор, ставивший целью развратить американскую молодежь и лишить ее всяких моральных устоев, не дал результатов, которых ожидали от него тресты. Число американских добровольцев, готовых принять участие в «священном походе» против коммунизма, продолжает оставаться незначительным, и это больше всего смущает и выводит из себя поджигателей войны. *Противоречие между желанием империалистов развязать новую войну и возможностью осуществить это желание продолжает оставаться неразрешенным, оно составляет главное и решающее препятствие на их пути к войне.*

Чтобы устранить это препятствие, Вашингтон ведет широкое наступление против американских борцов за

свободу. Правительственные органы, начиная с госдепартамента и кончая местными полицейскими участками, выпускают устрашающие предостережения против «коммунистической мирной угрозы» и доносят на тех, кто выступает за мир. Те, чьи мысли направлены, в первую очередь, на обеспечение личной безопасности, спрятались в кусты. Некоторые держащие нос по ветру либералы публично отказались от каждого слова, сказанного ими когда-либо против Гитлера, Муссолини или Франко. Другие присоединились к антисоветским силам, жонглируя словом «наш», чтобы отождествить интересы американского народа с интересами клики Моргана — Даллеса — Круппа — «И. Г. Фарбениндустри» — этого международного концерна смерти.

Однако подобного рода «крайние необходимости» неизбежно приводят к обратным результатам. Ежедневно и ежечасно сама олигархия создает условия для созревания политической сознательности народных масс. Нельзя замаскировать войну и фашизм красивыми фразами о свободе и изобилии. Пределы и варианты такого обмана являются строго ограниченными, особенно тогда, когда речь идет об американском народе, который, как показал опыт, склонен подходить к оценке лозунгов мирового господства с позиций своих непосредственных экономических интересов.

В ходе выборов 1952 года американский народ голосовал не столько за Эйзенхауэра, сколько против Трумэна, которого он считал ответственным за войну в Корее, за высокие цены и налоги, за коррупцию и продажность государственного аппарата.

Однако всего год спустя, в ноябре 1953 года, вовремя выборов, большинство избирателей выразило свое недовольство антирабочим правительством крупного капитала, возглавляемым Эйзенхауэром, отклонив большую часть его кандидатов и избрав вместо них демократов. Серьезную роль в этом растущем разочаровании правительством Эйзенхауэра сыграло то обстоятельство, что оно не принесло с собой ослабления военного напряжения и облегчения бремени гонки вооружений. Результаты опроса, проведенного институтом Гэллага 6 ноября 1953 года, показали, что 79 процентов американского народа хотят встречи великих держав для переговоров об окончании «холодной войны».

По мере того как преступные замыслы Уолл-стрита будут раскрываться во всей своей полноте, миллионы американцев постепенно начнут все яснее сознавать, кто же является их врагом. Но одно совершенно несомненно: недалеко то время, когда американцы потребуют, чтобы безостановочная работа заводских станков была обеспечена без того, чтобы их надо было смазывать кровью американских детей. Именно в свете этого неизбежного пробуждения мы и должны оценивать сегодняшние задачи американского отряда антифашистов и борцов за мир.

Стремясь развязать войну и загрэбать максимальные прибыли, американские тресты преследуют также профсоюзы и прогрессивные организации в странах Западной Европы. Были ассигнованы специальные фонды на то, чтобы расколоть рабочее движение на враждебные лагеря — на католиков, «третью силу» и другие фракции. Вашингтон послал в Западную Европу своих кэри, брауннов, дубинских и других социал-демократических агентов для подкупа европейских профсоюзных лидеров. Рабочим Западной Европы были обещаны богатые подачки в порядке помощи по плану Маршалла. Однако рабочие понимали, что условием такой «помощи» было их участие в новой войне. Спустя некоторое время даже представители Уолл-стрита признали, что план этот потерпел фиаско: он не получил поддержки ни со стороны влиятельных кругов рабочего класса, ни со стороны его лидеров.

Отпор в Западной Европе

Невзирая на полученный отпор, Вашингтон удвоил свои усилия. Он направил свой главный удар на ослабление и изоляцию коммунистических партий, этого авангарда сил мира. Он приказал своим парижским и римским марионеткам изгнать коммунистов из своих правительств, изменить в своих интересах избирательные законы и ввести всевозможные репрессивные меры. Миллионы долларов расходовались на подкуп газет, радиостанций и других органов пропаганды, чтобы они вели непрерывную кампанию «ненависти к коммунизму» и «ненависти к России». Чтобы изобразить коммунистов агентами иностранной державы, были извлечены на свет все клеветнические измышления Геббельса. Франция и

Италия были наводнены потоками сенсационных американских журналов и криминальных фильмов. Ватикан внес в эту кампанию свою лепту, угрожая отлучением от церкви всем, кто общается с коммунистами или читает коммунистическую литературу. Местные архиепископы предупреждали, что тем, кто будет голосовать за коммунистов, будет отказано в причастии⁸. Можно с уверенностью сказать, что никогда еще ни один правящий класс не имел в своем распоряжении таких мощных средств для придушения воли народа.

Результаты, однако, не соответствовали затраченным усилиям. «Сомневаюсь, чтобы, несмотря на израсходованные нами миллиарды, нам удалось привлечь на свою сторону хоть одного коммуниста», — резюмировал итоги этой кампании Герберт Гувер. Коммунистические партии Франции и Италии продолжали получать на выборах миллионы голосов. Во Франции в ходе выборов в апреле 1953 года Французская коммунистическая партия по числу полученных голосов опять оказалась ведущей партией страны. В июньских выборах 1953 года в Италии число голосов, поданных за левые партии, возросло до 36 процентов по сравнению с 31 процентом в 1948 году. В августе 1953 года правые и левые профсоюзы Франции объединились в общенациональной забастовке протеста против низкой заработной платы и нищенских условий жизни, еще более ухудшившихся под влиянием расходов на гонку вооружений и войны против народа Вьетнама. Свыше трех миллионов рабочих сохранили свою солидарность, несмотря на все угрозы правительства Ланьеля. В сентябре 1953 года все профсоюзы Италии (за исключением небольшой группы, связанной с неофашистским движением) объединились для участия в двадцатичетырехчасовой забастовке за повышение заработной платы.

«Настроение французского и итальянского народов следует расценивать как внушающее серьезные опасения», — заметил лондонский еженедельник «Экономист». «Если они так действуют сегодня, то что же они будут делать завтра?» — спрашивал он дальше⁹. «По всей видимости, те три миллиарда долларов, которые мы затратили, чтобы задержать распространение коммунизма в Италии, ни на йоту не приблизили нас к нашей цели», — писал журнал «Уолл-стрит Джорнэл».

Антикоммунистическая кампания терпит провал, потому что она противоречит насущным интересам народных масс. В Италии народ, имеющий славное прошлое и внесший огромный вклад в цивилизацию, ютится в жалких лачугах, в условиях нищеты и упадка. Но он не поступает собственным достоинством. Миллионы лучших сынов и дочерей Италии понимают сейчас, что единственным средством для разрешения их неотложных нужд и задач является борьба за мир и народную демократию. Не только рабочие и крестьяне, но и студенты, учителя и интеллигенция, равно как и известные круги средней буржуазии, видят в лице левых партий подлинных защитников народных интересов.

Это коммунисты преградили в 1934 году путь фашизму во Франции, встав во главе Народного фронта, направленного против мюнхенцев — всех этих боннэ, Лавалей и прочих могильщиков страны. Это они руководители движением Сопrotивления во время войны, когда 70 тысяч коммунистов героически пожертвовали жизнью в защиту демократии и национальной независимости. Безусловно, как в Италии, так и во Франции мужество, верность и патриотизм коммунистов навеки войдут в национальную историю. Попытки представить партию Анри Барбюса, Анатоля Франса, Ромэна Роллана, Габриэля Пери, Даниэля Казановы, Поля Элюара, Луи Арагона, Жака Дюкло и Мориса Тореза — этих носителей французской культуры и великих революционных традиций — как «инострannую агентуру», занимающуюся «подрывной деятельностью», не могли не потерпеть провала.

Чтобы укрепить свою западноевропейскую военную базу, Вашингтон прибегнул в конце концов к террору и силе оружия. Путь этот был намечен уже в Греции, где множество прогрессивных деятелей, учителей, артистов, врачей и писателей содержатся в концентрационных лагерях, управляемых бывшими гитлеровскими садистами из войск СС*, где были убиты тысячи профсоюзных активистов, рабочих и коммунистов, среди которых был и бессмертный герой Никос Белоянис. «Преображение Греции

* Бывший член парламента Манолис Проймакис следующим образом описывал повседневные порядки на Макронисосе: «Несколько метких ударов в лицо, особенно по глазам и шее... Дикие крики разрывают тишину ночи)... В ожидании, своей очереди несчастная

в военный плацдарм, — писал Ройэл Уилбэр Франс в журнале «Нэйшн», — сопровождалось казнями, пытками и заключением в тюрьмы тысяч политических деятелей. Все это происходило на глазах у представителей Соединенных Штатов».

Поскольку олигархии Италии и Франции, как и олигархия Греции, были слишком слабы для того, чтобы справиться с предстоящей задачей, США ввели в эти страны свои войска, занявшие стратегические порты и железнодорожные центры. В канун второй мировой войны Даладье использовал войска для разгрома всеобщей забастовки протеста против мюнхенского соглашения, запретил коммунистическую партию и арестовал ее руководителей. Все это, как выяснилось позднее, было сделано по требованию Риббентропа, Абетца и гитлеровского верховного командования. В 1952 году «двести семейств» Франции снова встали на путь, проделанный ими в тридцатых годах, однако на этот раз уже в сотрудничестве с верховным командованием Вашингтона. Проведение подготовительной работы было возложено на бывших пэтэновцев и нацистских коллаборационистов в парижском правительстве. Был организован французский корпус войск СС на манер вишийской милиции Дарно. Париж выслал испанских антифашистских беженцев, героически сражавшихся во время фашистской оккупации. Против бастующих рабочих были применены локауты и угроза голодом. За этим последовал ряд налетов и арестов коммунистов и профсоюзных активистов. Рабочие демонстрации расстреливались пулеметным огнем. Что касается будущего, то Вашингтон возлагал большие надежды на «европейскую армию» с боннскими фашистскими войсками в качестве основного ядра.

Во Франции и Италии наемные фашистские гангстеры подкладывали бомбы под коммунистические клубы и библиотеки. Некоторые органы монополий открыто призывали к убийству рабочих лидеров. Агенты империалистов

жертва видит, как кого-то уносят на носилках, в то время как два или три человека бросают на землю других; как кто-то сходит с ума в трагическом иступлении, следующем за перенесенными пытками». Среди 35 тысяч узников Макронисоса — мужчин и женщин — имеется свыше тысячи ученых, писателей и врачей, в их числе греческий поэт Менелос Лоудемис (Дэвид Олмэн, Макронисос — памятник Трумэну, «Мэссиз энд мейнстрим», август 1950 г.). — *Прим. автора.*

неустанно охотились за руководящими деятелями коммунистических партий. Так, в частности, они пытались убить Тольятти, Тореза и Дюкло, а также заключенных в тюрьму лидеров коммунистической партии США Стива Нельсона и Роберта Томпсона. В 1950 году им удалось убить Жюльена Ляо, руководителя Коммунистической партии Бельгии.

Их отдаленной целью, как об этом свидетельствуют массовые аресты французских коммунистов и их вождя Жака Дюкло в июне 1952 года и секретарей Всеобщей конфедерации труда 24 марта 1953 года, было стремление спровоцировать прогрессивные силы на такие действия, которые могли бы послужить предлогом для широко задуманной террористической «полицейской акции». Ни в одном случае, однако, коммунистические партии с их многочисленными сторонниками не ответили на эти атаки каким-либо актом насилия.

Трезвая оценка положения неизбежно показывает, что задача подавления рабочих масс Западной Европы является невыполнимой. Никакие гитлеровские карательные отряды, никакие камеры пыток гестапо не были в состоянии подавить антифашистские силы Италии и Франции. Проблема обуздания миллионов людей, выступающих против войны и фашизма, проблема подавления одной части этой оппозиции так, чтобы это не укрепило и не умножило одновременно сопротивления всех других ее частей, является по самому своему существу неразрешимой. И если бы даже было возможно арестовать миллионы людей, то поднялись бы новые миллионы, чтобы продолжать их борьбу.

Пытаясь разгромить движение итальянского рабочего класса, американские тресты прибегли в 1948—1950 годах к различным махинациям, направленным на удушение промышленных центров Италии путем лишения их сырья и рынков сбыта. Они надеялись, что массовые увольнения и голод в конце концов настолько деморализуют рабочих, что те безропотно пойдут на уготованную им роль американского пушечного мяса. Директора многочисленных заводов в Болонье, Милане, Генуе, Турине, Бользанетто и других городах попросту закрыли заводские ворота и уехали.

Однако итальянские профсоюзы под руководством своих коммунистической и социалистической партий при-

няли этот вызов и одержали победу. Они игнорировали приказы, запрещавшие вход на территорию бездействующих заводов, и организовали всенародную кампанию за продолжение работы. Завоевав моральную и материальную поддержку по сути дела всего населения этих городов, они сами пустили заводы в ход, не обращаясь к милости тех, кто их уволил, и уволил потому, что производство стало «невыгодным». Мелкие торговцы и крестьяне снабжали рабочих сырьем и предоставляли кредиты. Скоро рабочие начали выпускать тракторы, станки и другое оборудование. Директора заводов вернулись, но не они, а рабочие показали, кто стоит на страже промышленности страны.

Подобными же методами стали по их примеру действовать и безземельные крестьяне. Побуждаемые голодом, уставшие от лживых обещаний, они заняли пустующие земли, принадлежавшие крупным поместьям. Крестьяне осушили и обработали болотистые и неплодородные участки. В районе дельты реки По безработные сельскохозяйственные рабочие организовали общественные работы по выработанному ими самими плану. Они строили дороги без согласия на то муниципальных властей; они распахивали земли, не спрашивая согласия владельцев этих земель. В провинции Абрुцца 10 тысяч рабочих привели в порядок каналы, после чего потребовали, чтобы герцог Торлонья заплатил им за это. Они потребовали всего-навсего по пятидесяти центов в день.

Христианско-демократическое правительство де Гаепери ответило на эти «дерзкие» требования арестами и пулеметным огнем. Много крестьян было убито. Однако пример Марии Марготи и других мучеников, павших в этой борьбе, еще ярче разжег пламя битвы за мир, землю и хлеб. Вместо спорадических голодных демонстраций, безработные сельскохозяйственные рабочие Италии объединились в федерацию, насчитывающую около миллиона членов, чтобы бороться в союзе с безработными промышленными рабочими. Некоторым из них удалось закрепиться на земле и они, следуя примеру крестьян в странах народной демократии, начали создавать кооперативы и коллективы. Долгие годы франкистского террора не смогли задуть освободительной борьбы крестьян и рабочих Испании. Несмотря на свирепый фашистский

гнет, широкие массы испанского народа не теряют контакта со своими героическими подпольными организациями. «Коммунистическая партия теперь быстро растет... У них в одном только Мадриде двадцать радиопередатчиков», — сообщала газета «Нью-Йорк таймс». «Партизанские отряды прекрасно организованы и осведомлены обо всем... потому что они связаны с подпольными силами в городах и деревнях»¹⁰.

Когда генерал Шерман посетил Франко, «в американское посольство в Мадриде явилась делегация героических испанцев, оставившая там записку: «Соединенные Штаты купят диктатора, но они никогда не смогут купить народ»¹¹. В марте 1951 года в промышленных центрах Испании состоялись многолюдные рабочие демонстрации. Сотни тысяч рабочих Памплоны и Барселоны объявили забастовку. В здания и дворцы фашистской олигархии летели камни и горящие факелы. Эти и другие демонстрации явились свидетельством безграничной ненависти народных масс Испании к их отвратительному режиму.

«Почему нас ненавидят»

Во многих странах борьба за мир, демократию и национальную независимость выражается также и в растущей ненависти к правящему классу Америки. Во многих районах земного шара она уже походит на то чувство вражды и ненависти, которое питают колониальные народы к англичанам.

В конце войны в большинстве стран были широко распространены симпатии к Америке. Заявления Рузвельта, выступавшего против какого бы то ни было возрождения европейского фашизма, за единство между великими державами, за прочный мир, вызвали энтузиазм во всем мире.

Однако преемники Рузвельта быстро разбили вдребезги эти надежды народов. Европа еще только начинала оправляться от ужасов второй мировой войны, как **США** уже принялись взваливать на нее бремя новой войны. Вначале многие европейцы полагали, что разговоры Вашингтона о третьей мировой войне были всего лишь блефом «холодной войны». Ибо они видели вокруг себя все те же развалины, бесчисленных сирот, калек и инвалидов,

оставленных последней войной. В каждом европейском городке, в каждой деревушке можно было услышать: «Мой брат был убит на войне», или «Мой муж погиб в концентрационном лагере», или «Мой ребенок стал жертвой воздушного налета», или «Мы едва можем найти себе пропитание». Кое-кто, быть может, завидовал американскому народу, избежавшему бедствий войны. Некоторые из них знали, что американские тресты обогатились на баснословных военных прибылях, однако они не испытывали особого озлобления по отношению к американскому народу.

Враждебное отношение к США начало расти тогда, когда американские торговцы смертью стали требовать, чтобы измученные ужасами войны народные массы Европы начали вооружаться против угрозы «советской агрессии». Люди осмотрелись вокруг, но не увидели ни советских войск, ни советских самолетов, которые угрожали бы какой-либо стране. Вместо этого они услышали призывы Советского Союза к миру и разоружению, увидели, что советские люди заняты восстановлением разрушений, причиненных войной их собственной стране. Пугало «советской агрессии» имело некоторый успех в самих США, расположенных на расстоянии нескольких тысяч миль от Советского Союза, но Соединенным Штатам не удалось возбудить какого-либо страха среди народов Западной Европы. «Европейцы потеряли свой воинственный дух, они не хотят спастись», — горько сетовали американские вербовщики пушечного мяса.

Позднее, по мере того, как американский диктат становился все более наглым, когда народы увидели, как их государственные деятели превращаются в мальчиков на побегушках у банкиров Нью-Йорка, когда их и без того жалкие заработки стали еще больше сокращаться по приказу американских гаулейтеров, эта враждебность перешла в ненависть. Народные массы Италии, вынужденные существовать на пять-десять долларов в неделю, слышали, как администратор Управления экономического сотрудничества У. К. Фостер заявил, что они «должны быть готовы к тому, чтобы еще похудеть». Истощенные недостаточным питанием английские рабочие слышали, как американские банкиры требовали от их правительства строить больше танков и сокращать заработную плату.

В довершение всего этого народы видели, как их родные страны превращаются в американские военные базы, как их землю топчут иностранные оккупанты, поставившие себе целью превратить ее в полыхающее огнем поле сражения. Это наглое вмешательство в их внутренние дела, в соединении с высокомерием американских боссов, ведущих себя как представители высшей расы, породило повсюду глубокую к ним враждебность.

Антиамериканские настроения обостряются не только среди рабочих масс Европы, но и среди мелкой и средней буржуазии. «Страх и недоверие к Соединенным Штатам распространены уже не только среди левых и пацифистов, — сообщал в своей телеграмме из Лондона Раймонд Дэниэл. — Широко распространено мнение, что соглашение с Россией могло бы быть достигнуто, если бы только Соединенные Штаты хотели этого»¹². Газета «Уорлд телеграм энд Сан» писала: «Пусть Америка сама ведет свои войны!» — так говорят мужчины, собираясь после работы в пивных. Так говорят женщины, стоя в очереди в продовольственных лавках. Так рассуждают люди, заполняющие автобусы. Этот антиамериканизм растет. Он не ограничивается только одним каким-нибудь классом, группой или партией. Он проявляется даже в английском Форин офисе. Его духом проникнута даже некоторая часть английского кабинета».

Канадский писатель Брюс Хатчисон сообщал 12 октября 1953 года: «В Европе и особенно в Великобритании молчаливое, но острое недовольство американской политикой и, что еще хуже, американским народом столь глубоко и за последнее время так возросло, что государственные деятели уже почти не осмеливаются открыто обсуждать это недовольство и пытаются маскировать его при помощи ораторского искусства и красивых поз».

Епископ Дж. Бромли Окснэм писал: «Я был поражен глубиной антиамериканских настроений в Европе, находящих свое выражение в обвинении США в слепых и бесцельных бомбардировках с воздуха и в навязывании кока-кола»¹⁴. Бывший американский посол в Англии Джо-зеф Кэннеди в своей речи, произнесенной 17 декабря 1951 года в Экономическом клубе в Чикаго, заявил: «Множество людей на заводах и полях обвиняют нас не только во всех своих бедствиях, но и в намерении ввергнуть Европу в войну, отнюдь не являющуюся делом ее рук. Это

трагическая картина, настолько трагическая, что не мешало бы нам поинтересоваться, почему это так».

Чтобы противодействовать этим широко распространенным настроениям, Вашингтон усовершенствовал и усилил психологическое наступление своей пропаганды. Он увеличил мощь «Голоса Америки» и построил более высокие радиомачты. Он нанял целую армию психологов и специалистов в области пропаганды. Он даже финансировал так называемые «культурные» конгрессы. Однако результаты этих конгрессов оказались в целом неутешительными. В корреспонденции, присланной с одного из таких конгрессов, проведенного в марте 1951 года в Дели (Индии), Маргарет Партон писала: «Случайный американский зритель, который забрел бы на этот конгресс, мог бы подумать, что попал по ошибке на митинг в Юнион-сквере — настолько бурным было здесь возмущение Западом и, в частности, Америкой»¹⁵.

Даже сами организаторы этой пропагандистской кампании признали, что «Голос Америки» не сумел достичь своей цели, ибо пропасть между словами и делами оставалась попрежнему постыдно широкой. В то время как передачи «Голоса Америки» утверждали, что Америка является страной свободы идей, в США запрещают и сжигают книги, а их авторов заключают в тюрьмы. Несостоятельность претензий Соединенных Штатов на роль поборника свободы проявилась еще нагляднее, когда американские сенаторы проголосовали против ратификации резолюции ООН, запрещавшей геноцид и массовое истребление гражданского населения, под предлогом, что «это явилось бы нарушением прав и свободы отдельных американских штатов». Вашингтон выступил также против советского предложения в ООН о запрещении всякой пропаганды, подстрекающей к третьей мировой войне, на том основании, что «это ограничило бы свободу слова». «Было бы полным нарушением демократии, если бы американская делегация не выступала против всякой попытки, прямо или косвенно направленной против свободы слова», — заявил Уоррен Остин. Но в то время как мистер Остин произносил эти слова в ООН, на восьмидесятичетырехлетнего негритянского ученого и поэта Уильяма Дюбуа были надеты наручники и он был брошен в тюрьму как «иностранный агент» за то, что присоединил свой голос к голосам, требовавшим международного запрещения атомной бомбы!

Питер Мейер, выступая в сентябре 1952 года в реакционном журнале «Америкэн меркюри», признал, что, когда он говорил европейцам о необходимости защищать свободу, они отвечали ему вопросом: «А как относительно негров на Юге?..» Он [европеец] знает об Америке все. Он знает, что неграм запрещено ездить в одном автобусе или поезде с белыми джентльменами... Он знает, что в Америке нет никакой культуры, по крайней мере подлинной культуры. Он знает также, что вас бросят в тюрьму, если вы выскажете непопулярное мнение. Из всего этого европейцы делают вывод, что Америка находится на пути к фашизму».

В комментариях по поводу бахвальства американских миллионеров консервативная газета «Монд» спрашивала: «Как могут претендовать на мировое господство люди, в понимании которых культура означает парижскую безнравственность?» В своем письме к американцам редактор газеты «Обсерватэр» Клод Бурдэ писал 17 июля 1952 года: «Европа не верит вашим обещаниям. Она вздрагивает при каждом вашем жесте. Азия и Африка презирают вас, ибо вы стали союзниками их вековых угнетателей. Тяжестью всех ваших долларов и вооружений вы душите свободу, жизнь и самую душу народов, бывших вашими друзьями»¹⁶.

С возникновением маккартизма престиж США за границей упал еще ниже. Даже боннские правители советовали вашингтонским деятелям вспомнить «историю недавнего политического и военного поражения Германии»¹⁷. В 1953 году, когда два агента сенатора Маккарти, некие Кон и Шайн, прибыли в Европу, лондонская газета «Файнэншл таймс» назвала их «подлыми шакалами».

После казни Розенбергов Жан Поль Сартр, выдающийся французский романист и драматург, предостерегал американскую правящую клику: «Не думаете ли вы, что мы будем умирать за Маккарти? Что мы превратим Европу в поле боя ради того, чтобы этот запятнанный кровью идиот мог сжигать книги? Поймите же наконец: мы никогда не вручим руководство западным миром убийцам Розенбергов»¹⁸.

По требованию своих граждан муниципальный совет Женевы запретил продажу американской жевательной резинки, потому что «каждый пакет содержал изображения кровавых сцен корейской войны, рассчитанных главным

образом на детей»¹⁹. Ирландия запретила ввоз пятнадцати американских изданий ввиду их непристойного и криминального содержания. Многие английские общины выступили с протестом против содержания навязываемых им голливудских фильмов. Внесенный в итальянский парламент законопроект требовал ограничения распространения американских «комиксов». В апреле 1953 года палата представителей Нигерии выразила протест против «содержащегося в голливудских фильмах варварского прославления гангстерства, а также садизма и расизма в изображении негров как существ низшего порядка».

В августе 1952 года, когда дочь Трумэна посетила Стокгольм, крупнейшая газета Швеции «Афтонбладет», говоря о сопровождавших ее трех агентах ФБР, назвала их «тремя американскими гориллами с артиллерией подмышкой». «Едва ли можно назвать знакомство Швеции с тремя джентльменами из Вашингтона приятным», — писала газета «Экспрессен». «Какое они имеют право размахивать своим оружием в стране, где по традиции даже полиция не вооружена?» — спрашивали шведские граждане²⁰.

Американская оккупация и перевооружение японских военных преступников возбудили в японском народе резко выраженные антиамериканские настроения. Одна из самых выдающихся общественных деятельниц Японии г-жа Тамаки Уэмура, дочь известного японского священника-методиста, публично обвинила американских военнослужащих в разложении японских нравов, в совращении сотен тысяч японских девушек. «Наиболее крупным американским бизнесом в Японии — после корейского военного бизнеса, принесшего 400 миллионов долларов дохода, является проституция, дающая американцам 200 миллионов долларов дохода», — заявила она 21 апреля 1952 года²¹.

В колониальных и зависимых странах непримиримая ненависть к англичанам перенесена народами этих стран на их нового хозяина, расистское высокомерие которого по отношению к не-белым народам выступает даже в еще более обнаженном виде. И враждебность к Соединенным Штатам становится все более острой по мере того, как крестьяне и рабочие, борющиеся за свою свободу — будь то в Бразилии, Тунисе, Иране, Вьетнаме или Индонезии, — повсюду наталкиваются на американские интриги

и пули. Вашингтон пытается замаскировать свое оружие и своих убийц, но напрасно. «Соединенные Штаты, — писал Аллен Годд, — испытывают свою новую тактику — оставаться в тени, не выдавая своей деятельности ни флагом, ни американской маркой» и всячески выпячивая роль «местных туземных организаций». Однако «недостаточно снять американский ярлык с американских товаров», — добавил он. Народ такой тактикой не обманешь²².

«На глухих стенах южноамериканских городов, — общал Джон Л. Льюис, — и на некоторых из наших посольств по ночам появляются надписи дегтем: «Убирайтесь вон, североамериканцы!» или «Вон из нашей страны, янки-свиньи»*. Сидней Грусон писал из Мехико, что «мексиканские политические круги, начиная с крайне левых и кончая крайне правыми, приветствовали сегодня решение правительства об отклонении поставленных Соединенными Штатами условий соглашения о военной помощи между США и Мексикой»²³. Когда Ачесон в августе 1952 года посетил Рио-де-Жанейро, «состоялось двадцать демонстраций с публичным сожжением его изображения», — сообщал присутствовавший при этом Эльмер Бендинер. «В других бразильских городах было инсценировано повешение Ачесона. В деловой части Рио-де-Жанейро были выпущены на улицы свиньи с надписью «Ачесон» на боках»²⁴. Даже реакционная газета «Трибуна импренса» заявила: «Пусть г-н Ачесон не обманывает себя иллюзиями. Сегодня в Бразилии общественный деятель, желающий стать непопулярным, может сделать это очень легко: ему достаточно только выступить в защиту тезиса о сотрудничестве Бразилии с Соединенными Штатами»²⁵. Когда в марте 1951 года бразильский правитель Варгас предложил послать в Корею 25 тысяч войск, это вызвало волну забастовок и демонстраций, сорвавшую его план. Из двадцатимиллионного населения, живущего между Рио Гранде и проливом Магеллана, не удалось набрать даже и одной дивизии. Эдуард Мэрроу писал из Буэнос-Айреса, что по всему городу расклеены плакаты, изображающие Уолл-стрит в виде розового осьминога, сидящего на груде черепов и золотых монет, а также в виде кровожадного черного орла, закутанного в звездно-полосатый флаг»²⁶.

* Из выступления в чикагском Деловом клубе. — *Прим. автора.*

В серии корреспонденций из Юго-Восточной Азии Джеймс Митчнер писал, что ему приходилось слышать, как американские женщины в Азии говорили: «Если бы мы, американцы, уехали завтра из этой страны, то уже через шесть месяцев эти существа [азиатский народ] снова вернулись бы в леса». Сообщая об этом, Митчнер заметил: «Сравните это идейное банкротство с тем, что предлагает сегодня народам Азии коммунизм: управление своими собственными странами, повышение урожаев, увеличение продовольствия, передача местной промышленности в собственность туземного населения...». «На всем протяжении восточного побережья, — писал он, — американцы являются крайне нежелательными гостями. В таких странах, как Малайя и Индо-Китай, они рискуют быть убитыми. В больших городах, вроде Сингапура, Сайгона и Джакарты, предусмотрительные американцы не выходят по вечерам из дому. Там, где за ними не охотятся, их осыпают оскорблениями. Никогда еще в истории нашего народа нас так не боялись и не презирали»²⁷.

В июле 1951 года десятки тысяч молодых людей организовали на улицах Манилы демонстрацию, во время которой сожгли изображение Джона Фостера Даллеса²⁸. Все народы Юго-Восточной Азии, разоренной и опустошенной японскими империалистами, проклинают план Даллеса, восстанавливающий японский фашистский милитаризм. Они проклинали войну против корейского народа. Покладистый союзник Вашингтона на Филиппинах президент Кирино покорно обещал отправить в Корею полк численностью в 5 тысяч человек. «Мы исполнены решимости перейти наши границы и сражаться за свободу и демократию; многие из нас страстно желают и с нетерпением ждут возможности поступить в армию», — заявил Кирино. Однако ко времени отплытия число рекрутов упало до 1200, а боевой дух этих войск был таков, что вскоре же по прибытии в Корею их пришлось снова вывезти оттуда якобы «из-за местного климата».

Подлое предательство

Если оставить в стороне проводимую в настоящее время Вашингтоном политику развязывания новой войны, то ничто так не возмущает европейские народы, как политика восстановления в прежнем положении людей,

виновных в опустошении Европы от Роттердама до Сталинграда. Эта попытка стереть всякое воспоминание о злодеяниях, совершенных фашистами, обо всем, что пострадали народы, за что они проливали свою кровь и против чего сражались в последней войне, терзает и гложет сердца миллионов людей, как самое жестокое предательство.

Сразу же после окончания войны американские власти, чтобы успокоить возмущение общественности, заключили в тюрьму некоторых самых отъявленных нацистских садистов. В большинстве случаев таким путем удавалось оградить преступников от гнева друзей или родственников жертв нацизма. Эти убийцы, виновные в убийстве «всего лишь» нескольких сот или тысячи гражданских лиц, были размещены по различным лагерям для беженцев, классифицированы как «антикоммунисты» и затем незаметно выпущены на свободу. Уже в 1946 году корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» Эд Джонсон писал из Мюнхена, что те немногие американцы, которые приняли денацификацию всерьез, «ведут бесполезную и безнадежную борьбу... Немцы, которые поддерживали Адольфа Гитлера, медленно, но верно пробираются обратно на выгодные и влиятельные посты. Повсюду происходит то же самое. Денацификация является фарсом... Некоторые из самых грязных личностей, каких только можно себе представить, выходят совершенно сухими из воды». По официальным данным австрийского министерства внутренних дел, к 1950 году из общего числа 8С 377 нацистских военных преступников, арестованных в англо-американской зоне оккупации Австрии, в тюрьмах продолжало содержаться всего 67 человек.

Западная Германия и англо-американская зона Австрии кишат открыто признавшими свои преступления нацистскими убийцами. Одним из них является Курт Фишер, руководивший убийством 20 тысяч человек и награжденный Гитлером Железным крестом за искусство, с которым он умел загонять в газовые камеры, рассчитанные всего на сорок человек, сразу по шестьдесят-восемьдесят жертв. Среди других можно назвать Карла Шписа и О. Яка, специализировавшихся на ловле детей в возрасте от пяти до двенадцати лет и получавших плату за каждого доставленного в газовые камеры ребенка; Ганса Шнейдера, который в 1943 году

согнал в крематорий Майданека 15 тысяч рабочих*. К 1951 году все эти архиубийцы, так же как и «бесчисленное множество других сообщников Гимmlера, заправляли различными коммерческими предприятиями в англо-американских зонах Австрии и Западной Германии»²⁹.

С самого же начала Вашингтон в резкой форме отклонял неоднократные требования советского и польского правительств о предании этих преступников суду в тех странах, где они совершили свои преступления, как это было определено Московским соглашением в октябре 1943 года. Вместо этого Вашингтон выдал им компенсацию (из фондов по плану Маршалла) за время, проведенное ими в тюрьме. (В 1950 и 1951 годах Национальный банк Австрии выплатил своим военным преступникам свыше 450 миллионов шиллингов³⁰.) В Западной Германии множество нацистских преступников открыто бахвалились, что даже при Гитлере им никогда не жилось так хорошо, как сейчас, при американцах. По сообщению парижской газеты «Се суар», генералы Макклоя — Моргана снабжали нацистских лидеров тропическими фруктами и овощами, специально доставляемыми из-за океана на самолетах³¹.

В феврале 1951 года Вашингтон приказал своему европейскому командующему генералу Томасу Хэнди и бывшему верховному комиссару США в Западной Германии Джону Макклою отпустить на свободу военных преступников, осужденных Международным трибуналом в Нюрнберге. Среди выпущенных был Вильгельм Шпейдель, зверски убивший десятки тысяч заложников в Польше и Советском Союзе. Его брат Ганс Шпейдель, по приказу которого были умерщвлены сотни тысяч мужчин, женщин и детей в Греции и Румынии, и полковник Гаузер, начальник штаба Геринга, работают сейчас в штабе американского командования в Париже³². Были также освобождены сотни эсэсовских главарей, руководивших массовыми казнями в Дахау, Бухенвальде, Освенциме и других лагерях смерти³³.

* Один из таких преступников, некий Джозеф Риттер из Оффенбурга, признался, что убил пятьдесят пять заключенных концлагеря, сбросив их с крутого утеса. Он также хвастался, что, служа в вермахте, ел человеческое мясо. «Он так и не был привлечен к суду за совершенные им в концлагере убийства», — отмечала газета «Нью-Йорк геральд трибюн» 30 января 1951 года. — *Прим. автора.*

При выходе из ворот тюрьмы их приветствовали гудерианы, гальдеры, штумпфы и мантейфели, руководитель организации «Гитлеровская молодежь» Аксман и бывшие руководительницы фашистского женского вспомогательного корпуса гауптфюрерины фрау фон Шольц-Клинк и Урсула Грилл (которым американское командование поручило формирование нового женского вспомогательного корпуса)³⁴. Им было выдано новое американское обмундирование и дано указание ожидать дальнейших приказов. Герр Кайзер, министр по общегерманским вопросам в правительстве Аденауэра, приветствовал их как «гренадеров в борьбе против коммунизма».

Однако самые горячие встречи приберегались для ближайших сотрудников Гитлера, для тех людей, которые соорудили гигантские фабрики смерти, для директоров АЭГ, заводов Хейнкеля, «И. Г. Фарбениндустри», «Демаг», Круппа. Это были люди, которые послали в крематории шесть миллионов евреев и сотни тысяч русских, польских, чешских, французских и других рабочих, замученных рабским трудом на заводах.

3 февраля 1951 года, через восемь лет после сталинградской победы, Вашингтон освободил в числе прочих также Фрица Тер Меера из «И. Г. Фарбениндустри», Альфреда Круппа, Фридриха Флика и Эдуарда Гудремона. Круппа, чье имя стало синонимом гибели миллионов людей на протяжении трех поколений, боннские правители приветствовали как национального героя. У ворот тюрьмы в Ландсберге преступников ожидал огромный караван американских «кадиллаков», в которых восседали христианские демократы и другие сановники. Эта камарилья смерти направилась отсюда в Берхтесгаден, чтобы отпраздновать этот день в бывшем убежище Гитлера. Пресса Уолл-стрита сообщала: «Это был фестиваль свободы... Крупп собирается начать там, где его прервали... Искрящиеся шампанскими бокалы звенели под звуки песни «Хорст Вессель» и гимна «Германия превыше всего»³⁵.

Макклой, Дрейпер, Морган и компания преподнесли Круппу в день его освобождения юридический документ на право владения территорией рурских заводов (подлежавших конфискации по решению Нюрнбергского трибунала) общей площадью в 6 квадратных миль и первый заказ на изготовление пушек на сумму в 100 миллионов долларов. Они просили его простить и забыть. Убийцы

вновь скрепили свои кровавые связи и подтвердили общность своих целей. Таково было отвратительное зрелище, представшее взорам народов Европы.

«... как обжегшееся дитя боится огня...»

Через шесть лет после того, как насквозь пропитанное кровью здание гитлеровского режима рухнуло под ударами Красной Армии, наследники Гитлера начали ломать голову над тем, как его восстановить. Эсэсовцы и гитлеровские судьи, которых германская финансовая олигархия, омоложенная сделанным ей переливанием крови в образе американских долларов, восстановила в их прежних должностях, снова начали травить и бросать в тюрьмы немцев-антифашистов. 11 мая 1952 года, когда молодежь Мюнхена организовала «поход мира» в Эссен, чтобы провести там демонстрацию протеста против возрождения вермахта, нацистские офицеры из боннской полиции встретили ее выстрелами и напустили на нее своих собак. Они убили Филиппа Мюллера и ранили десятки других юношей.

И все же, несмотря на все усилия «оси» Бонн — Вашингтон возродить фашистский милитаризм, большинство населения Западной Германии попрежнему настроено миролюбиво. Во время недавних выборов боннского правительства аденауэровцам пришлось даже прикинуться ангелами мира. Однако 9 миллионов жителей Западной Германии проголосовали против правительства, являющегося ставленником Вашингтона. «Немецкий народ ненавидит войну так же, как обжегшееся дитя боится огня», — писал Кэролэс в журнале «Нэйшн»³⁶. В многочисленных опросах, проведенных газетами и американскими организациями, значительное большинство немцев Западной Германии выразило свой протест против американской военной программы. Из 3600 рабочих гамбургских доков 3200 проголосовали против какой бы то ни было ремилитаризации. Подобные же данные можно было бы привести и по многим другим западногерманским центрам. Большие группы бывших военнопленных и многие из тех, кто сражался на Восточном фронте, выступили против возрождения вермахта³⁷. Газета «Рейнише меркур» призналась, что потеряла 20 тысяч читателей после опубликования статьи в поддержку ремилитаризации. Западно-

германские крестьяне в Бюттельборне воспротивились попыткам США реквизировать близлежащий аэродром, некогда принадлежавший гитлеровским военно-воздушным силам. «Жители деревни, — сообщало агентство Рейтер, — организовали массовый митинг и приняли резолюцию, в которой заявляют, что не хотят иметь по соседству со своим мирным поселком нечто столь опасное, как склад боеприпасов. Предварительно они уже приняли меры к тому, чтобы аэродром не мог быть больше использован самолетами. Они уничтожили посадочную дорожку и распахали все поле вдоль и поперек на большую глубину»³⁸.

В мае 1952 года рабочие Западной Германии организовали самую мощную в истории догитлеровских времен демонстрацию: 170 тысяч рабочих Гамбурга, 70 тысяч рабочих Дюссельдорфа и 60 тысяч рабочих Маннгейма выразили свой протест против военной угрозы, которую несет политика Аденауэра. «Советская политика, основанная на единстве, нейтралитете и мире, завоевала серьезную поддержку в Западной Германии, — сообщал Дрю Миддлтон. — Настойчивая коммунистическая пропаганда оказывает заметное воздействие на большую массу людей. Она подобна туману, просачивающемуся в плохо построенный дом. Как бы вы ни закрывали двери и окна, он все же проникает в дом сквозь щели в стенах»³⁹.

Эти трещины в американо-западногерманском военном фундаменте неустранимы. И они неизбежно будут расти. Заявление представителя правительства Эйзенхауэра, что «Соединенным Штатам дешевле вести войну солдатами иностранных армий, даже если их нужно экипировать, чем американскими войсками», звучит совершенно недвусмысленно⁴⁰. Большинство немцев понимает, что Уолл-стрит не остановится перед тем, чтобы принести в жертву все, что еще осталось от их страны, ради того, чтобы разжечь новую войну. А такая война — и это им совершенно ясно — превратила бы их села и города в лунные кратеры, в несравненно более унылые пустыни, чем прошлая война.

Политика и тактика Соединенных Штатов, хотя временами и более замаскированные, чем политика и тактика гитлеровской Германии, ведут, однако, к тем же самым последствиям — к возникновению во всех странах тесно сплоченного единого фронта борцов за свободу и

национальную независимость, несокрушимой стены народного сопротивления войне и фашизму.

Противоречия между американскими монополиями и народами Европы уже начинают подрывать основы антисоветского военного блока. А всякое новое обострение этих противоречий может создать благоприятные условия для вмешательства народных масс Западной Европы, для срыва и окончательного провала планов третьей мировой войны. К тому же ныне, впервые в истории мира, существует могучий лагерь миролюбивых государств, охватывающий одну треть человечества. Мощные международные демократические организации рабочих, крестьян, женщин и молодежи почти всех без исключения стран присоединились к движению за мир во всем мире. Все это сделало перспективу предотвращения новой мировой войны вполне реальной.

Вехи середины XX столетия

Человечество всегда ощущало противоречие между тем, что приносит ему в жизни радость, и тем, что стремится обратить его в звероподобное состояние, уничтожить, между тем, что вдохновляет его строить и созидать, и тем, что обрекает его на бесплодие и мрак. История каждой страны, летопись каждой культуры, произведения литературы каждого народа говорят о страстном стремлении людей к миру и согласию. Силы жизни, поднимаясь и падая, в конце концов всегда утверждали себя. Народ одолевает своих палачей, но лишь заплатив предварительную дань кровью и слезами.

Уже в XVIII и XIX столетиях отмечаются первые попытки организации международного антивоенного движения. С развитием капиталистической системы, когда войны становятся особенно разрушительными и втягивают огромное количество людей, возникают различные пацифистские движения. В 1828 году пятьдесят американских организаций борцов за мир объединились, чтобы создать Международную ассоциацию борцов за мир. В 1841 году в Бостоне был организован первый Международный конгресс мира, собравшийся два года спустя в Лондоне⁴¹. В 1849 году в Париже состоялся Международный конгресс мира под председательством Виктора Гюго. Три тысячи человек, представлявших двести организаций, присутствовали на тринадцатом Международном конгрессе

мира, собравшемся в 1904 году в Бостоне. После первой мировой войны возникли многочисленные студенческие, юношеские и церковные организации борцов за мир.

Все эти пацифистские организации выступали за создание конгресса народов и кодексов международного права, за урегулирование разногласий путем переговоров. В целом пацифистское движение не стало массовым. Люди привыкли считать, что войны являются естественными стихийными бедствиями или что они ведутся в защиту национальных интересов. Лишь немногие понимали, чьи это были интересы и кому была выгодна война. Отсутствие понимания вело к отсутствию бдительности. Поскольку люди не давали себе отчета в истинных причинах войн, их сопротивление никогда не поднималось до уровня массовых выступлений за предотвращение войн.

Рост социалистических партий в период, предшествовавший первой мировой войне, придал усиливающемуся противодействию масс международной войне новый, более конкретный характер. В Европе и других странах миллионы классово сознательных рабочих поддержали антивоенные резолюции, принятые интернациональными социалистическими конгрессами. Тем не менее империалисты все еще были в состоянии провести подготовку к войне в относительной тайне от народа. К тому же предательскому социал-демократическому руководству, капитулировавшему перед военными лозунгами царя, кайзера и их министров, удалось ослабить рабочее движение и увести его с прямого пути. Только сравнительно немногочисленное левое крыло социал-демократической партии, руководимое Лениным, осталось верным интернационализму рабочего класса. Оно обратилось к рабочим царской России, Франции, Италии, Германии и других воюющих стран с призывом объявить войну зачинщикам войны, вместо того чтобы воевать друг против друга.

В тридцатых годах массовое сопротивление зачинщикам войны поднялось на более высокую ступень. Многочисленные группы откликнулись на призыв Максима Горького, Анри Барбюса и Ромэна Роллана. Значительная часть рабочего класса во Франции и других странах прислушалась к предостережениям возглавляемого коммунистами единого фронта борцов против войны и фашизма. Молодежь многих стран героически сражалась в

защиту Испанской республики, пытаясь остановить фашизм в Европе и спасти мир во всем мире.

Но только к середине этого века, после того как человечество испытало ужасы второй мировой войны, борьба за мир действительно охватила весь земной шар. Сотни миллионов людей поняли, наконец, правду: что войны, по выражению Ильи Эренбурга, — не тайфуны или землетрясения, что их делают люди; что объединенными действиями народы могут изменить ход истории *до того*, как разразится катастрофа.

По мере возникновения целого ряда исторических условий эта истина становилась ясной все большему числу людей. Классовое господство достигло сейчас такого уровня, когда само его существование зависит от непрекращающихся массовых войн, — факт, которого уже нельзя больше скрыть. В то же самое время треть населения земного шара, освободившись от власти трестов, показывает человечеству путь к миру и братскому сотрудничеству. Горняки Уэльса и Чили, металлурги Франции и Японии, рабочие плантаций Цейлона и Гватемалы, простые люди во всем мире стали задавать вопрос: кому нужна новая война? Кто требует, чтобы мы ненавидели людей, никогда нас не грабивших и на нас не нападавших? Что мы можем сделать, чтобы облегчить свой тяжелый труд, чтобы сделать жизнь богаче и счастливее?

Жаждающее мира человечество услышало два ответа. Один из них проповедовал смерть и забвение, другой дышал верой в человека и прогресс. Один был сформулирован Э. Нэнсом, ректором университета в городе Тампа (штат Флорида), следующим образом: «Я считаю, что мы должны готовиться к тотальной войне, руководствуясь законом джунглей. Каждый должен научиться искусству убивать... Я оправдываю бактериологическую войну, применение газов, атомных и водородных бомб, сверхдальних управляемых снарядов. Я не просил бы щадить больных, церкви, школы или какие-либо другие группы гражданского населения».

Второй ответ был дан советским композитором Дмитрием Шостаковичем, заявившим, что человек рожден для того, чтобы слушать звуки рояля и скрипки, арфы и флейты, наслаждаться чудесной симфонией жизни и творческого труда, а не для того, чтобы быть оглушенным разрывами бомб и ослепленным атомными вспышками.

Человек рожден для того, чтобы жить полной жизнью, упиваться ею, как птица упивается полетом, независимо от того, родился ли он сыном американской работницы, или русской крестьянки... «Человек рожден, чтобы быть счастливым,—сказал в заключение Шостакович.—Так научили меня думать Лев Толстой и Марк Твен, Чехов и Уитмен, Чайковский и Моцарт, гуманисты, воспевавшие солнце, радость, человеческий гений».

Эти два заявления полностью суммируют сущность и направление двух миров, представляя собой, так сказать, указующие вехи для всего человечества на рубеже первой и второй половины XX века.

Шестая держава мира

Так родилось движение борцов за мир во всем мире.

Начавшись скромно в 1949 году во Вроцлаве, оно прошло через такие этапы, как первый Конгресс сторонников мира в Париже, выпуск Стокгольмского воззвания, Межконтинентальная мирная конференция в Монтевидео, фестивали молодежи в Праге, Будапеште, Ницце, Берлине и Вене, и быстро охватило все уголки земного шара. Его обращение к разуму и совести перелетело через все границы. В отличие от прежних пацифистских движений оно с самого начала признало, что нельзя остановить поджигателей войны одними только антивоенными построениями, что воля народов может стать решающей исторической силой только тогда, когда в основе ее лежит ясное понимание сущности происходящей борьбы. Поэтому одной из главных задач этого движения является разоблачение перед миллионами людей всех интриг и лживых измышлений зачинщиков войны.

Движение сторонников мира повсюду выдвигает вопрос: если интересы народов требуют запрещения атомной бомбы, разоружения и заключения Пакта мира между пятью великими державами, то кто же препятствует осуществлению этой программы и почему? Миллионы простых людей откликнулись на этот вопрос, заявляя: «Нас не интересуют претензии и контрпретензии дипломатов. Мы будем на стороне тех, кто стоит за мир!» Этот выбор был продиктован не столько политическими убеждениями, сколько жадой уцелеть.

600 миллионов подписей сторонников мира явились предостережением для тех, кто угрожал человечеству

гибелью. *Впервые народы многих стран составили списки своих врагов, вывесили их имена на дорогах земного шара и предупредили, какое наказание их ожидает, если они попытаются свергнуть человечество в катастрофу новой войны.* Поднимающаяся волна сил мира сократила сферу действий поджигателей войны: под бдительным оком миллионов людей некоторые из ведущих к войне дорог стали для них непроходимыми, другие — слишком рискованными.

В Брюсселе, Риме, Париже, Бонне и Лиссабоне порочные министры подписывали одно соглашение за другим. Но те, кто должен был их выполнять, думали иначе. 30 января 1952 года шесть тысяч рабочих самой крупной судостроительной верфи Западной Германии — «Дейче верфт» — объявили забастовку протеста против предполагаемого введения обязательной воинской повинности. Подобные же забастовки имели место на заводе Симменс — Гальске и на других заводах. Рабочие трехсотиз общего количества трехсотсемидесяти пяти — заводов Штутгарта выразили свой протест против ремилитаризации. Их примеру последовали сотни тысяч рабочих в Нюрнберге, Мюнхене, Маннгейме и Билефельде, что является беспрецедентным в послевоенной истории немецкого профсоюзного движения.

В июле 1952 года свыше 10 тысяч бельгийских солдат потребовали немедленного увольнения их из армии. Демонстрации бельгийских военнослужащих состоялись в Брюсселе, Намюре и других городах, а также в бельгийских войсках, расположенных в Западной Германии. В своем послании к протестующим солдатам бельгийские сталелитейщики заявили: «Товарищи! Рабочие всем сердцем с вами». 9 августа 1952 года почти все рабочие районов тяжелой промышленности Бельгии объявили забастовку солидарности с военнослужащими⁴². Правительство было вынуждено отменить продиктованный Вашингтоном закон об обязательной военной службе. 16 февраля 1953 года датские войска и призывники, возмущенные продлением срока военной службы с двенадцати до восемнадцати месяцев, подняли бунт и организовали поход в Копенгаген. «Это первый бунт в истории Дании», — заявили военные власти. В мае 1953 года по стране прошла новая волна бунтов.

В 1951 году японские докеры в Сасэбо отказались

грузить суда, направлявшиеся в Корею; рабочие химических заводов «Нихо» отказались производить военные материалы; в Хакодате рабочие отказались работать по расширению баз для бомбардировщиков. В том же 1951 году рабочие Бремена и Гамбурга отказались разгружать смертоносные американские грузы. Каменщики и члены других профсоюзов Норвегии приняли решение не работать на военном строительстве. Докеры Лондона, Ливерпуля и Манчестера направили в палату общин делегации, требуя, чтобы Великобритания порвала с внешней политикой Вашингтона. Национальный профсоюз горняков обратился к правительству с предостережением против присоединения к политике Соединенных Штатов в отношении Китая. Докеры Бордо, Гавра, Сен-Наэра, Ла Паллиса, Марселя, Руана, Бреста, Генуи и других портов вели активную борьбу за то, чтобы не грузить военные грузы. В 1952 году алжирские докеры заявили: «Прошло уже два года с тех пор, как мы приняли решение не дотрагиваться до военных материалов, и мы твердо сдержали свое слово. Нас пытались задушить голодом, но напрасно. Мы не грузили оружия для Вьетнама. Наши рабочие не только в Алжире, но и в Оране и в других портах не погрузили ни одного судна с боеприпасами»⁴³.

Весной 1950 года рабочие Ниццы сбросили в море оборудование стартовых дорожек для самолетов-снарядов, предназначавшееся к отправке во Вьетнам. В мае 1952 года крестьяне на юге Франции уничтожили постройки на американской воздушной базе. В ночь на 12 февраля 1950 года французские женщины в Сен-Пьер де Кор направились к поезду с боеприпасами. Чтобы остановить поезд, молодая девушка Раймонда Дьен бросилась на рельсы. Когда поезд остановился, женщины отцепили вагоны и сгрузили с них смертоносное оружие. Раймонда Дьен была заключена в тюрьму, но поступок ее вызвал такой энтузиазм среди широких масс французского народа, что ее пришлось освободить.

Миллионы людей по всей Европе, чьи дети, матери, братья или мужья погибли от руки нацистов, поклялись бороться до тех пор, пока мир не победит войну. Голландский, бельгийский и английский народы возложили к подножию памятников жертвам последней войны венки с надписью: «Не допустим перевооружения наших убийц».

Молодежь всех стран собиралась в Праге, Будапеште, Ницце и Берлине на огромные фестивали мира. В то время как эйзенхауэры, риджуэи и макклои требовали новых дивизий, по дорогам Франции и Италии потоком проносились велосипедисты, неся изображение «Голубя мира» Пикассо. Французская молодежь организовала эстафету мира. Подобно марафонским бегунам тысячи молодых людей — вестников жизни — мчались на велосипедах со свитком и факелом мира. Они посетили опустошенные войной районы и памятники жертвам войны. Почти все население на протяжении их пути в 10 тысяч километров ставило свои подписи под Стокгольмским воззванием. Подобную же эстафету мира организовала и молодежь Италии. В августе 1950 года обе эстафеты соединились в Ницце, образовав грандиозную международную молодежную эстафету мира.

Приближение момента, когда рабочие Милана и Генуи должны были обменяться рукопожатием с рабочими Марселя и Тулузы, вызвало страх у правителей Италии и Франции. К границам были брошены крупные силы. Однако молодежь нельзя было остановить. Юноши и девушки сплошным потоком перебирались по ночам через Альпы, переплывали реки; испанская молодежь пересекла Пиренеи, а французская — прошла через долину реки Роны. Распевая свои песни, десятки тысяч молодых людей из далеких Бретани и Калабрии совершали свой путь пешком и на грузовиках, украшенных зелеными ветками. Казалось, что к Ницце движется настоящий лес. Они несли с собой пять миллионов вновь собранных подписей сторонников мира. Уолл-стрит и его марионетки, напуганные больше, чем Макбет, когда на него двинулся Биргамский лес, собрали своих фашистских молодчиков с бомбами и полицию на броневиках, пытаясь сорвать фестиваль мира. Однако эти действия вызвали протест всего населения Ниццы, местные рабочие объявили всеобщую забастовку.

Песни и моральное величие украшенной гирляндами цветов юности одержали победу над торговцами смертью. В ночь на 16 августа 1950 года 30 тысяч французских и итальянских борцов за мир с факелами в руках собрались перед памятником жертвам войны. Вместе с молодежью сорока других наций они дали торжественную клятву защищать культуру и мир своих родных стран.

Представители лагеря войны, не желая признаться в огромном размахе движения борцов за мир, продолжали утверждать, что оно «ограничивается участием коммунистов и сочувствующих им». Дипломаты, вращающиеся в высокопоставленных кругах Западной Европы, были настроены оптимистически. «Французы связали себя обязательством принять участие в обороне Западной Европы», — сообщали они в феврале 1951 года после прибытия Эйзенхауэра, выступавшего тогда в роли главного коммивояжера с заданием убедить народные массы Европы в том, что они нуждаются в спасении. Однако оказанная ему встреча показала совершенно иное. Потребовалось 16 тысяч вооруженных полицейских, а также бесчисленное множество броневиков и пулеметов, чтобы помешать сотням тысяч парижан выразить свои истинные чувства в день приезда Эйзенхауэра, а также и Риджуэя. Трудящиеся Франции знали, что любовь американских генералов к Парижу равноценна их привязанности к Сеулу и Пхеньяну.

В Риме, как отмечал правительственный орган газеты «Иль темпо», «приезд Эйзенхауэра не был отмечен приветственными аплодисментами. Вместо этого состоялись многолюдные митинги протеста и демонстрации в защиту мира». «Беспорядки в связи с визитом Эйзенхауэра потрясают Италию, оставляя после себя множество убитых и раненых и тысячи арестованных», — писали газеты. Буквально на каждой улице Рима и других итальянских городов можно было увидеть надписи крупными буквами: «Эйзенхауэр, убирайся вон! Мы не хотим быть твоим пушечным мясом». Первоначально обещанные правительством де Гаспери тринадцать дивизий сократились до трех. «Но даже и эти три, — с грустью комментировал Пентагон, — могут оказаться ненадежными».

Английские рабочие настаивали на том, чтобы представители правительства ответили им на следующие вопросы: «Кому нужна война против Китая? Кто поставляет пушки нацистам? Почему вы выполняете грязную работу за американцев? Не лучше ли нам строить дома, вместо того чтобы производить пушки?» Когда выступление бывшего военного министра Англии Джона Стречи на митинге в Данди (Шотландия) было прервано подобными вопросами, растерявшийся председатель заявил: «Пять человек, возможно, коммунистов пытаются со-

рвать митинг». «Их больше, чем пять», — возразил ему какой-то молодой человек и обратился к присутствовавшим с просьбой встать. «Поднялась половина присутствовавших», — сообщал корреспондент агентства Рейтер⁴⁴.

10 июля 1952 года прибывшего в Лондон Риджуэя встретила демонстрация, растянувшаяся на целую милю. Демонстранты несли в руках знамена с надписью: «Убирайтесь домой, англичане не будут участвовать в ваших войнах»⁴⁵. 8 ноября 1952 года семь тысяч человек собралось в Лондоне на открытие месячника англо-советской дружбы. Огромный плакат изображал ящик с товарами, завернутый в советский и английский флаги. На ящике «было написано: «Мир, торговля, дружба». Сто двадцать четыре профсоюза прислали свои приветствия, в которых говорилось: «Мы считаем необходимым приложить самые энергичные усилия, чтобы восстановить хорошие взаимоотношения между Англией и Советским Союзом». Противодействие народных масс Англии (как позднее признал Черчилль) серьезно помешало секретной сделке 1950 года между Эттли и Ачесоном относительно применения атомной бомбы против Китая.

В октябре 1953 года восемьсот профсоюзных деятелей, представлявших восемьдесят шесть миллионов рабочих семидесяти девяти стран, собрались в Вене на третий Всемирный конгресс профсоюзов под руководством Луи Сайяна, Джузеппе ди Витторио, Абдулы Диалло (Африка), Лю Нин-и (Китай) и Ломбардо Толедано, возглавлявшего делегацию ста шестидесяти представителей ВКТ от стран Латинской Америки. Конгресс выпустил пламенный манифест, призывавший рабочих всего мира усилить борьбу за повышение заработной платы, разоружение и *устранение причин, ведущих к войнам*.

Всемирное движение сторонников мира, выражаясь словами Пьетро Ненни, стало шестой державой мира. Вмешательство народа стало решающей исторической силой, спутавшей все расчеты империалистов. В 1951 году Всемирное движение сторонников мира сыграло большую роль в предотвращении применения Вашингтоном атомной бомбы в Корее и развязывания третьей мировой войны.

По мере того как все большее число рабочих, крестьян, молодежи и женщин в самых отдаленных странах мира присоединялись к клятве не убивать друг друга, росла ярость поджигателей войны. «Фройндшафт, фройнд-

шафт» (дружба) — только об этом они и говорят», — писала газета «Нью-Йорк таймс», когда два миллиона молодых людей Германской Демократической Республики вместе с молодежью тридцати восьми других наций прошли торжественным маршем по улицам Берлина, неся знамена мира и дружбы. «Все это тревожные показатели того, что происходит в Восточном Берлине, — добавила газета. — Однако самым страшным из всего этого является будущее развитие этих юношей, лишенных возможности изучать вековой опыт политического и социального развития Запада»⁴⁶. (Под «вековым опытом» газета, быть может, подразумевала негритянские погромы в Сисеро и других городах Соединенных Штатов, совпавших по времени с Берлинским международным фестивалем молодежи.)

Но именно эта боязнь империалистов ослабить военную напряженность и отклонение ими всех мирных предложений Советского Союза привлекали к движению сторонников мира все новые миллионы людей, ибо такая позиция империалистов срывала маску с их лицемерных заявлений и разоблачала их истинные намерения. Волнующий пример героических подвигов множества борцов, за мир воодушевлял тысячи других на активную борьбу. Анри Мартэн, приговоренный к пяти годам тюремного заключения за выступление против войны в Индо-Китае, вдохновил миллионы французских борцов за мир и побудил их удвоить свои усилия в этой борьбе. Из своей тюремной камеры он писал: «Преследование не только не сломило нашего духа, наоборот, оно укрепило нас в вере в нашу идею. Я буду держаться так долго, как это окажется необходимым. Им не удастся деморализовать нас». Из своих казематов в Каламе и Аверове греческие защитники мира писали: «Никакие пытки и смертные приговоры не помешают нам ставить свои подписи под этим воззванием борцов за мир». Когда американское монархо-фашистское командование в Греции решило расквартировать танковые части в Мениди, близ Афин, все население этого местечка — мужчины, женщины, молодежь и даже дети — блокировало дорогу, преградив путь танкам. Крестьяне уничтожили колючие изгороди и потребовали немедленного отвода воинских частей. На стенах и крышах домов в Афинах — городе, находящемся во власти террора, — пестрели слова «Долой войну!».

«Разум и совесть человечества»

В середине XX века представители восьмидесяти двух наций, мандатом которых были сотни миллионов подписей в защиту мира, готовились к проведению Второго Всемирного конгресса сторонников мира в английском городке Шеффилде. Вашингтон и Лондон были в большой тревоге. Берегам уолл-стритовского «непотопляемого авианосца» с его тридцатью базами бомбардировщиков угрожало вторжение мужчин и женщин всех рас, призывавших к защите мира. Но в Британии, этой традиционной стране «свободы слова», не существовало закона, при помощи которого Конгресс мог бы быть запрещен. Перед Даунинг-стритом встала проблема: как сохранить эту свободу для всех и всяческих поджигателей войны и одновременно отказать в ней Фредерику Жолио-Кюри, Шостаковичу, Эренбургу и другим мужчинам и женщинам, имена которых чтут народы всего мира.

6 ноября 1950 года, за десять дней до открытия Конгресса, в телеграфных и шифровальных помещениях дома номер десять по Даунинг-стрит царил суета. Отправлялись и поступали срочные сообщения. Между Лондоном и Вашингтоном происходила жестокая перебранка по вопросу о том, какой тип винтовки будет поставлен на вооружение армий НАТО. Виккерс-Армстронг настаивал на том, чтобы это была его винтовка, калибра 28, в то время как американские предприниматели требовали, чтобы предпочтение было отдано винтовке Гаранда, калибра 30, выпускавшейся их собственными фабриками смерти. Вашингтон обещал пересмотреть свою позицию в зависимости от заключения экспертов о том, которая из винтовок обладает большей убойной силой. Что же касается Конгресса сторонников мира, то тут было достигнуто остроумное и вполне устраивающее обе стороны решение. Поскольку запретить Конгресс законным путем было невозможно, Лондон должен был публично объявить о его разрешении и в то же время лишить делегатов возможности участвовать в нем, отказав им в визах.

Тогда столица народной Польши — Варшава — немедленно открыла свои двери для приема двух тысяч делегатов, стекавшихся на конгресс со всех частей света. «Надежда человечества,—заявила Варшава,—не нуждается в визах. Любая подлинная эмблема мира будет достаточной. Любой человек, независимо от расы, вероисповеда-

ния, цвета кожи или политических взглядов, может принять участие в этом форуме человечества и высказать свое мнение о том, как можно предотвратить третью мировую войну», Вашингтон ответил на это закрытием границ, однако Прага и Варшава перебросили через эти границы сеть воздушных мостов. Сателлиты Уолл-стрита арестовали тех, кто уже находился в пути, но в результате протеста широкой общественности они были вынуждены вновь отпустить их на свободу.

Предстоящее событие наэлектризовало всю Польшу. Было очевидно, что польский народ, не вполне еще оправившийся от причиненных войной огромных разрушений, был охвачен чувством благодарности и дружбы по отношению к посланцам мира, прибывавшим в их страну. Десятки тысяч людей выстроились на вокзалах, аэродромах и проспектах, чтобы приветствовать делегатов мира. По всей Польше звучали призывы к миру.

Делегаты Запада были потрясены видом Варшавы и других районов Польши. Они читали о фашизме, но только сейчас, увидев собственными глазами лагеря смерти и орудия пыток, при помощи которых были замучены миллионы людей, они полностью осознали, что означает фашизм. Видя все еще зияющие раны, чудовищные развалины, оставленные войной, честные американцы сказали себе: «Если б только побольше наших людей могло увидеть это трагическое предостережение!» Одна только Варшава потеряла 800 тысяч жителей — больше, чем потеряли в результате войны США и Англия, взятые вместе. Этот город испытал на себе сатанинскую злобу фашизма. Гитлер приказал сравнивать его с землей — квартал за кварталом.

Но из этих развалин и пустырей поднималась новая, прекрасная столица. Ничто, казалось, не могло более ошутимо символизировать героическую победу человека над варварством. Делегаты Конгресса видели, как неустанно трудились люди, убирая горы щебня, которым, казалось, не было конца; они видели ряды новых улиц и сияние в глазах рабочих, когда те произносили слово «покуй» (мир). Консерватор, член парламента М. Вудард, движимый угрызениями совести, заявил: «Простите, если можете, обиды, которые мы вам причинили. Я прихожу в ужас, когда думаю о том, как заблуждаемся мы в Англии! Я и сам поддался дезинформации. Но когда я

вернусь домой, я постараюсь излечить людей от этих заблуждений».

Настоятель Кентерберийского собора Хьюлетт Джонсон преклонил колена у подножья памятника героям восстания варшавского гетто и сказал: «Я склоняю голову перед теми, кто пал жертвой самого ужасного преступления в истории человечества. Я склоняю голову перед теми бесстрашными героями, еврейскими мужчинами, женщинами и детьми, которые отдали здесь свою жизнь. Кто, находясь здесь, может думать, что сделал достаточно, чтобы оградить мир от такой же судьбы? Я верю, что человечество никогда более не будет запятнано подобными преступлениями».

Осенью 1952 года в Пекине состоялся Конгресс сторонников мира стран Азии и Тихого океана.

«Здесь, — писал корреспондент нью-йоркской газеты «Дейли уоркер» Джозеф Старобин, — Азия и Латинская Америка обменялись рукопожатием и поделились своими горестями и надеждами. Это была повесть о половине человечества и страшный обвинительный акт против империализма... Об этом говорилось почти в каждом из ста выступлений... Когда индийские женщины поднялись на трибуну и обняли своих корейских сестер, крепко сжимая их в течение долгих, потрясающих минут, — это было не только выражением сострадания. Это было клятвой поддержать народ, не склонивший голову перед врагом и ответивший ударом на удар... Я никогда еще не видел людей, которые держались бы более уверенно и с большим достоинством, чем группа делегатов из Вьетнама... То, что происходило в Пекине, было подлинным союзом народов. Настоящий тихоокеанский пакт заключен между крестьянами, убирающими рис, рабочими, грузящими баржи, горняками, добывающими олово, юношами, собирающими сок каучуковых деревьев, механиками, выкачивающими нефть»⁴⁷.

В 1952 году 1857 представителей восьмидесяти пяти стран, собравшихся на Конгресс народов в защиту мира в Вене, выпустили пламенное воззвание: «Довольно разрушать города и страны, довольно накапливать смертоносное оружие, довольно проповедовать ненависть и призывать к войнам. Пора вступить на путь переговоров, пора договориться... Национальная независимость всех государств представляет собой вернейший залог мира...»

так же как и «право всех народов распоряжаться своей судьбой и выбирать свой образ жизни без какого бы то ни было вмешательства в их внутренние дела...»

Делегаты, представлявшие все нации и расы человечества, приняли участие в конгрессах сторонников мира в Варшаве, Пекине и Вене. Это были мужчины и женщины различных религиозных и политических убеждений, различных классов, групп и профессий — поэты и инженеры, рабочие и ученые, государственные деятели, священнослужители и деятели профсоюзов. Каждый из них мог предложить любой план предотвращения катастрофы новой войны. И тем не менее здесь не оказалось никаких враждебных группировок, которые были бы движимы эгоистическими побуждениями, выдвигали бы лицемерные лозунги или произносили лживые речи. Ибо здесь не было никаких группировок, которые были бы готовы уничтожить миллионы человеческих существ ради незаконного права на медные или золотые рудники.

Здесь разум и совесть человечества, говорили устами Жолио-Кюри, заявившего: «Мы должны добиться, чтобы никогда больше не повторились ужасы коллективной гибели людей, и мы этого добьемся», и устами Ильи Эренбурга, спрашивавшего: «Почему не могут коммунисты и католики, русские и американцы, англичане и китайцы объединиться, для того чтобы отвести дуло орудий от человеческой груди? Почему запрещено подстрекательство к поджогу сарая или стога сена, но свободно разрешается призывать разжечь пожар войны на половине земного шара? Разве не лежит на нас ответственность за всех детей, светлых и черных, за детей Лондона и Москвы, Парижа и Пекина, за детей, живущих в небоскребах Нью-Йорка, и тех, которые бродят среди развалин Кореи?»

Цементируя дружбу между народами различных наций, собрания сторонников мира тем самым углубили противоречия между народными массами и поджигателями войны. Докеры Австралии и Одессы, горняки Западной Германии и Донбасса, текстильщики Лиона и Ташкента, крестьяне Венгрии, Бразилии, Индии и Франции убеждаются в тождественности своих основных чаяний.

Представители духовенства многих стран осудили лицемерную позицию Ватикана, который принимает участие в преследовании сторонников мира, утверждая

одновременно, что для сохранения мира во всем мире достаточно одних молитв. Священник Андреа Гаджери из Рима заявил:

«Я всегда буду носить в моем сердце память о миллионах людей, замученных, рассеянных по свету или убитых в этой ужасной войне. Каждый день передо мной встают образы сотен тысяч людей всех национальностей, которые томились вместе со мной в лагере смерти Маутхаузен... Нельзя служить двум хозяевам — богу и деньгам, добру и злу... Мы все должны объединиться для единой цели — защитить мир во всем мире».

Обуздание безумного Голема*

Всемирное движение сторонников мира дало конкретное простое и недвусмысленное определение агрессии, — термина, который ООН, под давлением американцев, все еще не хочет принять. «Агрессором является то государство, которое первым применит вооруженную силу против другого государства под каким бы то ни было предлогом». Решающее значение имеют в этом определении слова «первым», «государство» и «вооруженную силу». «Первым» означает, что *когда* страна обороняется *после* того, как она подверглась нападению извне, она ведет справедливую войну против агрессии. Оказание помощи стране, подвергшейся такому нападению, является оправданным. Слова «вооруженную силу» определяют, *в чем* выражается нападение, и означают, что независимо от того, что могут говорить, думать или делать руководители данного государства в отношении другого государства, это не будет подходить под понятие агрессии до тех пор, пока они не применят вооруженной силы. Слово «государство» определяет, *кто* может подойти под понятие агрессора. Чтобы корейский, иранский, американский или любой другой народ ни делали *в пределах* своих собственных территориальных границ, какая бы политическая борьба или гражданская война ни велась *внутри* их стран, это не подходит под понятие агрессии. Только вооруженное вмешательство *извне* представляет

* Персонаж еврейской легенды — существо, созданное из глины для служения своему создателю-человеку и взбунтовавшееся против своего хозяина.— *Прим. ред.*

собой акт агрессии и ведет к международным войнам. Всемирный Совет Мира продолжает требовать, чтобы Организация Объединенных Наций приняла это четкое определение, запретила и уничтожила все орудия массового уничтожения, провела разоружение под контролем Совета Безопасности ООН и содействовала установлению нормальных культурных и торговых отношений между всеми странами.

Всемирное движение сторонников мира показало, что нет таких международных проблем, которые не могли бы быть разрешены путем переговоров при условии, что целью является всеобщий мир. Нежелание какой-либо державы идти на переговоры служит верным признаком того, что она готовится к войне. Такая держава боится переговоров, потому что всякое соглашение, ведущее к мирному разрешению спорных проблем, лишило бы ее военные приготовления какого-бы то ни было оправдания.

Для того чтобы помешать осуществлению вынашиваемых империалистами планов третьей мировой войны, всемирное движение сторонников мира стремится расширить масштабы своей деятельности и поднять на активную борьбу новые миллионы людей. Третья мировая война может быть отсрочена, может быть предотвращена. Уже сама отсрочка может сделать в дальнейшем такую войну невозможной, ибо монополистический капитализм в его последней стадии подобен безумному Голему, который, как бы гонимый крыльями рока, спешит открыть ворота катастрофе. Однако время, как это признают сами империалисты, находится на стороне всемирных сил мира. Каждая новая подпись под воззванием сторонников мира, каждое действие в защиту мира выковывают новое звено в цепи, держащей на привязи чудовище войны.

Капитализм порождает войны, как болото — малярию. Однако законы, управляющие человеческим обществом, отличны от законов природы. Ибо, в конечном счете, развитие общества и все важнейшие вопросы истории решаются борьбой народных масс. В конечном счете никакие империалисты не могут вести войну без участия трудящихся, и только воля трудящихся решит, быть или не быть такой войне.

Когда борьба касается вопросов жизни и смерти, политическая сознательность масс движется вперед семи-

милыми шагами. Сегодня сотни миллионов некогда отсталых и угнетенных народов, составляющих большинство населения земного шара, принимают активное участие в историческом процессе. Мирное развитие стало необходимостью, историческим законом для более чем одной трети человечества, способность которой отстоять мир во всем мире растет изо дня в день. А внутри империалистического лагеря сама жизнь приводит миллионы людей, никогда не читавших Маркса или Ленина, ко многим их выводам.

Все это означает, что эра безмятежного господства империалистов миновала. Человечество движется к рубежу, где произойдут коренные качественные изменения, когда окажется возможным предотвратить некоторые бедствия, доселе считавшиеся неизбежными. Побуждаемые угрозой империалистов в третий раз на протяжении одного столетия разжечь пожар мировой войны, жизненные интересы всех народов неизбежно сольются с жизненными интересами лагеря мира и социализма, чтобы добиться запрещения всех орудий массового уничтожения, прекращения гонки вооружений и мирного сосуществования.

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИЕ СОЮЗЫ — КОТЕЛ ДЬЯВОЛОВ

В предыдущих двух главах мы рассмотрели те две основные мировые силы, которые стоят на пути к развязыванию третьей мировой войны: растущее сопротивление народа и мирную политику мощного лагеря социализма, возглавляемого Советским Союзом. Мы показали, что всякая агрессивная война в корне противоречит жизненно важным интересам как стран лагеря социализма, так и всех народов мира в целом. Теперь мы рассмотрим третий важнейший фактор, направленный на то, чтобы расстроить планы империалистов по организации совместного антисоветского «крестового похода», а именно противоречия между самими империалистами.

Конфликты и столкновения между самими империалистами возникают в результате неравномерного развития капитализма, экономических и других различий среди разных правящих классов. Капиталисты, обладающие большим капиталом, располагающие более дешевым сырьем и лучшими машинами, обычно побеждают в конкурентной борьбе и приводят к краху других. Империалистические страны, считающие себя лишенными сырья и рынков сбыта, пытаются изменить положение при помощи насильственного передела сфер влияния. Поэтому жизненного пространства всегда не хватало, чтобы удовлетворить и немецкие, и английские, и японские, и американские тресты. Они разбиваются на враждебные лагеря и разрешают конфликты на поле боя.

Возникновение Советского Союза, добавившее к капиталистическим противоречиям четвертое, внешнее противоречие, породило новую тенденцию — тенденцию империалистических стран объединяться, для того чтобы разрешить противоречия путем организации совместной войны против Советского Союза¹. В 1918 году Ленин заявил: «Существуют две тенденции: одна, делающая неизбежным союз всех империалистов, другая — противопо-

ставляющая одних империалистов другим — две тенденции, из которых ни одна прочной под собой основы не имеет»*.

Преобладание той или другой тенденции, определяется, во-первых, характером тех сил и противоречий, которые действуют внутри самого империалистического лагеря, и, во-вторых, соотношением сил между империалистическим и социалистическим секторами. В июне 1930 года Сталин писал: «Каждый раз, когда капиталистические противоречия начинают обостряться, буржуазия обращает свои взоры в сторону СССР: нельзя ли разрешить то или иное противоречие капитализма, или все противоречия, вместе взятые, за счет СССР?..» «Но интервенция, — добавил он, — есть палка о двух концах. Это в точности известно буржуазии. Хорошо, думает она, если интервенция пройдет гладко и кончится поражением СССР. Ну, а как быть, если она кончится поражением капиталистов?.. Отсюда тенденция к продолжению мирных отношений с СССР»**.

Как же проявляются эти тенденции в настоящее время? Являются ли противоречия между двумя лагерями более острыми, чем противоречия между самими империалистами? Сталин писал: «Теоретически это, конечно, верно. Это верно не только теперь, в настоящее время, — это было верно также перед второй мировой войной. И это более или менее понимали руководители капиталистических стран. И все же вторая мировая война началась не с войны с СССР, а с войны между капиталистическими странами». Это произошло потому, что «война с СССР, как страной социализма, опаснее для капитализма, чем война между капиталистическими странами, ибо, если война между капиталистическими странами ставит вопрос только о преобладании таких-то капиталистических стран над другими капиталистическими странами, то война с СССР обязательно должна поставить вопрос о существовании самого капитализма». Кроме того капиталисты «учитывают мирную политику Советского Союза и знают, что Советский Союз сам не нападает на капиталистические страны»***.

* В. И. Ленин, Сочинения, т. 27, стр. 333.

** И. В. Сталин, Сочинения, т. 12, стр. 255.

*** И. В. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, 1952, стр. 34.

После первой мировой войны, писал Сталин, Соединенные Штаты и Англия, «помогая Германии подняться экономически, имели при этом в виду направить поднимающуюся Германию против Советского Союза, использовать ее против страны социализма». Но вместо этого Германия пошла по пути самостоятельного развития и «направила свои силы в первую очередь против англо-американского блока». «Следовательно, борьба капиталистических стран за рынки и желание утопить своих конкурентов оказались практически сильнее, чем противоречия между лагерем капитализма и лагерем социализма»*.

Все это верно и поныне. В результате углубления общего кризиса сфера приложения капитала сузилась по сравнению с прежним. Вот почему борьба среди империалистов за то, чей капитал должен потесниться, становится еще более острой. Чтобы облегчить себе путь к мировому господству, Соединенные Штаты Америки вместо этого толкают империалистов к войне против Советского Союза. Но английские, французские, немецкие и японские правящие классы сознают сейчас лучше, чем когда-либо раньше, самоубийственный характер войны против СССР — самоубийственный не только для каждого из них в отдельности, но и для мирового капитализма в целом. Они знают также, что монополисты Уолл-стрита не станут более великодушными по отношению к ним даже после захвата ими при помощи такой войны новых рынков или территорий.

Вот почему партнеры Вашингтона не будут торопиться положить свои головы на плаху, чтобы пожертвовать собой ради целей США в третьей мировой войне. На первый план они будут ставить свои собственные интересы, попытки же Уолл-стрита превратить их в своих сателлитов противоречат этим интересам.

Кто должен погибнуть?

Сразу же после второй мировой войны острота проблемы капиталистического рынка была до некоторой степени ослаблена, поскольку такие конкуренты, как Германия и Япония, были устранены. Однако промышленность Соединенных Штатов тем временем значительно выросла,

* И. В. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, 1952, стр. 35.

а страны Западной Европы и Япония постепенно восстановили свой довоенный уровень производства. Торговая конкуренция между ними вспыхнула вновь и стала более ожесточенной и острой, чем когда-либо прежде. Лондонская газета «Дейли геральд» писала по этому поводу, что «довоенное пугало — японская конкуренция — вновь поднимает голову. Японские хлопчатобумажные товары наводняют рынки мира. Япония уже экспортирует больше текстильных товаров, чем мы»². Лондонский еженедельник «Экономист» указывал, что «Манчестер смотрит на японскую конкуренцию, как на чудовище Франкенштейна»*. (Заработная плата в Японии составляет от одной трети до половины средней заработной платы в Англии.)

В 1952 году, когда число безработных в английской текстильной промышленности достигло 180 тысяч человек, Вашингтон предоставил Японии кредит в 40 миллионов долларов на увеличение экспорта хлопчатобумажных тканей. Японский экспорт в Индию и Малаю увеличился за этот год в три раза по сравнению с 1950 годом, в то время как английский экспорт в эти районы поднялся лишь на 20 процентов. 23 марта 1952 года «Рейнольдс ньюс» поместила сообщение о секретной сделке между американскими и японскими текстильными промышленниками, о захвате заморских рынков, контролируемых Англией. Лондонское министерство торговли настаивало на том, чтобы Вашингтон прекратил вмешательство в торговлю через Гонконг и разрешил бы Японии возобновить торговлю с Китаем (45 процентов довоенного экспорта Японии шло в Китай). Поэтому, хотя Уайт-холл не меньше Уолл-стрита ненавидит народный Китай, он все же признал новое пекинское правительство и выступил против организованного США бойкота Китая.

Когда промышленное производство Западной Германии приблизилось к довоенному уровню, это вызвало вопли негодования и страха среди других западноевропейских и даже американских промышленников. В 1948 году Франция шла впереди Германии по производству стали; в 1952 году последняя опередила Францию на 400 тысяч тонн в месяц. Орган французских крупных деловых

* Персонаж из фантастического романа «Франкенштейн», написанного Мэри Шелли совместно с Перси Шелли и Байроном в 1818 году. В романе говорится о чудовище, созданном ученым и взбунтовавшемся против него и всего человечества. — *Прим. ред.*

кругов газета «Монд» негодовала по поводу того, что «рурский уголь, химикалии, машины и металлические изделия продаются по более низким ценам, чем та же продукция Франции. Концерны Рура стремятся вновь добиться своего довоенного превосходства»³. Рено и Ситроен не могли конкурировать с фирмами «Опель» («Дженерал моторс») и «Фольксваген».

Западная Германия уже вытесняет Францию с европейских рынков и даже проникает на ее рынки в Северной Африке. Она также сильно посягает на рынки Англии. Экспорт Западной Германии в Латинскую Америку повысился с 32 миллионов долларов 1949 году до 370 миллионов долларов в 1951 году. В 1951 году ее экспорт в Аргентину поднялся на 232 процента, а экспорт Англии упал на 27 процентов. Катастрофическому упадку английского экспорта металлических и химических изделий в 1951 году соответствовал общий подъем западногерманского экспорта в Западной Европе*.

24 мая 1952 года «Уолл-стрит Джорнэл» сообщал, что вследствие конкуренции Германии и Японии экспорт Англии в Австралию, Новую Зеландию, Южную Африку и Индию сократился на 50 процентов. Концерны «И. Г. Фарбен», АЭГ, Флика, Круппа и Хейнкеля создают свои отделения в Канаде, Южной Африке, Египте, Турции и Австралии.

Бонн и Париж в одинаковой степени ратовали за многостороннюю свободную торговлю, но каждый из них ввел новые ограничения на импорт. 1 мая 1953 года, после вступления в силу плана Шумана, Жан Монне, один из его организаторов, заявил: «С этого момента нет больше французской, немецкой и бельгийской стали. Вся она будет европейской». Но между участниками плана Шумана немедленно возник спор из-за саарской стали. «Самые сильные слова слишком слабы, чтобы заклеить французскую политику убийства и террора в Сааре», — сообщила боннская печать⁴. Париж настаивал на том, чтобы саарская сталь считалась французской и чтобы производство стали во Франции было бы равным производ-

* В 1949 году экспорт металлических изделий Западной Германии в Европу составлял 73 процента экспорта Англии; в 1952 году он поднялся до 182 процентов. Для химикалий соответственные цифры составляли 67 процентов для 1949 года и 210 процентов для 1951 года. («Экономист», 15 августа 1952 года.)— *Прим. автора.*

ству стали в Западной Германии*. Бонн тотчас же повысил тарифы на французскую сталь и уголь⁵. А 6 мая 1953 года Бонн ввел налог с оборота угля и стали, «чтобы не допустить французского экспорта стали в Германию ниже цен, которые могли предложить промышленники Германии». Все это нанесло удар по основам плана Шумана, который совершенно отчетливо запрещает подобную дискриминацию⁶.

Правительство Аденауэра возобновило применявшуюся Шахтом практику предоставления субсидий, которые давали возможность немецким капиталистам захватывать рынки при помощи занижения цен и демпинга. Более того, сделки правительства Аденауэра финансировались американскими долларами. «Против кого ведется холодная война? — задал вопрос Эньюрин Бивен. — Против Англии или против Советского Союза?» По мере того как торговля Англии суживалась, ее политические деятели все более настойчиво добивались того, чтобы «Западная Германия не была отрезана от своих восточноевропейских рынков»⁷.

Наиболее сложной проблемой, стоящей перед всеми европейскими капиталистическими странами, была конкуренция Соединенных Штатов Америки. США душили всех их своим контролем над кредитами и сырьем, а также более совершенной техникой производства. До войны Соединенные Штаты экспортировали 278 миллионов квадратных ярдов текстильных товаров, Англия — 1654 миллиона и Япония — 2412 миллионов. В 1947 году соответствующие цифры составили 1470, 631 и 394 миллиона. В результате в 1950 году экспорт хлопчатобумажных тканей из Англии был равен только 40 процентам ее экспорта 1937 года и только 12 процентам ее экспорта 1913 года; экспорт Соединенных Штатов за этот же период возрос на 500 процентов. В 1938 году США экспортировали 12 миллионов тонн угля, Германия — 30 миллионов и Англия — 37 миллионов. В 1947 году экспорт составил соответственно 80, 11 и 6 миллионов тонн. Таковы были результаты

* Если бы Саар перешел к Западной Германии, ее доля в производительности «европейского сообщества» поднялась бы до 42 процентов, в то время как производительность Франции упала бы до 27 процентов. В настоящее время соответствующие доли этих стран составляют 34 процента для Франции и 35 процентов для Германии. — *Прим. автора.*

политики монополистов США в отношении своих «союзников».

Европейцы просили «торговли, а не помощи». Но Конгресс США был буквально наводнен новыми планами о том, как избавить американский рынок от внешней конкуренции путем введения более высоких тарифных барьеров. Тарифы США стали одним из основных факторов дезорганизации экономики европейских стран. Конгресс ограничил даже импорт сухого инжира из Турции. Турция отплатила тем, что сократила импорт промышленных товаров из Соединенных Штатов.

1 мая 1953 года Майкл Гофман писал, что «Западная Европа и зависимые заморские районы и впредь должны будут продолжать отдавать предпочтение долларovým товарам... Неустойчивость мировой торговли будет продолжаться». «Никто в Европе не желает подрывать американскую экономику, — заявил Д. Хайнц Кракелер, поверенный в делах Бонна в Вашингтоне. — Единственное, чего мы хотим, — это уцелеть вместе»⁸. Но именно это «вместе» и составляет всю трудность проблемы.

Здание с одной опорой

Стремление Уолл-стрита к контролю над мировыми рынками и сырьевыми ресурсами превосходит прежние империалистические устремления к мировому господству. Франция, Англия, Германия и Япония — каждая в свое время — боролись за гегемонию, но фактически дело обычно сводилось лишь к переделу мировых рынков и колоний. Банкиры и промышленники гитлеровской Германии вопили: «Завтра — весь мир!» Но на первых порах они стремились господствовать «всего-навсего» в Северной Африке, на Ближнем и Среднем Востоке и в Европе, вплоть до Урала. По крайней мере, на первое время они были согласны делить мировое господство с одной или двумя другими державами — с Соединенными Штатами, Японией или обеими вместе. Однако империализм Соединенных Штатов имеет такое превосходство над своими конкурентами в экономическом и военном отношении, какого Гитлер никогда не имел. Поэтому американский империализм менее склонен делить контроль и прибыли. Уже господствуя во всем Западном полушарии, на Тихом океане и в значительной части Юго-Восточной Азии, на

Ближнем и Среднем Востоке и в Африке, американский империализм требует признания его господства над всем миром. Он полагает, что не существует на свете такой державы, которую нельзя было бы разгромить и подчинить. Поэтому-то у Вашингтона нет партнеров, а есть лишь подчиненные.

Теперь, когда рамки капиталистической системы стали слишком тесными для существования капитализма, американские тресты стремятся к экспансии одновременно во всех направлениях. Каковы бы ни были границы их господства, они их не удовлетворяют. Через своих представителей, таких, как Томас Дьюи, они заявляют: «Западное побережье Америки не будет в безопасности до тех пор, пока мы не установим контроль над Гавайскими островами», удаленными на две тысячи миль от Америки. Гавайские острова, в свою очередь, не будут в безопасности до тех пор, пока 40 миллионов квадратных миль Тихого океана со всеми его островами, включая Филиппины и Индонезию, не будут подвластны Америке. Дьюи утверждал, что осуществление этих планов требует со стороны Америки также контроля над Кореей, Формозой, Китаем и Юго-Восточной Азией. С 1945 года некоторые сенаторы и должностные лица государственного департамента неоднократно заявляли, что границы Соединенных Штатов следует искать где-то в Германии, Иране, Скандинавии и Турции.

Любая страна, одержимая фантастической мечтой, что ее торговцы сталью и нефтью могут править человечеством, будет неизбежно вовлечена в невероятные авантюры и неразрешимые противоречия. И это тем более вероятно, если страна стремится к достижению своей цели в период, когда рухнет вся система в целом.

В «добрые старые времена» мировой империализм представлял собой некую цепь, в которой каждое звено поддерживало другое. С победой революции в России царизм, как наиболее слабое звено, выпал из цепи, и она начала распадаться. К концу второй мировой войны из цепи выпал еще ряд звеньев, и даже те, которые внешне казались прочными, были на грани распада. В настоящее время единственной платежеспособной капиталистической державой являются Соединенные Штаты Америки. Но вместо того чтобы примкнуть к поддерживающей цепи, Соединенные Штаты ухватились за группу либо

умирающих и распадающихся, либо наполовину обанкротившихся государств, которые истощают их силы.

Поэтому в своем стремлении к мировому господству американский империализм ничуть не сильнее самого слабого звена в капиталистической цепи. Американский империализм вынужден обращаться к прогнившим режимам Испании, Турции, Греции, Южной Кореи и другим подобным зыбким пловунам как к «краеугольным камням нашей системы». Алхимики американского империализма ищут магическую формулу, которая «установила бы соотношение» между политико-экономическим дьявольским варевом и «котлами ведьм» пятидесяти различных капиталистических и полуфеодальных олигархий, каждая из коих вопит, что она гибнет, и каждая из коих взывает о помощи.

Опасность таится повсюду: среди грузчиков Басры, Бомбея и Генуи, среди рабочих нефтяной промышленности Киркука, Абадана и Каракаса. В Юго-Восточной Азии, так же как в Африке и Латинской Америке, растет число «неблагонадежных» крестьян. Американские агенты не только возводят глухую стену вокруг 800 миллионов людей, но и усердно готовят карту мира, пытаясь нанести на нее каждый город и деревню, где, как они подозревают, имеют место антиамериканские настроения. И по мере того, как растет количество империалистических проблем, империалисты вербуя все больше убийц, вопят: «Операция «Искренность», «Операция «Убийца», «Операция «Правда» — и предлагают грузы оружия и горы долларов.

Однако в решающий момент оказывается, что из всех империалистических жандармов только американец в состоянии еще занести дубинку над восстающими народами. Ему нет покоя! Он, как безумный, скачет от одной базы к другой, с континента на континент, чтобы заделывать дыры в дамбах империалистической системы, но эти дамбы разваливаются, ибо эти союзы и базы основаны на тающих, крошащихся льдинах, плывущих по волнам вздувающегося весеннего потока народно-освободительного движения.

Всякое расширение американских баз ложится все более тяжким бременем на американский империализм и все более обостряет его проблемы. Поглощенный самоубийственной задачей — железом приостановить ход

истории — американский империализм все быстрее идет ко дну под тяжестью своей стальной брони и слабых, тонущих союзников. Сознавая эту основную слабость, так называемые «изоляционисты» среди американских империалистов настаивают «на концентрации нашей энергии в одном районе или на одном конфликте». Но это, по заявлению Аверелла Гарримана, который представляет «глобалистов», является самоубийством. «Они не понимают характера борьбы или характера угрозы, стоящей перед нами, которую можно преодолеть только при помощи глобальной стратегии. В этой борьбе нельзя победить каким-либо одним методом». Очевидно, по этой самой причине *вся американская «глобальная» стратегия может потерпеть крушение из-за провала какого-либо одного метода.*

Таким образом, те самые факторы, которые привели американский капитализм к господствующему положению (его огромные прибыли, полученные в результате первой и второй мировых войн, падение его конкурентов и т. д.), способствовали также его роковой слабости. Эта неравномерность, эта чрезмерная концентрация экономической мощи на одном полюсе дает возможность американским империалистам подчинять других, но подчинять ценой усиления общего кризиса и подрыва жизнеспособности всей капиталистической системы. «Соединенные Штаты являются динамомашинной, источником энергии,— писал мистер Липпман. — Если динамомашина остановится или замедлит ход, огни погаснут во всем мире. Конечно, динамомашина может быть перегружена; если ее перегрузят, она может выйти из строя. Вот почему нам следует избегать таких обязательств, которые не могут быть выполнены»⁹. Однако Липпман забыл, что динамомашина не только питает, но и питается, — питается безжалостной эксплуатацией многих народов, а это вынуждает ее брать на себя обязательства, ведущие к неизбежному краху.

По мудрому заявлению Мао Цзэ-дуна, американский реакционер несет тяжелое бремя. Ему приходится поддерживать реакционеров всего мира, и если он не сможет их поддержать, то здание рухнет. Это здание имеет только одну опору.

Американские реакционеры должны поддерживать реакционеров всего мира, а также и господствовать над ними. Ведь не от хорошей жизни американский капита-

лизм неистовствует, стремясь к мировому господству. Его подгоняют нарастающий общий кризис, увеличивающийся разрыв между производством и потреблением, огромное накопление капитала, усиливающаяся неровность и неустойчивость капиталистической системы, растущая мощь социализма, а также национально-освободительное и рабочее движение. Поскольку американские империалисты считают, что их сферы влияния слишком ограничены, они должны захватывать рынки сбыта и сферы влияния английских, французских и других трестов с конечной целью объединения и поглощения своих конкурентов, слияния их в единый мировой трест.

Ленин ясно предвидел тенденцию монополистического капитализма следовать этим путем. Он также доказал, почему капитализм никогда не достигнет этой цели. Он писал: «Не подлежит сомнению, что развитие идет в *направлении* к одному единственному тресту всемирному, поглощающему все без исключения предприятия и все без исключения государства. Но развитие идет к этому при таких обстоятельствах, таким темпом, при таких противоречиях, конфликтах и потрясениях, — отнюдь не только экономических, но и политических, национальных и пр. и пр., — что непременно *раньше*, чем дело дойдет до одного всемирного треста, до «ультра-империалистского» всемирного объединения национальных финансовых капиталов, империализм неизбежно должен будет лопнуть, капитализм превратится в свою противоположность»*.

Противоречия и антагонизм, на которые указывал Ленин, с тех пор предельно обострились. Во-первых, силы, выступающие против подчинения и порабощения, сейчас мощнее, чем когда-либо раньше. Во-вторых, попытка Уолл-стрита приковать к себе другие империалистические страны требует предварительно сокрушить их. В-третьих, попытка Уолл-стрита спасти мировой капитализм вызывает в то же время необходимость поддерживать эти страны экономически. И, наконец, поскольку империалистические страны можно объединить только «вокруг общей цели», а именно войны против Советского Союза, их надо укрепить также и в военном отношении. Все это неизбежно ведет к тому, что лагерь империализма раздирают и раскалывают множество конфликтов и противоречий.

* В. И. Ленин. Сочинения, изд. III, т. XVIII, стр. 357.

Неоднократные ультиматумы Даллеса правящим кругам Западной Европы объединиться и прекратить распри, иначе, мол, «Соединенные Штаты будут вынуждены пересмотреть свою политику», отражают опасение Вашингтона, что заключенные им союзы могут распасться раньше, чем выполнят свое назначение. Чтобы предотвратить этот крах и обеспечить себе надежных союзников в заговоре против мира, Вашингтон должен ограничить их права и возможности вести самостоятельную политику. Ибо только таким образом он может загнать разделенных и ссорящихся между собой парижских, боннских, афинских, лондонских и римских правителей в свой хриплый милитаристский хор. Но это порождает новые противоречия. Прежде всего возникает задача: как, сделав своих сателлитов слабыми и покорными в экономическом и политическом отношении, заставить их в то же время ускоренными темпами набирать силы для ведения войны. Явно неразрешимая задача.

Но это еще не все. В настоящее время, в отличие от прежних времен, правительства Западной Европы ведут подготовку к войне, не имея никаких резервов и находясь на грани банкротства. Народные массы Европы не потерпят ни дальнейшего снижения их жизненного уровня, ни требований о новых военных жертвах. Если принять все это во внимание, мы придем к парадоксальному положению, когда от западных держав, истощенных разорительными военными расходами, требуется в момент их величайшей слабости проявить максимальную силу — нереальная ситуация. Добавьте к этому активную борьбу сил мира, и станет еще очевидней, что западноевропейский карточный домик антисоветских военных союзов распадется еще до того, как из него будет сделан первый выстрел.

Англо-американские противоречия

В данное время английские монополисты еще могут преодолеть угрозу немецкой и японской конкуренции в области торговли. Но удары со стороны Уолл-стрита значительно опасней. Американские тресты вытесняют англичан не только с их жизненно важных рынков сбыта, но также и из сфер приложения капитала, прибирая к рукам английские колонии, доминионы и районы, входящие в Британское содружество наций.

На долю Британской империи все еще приходится около 50 процентов всего капиталистического производства натурального каучука и значительной части олова, никеля, марганца, хрома, асбеста, шерсти, меди, свинца и цинка. США как самый крупный потребитель сырья стремятся удушить Англию установлением монопольных мировых цен, контролируя их путем накопления запасов сырья. С другой стороны, английские монополисты пытаются создать новые картельные соглашения для удержания цен на выгодном для них уровне.

Другим источником раздоров является нефть. Американские капиталисты добились контроля над 55 процентами всей нефти, добываемой в капиталистическом мире за пределами США, в то время как до второй мировой войны они контролировали лишь 36 процентов. Доля английских монополий в добыче нефти упала с 51 процента в 1937 году до 35 процентов в 1951 году. На Ближнем и Среднем Востоке американские монополисты увеличили свою долю с 13 процентов в 1937 году до 59 процентов в 1952 году, уменьшив долю англичан с 76 процентов в 1939 году до 33 процентов в 1952 году.

Тогда почему же, несмотря на растущие англо-американские противоречия и увеличивающееся расхождение их экономических интересов, Лондон продолжает плестись в хвосте у Вашингтона? Конечно, Англия вышла из последней войны банкротом в экономическом и второразрядной державой в военном отношении. При наличии двух дивизий на Ближнем и Среднем Востоке и пяти дивизий на континенте Англия не могла уже, как прежде, играть решающую роль в политике равновесия сил. Но она могла бы занимать значительно более независимое политическое и экономическое положение, если бы не связала себя в такой мере с уолл-стритовской программой «холодной войны».

Англия, например, могла бы возместить свои финансовые и торговые потери и вернуть свою платежеспособность путем установления нормальных торговых отношений с Советским Союзом, Китаем и европейскими странами народной демократии. Однако она до сих пор отказывается воспользоваться выгодами длительных торговых соглашений, предлагаемых этими странами, выгодами, которые дали бы ей возможность освободиться от американских подачек.

Не потому ли создалось такое положение, что Лондон боится Москвы больше, чем Вашингтона? Но факты свидетельствуют о том, что не СССР, а США разрушают Британскую империю. Советский политический комментатор А. Леонидов писал после второй мировой войны: «Трумэн довершил то, что начал—с поощрения Англии—Гитлер. Ведение торговли на доллары свело ценность стерлинга к ценности медной монеты. Уолл-стрит всеми правдами и неправдами, путем уговоров и насилия захватил в тиски английскую экономику». Канада, Австралия, Новая Зеландия, Индия, Дальний Восток, Иран, Турция и арабские страны — все они перешли от Англии к Соединенным Штатам, для которых своим девизом стал лозунг: «Вся Азия для американцев».

Тогда почему же английский правящий класс поддерживает агрессивные антисоветские выступления Вашингтона? Почему Лондон до минимума сократил торговлю с Востоком и присоединился к американскому плану возрождения милитаризма? Короче говоря, почему Лондон привязал себя к хвосту вашингтонского воздушного змея войны? Все это нельзя объяснить относительной слабостью Англии и ее зависимостью от Уолл-стрита, так как влияние Англии на еще более слабые западноевропейские страны все еще значительно. Право же, Сити мог бы больше подработать, выступая в качестве арбитра в «холодной войне» (не говоря уже о роли ходатая мира), чем в качестве помощника поджигателя войны.

Причины, побуждающие английский правящий класс занимать такую позицию, следующие. После войны как черчилли, так и бевины лелеяли надежду, что американская атомная бомба отбросит социализм от Эльбы и Одера до Буга или даже дальше. Они надеялись также, что американский жандарм поможет им сохранить и упрочить власть над своей ослабленной империей хотя бы на основе равенства. Последним, но не менее важным фактором является то, что некоторые круги английского правящего класса мечтали о том, что новая война между США и СССР выведет Англию из состояния подчинения и упадка и восстановит ее как мировую державу.

Принимая во внимание открытое географическое положение Англии, подобные расчеты выглядят необоснованными и даже крайне авантюристичными. Однако было бы крайне наивно предполагать, что люди, которые в те-

чение тридцати шести лет плели всевозможные интриги с целью уничтожения советской власти, откажутся от этой цели именно теперь, когда самая безрассудная антисоветская клика (которой, кстати сказать, они сами боятся и которую презирают) делает на это отчаянную ставку. Во всяком случае, деятельность Лондона за последнее время свидетельствует о том, что ему не чужды такие рассуждения.

Английская дипломатия всегда руководствовалась принципом сохранения гегемонии путем восстановления одной страны (против другой). В то или другое время, начиная с 1812 года, она поддерживала (каждое европейское государство путем союзов и тайных стоворов, направленных против какого-либо другого государства. К примеру, во второй половине XIX века она поддерживала Германию Бисмарка против Франции, затем Россию против Германии, Францию и Турцию против России, а затем снова Россию и Францию против Германии.

До первой мировой войны развивавшийся германский империализм стремился к переделу территорий, рынков сбыта и посягал на интересы Англии в Африке, на Балканах, на Ближнем и Среднем Востоке и в Южной Америке. Англия поощряла гонку вооружений немецких и австрийских империалистов. Англия обманула немецких и австрийских империалистов и присоединилась к Антанте после того, как дала им сигнал начать войну против Франции и России, тайно обещая сохранять нейтралитет. (*«Боже, покарай Англию!»* — стало самым распространенным девизом в Германии.)

Аналогично этому в течение всего десятилетия, предшествовавшего второй мировой войне, Англия усердно ковала ключи, которые открыли гитлеровскому вермахту ворота на Восток. И действительно, без «добрых услуг» Лондона война не могла быть начата. Но как только война началась и Германия напала вначале на Польшу (вместо Советского Союза), большинство обещаний, данных Чемберленом и Гендерсоном, было выброшено за борт.

Послевоенная внешняя и военная политика Англии (проводимая полусекретной организацией — Комитетом имперской обороны, созданным в 1904 году), повидимому, характеризуется таким же предательским двурушничеством. Как и прежде, Лондон провозглашает свою

неизменную враждебность к Советскому Союзу (его единственное искреннее заявление), поддерживает различные интриги, направленные на поощрение агрессии, но фактически он рассчитывает, что другие будут таскать для него каштаны из огня. «Империалистическая финансовая олигархия в Англии, — писал Р. Палм Датт, — целиком космополитическая по своим взглядам, интересам и связям, — жадно цепляется за связь с Америкой, чтобы сохранить свои владения и продолжать получать максимум сверхприбылей. Принося ради этой высшей цели национальные интересы Англии в жертву американскому господству, английские империалисты страдают от угрызений совести не больше, чем их мюнхенские предшественники... приносившие национальные интересы Англии в жертву гитлеровской экспансии во имя враждебной по отношению к Советскому Союзу политики Гитлера».

Надеясь восстановить некоторое влияние на Дальнем Востоке, Англия признала новое правительство Китая. Но одновременно, желая свергнуть новый строй в Китае, она сотрудничает с США в вопросе о недопущении Китая в Организацию Объединенных Наций, поддерживает отношения с кликой Чан Кай-ши на Формозе, засылает шпионов и диверсантов через Гонконг. Англия поддерживала также другие военные авантюры США против Пекина, она подписалась под сепаратным «мирным» договором с Японией. Мотивы, толкавшие английских империалистов, на такой самоубийственный акт, — писал А. Леонидов, — были, очевидно, мюнхенского порядка. Они надеялись направить американскую агрессию против Советского Союза и Китая.

В зависимости от обстоятельств (то есть в зависимости от того, кто должен будет приносить жертвы) Лондон говорил либо о возможности мира, либо о возможности войны с Китаем. Лондон поддерживал войну против Кореи, поскольку эта война требовала его ограниченного участия. Лондон хочет играть роль старшего адъютанта Уолл-стрита в Северо-атлантическом союзе, чтобы получить львиную долю денег и вооружения, но отказывается присоединиться к плану Шумана или объединить свои войска с «европейской армией». Он предоставляет США базы для атомного оружия на своей территории, но настаивает на предоставлении ему права вето на их использование в решительный момент.

В Организации Объединенных Наций Селвин Ллойд и сэр Глэдуин Джебб отвергают советские предложения о мире и разоружении, повторяя как попугаи за американским представителем Генри Каботом Лоджем-младшим, что «бесполезно вести переговоры с Советским Союзом до тех пор, пока мы не вооружимся еще больше». В Лондоне Черчилль говорит о необходимости созыва конференции великих держав с целью смягчения международной напряженности. Однако одновременно с этим Черчилль фактически предъявляет ультиматум Парижу, заявляя, что немецкая армия должна быть включена в войска Северо-атлантического союза независимо от желания французов.

Короче говоря, английский правящий класс придерживается политики поддержания гонки вооружения и извлечения из этого прибыли, пока по счету платят другие. Поэтому всякий раз, когда новый хозяин империалистической своры пытается на деле навязать Лондону более серьезные обязательства в третьей мировой войне, он начинает увиливать. Очевидно, английские правители хотят особого рода войны, в которой они могли бы либо делать вид, что выступают в роли военного союзника, либо сохранить нейтралитет.

Подобные тенденции проявились и в некоторые критические моменты войны против Кореи и Китая. Уайтхолл постоянно отказывался поддерживать неоднократные советские предложения, чтобы ООН положила конец войне, проголосовав за немедленное прекращение огня и за переговоры. Уайтхолл даже отклонил китайские и советские предложения о том, чтобы Англия выступила в качестве посредника в деле мирного разрешения корейского конфликта. Он отказался потому, что отнюдь не был против того, чтобы американцы завязли на Дальнем Востоке, что могло бы привести к неизбежной войне с Советским Союзом. Финансовая печать Сити приветствует возможность расширения войны, растущие прибыли и «значительное улучшение положения наших промышленников и коммерсантов как результат увеличивающихся военных потребностей США»¹⁰.

Все шло хорошо до тех пор, пока музыканты из Пентагона не потребовали платить по счету. Разъяренный поражениями в Корее в декабре 1950 года, Вашингтон поднял шумиху о необходимости бомбить Китай, идя на

риск третьей мировой войны, как это предлагал Макартур. От англичан потребовали уплатить по счету, то есть разрешить американским бомбардировщикам подниматься с английских баз для бомбежек советских городов, если бы действия США на Дальнем Востоке привели к войне с СССР.

Даунинг-стрит немедленно изменила тон. В январе 1951 года вся консервативная пресса — от лондонской «Таймс» до йоркширской «Пост» — начала писать, что «было бы чудовищным отклонить переговоры и вступать в войну с Китаем». Влиятельный еженедельник «Экономист» жаловался: «Кажется, американская политика приняла сейчас форму категорических инструкций, причем, если эти инструкции не выполняются немедленно, американцы приходят в ярость». Далее «Экономист» признавал: «Мы сердечные друзья США, но уверенность англичан в способности американцев руководить свободным миром сильно поколебалась»¹¹. Черчилль внезапно счел необходимым напомнить своим коллегам, что, «создав американскую бомбардировочную базу в Восточной Англии, мы выдвигаем себя на передовую позицию в случае войны». А 2 января 1951 года делегаты конференции премьер-министров стран Британского содружества наций, происходившей в Лондоне, так же внезапно заявили, что они приветствовали бы «любую возможную договоренность для искреннего обмена мнений с премьером Сталиным и Мао Цзэ-дуном».

Очевидно, английская мышь, заманенная в львиное логово Уолл-стрита, пыталась уклониться от участия в аванюре, которую еще накануне так превозносили финансисты Сити.

Крыло Бивена в лейбористской партии требовало: «Мы должны иметь абсолютное право вето в вопросе об использовании американскими бомбардировщиками английских баз, так как ответные атомные бомбардировки наших городов последуют неизбежно». Но даже эта группа «левого крыла» лейбористов не призывала к подлинно мирной политике. Вернее, эта группа хотела менее тесных связей с Уолл-стритом, более умеренной программы перевооружения и более определенной гарантии против опасности быть втянутой в третью мировую войну. Тем временем как в Англии, так и во Франции поднималась волна народного протеста против политики подчине-

ния безрассудным военным планам США. Лидеры влиятельных профсоюзов в обеих странах предостерегали против уступок требованиям Уолл-стрита, заявляя, что рабочий класс не поддержит войну против Китая и СССР. Печать английских монополий, которая дотеле бойкотировала широко распространенные мирные требования народа, внезапно сочла целесообразным начать публиковать эти протесты.

Вашингтон подозревал Лондон в том, что он снова ведет чемберленовскую игру «в мир», разжигая и поддерживая войну против Советского Союза, но готовясь в то же время к отступлению в решительный момент. Вашингтон настаивал на том, чтобы англичане взяли на себя твердые обязательства.

Газета «Нью-Йорк таймс» предупреждала: «В лейбористской партии существуют пацифистские традиции: в ней еще имеются люди, которые верят в солидарность социалистических рабочих всего мира и которые утверждают, что Соединенными Штатами руководят империалисты... Партия, поддерживающая тотальное перевооружение, выдвигает в качестве кандидата в парламент человека, являющегося пацифистом до мозга костей»¹². Газета «Уолл-стрит Джорнэл» бранила девятнадцать лейбористских членов парламента, которые призывали пересмотреть решение о перевооружении Западной Германии. Она припомнила «ужасный» факт, что сэр Стаффорд Криппс «однажды даже выступил за создание Народного фронта против фашизма». Конгрессмены и сенаторы, привыкшие рассматривать Англию как свой непотопляемый атомный авианосец, который в то же время может быть принесен в жертву, почувствовали раздражение при мысли о возможности крушения своих планов и завопили о «предательстве и неблагодарности англичан».

Раздосадованный Уолл-стрит стал урезать квоты контролируемого им сырья, особенно серы (90 процентов мирового капиталистического запаса). Английским сталелитейным предприятиям, вискозной, красильной и химической отраслям промышленности угрожало закрытие. Эндрю Рост писал, что, когда английская делегация в ООН внезапно уступила требованиям американцев и голосовала за то, чтобы объявить Китай агрессором, один «известный правительственный экономист загадочно заметил: «Я чувствую запах серы»¹³.

«Нехватка сырья, — хвастливо заявил журнал «Бизнес уик», — могла бы легко привести к свержению лейбористов еще до конца 1951 года». Так оно и случилось. Газета «Чикаго дейли ньюс» писала: «Претензии Англии на значительную долю сырья не обоснованы международным правом». Стоимость фунта стерлингов на международных биржах резко упала. Уолл-стрит поддерживает англичан, как веревка поддерживает повешенного, писала советская печать.

Напуганный лондонский еженедельник «Экономист», как и другие органы Даунинг-стрита, еще раз изменил тон. Теперь он писал: «Главное для Англии заключается в том, чтобы Атлантический союз был тесно сплоченным... Отход от него приведет к катастрофе — быстрой и окончательной... Единственной надеждой является сотрудничество с Америкой»¹⁴. Некогда надменные создатели империи теперь подбирали крохи серы, хлопка и стали с уолл-стритовского стола. Черчилль вел себя в Вашингтоне скорее как бизнесмен, находящийся на грани банкротства, нежели как государственный деятель, — писал журнал «Нью рипаблик»¹⁵.

«Нищие не могут указывать», — утверждал Вашингтон. Эттли, а затем и Черчилль соглашались на то, что «на известных условиях» Англия одобрит бомбардировку Китая. Что же касается использования против Советского Союза американских авиационных баз, находящихся в Англии, то «мы должны попрежнему настаивать на нашем праве вето», — заявили лидеры лейбористской партии. «По крайней мере на консультации с нами», — добавили члены консервативной партии. Однако 21 декабря 1951 года журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» писал: «Консультация свелась бы к телефонному звонку в момент взлета американских самолетов с атомными бомбами для бомбежки намеченных объектов».

Таковы были дилеммы, которые Лондон пытался решить в своей сложной и противоречивой внешней политике.

Уолл-стрит правильно полагал, что военные союзники, способные приостановить действия в определенный момент, хуже, чем ничто; такие союзники могли бы оказаться опасными. Уолл-стрит пытался еще глубже проникнуть в финансовые и сырьевые ресурсы Лондона. Чтобы лишить англичан некоторых выгодных доходов,

Вашингтон усилил свои интриги на Ближнем и Среднем Востоке. Гарриман, Финлеттер, Даллес один за другим ринулись в Каир, Багдад, Тегеран и Афины для заключения различных сделок за счет Англии.

Внезапно возникло общество «Американские друзья Ближнего и Среднего Востока». В широкой кампании в печати общество предупреждало американский народ, что «Средний Восток стоит перед лицом религиозного кризиса», и призывало «укрепить наши связи с этой колыбелью магометанства, иудаизма и христианства, чтобы спасти их от угрозы коммунизма». Ряд проанглийских премьеров и других лондонских марионеток в Сирии, Трансиордании, Ливане и Иране пал жертвой внезапно вспыхнувшей эпидемии убийств. Бывший сенатор Тайдингс, возглавляющий одну американскую нефтяную компанию, потребовал у правительства Ирака аннулировать английские нефтяные концессии.

Между тем Вашингтон, действуя в интересах рокфеллеровского треста, путем сложных интриг помог вытеснить англичан из «иранских нефтяных концессий». Во время иранского «нефтяного кризиса» одна группа представителей государственного департамента рекомендовала Тегерану «договориться с Лондоном», в то время как другая группа дала знать, что «в случае провала переговоров мы готовы вести добычу нефти на более выгодных условиях, чем те, которые предлагали англичане». «Это, — хвастливо заявил моргановский «Ньюсуик», — сделало бессильными английские угрозы». «Закон и порядок» в Тегеране поддерживается сейчас американскими а не английскими танками. Курс англо-иранских акций упал, в то время «как акции «Стандард ойл» и «Сокони вакуум» поднялись еще выше.

В то же самое время был дан приказ расширить американские авиационные базы в Англии и увеличить численность личного состава этих баз. Пока Черчилль ворчал: «Я не думаю, чтобы нашей стране следовало унижаться до такой степени», — Уолл-стрит взял в свои руки командование над Северо-атлантическим и Средиземноморским флотами. Таким образом, не только финансы Лондона, но и вся его послевоенная внешняя политика переживали кризис. Наследники и преемники Пальмерстона и Дизраэли совершили колоссальную ошибку, — писал Леонидов. — Они пытались подражать методам

XIX столетия и потерпели неудачу. На деле шахматисты с Даунинг-стрит сами подготавливали себе мат.

Надежды Лондона укрепить свою экономическую и политическую мощь, следуя общей внешней политике Вашингтона, не оправдались. Вместо этого Уолл-стрит еще крепче затянул петлю на шее своего старого конкурента. Атлантический пакт, который Лондон помогал создавать, превратился в американский союз с магнатами Рура. Англию продавали с аукциона в пользу Западной Германии.

Все это еще не означает, что правящие круги Англии капитулируют без борьбы. Во время умиротворения гитлеровской Германии также казалось, что английские правящие круги полностью отступили, но в конце концов они были вынуждены изменить свой курс. Имеются признаки, что и в настоящее время, перед угрозой полного поражения, они могут вновь отказаться от своих расчетов на третью мировую войну.

В 1946 году в Фултоне (штат Миссури) Черчилль настаивал на усилении атомного шантажа в отношении Москвы. Однако в 1952 году английская олигархия не решилась одобрить предложение Вашингтона применить против Пекина атомную бомбу, боясь ответного удара по Лондону.

В речи, произнесенной 17 января 1951 года перед объединенной сессией американского Конгресса, Черчилль сказал: «Наша безопасность опирается скорее на храбрый, решительный и хорошо вооруженный народ, чем на внушающую ужас научную тайну, вырванную у природы». Однако авиация дальнего действия уничтожила превосходство английского флота, а то обстоятельство, что Советский Союз обладает атомной бомбой, подорвало стратегическую позицию Англии. «Англичане напуганы,— писала «Геральд трибюн», — потому что русский истребитель Лавочкина превосходит любой истребитель королевских военно-воздушных сил Англии. Английский народ или, вернее, его нынешние руководители выдохлись, они истошили весь свой порыв. В условиях такого истощения англичане оказались перед лицом зловещей атомной бомбы Кремля»¹⁶

Вполне возможно, что влиятельные круги английской олигархии начинают понимать, что ни их класс, ни их система не переживут новой мировой войны. 11 мая

1953 года Черчилль и Эттли с опозданием осудили явный саботаж Вашингтоном переговоров о перемирии в Корее. Черчилль убеждал также Эйзенхауэра принять советское предложение о созыве конференции великих держав. В тот же день он хвастливо уверял палату общин, что Англия способна защитить Суэцкий канал и свои другие опорные пункты в Египте без американской военной помощи. Его хвастливое утверждение было высказано в то время, когда государственный секретарь Джон Фостер Даллес «инспектировал» американских партнеров на Ближнем и Среднем Востоке,

Все эти и другие дипломатические шаги говорят об усиливающейся независимости Лондона от диктата США, о его возрастающих усилиях добиться прежней политической свободы действий и роли арбитра в вопросах войны и мира.

Между тем в Пентагоне продолжают считать американские базы на Британских островах стратегически важными. Пентагон ежегодно вносит в Английский банк 400 миллионов долларов арендной платы за тридцать авиационных баз, расположенных в Англии, не считая миллиардов, затраченных на строительство этих баз, — больше, чем Англия получила от экспорта в США за весь 1951 год. Эти базы с десятками тысяч солдат, обслуживающих их, образуют прикрытие для американских сил на континенте. «Англия, — писал Палм Датт, — остается для них [американских трестов] решающей базой и крепостью, без которой они не могли бы надеяться на выполнение своих обширных целей достижения мировой экспансии и господства».

Поэтому сомнительно, чтобы американские планы третьей мировой войны, начало которой было бы положено в Европе, могли осуществиться без сотрудничества Англии. Колебания англичан всегда находят отклик в Бонне и Париже, Риме и Афинах.

В силу этого Вашингтон будет и дальше принуждать англичан взять на себя более жесткие обязательства, и Лондону будет значительно труднее вести двойную игру. В свете той самоубийственной роли, которая отведена Англии, в свете ухудшающегося экономического положения, а также учитывая, что она может избрать иной путь, серьезные разногласия между Англией и Америкой представляются вполне реальными.

До 1950 года Вашингтон считал целесообразным отрицать, что он восстанавливает немецкий фашистский милитаризм. Вашингтон маскировал свою политику наглой ложью о том, что он «восстанавливает Германию в качестве достойной демократической нации». Еще в 1951 году Макклой продолжал выступать с заявлениями вроде следующего: «Мы не настаиваем и даже не просим немецкую молодежь сражаться за нас или за кого-либо другого»*.

Арена Западной Германии

Франция и Англия не решались открыть свои карты, потому что они все еще боялись народного возмущения против преступного перевооружения вчерашних палачей. Чтобы успокоить негодование народа, парижские и лондонские лакеи, каждый в свою очередь, поклялись в том, что никогда не допустят восстановления милитаристской Германии. В июле 1949 года Робер Шуман заявил во французском Национальном собрании: «Германия не имеет армии и не должна ее иметь. У нее нет вооружения, и она не будет его иметь. Чтобы Германия стала членом Атлантического пакта? Этого не будет никогда». Они искали путей совершить это преступление постепенно.

Париж и Лондон боялись также реакции СССР. Они знали, что, перевооружая Западную Германию, они нарушают все обязательства по Потсдамскому соглашению. Кроме того, этим они разрывали в клочки англо-советский договор 1942 года и франко-советский договор 1944 года, которые содержали обязательства не принимать участия ни в какой коалиции, направленной против другой стороны.

После военного разгрома американцев в Корее скрытое покровительство гитлеровцам сменилось бесстыдно открытым. Немецкое пушечное мясо поднялось в цене. В декабре 1950 года на Брюссельской конференции держав Северо-атлантического союза Ачесон в резкой форме отклонил все предложения о переговорах с Советским

* Палм Датт, Кризис Британии и Британской империи, Издательство иностранной литературы, 1954.

Союзом и отверг различные англо-французские, голландские и бельгийские возражения по созданию «европейской армии» с вермахтом в качестве ее основы. Свыше полутора тысяч западногерманских заводов, уже занятых выпуском военной продукции, получили приказ увеличить производство оружия. Были отменены все формальные ограничения по производству ядовитых газов, химикалий, самолетов и другого оружия. Бонну было приказано отклонять все предложения Германской Демократической Республики о мире и объединении, так же как и советские предложения о выводе оккупационных войск и установлении единого демократического германского государства.

Аденауэр и его окружение, как и клика Ли Сын Мана, получили приказ Вашингтона поднять шум и угрожать войной. «Германия,—заявил Аденауэр 7 июля 1951 года,—должна играть активную и решающую роль в обороне Западной Европы против советской агрессии; она опять должна быть сильной, ибо только этим путем мы можем снова вернуть Восток»¹⁷. На следующий день газета «Нью-Йорк таймс» отметила, что «это выступление характеризует Аденауэра как хорошего европейца и хорошего христианина. Он выступил как лидер европейской коалиции», то есть лагеря войны. Министр транспорта в правительстве Аденауэра Г. Зеебом, окруженный чернорубашечниками, отдавая честь свастике, заявил: «Эра нацизма была историческим величием Германии. Ни один немец никогда не признает границ 1937 года, продиктованных Версальским договором»¹⁸. При благожелательном руководстве американских чиновников гальдеры и гудерианы объявили, что немецкие солдаты, сражавшиеся против Советского Союза, были предшественниками американцев.

Однако, восстанавливая германский милитаризм, дрейперы, гарриманы и макклой столкнулись с противоречиями, аналогичными тем, которые тревожили Чемберленов, Гендерсонов и Даладье. «Немцы не в состоянии понять какую-либо другую точку зрения, кроме своей собственной, или пойти на компромисс», — писал сторонник Бонна Дрю Миддлтон. «И если немцы действуют так сейчас, то какими же они будут, когда получают равноправие и вооружение?»¹⁹. Очевидно, цена покорности алчной клики Круппа и «И. Г. Фарбениндустри» неуклонно повы-

шалась. Зная, что без них не обойтись, и обладая ненасытным аппетитом, они непрерывно повышали свои требования.

Магнаты Рура показали свое истинное лицо еще в тот период, когда им только начали помогать встать на ноги. Надеясь обеспечить себе руководящую роль, французские монополисты поддержали план Шумана, на основании которого Франция, Италия, Бельгия и Люксембург должны были объединить свою угольную и сталелитейную промышленность с западногерманской. Французские монополисты говорили об «общей судьбе и окончании вековой вражды». Но магнаты Рура думали иначе. После подписания плана Шумана Герман Абс, представитель рурских трестов, тотчас же заявил: «Рур, а не Франция, будет господствовать в этом союзе»²⁰. Лондон, боясь появления конкурента — нового сверхкартеля под контролем Уолл-стрита, — отказался присоединиться к этому плану.

В своих переговорах с американскими хозяевами компания Круппа—Аденауэра уже глумилась над англо-французской слабостью. Используя старую гитлеровскую формулу защиты Европы от «коммунистической опасности», рурские тресты упорно шаг за шагом, добивались военного и промышленного превосходства над Францией и Англией и маневрировали, чтобы восстановить свою гегемонию над «Комитэ де форж», «Шнейдер Крезо», «Виккерс-Армстронг» и «Импириэл кэмиклс». Представители «клуба господ» должны были снова получить возможность двинуться на Восток, сделав, однако, предварительно небольшой крюк через Саар и Париж.

Для достижения своей цели Уолл-стриту необходимо, чтобы Западная Германия была сильной в военном отношении и до конца фашизированной. Уолл-стрит не доверяет различным западногерманским мелкобуржуазным партиям или социал-демократам, которые ходатайствовали перед дрейперами и макклоями разрешить им выполнять программу Вашингтона, но без возвращения фашистов к власти. Уолл-стрит отклонил их предложение и настоял на возвращении к руководству бывших сподвижников Гитлера. С приближением срока соглашения, по которому Бонну должны были предоставить «суверенитет» в условиях сохранения американской оккупации,

боннский режим приобретал все более открыто фашистский характер.

Незадолго до проведения этой церемонии, 26 мая 1952 года, Рассел Хилл в статье, помещенной в газете «Нью-Йорк геральд трибюн», сообщил, что «85 процентов руководящих чиновников министерства иностранных дел Западной Германии — бывшие члены нацистской партии... Это составляет больший процент, чем при Иохиме фон Риббентропе, которого казнили в 1946 году как военного преступника... Все начальники отделов политического департамента, включая его начальника, — бывшие нацисты и чиновники гитлеровского министерства иностранных дел»²¹. Возвращен даже начальник отдела печати гитлеровского правительства Отто Дитрих. Антисоветски настроенные социал-демократы бойкотировали подписание соглашения и назвали дату подписания «черным днем Германии».

Ясно понимая, что вновь фашизированная и перевооруженная Западная Германия может действовать наперекор своим создателям, вашингтонская, парижская и лондонская олигархии пытаются создать особый вид гитлеризма, достаточно сильный, чтобы служить полезным орудием в борьбе против рабочего класса Европы и ударным отрядом против Востока, но достаточно слабый, чтобы повиноваться приказам. Они ищут форму «космополитического нацизма», не зараженного шовинистическими настроениями. «Немцев трудно удовлетворить, — прорычал Франсуа-Понсе, французский верховный комиссар, когда открыто проявилась франко-немецкая вражда из-за Саара. — Наша обязанность — подняться от национальных идей до действительно сверхнациональных идей», — увещевал он их²².

Отмечая, что боннские нацисты стали проявлять себя все более несговорчивыми партнерами, выдвигая все более наглые требования, английский верховный комиссар сэра Айвон Киркпатрик гневно бранил их, заявляя: «Бонну следует отказаться от безответственного национализма и занять твердую позицию в борьбе против коммунизма. В борьбе между коммунизмом и свободой немцы не могут оставаться нейтральными так же, как звери в джунглях»²³.

Однако несомненно одно: звери сэра Айвона не останутся бездеятельными. Как только банда фашистских им-

периалистов Бонна достигнет должного уровня силы и независимости, на передний план выступят их собственные расчеты, а не расчеты Лондона или Вашингтона. Боннские империалисты довольно здраво оценивают силы Советского Союза и Советской Армии. Даже их наиболее воинственные представители еще помнят кое-что о Восточном и Западном фронтах и разнице между ними «Конечно, мы будем сражаться, — говорят они своим уолл-стритовским хозяевам, — но вы должны гарантировать нам, что решающие бои не будут проводиться на нашей территории». Пустячное условие!

Американские генералы вместо Рейна указывают им на Днепр, Буг и Вислу. Но перечисление этих названий подобно упоминанию о веревке в доме повешенного!: они напоминают о миллионах немцев, погибших во время двух мировых войн. Таким образом, чтобы вновь предпринять «поход на Восток», Западная Германия должна быть еще раз превращена в гитлеровский сумасшедший дом. Именно это Уолл-стрит и пытается сделать, рискуя при этом, что после выполнения этой задачи западногерманский милитаристский зверь искушает его самого.

Во всяком случае, Западная Германия, став достаточно сильной, чтобы служить орудием агрессии против Востока, будет достаточно сильной и для того, чтобы выйти из повиновения Уолл-стрита. Оценив действия США в Корее, западногерманские правители могут решить, что, действуя еще раз в качестве отряда смертников в интересах англо-американских трестов, они ничего не достигнут, но рискуют потерять все.

Суммируя вышеизложенное, нельзя не прийти к выводу, что возрождение западногерманских финансовых и военных трестов, установление их руководства над государственным аппаратом Бонна, вывоз немецкого капитала на Ближний и Средний Восток, в Индию, Африку и Латинскую Америку, возрождение фашистских легионов — все это означает возрождение агрессивного германского империализма. Но это возрождение происходит в период углубления общего кризиса капитализма и сокращения мировых рынков, а также под ярмом американской оккупации²⁴.

Вашингтон подкармливает Рур за счет Франции и Англии потому, что рассматривает фашистский режим Бонна как основу своего северо-атлантического военного

лагеря. Кроме того, синдикаты Меллона, Моргана и Рокфеллера проникли также в западногерманскую тяжелую промышленность, имеющую решающее значение. Однако в действительности, в силу чрезвычайно неравного положения американских и западногерманских трестов, за кажущимся согласием таятся глубокие противоречия. Магнаты Рура рассматривают свое настоящее подчинение США как временный этап на пути к осуществлению самостоятельной империалистической экспансии и избавлению от иностранного гнета. Уолл-стрит считает рурских магнатов орудием для достижения своих целей и настаивает на более быстрой подготовке к войне, а германские тресты, стремящиеся к восстановлению своих рынков и прежнего господствующего положения, желают более медленных темпов и отстают.

США должны толкать руководителей Бонна в направлении по существу антинациональной политики, но последние, стремясь заручиться поддержкой масс, должны скрывать свои квислинговские задачи под маской национальных интересов. Американский народ мало или ничего не знает о войне; правящий класс США все еще в состоянии обманывать его планами быстрого завоевания. А в Западной Германии в памяти народа еще свежи тяжелые последствия двух агрессивных войн. И, наконец, имеется Германская Демократическая Республика, составляющая третью часть страны, которая вместе с огромным большинством населения Западной Германии требует мирного объединения страны.

Растущие разногласия

Более тесный союз Вашингтона с боннскими монополистами обостряет внутриимпериалистические противоречия. Конкуренция Западной Германии подрывает положение Франции и Англии на мировом рынке, что, в свою очередь, способствует их ослаблению по отношению «оси» Рур—Уолл-стрит. Призрак перевооруженной, реваншистской боннско-гитлеровской камарильи приводит в ужас все более широкие круги бельгийских, голландских, английских и французских правящих классов. Бывший министр лейбористского правительства Хью Дальтон заявил в палате общин: «Переворужение Германии может оказаться непоправимым шагом на пути к созданию ада на земле»²⁵.

Восстановление вермахта вызвало разногласия даже в антисоветски настроенных кругах Парижа. Председатель комитета по иностранным делам Жак Барду сказал: «Германия будет господствовать над вашей Европой как в экономическом, так и в военном отношении. Она не будет Европой Бриана. Она будет Европой Гитлера». Жорж Эйяр, член французского Национального собрания и бывший заключенный флосенбургского концентрационного лагеря, где были убиты все его товарищи по фронту движения Сопротивления и откуда он сам вернулся калеккой, страдающим неизлечимой болезнью, сказал, обращаясь к собранию: «Мне суждено умереть. Выборы во французское Национальное собрание застали меня в больнице. Меня убила немецкая армия. Я не хочу, чтобы моих сыновей и внуков завербовали как соратников тиранов и палачей их отца, чтобы мой сын служил рядом с сыном фон Штулпнагеля». Когда Хейяр закончил свое выступление, все присутствующие поднялись и стали ему аплодировать — коммунисты, деголлевцы, социалисты, радикалы, католики и консерваторы²⁶.

В 1952 и 1953 годах начали проявляться некоторые скрытые противоречия между Вашингтоном и его западноевропейскими союзниками. «Проходит то время, — писал Дрю Миддлтон, — когда США, извлекая прибыли, могли открыто, как хозяева, вмешиваться в дела Западной Европы». Италия, Бельгия и Франция уклонялись от подписания договора с Бонном. «Тактика русских, как можно меньше будоражить и пугать союзников США, повышает оптимизм и самоуспокоенность последних»²⁷. По замечанию Миддлтона, открытое вмешательство США только увеличит стремление иностранных правительств к независимости и подкрепит националистические требования правых партий о независимости от американских хозяев. Английские финансовые органы вновь выступили против «долларового дракона, который пытается поглотить имперских дев одну за другой»²⁸. Французы выразили протест против того, что США подрывают их позиции в Северной Африке, и отказались потворствовать американским монополиям в Марокко. «Французы, — заявил Венсан Ориоль 25 октября 1952 года, — испытали чувство боли и горечи и были глубоко оскорблены, когда в Организации Объединенных Наций их упоминали, как угнетателей народа Северной Африки». А Эррио добавил:

«Я просил США избавить нас от некоторых процедур, например не выставлять нас перед Организацией Объединенных Наций в качестве ответчиков в момент, когда американцы создали свои военные базы в Марокко, и не подрывать тем самым собственных позиций в Марокко»²¹⁹.

Собственные интересы заставляют буржуазию Западной Европы стремиться к освобождению из-под американского подчинения. Бремя перевооружения, проблема экспорта и навязанный американцами торговый бойкот социалистических стран увеличивают их затруднения. В начале 1952 года газета «Монд» писала: «Ни один долларовый чек не компенсировал бы экономическое банкротство Европы и не мог бы оправдать восстановление под видом вооружения бывших нацистских кадров для нового крестового похода, который, очевидно, готовится».

Эйзенхауэр говорил об «упадке моральной основы» французов. Но парламенты Бельгии, Голландии, Норвегии и Дании уклонились от выполнения обязательств по оплате вооружения в соответствии с программой Североатлантического союза. Они восстали также против жестких законов обязательной воинской повинности, которых требовал Вашингтон, чтобы увеличить «европейскую армию». Поскольку американские торговые и тарифные ограничения возросли, некоторые американские сателлиты впервые прибегли к самостоятельным действиям.

Возрождающийся германский империализм, не довольствуясь ролью младшего партнера, стал покушаться на интересы самих американских монополий. «Немцы продают на 30—35 процентов дешевле шведских и американских экспортеров, а Африка попала в руки экспортеров Западной Германии», — предупреждал журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» 13 марта 1953 года. Тем временем американские тресты использовали своих западногерманских партнеров, чтобы подорвать позицию Англии, все еще являющуюся их главным конкурентом. С другой стороны, англичане использовали свой финансовый контроль в пределах стерлинговой зоны, чтобы не допустить туда американские товары. Японцы, все чаще протестующие против американских ограничений, начали вновь завоевывать свои прежние рынки за счет американцев и англичан. Несмотря на нажим

Вашингтона, Бельгия отменила некоторые тарифные уступки и повысила пошлины на импорт американских товаров.

Чтобы спастись от долларowego жернова, многие европейские и латиноамериканские страны организовали товарообмен. Хотя Вашингтон и угрожал репрессиями, большинство из них послало свои делегации на Московскую экономическую конференцию, происходившую в апреле 1952 года, и заключило ряд ограниченных торговых соглашений. 17 мая 1953 года Западная Германия установила непосредственный официальный контакт с Советским Союзом с целью возобновления торговых отношений. В июне 1953 года как английские, так и западногерманские представители ринулись в Пекин для заключения договоров о поставках промышленного оборудования в Китай на сумму около 200 миллионов долларов.

Противоречия между Вашингтоном и Лондоном продолжали усиливаться. Вашингтон грубо отверг требование Англии участвовать в переговорах о так называемом Тихоокеанском пакте обороны с Австралией и Новой Зеландией (сентябрь 1951 года), а затем и в конференции, состоявшейся в Гонолулу в 1952 году. Это не только ущемляло интересы Англии, но и продемонстрировало намерения Вашингтона отрезать Лондон от стран, входящих в Британское содружество наций.

Чудовищные по своей жестокости действия американской военщины в Корее также отразились на настроениях правящих классов Западной Европы. Пока казалось, что американские армии одерживают победу, лондонская и парижская олигархии выражали свое удовлетворение. Но когда американские войска потерпели поражение, они бросились искать ближайший выход из создавшегося положения. Уверенность в способности вооруженных сил США защитить их территории в случае войны быстро исчезла. Война в Корее показала также, что конечные планы Пентагона в отношении Парижа и Лондона несколько не отличались от его планов для Сеула и Пхеньяна. В результате некоторые европейские правящие круги начали испытывать ужас перед возможностью быть «освобожденными» Соединенными Штатами. Консервативная «Пари пресс» писала: «Нюрнбергскому процессу не удалось изменить характер поджигателей тотальной войны. Мы не могли без содрогания читать следующий приказ

американского генерала: «Каждый солдат должен знать, что мы здесь не для того, чтобы спасти ту или другую деревушку...» Следует вспомнить, что французский военный трибунал вынес приговор немецким офицерам за издание подобных приказов. Он не допустил никаких аргументов в защиту бомбардировки и поджога незащищенных городов и деревень»³⁰. Другие европейские буржуазные органы печати высказывались в том же духе.

В январе 1953 года Даллес предъявил западным державам ультиматум, предложив им поставить свои подписи под заранее заготовленным текстом документа о скорейшей ратификации плана создания «европейской армии». Даллес угрожал, но Лондон и Париж больше уже не боялись. Франция отвергла ультиматум Даллеса о так называемом европейском единстве, а Англия прямо ответила, что не присоединится ни к какому европейскому политическому союзу или западноевропейской армии. Эйзенхауэр, в свою очередь, отверг предложение Черчилля о встрече глав великих держав, заявив, что «совещание не состоится до тех пор, пока русские не проявят доброй воли».

Английских руководителей резко осуждали в американском сенате. «Так вот она, благодарность, которую мы получаем за миллиарды, предоставляемые Англии! Мы дважды спасали их от поражения. Неоднократно мы спасали их от банкротства», — заявил сенатор Уильям Дженнер (штат Индиана). «Надо топить каждый проклятый английский корабль, доставляющий материалы нашим врагам», — добавил Маккарти³¹. Сенатор Гай Джиллет спросил: «Где же тот боевой дух, который должен был вселить в весь свободный мир решимость встретить вызов Советского Союза? Как можно обрести силу, проявляя слабость? Где же то новое руководство, которое США намеревались осуществить при новом правительстве?»³².

Верность в среде пиратов

Военный союз, организованный под эгидой США, — это сборище квислингов, временная преданность которых зависит от непрерывных долларовых подачек. Лондонские, боннские, мадридские и стамбульские дельцы ведут друг с другом борьбу за большие подачки. Каждый

утверждает, что ему «больше, чем другим, угрожает коммунистическая опасность». Антикоммунизм стал их основной опорой и основным источником существования. Каждый из них обещает, что добавочный миллиард долларов приведет его войска в такое состояние, при котором ничто не сможет удержать их от похода на Москву. Подобно голодным зверям, истекая слюною при чтении сообщений о прибылях американских трестов, каждый из них старается убедить своего хозяина, что он заслуживает самого лакомого куска. Каждый румянит себе щеки, чтобы показать, что он здоров и полон сил, однако в то же время заявляет, что находится на краю неизбежной катастрофы.

Как англо-саксы, заявляет Лондон, мы заслуживаем наибольшего и, кроме того, мы больше всех трубим о «советской агрессии». «Исторические и географические факторы, — заявила газета «Аврора», — возложили на Францию миссию по обороне Европы. Она справится с этой задачей»³³. Газета «Эко де Пари» писала: «Мы должны апеллировать не к чувствам и альтруизму [чтобы получать доллары], а к национальным интересам Америки»³⁴. Французский банк указал, что денежные издержки в войне с Вьетнамом в два раза превысили помощь, полученную Францией по плану Маршалла, которая составляет 2,9 миллиарда долларов³⁵.

Каждый утверждает, что именно он является «последним бастионом». Командующий французскими вооруженными силами на Дальнем Востоке генерал Делаттр де Тассиньи взывал к одному комитету Уолл-стрита в Нью-Йорке: «Джентльмены! Как только падет Тонкин, Суэцкий канал останется фактически без защиты. Это означало бы конец ислама и восстание в Северной Африке. Я предоставляю вашему воображению нарисовать картину того, во что это вылилось бы»³⁶. На что тотчас же отозвался Черчилль, заявив: «Преимущество, в первую очередь, должно быть предоставлено нам, потому что в Англии находится основная атомная база американцев»³⁷. Чан Кай-ши, Цалдарис и Франко подчеркивают свои заслуги и бьют челом перед Вашингтоном, выпрашивая чек на более крупную сумму. Но никто из них не может сравниться с рурскими претендентами, чьи услуги говорят сами за себя.

Что же может превратить этих вымогателей-пиратов

в надежных союзников? Преданность «общей цели»? Но что объединяет французские, немецкие, английские, турецкие, греческие или испанские правящие классы друг с другом или с правящим классом США, кроме их общей ненависти к Советскому Союзу и их общего желания иметь доллары и оружие, при помощи которых они могли бы сохранить за собою власть? В принципе все они согласны с организацией третьей мировой войны для «уничтожения коммунизма», и именно для этой цели американские империалисты надеются объединить своих союзников. Но каждый, естественно, хочет, чтобы другой взял на себя крупные расходы, связанные с этой авантюрой.

Конечно, антикоммунизм служит для того, чтобы поддержать расшатывающиеся, охваченные кризисом режимы, а также грабить народ путем раздувания и без того огромных бюджетов на вооружение. Антикоммунизм является также прикрытием для разлагающегося империалистов об «общей судьбе». Но может ли ложь о советской агрессии служить основой для подлинно боевого союза? Едва ли, ибо история показала, что союзы, основанные на фикции, рушатся при первом настоящем испытании.

Прикрываясь временными соглашениями и елейными речами о «единении и сотрудничестве», каждый боится и старается ослабить другого. Несмотря на то, что всех их объединяет общая цель подавления народно-освободительного движения, американские, английские и французские тресты в Юго-Восточной Азии, Африке, на Ближнем и Среднем Востоке ведут между собой борьбу не на жизнь, а на смерть. Каждый плетет заговоры и интриги, чтобы избавиться от другого при помощи различных военных клик и убийств. Эти междоусобные конфликты продолжаются, несмотря на то, что они наносят вред общим целям. Так, например, поддержка, которую Уолл-стрит до последнего времени оказывал французским трестам, в Индо-Китае привела их к банкротству, в результате чего Уолл-стрит вытеснил оттуда французские тресты и занял их место. Но тем временем численность вооруженных сил народного Вьетнама возросла во много раз.

Французов беспокоит сговор между Вашингтоном и Лондоном, а англичане боятся сговора между Бонном и Парижем. «Сравнивая то, что нам предстоит получить, с тем, что получает Индия, истинные намерения США ка-

жуются нам подозрительными», — заявил представитель Пакистана³⁸. Так, предоставленный Соединенными Штатами заем Индии враждебно настраивает дельцов в Пакистане, а заем, предоставленный ими Тель-Авиву, озлобляет военных спекулянтов в Каире, Аммане или Багдаде. «Считая, что Франция переживает кризис, равный по масштабам кризису в Англии, французы подозревают, что Англии, как и в прошлом, будет уделено в Вашингтоне больше внимания», — жаловалась газета «Фигаро». «Франция не позволит поставить себя в неравное положение по сравнению с Западной Германией», — предупредила газета «Монд». «Не следует настраивать враждебно Восток, пока мы не получим Саар», — возразили боннские правители.

Хорошо зная, чего можно ожидать друг от друга, каждая из капиталистических банд вынуждена быть все время на чеку, чтобы не получить удара кинжалом в спину. Каждая из них, зная, что другая считает возможным принести ее в жертву, должна ежедневно заново взвешивать, насколько ее интересы продолжают совпадать с интересами других и прибегать к соответствующим измышлениям, чтобы замаскировать свою хитрость. Ибо каждой из этих банд известно, что за определенную плату другая совершит любой вид преступления. Чанкайшистские хищники знают, что хищники из Токио попытаются растерзать их, как только их зубы будут вновь отточены. Рурские гиены уверены, что Уолл-стрит, который еще вчера бомбил их, повторил бы это вновь, лишь бы извлечь дополнительные прибыли. Гиены Лондона думают то же самое о своих боннских сородичах, гиены Рима — о своих лондонских друзьях и так далее, ибо таков закон капитализма — закон джунглей. Они не были бы капиталистами, если бы рассуждали иначе. Поэтому длительное единство между империалистами является таким же фантастическим предположением, как и согласие между голодными зверями.

Клика Морган—Дюпон говорит своим друзьям и союзникам: «Знайте, что война неизбежна. Ваши экономические заботы — это пустяки. В этой войне, верьте нам, мы или потонем вместе, или выплывем. Поможет ли вам еще сотня миллионов долларов?» Но эти неблагодарные нищие осмеливаются спрашивать: «Кто будет первым тонуть или выплывать?» «Не беспокойтесь, мы победим», —

убеждает их Вашингтон. Но его слабые союзники понимают, что независимо от того, кто победит, они будут уничтожены и что в конечном счете для этой-то цели их и подкармливают.

Возможно, что до самого последнего момента они будут говорить: «Дайте нам деньги и оружие». Однако в решающий момент, когда дальнейшие шаги будут грозить чем-либо менее приятным, чем чек Уолл-стрита, эта коалиция неизбежно развалится. И одним из первоочередных разногласий будет вопрос о том, кому быть первой жертвой. Париж предпочтет сражаться до последнего турка, Рим — до последнего грека, Лондон — до последнего немца и Вашингтон — до последнего из любых своих «союзников».

**ПЛАНЫ ПЕНТАГОНА ОТНОСИТЕЛЬНО
ТРЕТЬЕЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Люди, которые сейчас определяют внешнюю политику США и военную стратегию Пентагона, говорят о необходимости нового подхода, о необходимости пересмотра путей и средств для достижения мирового господства. Медленно, но безжалостно события заставляют этих людей осознать, что их средства не соответствуют целям.

Первая фаза «горячей» и «холодной» войны против мощного лагеря социализма, начавшаяся в конце второй мировой войны, закончилась неудачей. Разрыв экономических отношений с СССР, Китаем и странами народной демократии привел к сокращению экспорта и углубил все другие стороны общего кризиса капитализма. Война против Северной Кореи и Китая закончилась ошеломляющим военным поражением. Мирное урегулирование англо-советских разногласий и даже возрождение франко-советского договора о взаимной помощи кажутся возможной перспективой. Обострение внутривосточных проблем и страх перед преждевременным отходом западных союзников, а главным образом растущая мощь лагеря социализма вынуждают группу Эйзенхауэра — Даллеса искать более гибкие тактику и стратегию.

С подписанием перемирия в Корее военная и внешняя политика США как бы вступили в новую фазу. Очевидно, Вашингтон должен будет согласиться на созыв конференции пяти держав с целью обсуждения наиболее важных вопросов. Сторонники применения «бомбы сейчас» до некоторой степени присмирели и замолчали. Группа, ратующая за «войну сейчас», кажется, бьет отбой. С грустью и нехотя некоторые из них публично признают, что нельзя избежать созыва конференции великих держав. В нескольких случаях руководящие представи-

тели Уолл-стрита указывали на то, что урегулирование наиболее острых вопросов, уменьшение международной напряженности и даже устранение некоторых аспектов «холодной войны» «не создадут катастрофических последствий для интересов США».

Однако одновременно Уолл-стрит еще более увеличивает производство атомных и водородных бомб. Миллиарды тратятся на новые базы бомбардировщиков и другие военные объекты. Усиливается перевооружение Западной Германии. Под покровом разговоров о мире составляются новые военные планы на основе новых стратегических идей. Целью всего этого является стремление иметь еще больше самолетов и оружия массового истребления. И поскольку такое положение продолжается, то конечная цель Уолл-стрита — уничтожение силой оружия СССР, Китая и европейских стран народной демократии — остается неизменной, несмотря на его заявления о «готовности вести переговоры».

В связи с этим возникают вопросы: каково сейчас направление политической и военной стратегии США? Каким путем американские монополии надеются преодолеть препятствия, сдерживающие их стремление к войне и мировому господству? Как предполагают они остановить колесо истории и замедлить рост социализма?

Изучение этих вопросов является особенно важным для сил мира в США, так как некоторые люди склонны думать, что изменение во взаимоотношениях между странами земного шара, растущий разлад в империалистическом лагере, уроки корейской войны и производство водородной бомбы в Советском Союзе *автоматически* вынудят правящие круги Соединенных Штатов к отказу от своих целей. Мы считаем, что такие предположения недопустимы и опасны. Они способствуют тому, что людям внушается неправильное представление о безопасности, притупляется бдительность участников движения сторонников мира, порождаются иллюзии, что мир можно сохранить и без продолжительной и жестокой борьбы.

Следует отметить, что уменьшение международной напряженности не означает еще уменьшения военной опасности до тех пор, пока продолжается накопление вооружений. Действительно, история XX столетия показывает, что более интенсивным военным приготовлениям империалистов и самой войне предшествовали периоды неко-

того ослабления международной напряженности, а также громкие заверения империалистов об их желании предотвратить войну и даже объявить мировые войны вне закона.

В поисках «пушечного мяса»

Пытаясь добиться поддержки плана войны против Советского Союза со стороны американского народа, руководители Пентагона обычно подслащивают пилюлю обещаниями, что воевать в этой войне будут другие. Они намекают, что американцы будут только нажимать кнопки пульта и водить самолеты с атомными бомбами. Ведение боевых действий они поручают народам Западной Европы. В августе 1951 года Эйзенхауэр в своем выступлении перед членами сената заявил: «Для ведения боевых действий требуются люди и пушки. Соединенные Штаты Америки дают пушки, Европа даст людей». А 2 февраля 1951 года он говорил: «Европа должна обеспечить основную массу наземных войск, мы выставим лишь небольшую часть».

Чтобы обосновать расходы на вооружение, политические деятели США выступают перед американским народом с баснями об обещаниях Парижа, Лондона и Бонна принять участие в борьбе. «У нас еще есть союзники», — заявляют они, размахивая бумагами, на которых красуются подписи различных министров иностранных дел, которые за соответствующую мзду любезно согласились участвовать в обмане народных масс.

Сомневающиеся сенаторы и конгрессмены всегда спрашивают генералов и банкиров, возвращающихся из «инспекционных» поездок: «Будут ли они сражаться?» — «Конечно, они будут сражаться», — кривят душой коммивояжеры войны. Зная настоящее положение дел, вашингтонские лекари продолжают впрыскивать своим западноевропейским военным лошадкам различные возбуждающие средства; они снуют во всех направлениях, проверяя биение их пульса; они беспокоятся, как бы их союзники не рухнули наземь при облачении в доспехи.

Никогда еще не было более безнадежного предприятия, чем американская кампания по заготовке французского и итальянского «пушечного мяса» для войны против Советского Союза. Только класс, потерявший всякое чувство реальности, может рассчитывать, что народ

Франции, трижды подвергавшийся вторжению и опустошениям со стороны крупповской стальной монополии, истерзанный и измученный нацистскими зверствами, насчитывающий миллионы сторонников мира, — что этот народ присоединится к возрожденному вермахту, руководимому нацистскими офицерами, для войны против СССР. Какой-нибудь Франсуа-Понсе может объявлять, что Франция не признаёт границы по Одере — Нейссе. Но сколько молодых людей мог бы он набрать во всей Франции, готовых сражаться за Круппов, шпейделей, хой-зингеров и аденауэров, чтобы вернуть им территории, отторгнутые у поляков прусскими королями?

В 1919 году (в сравнении с 1953 годом) французский рабочий класс и прогрессивное движение были еще слабы. Но даже в то время французские солдаты и солдаты морской пехоты отказались напасть на молодую Советскую Республику. Сказание об этом протесте еще хранится в памяти миллионов французов как одна из самых славных глав истории французского народа. Слова «Франция никогда не будет воевать против Советского Союза» находят сейчас отклик буквально в каждом французском городе, в каждой деревне.

Не менее фантастическими являются и надежды руководителей Северо-атлантического союза заполучить «пушечное мясо» в Италии. «Трудно понять, как можно насаждать боевой дух в армии, где каждый третий солдат голосует за коммунистов», — с грустью писал журнал «Ньюсуик»¹. Что же касается западногерманского «пушечного мяса», то Дэвид Лоуренс так писал об этом: «Стоит вам произнести слово «война», и вам тотчас же скажут, что не хотят и слышать о войне, не хотят предпринимать какие-либо шаги, ведущие к войне. Война всем им надоела. Немец не хочет никакой войны, ибо он знает, что она будет вестись на его родной земле. Немец является человеком, который настроен против любой войны. В Германии пацифистов больше, чем где-либо в мире»².

Одним из поводов для включения турецких вооруженных сил в армию Атлантического пакта является то, что содержание турецкого солдата обходится только в 500 долларов в год, включая сюда жалованье, обеспечение жилищем и снаряжение, в то время как американский солдат обходится в 2700 долларов. Поэтому для многих

американских сенаторов и генералов полуфеодалная, отсталая Турция с ее трахомой, малярией, нищетой и тюрьмами, переполненными политическими заключенными, стала «спасательным кругом» Америки. Некоторые сенаторы заявили: «Мы придаем очень большое значение Турции. Она нам необходима, если мы хотим существовать и завтра»⁴.

Дивизии Франко являются еще одним блестящим приобретением Уолл-стрита. Сайрус Сульцбергер, ведущий европейский корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс», признает: «Нет никакой уверенности в том, что Франко может сейчас мобилизовать Испанию или рассчитывать на поддержку народа в основном военном усилии. Каковы бы ни были взгляды рабочих Испании, они голодны. Видный испанец, с которым я беседовал, сказал мне: «Даже если участники Атлантического пакта попросят Франко сражаться вместе с ними, народ Испании не пойдет за Франко»⁵. «Не пойдет» — это, конечно, не то слово. Рабочие и крестьяне Испании ждут благоприятного момента, чтобы восстать и уничтожить франкистского скорпиона.

Опорой Вашингтона являются также керенские, микоплайчики, рипки, пфейферы, фотичи, радеску, папанеки и увивающиеся вокруг них эмигранты-помещики, ориентирующиеся на войну. Лишенные зубов и когтей, они часто встречаются с клеями, грю, кэрками и стассенами и дают им советы, как лучше организовать подрывную деятельность в соответствии с «планом X» на их бывшей родине. Но сотрудничество с этим бесполезным отребьем, отбросами, которых история отшвырнула в своем наступательном движении, не сулит ничего хорошего ни Уолл-стриту, ни его программе.

Призывы Уолл-стрита вступать в американскую армию не вызвали отклика даже среди сотен тысяч находящихся без работы «перемещенных лиц» в Западной Германии. В 1951 году военное ведомство США начало кампанию по вербовке в американские вооруженные силы. Был опубликован и принят Конгрессом специальный закон о зачислении иностранцев в армию. В силу этого закона лица, вступившие в армию США, получают американское гражданство, им обеспечивается полная заработная плата и другие вознаграждения. 28 декабря 1952 года, после целого года усилий, штаб американской ок-

купационной армии во Франкфурте объявил, что он завербовал 484 иностранца из одиннадцати стран, а намечалось завербовать 12 500 человек. Очевидно, Организация Северо-атлантического пакта не сумела поставить перед ними такую цель, за которую стоило бы умереть.

Располагая миллиардами долларов, Морган, Даллес и компания вместе с господами из Рейнско-Рурского клуба, несомненно, сколотят какую-то западноевропейскую армию. Но это уже не будет прежний боевой конь. Будущее командование «европейской армии» — это сборище фашистских преступников, которые подлежат суду восточноевропейских стран за совершенные ими военные преступления. Весьма маловероятно, что их войска будут отличаться особой верностью или высоким боевым и моральным духом.

Европейская военная лошадка, создаваемая американцами, будет иметь много достоинств, но она будет полумертвой.

Американская военщина, располагающая только таким ненадежным европейским «пушечным мясом» (ибо уже нет надежд заполучить «пушечное мясо» Латинской Америки) и стремящаяся убедить 160 миллионов американцев выступить «крестовым походом» против стран с миллиардным населением, ухватилась за лозунг «Пусть азиаты убивают азиатов».

Эйзенхауэр, выступая 15 апреля 1952 года, перед обеими палатами Конгресса сказал: «Я был бы полностью удовлетворен, если бы США могли ограничиться предоставлением винтовок кому-либо другому и заставили другого нести ее, чтобы выполнить необходимую работу». Доволен был бы и генерал Джеймс Ван Флит, который, выступая в марте 1953 года в военной комиссии сената и палаты представителей, заявил: «Этот азиат [имеется в виду молодежь Южной Кореи. — Г. М.] является, конечно, более дешевым солдатом, чем американский юноша. Его заработная плата составляет около 10 центов в месяц; он не получает никаких пособий; он не застрахован; когда он погибает, на этом дело и кончается»⁶. «Белых солдат следовало бы посылать в Азию только в случае крайней необходимости, — хладнокровно заявил бригадный генерал Робертс. — Мы можем использовать туземные войска вместо своих войск. Мы будем выдавать им всего 5 долларов в месяц и чашку

риса в день. Если они не будут сражаться, они не будут есть»⁷.

Однако сообщения с фронта показали, что лисынма-новские легионы, «дешево» купленные Вашингтоном среди прочих, смотрели на вещи иначе. Газета «Нью-Йорк таймс» сообщала: «Командир 2-го полка согнал оставших солдат и, угрожая им оружием, заставил сражаться. Эти южнокорейцы держались только до очередной атаки китайцев. Тогда они побежали, бормоча оправдания. Почти двадцать миль с трудом отвоеванной за два дня территории были отданы китайцам»⁸.

Очевидно, в агрессивной войне против Советского Союза, Китая и стран народной демократии сражаться и умирать придется в основном американцам. Возникает вопрос: откуда будут они черпать боевой дух? Война против Северной Кореи дала ясный ответ на этот вопрос.

Военные последствия интервенции в Корее

Соединенные Штаты Америки бросили против маленькой Северной Кореи все свои силы, которые они смогли собрать, все свои отборные войска, самое современное оружие и самых опытных командиров. *Общая численность их войск превышала численность армии Эйзенхауэра, которую он развернул для вторжения в Нормандию и для последующего наступления в Западной Германии.* Согласно сообщению журнала «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», «свыше 4,9 миллиона американцев были переброшены в военную зону в Корею, из нее и в ее пределах». *Количество бомб, сброшенных американскими самолетами на Северную Корею в течение двух лет и восьми месяцев, равно по тоннажу количеству бомб, сброшенных за все три года и восемь месяцев войны против Японии на Тихом океане, и превышает тоннаж бомб, сброшенных на Германию во время второй мировой войны.* В сообщениях печати указывалось, что на Северную Корею было сброшено с самолетов 221 563 тысячи реактивных и других снарядов, не считая 438 тысяч тонн бомб и 4 миллионов снарядов, которые обрушили на эту страну военные корабли. «На корейском фронте, — заявили представители Пентагона, — мы вели самый сильный и концентрированный артиллерийский огонь в истории»⁹.

Американская армия обладала значительным превосходством над Народной армией по всем видам оружия и снаряжения. Однако «неприятным и неоспоримым фактом корейской кампании, — писал Омер Бигарт в газете «Нью-Йорк геральд трибюн», — является то, что славная американская армия при мощной поддержке военно-воздушных сил и флота потерпела поражение от противника, который [вначале] не имел ни военного флота, ни, практически, военно-воздушных сил, а также имел очень мало танков и артиллерии»¹⁰. Китайские добровольцы, разгромившие американские войска у реки Ялуцзян, были вооружены лишь легким пехотным оружием; у них не было ни танков, ни авиации. Они располагали только слабой артиллерией.

Будучи не в состоянии одержать победу, американская военщина пыталась разрушить до основания Корею при помощи зажигательных бомб. Ежедневно в течение трех лет официальные сообщения Макартура, Риджуэя, Кларка и Коллинса объемом в две тысячи слов неизменно гласили примерно следующее: «Вчера, когда морские и воздушные части обрушили свою ужасающую мощь на значительную часть Северной Кореи, небо и море источали смерть и разрушение. Самолеты Оперативной группы-77 были близки к тому, чтобы повторить поставленный ими во вторник рекорд, когда свыше двухсот объектов были охвачены смертоносным огнем с самолетов «Эссекс» и «Боксер». Прорвавшись группой в район восточного побережья от Чхончжина на юг к Кэсону, они обстреливали почти все, что попадало в их поле зрения и могло быть использовано противником; были разрушены 47 зданий, 9 мостов, 34 крытых товарных вагона, 8 огневых позиций, 4 склада, внушительное число полевых складов снабжения, грузовиков, домов, кораблей и мест концентрации войск. Самолеты низко пикировали над Хэчжу, обратив в пепел 76 зданий. Вчера мощный линейный корабль американского военного флота «Миссури», стреляя со скоростью 15 тысяч фунтов снарядов в минуту, выпустил меньше чем за час свыше 800 тысяч фунтов смерти и разрушений по военным объектам противника в городе Чхончжин»¹¹.

Почти в течение двух лет американские войска имели неоспоримое превосходство в воздухе и на море. Некоторые корейские города, подобно Вонсану, подвергались

воздушным налетам в течение трехсот дней без передышки. Но, несмотря на непрерывные круглосуточные бомбардировки, совершаемые американскими самолетами, корейский народ не покорился. Ни «операциям удушения», ни огромной массе взрывчатых веществ, сбрасывавшихся на коммуникации Корейского полуострова, не удалось приостановить потока снабжения, поступавшего на фронт для Народной армии.

Руководители Пентагона знали эти факты, но не поняли всего их значения. Разгром американских войск в Корее вызвал лишь ожесточенные споры между сторонниками так называемых наземной и воздушной доктрин. Хэнсон Болдуин, сторонник «наземной доктрины», признал провал «воздушной доктрины», опроверг утверждения ее сторонников, что применение атомных бомб принесло бы победу. Он писал: «Наши самолеты беспрепятственно шныряют за линией фронта противника. Днем и ночью мы бомбардируем коммуникации противника сверху, с воздуха, а также с моря. Флот провел бомбардировку, беспрецедентную по своей продолжительности и непрерывности. Почти каждый крупный мост был взорван по нескольку раз. Многие мили железных и шоссейных дорог, железнодорожные узлы, города и туннели подвергаются бомбардировкам и артиллерийскому обстрелу. У нас тысячи грузовиков, мы господствуем на море... Каков же результат? Сумели ли мы окружить противника или подготовить путь для наступления наших наземных войск, подавив сопротивление противника?»¹².

Несомненно, цифры и расчеты как армейских, так и авиационных генералов были безукоризненны с математической точки зрения. Относительно маленькая Северная Корея была бы покорена, если бы ее защищала обычная «военная сила», а не народ, проникнутый сознанием, что он ведет справедливую освободительную войну.

Корейская война вновь продемонстрировала, что решающим фактором является человек, — его верность, преданность, — самопожертвование вооруженных сил, их сознательность и идеалы. Ли Ден Сен, один из известных военных героев Кореи, рассказал: «У Тэгу мы атаковали американские танки ручными гранатами. Наши солдаты бросились вперед, чтобы встретить танки противника. Израсходовав гранаты и патроны, мы пустили в ход штыки, а те, у кого их не было, пошли на танки с

голыми руками»¹³. Таковы были мужчины и женщины, остановавшие гигантскую военную машину Уолл-стрита в Корее.

Бесчисленные отряды добровольцев с поразительной скоростью исправляли разрушенные бомбами железнодорожные пути, дороги и транспортные средства, чтобы ускорить доставку миллионов тонн припасов, необходимых на фронте. Рабочие и крестьяне в случае необходимости в рекордные сроки сооружали огромные подземные заводы и часто удваивали выпуск продукции. Макартур приказал своим специальным авиационным частям сорвать посевные работы. Крестьяне рыли ямы и траншеи, где можно укрыться, и продолжали обрабатывать поля; зачастую они работали по ночам. Невзирая на ужасные бомбежки, корейский народ неустрашимо восстанавливал разоренные города и деревни, организовал в самом разгаре войны новые кооперативы, увеличив их число на 30 процентов, улучшил снабжение продуктами питания и расширил площадь обрабатываемой земли.

«Мы сражаемся против весьма странного противника, — писал Грег Макгрегор. — Он может стать неодолимой частью ландшафта, прикрывшись соломой, слившись с кустарником или застыв в своей белой одежде на фоне белых корейских гор. Он может жить, как суслик, может стать при желании невидимым даже для натренированного глаза воздушных и наземных наблюдателей»¹⁴.

Всякий раз, когда народ и его армия сознают справедливость своего дела, они образуют несокрушимую стену сопротивления. Народ рождает бесчисленных героев, потому что любовь к родине, гордость за свое государство, которое они создали, верность общему идеалу и неугасимая ненависть к иностранному агрессору пробуждают в человеке огромные внутренние силы. Неудачи и поражения закаляют их и делают непреклонными. В общем и целом эти духовные силы превращаются в такую мощь, которую империалисты не в состоянии ни понять, ни победить.

Жадные коммерсанты не в состоянии постигнуть того, как это люди могут сражаться, когда их дома сметены с лица земли, а родные и близкие убиты. Для империалистических и мелкобуржуазных пигмеев прекрасная дисциплина и дух самопожертвования корейских и китайских войск были проявлением «фанатизма» и «дикости».

В своей моральной низости они даже предположили, что отважный героизм народных армий был вызван наркотиками. Поэтому американские генералы, пытаясь поднять политико-моральное состояние своих войск, предложили, чтобы их войска в Корее получали вместо мороженого порцию спирта.

Американские солдаты — способные воины. Сталин так охарактеризовал их: «Что касается солдат США и Англии, то в войне против гитлеровской Германии и милитаристской Японии они показали себя, как известно, с наилучшей стороны. В чем же дело? А в том, что войну против Кореи и Китая солдаты считают несправедливой, тогда как войну против гитлеровской Германии и милитаристской Японии они считали вполне справедливой... Понятно, что самые опытные генералы и офицеры могут потерпеть поражение, если солдаты считают навязанную им войну глубоко несправедливой и если они выполняют в силу этого свои обязанности на фронте формально, без веры в правоту своей миссии, без воодушевления»*.

Хотя Уолл-стрит имел сильное желание представить свою армию в Корее в самом лучшем свете, но ему не удалось скрыть растущее недовольство своих войск, их горечь и нежелание сражаться. Газета «Нью-Йорк таймс» писала: «Немногие американцы знают, зачем они носят военную форму. Солдаты задают много вопросов, но ответить на эти вопросы некому». Однако многие из них делали свои собственные выводы. Лейтенант Гейл Банк, например, написал Трумэну: «Наша жизнь зависит от каприза воротил, воров и гангстеров. Сколько еще моих солдат должно умереть из-за вашего нежелания уйти из Кореи? Я мог бы написать двадцать страниц по поводу полной бесполезности войны в Корее и справедливого возмущения солдат», — заявил он в письме, опубликованном в «Ньюс сентинел» (город Форт-Уэйн)¹⁵.

«Военное ведомство обеспокоено тем, что не все солдаты используют свое оружие в бою, — телеграфировал корреспондент Ассошиэтед Пресс из Кореи. — Не более одного солдата из четырех пускают в ход винтовку, автоматическое оружие или гранаты, которые они носят при себе. Военные эксперты приписали это отсутствию цели, желания сражаться и убивать, стремлению сохра-

* «Правда», 17 февраля 1951 года

нить полное спокойствие на фронте, а также боязни спровоцировать противника на ответные действия»¹⁶. Билл Дэвидсон сообщил, что больше половины американских солдат в Корее не применили своего оружия. Дэвидсон отметил, что военные советники рекомендовали переделывать «психологию солдат, основываясь на принципе стадного чувства», создавать убийц, «приучая солдат кричать». «Генерал Маршалл, — писал он, — советовал: «Пусть они орут, чтобы преодолеть инстинктивное чувство отвращения к убийству»¹⁷.

А генерал Риджуэй увещевал войска такой, например, чепухой: «Недвижимость в Корее является случайным фактором, равно как и вопрос о свободе для южнокорейцев. На карту поставлено могущество западной цивилизации, поскольку бог разрешил ей процветать». Но большинству солдат трудно было поверить, что бог переселился в Вашингтон.

Корреспонденты сообщали с полей сражения о разочаровании и замешательстве. «Американские и английские войска, — писала лондонская «Таймс», — подвергаются здесь значительно большему испытанию, чем они подвергались во многих даже более кровопролитных войнах, так как цели этой войны неясны. Цель, ради которой они должны приносить себя в жертву, если не считать стремления предотвратить собственную гибель, выглядит весьма эфемерной». Сообщая о том, как ветераны в Корее встречали новое пополнение, Джордж Баррет писал: «Как только новые рекруты высаживались, ветераны встречали их криками: «Возвращайтесь обратно, дураки! Возвращайтесь обратно!»¹⁸.

Четыре корреспондента реакционной парижской газеты «Фигаро» писали, что «значительное большинство американских солдат ненавидит войну... Наши американские друзья чувствуют себя глубоко подавленными. Их вера в свои войска и в силу оружия сильно поколебалась. Роты противника окружали американские полки, а полки громили дивизии»¹⁹. Капитан-лейтенант Споннер писал: «Я был в Корее и видел поведение армейских частей, и мне было стыдно, что я американец. Армейские части в Корее проявили трусость и в панике бежали от атакующих китайских коммунистов, бросая своих убитых и раненых». Споннер заявил также, что некоторые солдаты симулируют ранения, чтобы их отправили

в тыл²⁰. Корреспондент газеты «Нью-Йорк геральд трибюн» Маргарэт Хиггинс, которая была свидетельницей разгрома американских войск под Чхёнанем, писала: «Я видела, как молодые американцы поворачивали обратно и стремительно бежали с поля боя, бросая оружие к проклиная свое правительство за то, что оно впутало их, как они полагали, в безнадежное дело. Часто можно было услышать такие замечания: «Дайте мне машину, а я уж знаю, в каком направлении мне ехать»²¹.

Таков был боевой дух американских войск в «малой» корейской войне. Подумали ли воинственные руководители Пентагона о том, каким будет политико-моральное состояние солдат в столь же несправедливой, но значительно более крупной войне? Или как будет голосовать американский народ, если военные потери возрастут во сто крат?

Вашингтон уже теперь сталкивается с большими трудностями в деле создания закаленной армии. 6 марта 1953 года журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» сообщал, что «в армии остается только 2 процента призывников, отслуживших положенный им двухгодичный срок службы в армии. Кошмарная перспектива для армейских генералов! Они считают, что нация не может вести современную войну с солдатами, прошедшими лишь двухгодичную военную службу, если не будет достаточного числа опытных унтер-офицеров и специалистов, способных вести в бой неопытных солдат... Но солдаты, находящиеся в Корее, тысячами покидают армию, как только истекает срок их службы, и они говорят, что не вернутся».

Разложение империалистических армий является лишь составной частью разложения буржуазного общества в целом. В этот период общего кризиса, когда от всего капиталистического государственного аппарата так и несет продажность, невозможно привить солдатам высокий моральный дух. Империализм не может обеспечить свои армии какими-либо положительными идеалами. Пропагандистские мифы исчезают при первом же столкновении с действительностью. Невероятный цинизм и коррупция разъедают в конце концов самую основу морального духа империалистических войск²².

Корейская война окончательно доказала, что у Соединенных Штатов нет сухопутной армии для ведения войны

против Китая или Советского Союза и что они не могут даже надеяться на победу в любой войне против этих стран.

Корея развеяла неоправданные надежды Пентагона на победу при помощи авиации. Она положила конец басням о победе путем молниеносной войны, так же как и другим иллюзиям, которыми миллионеры авиационной промышленности тешат американский народ. Неспособность американской военщины победить Северную Корею, территория которой примерно равна территории американского штата Юта, разоблачила полное безумие их претензий на мировое господство.

Корейская война показала также, что у Соединенных Штатов нет стойких союзников. В течение двух лет Вашингтон требовал от своих сателлитов «пушечного мяса», но они сумели набрать менее 20 тысяч сухопутных войск. Дни легких побед и ведения войн чужими руками миновали.

Таковы некоторые военные итоги корейской войны. Они очень важны потому, что дают наглядное представление о том, каким будет приговор истории, если Соединенные Штаты и мировой империализм развяжут третью мировую войну.

Некоторые наиболее трезвые представители американского правящего класса, особенно верхушка Уолл-стрита, направляющая государственный корабль Америки, учли уроки корейской войны. Это дало себя знать весной 1951 года, сразу же после увольнения Макартура, вызвав «большую дискуссию» по поводу внешнеполитической и военной стратегии США.

«Большая дискуссия»: когда начинать войну — теперь или позже

Огонь открыл бывший президент США Герберт Гувер. В ряде речей, а также в своем выступлении перед сенатскими комиссиями по вопросам вооруженных сил и внешних сношений в марте 1951 года он подверг уничтожающей критике внешнюю политику Трумэна — Ачесона. «Пятидесятилетний опыт и правота моих прежних предложений, — напомнил Гувер своим уолл-стритовским друзьям, — дают мне право на то, чтобы меня выслушали». Гувер напомнил о своем предупреждении,

оставленном без внимания, что не следовало заключать военный союз с СССР, инициатором которого был Рузвельт, а также об «ошибке Рузвельта, заключающейся в том, что США помогли разгромить гитлеровскую Германию». Пока армии Гитлера были заняты в России, Англия находилась в безопасности. «Помощь России была чудовищной шуткой», — сказал Гувер с сожалением. Главный же вывод Гувера заключается в том, что внешняя политика США ведет к политическому банкротству и экономической несостоятельности. «Мы не можем длительное время нести гигантские расходы и налоговое бремя, вооружая весь свободный мир, — заявил он. — Мы напрасно транжирим свои деньги, так как создаваемые нами армии не дойдут до Москвы. Двести сорок прекрасно оснащенных немецких дивизий потерпели неудачу, пытаясь добраться до Москвы, а Россия в то время была одна. Теперь же только Россия и Китай, не говоря уже о других социалистических странах, могли бы, в случае необходимости, создать пятидесятимиллионную армию... Западная Европа не может создать даже ста двадцати пяти боевых дивизий... Франция не будет воевать, имея своим партнером Германию».

Гувер заявил даже следующее: «На доллары США можно купить западноевропейских политиканов, но не пушечное мясо. Миллионы коммунистов и сторонников мира Западной Европы не будут сражаться против России. Нет способа помешать России совершить вторжение в континентальную Европу... Красная Армия могла бы захватить Рур в сорок восемь часов... американские же войска, посланные в Европу, будут уничтожены. Америке, которую отделяют от остального мира 3—4 тысячи миль водного пространства, не угрожает вторжение коммунистов... Коммунистические армии также не могут добраться до Вашингтона, как и союзные армии до Москвы». Далее Гувер предложил и средство для борьбы с Россией: *«Средством для наказания агрессора являются бомбардировки с воздуха... с применением самого крайнего средства... Вести войну нужно на уничтожение путем таких мощных и непрерывных воздушных бомбардировок Советского Союза американской авиацией, чтобы стереть Советский Союз с лица земли как государство»*. «И это, — добавил он, — стоило бы дешевле»²³. (Курсив мой. — Г. М.)

Покойный сенатор Роберт Тафт, подобно другим изоляционистам, согласился с большинством заявлений Гувера. Тафт заявил: «Даже если мы пошлем в Европу полтора миллиона американских солдат, имеется опасность, что они будут уничтожены. Мы потратили тысячи миллионов, но все, что мы получили, это — инфляция, более высокие налоги и еще пятьсот миллионов коммунистов...». Тафт требовал сокращения денежных ассигнований, численности вооруженных сил и усиления военных действий на Дальнем Востоке. «Я не вижу ничего непоследовательного в этом», — утверждал он. Под «усилением военных действий» Тафт подразумевал бомбежку городов Китая.

Бывший посол в Англии Джозеф Кэннеди подвел итоги американской долларовой дипломатии, сопоставив израсходованные США суммы и помощь, которую они получили взамен. «В течение последних десяти лет мы предоставили Англии 38 миллиардов долларов, а она дала нам 6 тысяч солдат для Кореи. За этот же период Франция получила 9,5 миллиарда долларов и предоставила в наше распоряжение тысячу солдат». Затем Кэннеди перечислил суммы, предоставленные Бельгии, Турции, Швеции, Греции и Италии. В заключение он сказал, что так как у США нет боевых союзников, то было бы самоубийством вступать в войну на суше против огромных советских и азиатских вооруженных сил. «Мы должны уйти из Кореи и выбрать выгодное для нас поле сражения», — закончил Кэннеди*.

Генерал Альберт Ведемейер, принадлежащий к этой же группе, утверждал: «Я хочу отнять у противника

* Некоторые причины экономического характера, возможно, также играли роль в этом тактическом разногласии между сторонниками групп, стоящих за то, чтобы развязать войну в первую очередь в Азии, и теми, кто считал необходимым начать войну с Европы. Финансовые группы американского Среднего Запада, имеющие меньше капиталовложений в Европе, склонны возражать против высокого налогового бремени в связи с помощью Западной Европе. 93 процента операций по плану Маршалла проходило через руки нью-йоркских банков. В отличие от интересов Моргана—Рокфеллера на Востоке.. Финансовые круги Чикаго, как указывает Джордж Стюарт, «играют незначительную роль в экспорте капитала особенно в Европу». (См. Джордж Стюарт, Чикагские группы финансового капитала, «Политики афферс», июль 1951 г.) Однако еще 11 ноября 1944 года Ванденберг писал Джону Фостеру Даллесу: «Удивительно, до чего,

стратегическую инициативу... *Мы должны избегать крупных сражений на суше, в которых мы потерпим неудачи.* Мы допустили ошибку, что пришли вначале в Корею с сухопутными войсками... Это бездонная яма». (Курсив мой. — Г. М.) Ведемейер советовал уйти из Кореи, порвать дипломатические отношения с Россией, провести полную мобилизацию, бомбить Китай и Маньчжурию и, если это вызовет третью мировую войну, в случае необходимости «вести ее одним».

Подобные аргументы выдвигались фактически и всеми остальными так называемыми изоляционистами. Изоляционистское крыло американского правящего класса по традиции стояло за более шовинистическую, более реакционную внутреннюю политику. Оно стояло за то, чтобы получать прибыли от войны, не беря на себя при этом каких-либо определенных обязательств или, как оно выражалось, «не впускаясь в европейскую политику силы». До второй мировой войны и во время войны изоляционисты были настроены профашистски, но антияпонски. Несмотря на это, когда гуверы и тафты начали критиковать внешнюю политику Трумэна — Ачесона, многие считали, что, по крайней мере, одна часть американского правящего класса поняла, наконец, опасность своего настоящего курса. Однако эти так называемые изоляционисты были такими же ярыми и даже более нетерпеливыми интервенционистами, но искавшими более «реалистической» стратегии.

Основные тезисы группы, стоящей за то, чтобы «начать войну сейчас», можно изложить следующим образом:

1. Опыт войны в Корее показал, что Соединенные Штаты не могут надеяться на победу в войне на суше против мощного лагеря социализма. «В такой войне мы могли бы довести себя до полной катастрофы», — заявляли некоторые из них. На специальных совещаниях сената Макартур утверждал: «Сейчас вы потеряли миллион человек. Вы потеряете еще больше, если будете продолжать военные действия еще год»²⁵.

оказывается, совпадают наши взгляды на внешнюю политику. Одним из наиболее интересных и значительных проявлений этого является тот факт, что так называемые изоляционисты и интернационалисты необязательно далеки друг от друга и поистине могут быть братьями по духу». («Нью-Йорк геральд трибюн», 25 марта 1952 года.) — *Прим. автора.*

2. СССР никогда не начнет войну, если мы не нападём на него; следовательно, Западная Европа находится в безопасности до тех пор, пока мы не нападём. *После того* как мы нападём, Западную Европу так или иначе нельзя будет удержать. Зачем же тогда вкладывать все эти миллиарды? В конце концов нас заставят покинуть Западную Европу. Так не лучше ли покинуть ее сейчас?

3. Народы Западной Европы устали от войн, их страшит перспектива третьей мировой войны. Миллионы коммунистов и сторонников мира в Западной Европе представляют собой огромное препятствие. Перевооружение Германии, возрождение вермахта и организация войны в Европе потребуют времени.

4. Но время не на нашей стороне. Если мы будем ждать, пока у нас будет достаточное число убийц в Европе, мы погибнем. Движение за мир и лагерь социализма в целом с каждым днем становятся более мощными. Конечно, мы делаем все, что в наших силах, чтобы ослабить и подорвать их, но диверсия, бойкоты, разрушение и «малые войны» уже были испробованы. Такими путями сейчас нельзя остановить новые темпы развития в Китае и странах народной демократии, не говоря уже о СССР. Любой вид перемирия действует на пользу Советскому Союзу и его союзникам. Мы уже упустили самые лучшие возможности. Запас атомных бомб в Советском Союзе увеличивается. В этой области они тоже могут нас опередить. Обращаясь 4 мая 1951 года к комиссии по военным делам сената, Макартур доказывал, что «вопрос не разрешится, если мы будем следовать туманным заверениям вроде «дайте нам время, и мы подготовимся» или «через два года мы будем в лучшем положении». Я не знаю, подготовимся мы или нет, и никто из вас не знает этого, потому что ни вам и никому другому не известны возможности противника. Не исключено, что он вооружается быстрее нас».

5. Поскольку время работает против нас, мы должны прекратить игру словами «мир» и «демократия», должны сбросить маски. Главная цель США заключается в том, чтобы уничтожить Советский Союз и приостановить рост социализма. Поэтому вопрос заключается в том, как спровоцировать Россию на войну. Одна возможность — это «превентивная» война, внезапное «неспро-

воцированное» нападение гитлеровского типа. Однако предпочтительно развязать такую войну путем ряда мероприятий под покровом Организации Объединенных Наций. Китай уже осудили как агрессора. Вследствие того, что Россия имеет договор с Китаем, она рано или поздно должна будет вступить в войну, если мы станем бомбить Маньчжурию. Корея также дает возможность начать третью мировую войну под видом похода за мир, под видом попытки ликвидировать войну с целью спасти жизнь американцев.

6. Опыт войны в Корее показал, что американский народ не расположен проливать кровь в агрессивных войнах. Поэтому нашим девизом должен быть лозунг: «Война без пролития американской крови». Сенатор Кейн говорил генералу Коллинсу в сенате: «Один из наиболее эффективных способов наказать красный Китай — это сбросить зажигательные бомбы на города Китая, просто поджечь их и превратить в пепел. Это не повлекло бы за собой большой потери американских жизней, не правда ли?»

Поэтому вопрос о том, когда, как и при каких обстоятельствах можно — или следовало бы — спровоцировать Советский Союз на войну, стал главной темой совещаний между Пентагоном, сенаторами и государственным департаментом. Неоднократно во время заседаний сената в мае и июне 1951 года их участники возбужденно спрашивали друг друга: «Приведет ли бомбардировка промышленных объектов Маньчжурии к непосредственному участию Советского Союза в войне?» Макартур отвечал, что он стоит за то, чтобы рискнуть. Группа, стоящая за «войну позже», подчеркивала, что США еще не готовы для такого рискованного шага. «Это вовсе не рискованный шаг», — возражали члены группы «война сейчас». Сенатор Уайли спросил: «Известен ли хоть один пример действий России — *где-либо, когда-либо и против кого-либо*, — говорящий о том, что Россия в ответ на *какие-либо* наши действия пойдет на риск войны с нами, на риск атомных бомбардировок с нашей стороны?» Почти все сенаторы спрашивали: «Можем ли мы *сейчас* выиграть войну с Россией?» Ответы колебались от сомнительных до отрицательных.

Но сторонники «войны сейчас» оперировали двумя аргументами. С одной стороны, они утверждали, что на-

ступило время начать войну против «советского агрессора», и самый быстрый способ спровоцировать ее — это бомбить Китай. С другой стороны, они успокаивали: «Поскольку Россия хочет избежать войны, она не будет реагировать даже на то, если мы станем бомбить Маньчжурию».

«Допустим, что война с Россией является желательной целью, — говорила группа, стоящая за «войну позже». — Допустим далее, что бомбардировка Китая послужила бы прекрасной провокацией для этой цели. Ну, а вдруг Россия почему-либо не поддастся на эту провокацию и откажется воевать, что тогда? Допустим, что мы начали бомбить Китай, Россия почему-то остается в стороне, а мы увязаем в бесконечной войне на истощение, как это случилось в свое время с Японией. Тогда мы оказались бы вовлеченными в большую войну, которая, как писал Хэнсон Болдуин, «вероятно, продолжалась бы долго... И может случиться, что, готовясь к войне с настоящим противником — Россией, мы глубоко завязнем в войне с второстепенным противником — Китаем»²⁵. «Расширение войны с Китаем, — доказывал генерал Маршалл, — было бы невыгодным, потому что Китай — огромная страна», которая «сможет быстро восполнить потери от бомбардировок, чего мы сделать не в силах».

Сторонники лозунга «война позже» подчеркивали, что воздушные силы США не смогли одержать победу в Корее несмотря на то, что в самом начале имели абсолютное превосходство в воздухе и полную свободу в проведении интенсивных бомбардировок. Как же тогда воздушная мощь может стать решающим фактором на значительно более обширных территориях Азии и Европы? Бывший начальник штаба военно-воздушных сил США генерал Ванденберг заявил, что воздушные силы Соединенных Штатов не готовы еще для выполнения этой задачи. «Руководители военно-воздушных сил, — добавил он, — добиваются создания такой авиационной мощи, которая обеспечила бы господство над всем миром»²⁶.

«Нетерпеливые и разочарованные люди хотят немедленной войны с Советским Союзом и открытия боевых действий, — говорил Ачесон 21 мая 1951 года. — Но покинуть сейчас наших союзников было бы самоубийством. Мы должны перевооружить Запад, так же как и

все силы во всем мире, ведя пока ограниченную войну в Корею». 18 апреля 1951 года Ачесон предупреждал, что «мы не должны попасться в ловушку, дав понять, что хотим войны... Мы должны остерегаться того, чтобы весь мир осудил нас как агрессоров».

«Мы не можем рисковать войной с Россией, пока не будем находиться в лучших условиях, — доказывал Омар Брэдли... — В настоящее время для нас было бы невыгодно втянуть Россию в войну при помощи бомбардировок Китая». Брэдли предостерегал против «опрометчивых действий до того, как мы будем готовы...»²⁷

Было бы утопией полагаться только на сбрасывание бомб с воздуха, доказывал губернатор Дьюи. Войска должны удерживать воздушные базы. В конечном счете исход войны решается теми, в чьих руках находится территория. «И она должна удерживаться солдатами, а не призраками», — заявил Дьюи в своих выступлениях 12 и 25 февраля 1951 года. Он утверждал, что «люди, убитые и погибшие во время двух мировых войн, не будут удерживать американские базы в Англии или Марокко, во Франции, Италии или Германии»²⁸. Другими словами, Соединенные Штаты не могут избежать ни войны на суше, ни создания огромной сухопутной армии, ни оккупации отдаленных территорий американскими войсками.

В ходе «большой дискуссии», развернувшейся в сенате, некоторые вопросы, подвергавшиеся обсуждению, и ответы на них казались почти фантастическими. Например, после того как Макартур признал, что в корейской войне нельзя одержать победу, что корейские и китайские летчики равноценны американским, ему был задан вопрос, что предприняли бы русские воздушные силы в случае расширения войны. Макартур ответил: «Они не могли бы устоять перед наступлением американцев, потому что не в состоянии наладить снабжение горючим». Сенатор Макмагон спросил: «Как вы будете защищать американский народ в случае всеобщей войны, которая может привести к сбрасыванию атомных бомб на американские города и к потерям, значительно превышающим те, которые мы понесли в Корею?» Макартур ответил: «За эту область я не несу ответственности... Вам придется пойти на риск».

18 мая 1951 года сенаторы с самым серьезным видом задавали Ачесону целую серию таких примерно вопросов:

«Почему *вы* допустили революцию в Китае? Могло ли простое правительственное заявление остановить ее?» или «Почему китайцы, которые так прекрасно сражались в Корее, отказываются сражаться за Чан Кай-ши?»

Типичным был такой обмен вопросами и ответами:

— Г-н Ачесон, не отказываетесь ли вы от Китая?

— Конечно, нет, г-н сенатор.

— Вы уверены, что никогда не откажетесь от него?

— Да, сэр.

— А Формоза?

— О нет, сэр!

— Но не заявляли ли вы однажды, что Формоза не является существенной для нашей безопасности?

— Да, однажды я это заявил, но потом изменил свое мнение.

Кризис внешней политики США отражает углубление общего кризиса капитализма. «Большая дискуссия» в целом обнаружила невероятное самомнение и феноменальное невежество многих американских политиков. Она показала растерянность и бессилие класса, который хочет повернуть вспять колесо истории, но не знает, что заставляет его вращаться. Никто из участников дискуссии не понял сущности того тупика, в который они зашли, или противоречий, раздирающих империалистическую систему. Одна группа рассматривала процесс распада как результат «опасного перенапряжения», другая — как историческое требование усилить напряжение.

Столкнувшись с исторически неразрешимыми проблемами, каждая сторона яростно критиковала противоречивость и путаные доводы другой. Побуждаемая внутренними противоречиями и безрассудными надеждами, каждая сторона искала способа поджечь мир, но так, чтобы не пострадать при этом самой. Связанные по рукам и ногам чудовищными требованиями своих трестов, участники дискуссии все еще жаждали свободы действий, выбора времени и места. Невежественные, разбирающиеся в современной истории хуже, чем в событиях, происходящих в далеких созвездиях вселенной, они умоляли своих генералов воскресить прошлое и сохранить для них статус кво, по крайней мере, еще на одно или два столетия.

Дискуссия показала, что преобладающая часть американского правящего класса исходит из предпосылки о неизбежности войны с Советским Союзом. Хотя выска-

звания представителей обоих лагерей о линии поведения выявили наличие тактических разногласий, оба лагеря сошлись во взглядах по главному тезису: добиться мирового господства путем развязывания третьей мировой войны. Больше всего разногласий вызвал вопрос о том, когда начать войну против Советского Союза и как согласовать действия. Брэдли и другие лица, комментировала газета «Нью-Йорк таймс», «признавали, что разногласия между Макартуром и правительством могли быть сведены к вопросу о сроке»²⁹.

«Курс, рекомендуемый Ведемейером [бомбардировка Китая и предъявление ультиматума России], — заявила газета «Нью-Йорк геральд трибюн», — для всех нас чрезвычайно заманчив. Единственным недостатком этого курса является предусматриваемая им последовательность действий. Объединенная группа начальников штабов предостерегала нас, что в данный момент мы не можем позволить себе риска провоцировать третью мировую войну. Если мы будем продолжать свои оборонные усилия столь же высокими темпами еще года два, то мы будем готовы... Эта стратегия требует терпения и упорных усилий»³⁰.

«Операция «Гремучая змея»

Руководители Пентагона полуофициально начали подготовку к проведению в жизнь своей новой стратегии молниеносной воздушной атомной войны против Советского Союза с использованием атомных бомб сразу же после своих преступных экспериментов над населением Хиросимы и Нагасаки в августе 1945 года. Эта стратегия претерпела некоторые изменения, особенно после того, как стало известно, что США потеряли монополию на атомную бомбу. Однако окончательно она выкристаллизовалась лишь тогда, когда уроки Кореи стали более ясными. К этому времени даже те, кто выступал против новой стратегии, стали ее восторженными приверженцами.

В настоящее время эта явно фантастическая стратегия лежит в основе всей политики правительства Эйзенхауэра. Поскольку эта стратегия чревата гибельными последствиями для самих Соединенных Штатов, то многие люди отказываются верить, что она действительно была принята. Чтобы рассеять этот широко распространенный скептицизм, необходимо проследить некоторые обстоя-

тельства развития этого империалистического плана — последней надежды империалистов.

Взрыв атомной бомбы в Японии, писал лауреат Нобелевской премии профессор физики Блэкетт, «явился не последним актом второй мировой войны, а первым актом «холодной войны»³¹. Даже адмирал Уильям Леги признал, что «применение этого варварского оружия в Хиросиме и Нагасаки не явилось материальной помощью в войне против Японии... Ученые и другие люди хотели провести испытание (уничтожение 176 тысяч мужчин, женщин и детей.—Г. М.) потому, что на эту работу были израсходованы огромные средства. Об этом знал Трумэн, а также и другие причастные к этому делу люди»³².

С этого времени представители Вашингтона — Уолл-стрита и фактически все крупные журналы и газеты начали агитировать за уничтожение СССР при помощи атомных бомбардировок. В 1947 году помощник министра обороны Пол Гриффит убеждал Трумэна отдать приказ сбросить бомбу «куда-либо по ту сторону». В том же году бывший губернатор штата Пенсильвания Джордж Эрл заявил: «Одна миленькая бомбочка, сброшенная на Кремль, — и русский народ распался бы на части как бы под действием центробежной силы». «До этого, — писал Корлисс Ламонт, — Эрл, выступая на городском митинге, посвященном авиации, хвастливо заявил: «Мы можем уничтожить и мы уничтожим в России каждый город, каждый населенный пункт, каждую деревню»³³.

Журнал «Ньюсуик» 17 мая 1948 года выразился еще более точно. «Самолеты, груженные атомными бомбами... летя на высоте 35 тысяч футов, попытаются проскользнуть в Россию незамеченными. Их цели: во-первых, Москва, Москва прежде всего. Затем другие крупные города европейской части России: Киев, Ленинград, Харьков, Одесса. Это означает приобретение баз путем комбинированных воздушных, морских и наземных операций, баз, расположенных все ближе к сердцу России, и последующее их использование для непрерывных бомбежек и атак ракетного оружия».

Последователи Макартура, по существу, обращались к американскому народу со следующим вопросом: «Что вы предпочитаете: полдюжины Корей с миллионами убитых американцев или легкую атомную войну, в которой

большинство из вас смогут наблюдать в своих телевизорах, как горят иностранные города?».

13 апреля 1949 года конгрессмен Кларенс Кэннон заявил: «Благодаря заключению Атлантического пакта мы имеем базы. Все, что нам сейчас нужно, — это самолеты для перевозки бомб... вооружить солдат других государств, которые послали бы воевать своих парней, чтобы нам не нужно было посылать наших. Вот какую возможность дает атомная война США».

26 августа 1950 года военно-морской министр в правительстве Трумэна Фрэнсис Мэтьюс заявил: «Чтобы добиться мира во всем мире, нам следовало бы быть готовыми к тому, чтобы заплатить за него развязыванием войны. Нашу программу заклеят как империалистическую агрессию. Мы могли бы благодушно примириться с этой клеветой... Мы стали бы первыми агрессорами ради мира». Комментируя выступление Мэтьюса, Дэвид Лоуренс спрашивал: «Следует ли попрежнему придерживаться многовековой традиции — ожидать объявления противником войны?» Джеймс Рестон писал: «Выступление г-на Мэтьюса, человека, всегда прислушивающегося к голосу своих начальников, было, несомненно, пробным шаром. Метод пускания пробных шаров был излюбленным методом политического босса г-на Мэтьюса, министра обороны США Луиса Джонсона, который в частных беседах в Вашингтоне проповедовал ту же доктрину превентивной войны».

Как втянуть американский народ в кровавую баню атомной войны под маской горячего стремления к миру*? Во время заседаний сената Макартур в общих чертах изложил, как это сделать. Описывая ужасы современной войны, он заявил: «Когда я в последний раз был в Корее, у меня все внутренности переворачивались... Мы должны создать механизм для выполнения воли простого народа, чтобы положить конец войнам... Войну следует объявить вне закона». Сенатор Макмагон спросил: «Итак, генерал, надеетесь ли вы на то, что мы найдем рецепт для урегулирования всего этого?» Макартур ответил: «Я

* «Благодаря Вильсону мы остались в стороне от войны» — вот лозунг, при помощи которого американский народ был объединен в 1917 году для поддержки президента Вильсона, уже обязавшегося воевать. — *Прим. автора.*

пробовал изложить его вчера, сенатор. Это уничтожение войны... Тут не может быть никаких полумер. Вы как эксперт по ведению атомной войны должны были бы знать это лучше, чем кто-либо другой. Я считаю, что это следовало бы сделать. Вы говорили о Хиросиме и Нагасаки. Японский народ, больше чем какой-либо другой, знает, что значит атомная война... Японцы считали своих мертвых и хоронили их... Потери, великие уроки, которым научили японцев бомбы, были осознаны ими... Возьмите моральное руководство миром в свои руки и попросите что-нибудь, подобное этому... Первый удар может быть решающим»³⁶. Макартур рекомендовал «воздушную войну, которая вызвала бы голод, подслащенный атомными бомбами». Его спросили: «Допустим, что мы завязнем глубоко и дела у нас пойдут плохо, потребуете ли вы от нас послать новые контингента на территорию Китая?» Макартур ответил: «Не думаю, чтобы мы потребовали этого, сенатор, ни в коей мере».

28 ноября 1951 года Даллес изложил эту же мысль следующим образом: «Мы не должны совершать самоубийства посредством чрезмерного милитаризма», то есть посредством создания больших сухопутных армий. Даллес предложил «обеспечить во всех удобных местах достаточные ресурсы для нанесения по внутренним коммуникациям России удара такой разрушительной силы, в результате которого высокоцентрализованное деспотическое государство распалось бы на части».

Одновременно с этим журнал «Кольерс» в специальном выпуске «Война с Россией» дал подробное изложение этой политики Даллеса. Хотя явно чувствовалось, что статья написана не без участия советников из Пентагона, все же многие отнеслись к ней с недоверием. Но спустя восемь месяцев то, о чем писал «Кольерс», стало официальной политикой республиканской партии, руководимой Эйзенхауэром.

В июле 1952 года в Чикаго на национальном съезде республиканской партии Герберт Гувер, а также другие основные ораторы были встречены бурными аплодисментами, когда они говорили об этой политике. Гувер сказал, что «военная сила Америки заключается теперь не в больших сухопутных армиях... Наш гений заключается в том, чтобы изобретать и действовать сильным оружием». Гувер неодобрительно отозвался о некоторых

представителях военного ведомства, которые все еще делали ставку на пехоту. «Я не предлагаю, чтобы мы замкнулись в себе, как черепаха в своем панцире, — сказал он. — Я предлагаю смертоносную стратегию «гремучей змеи» — стратегию возмездия». Несмотря на расхождения во взглядах по второстепенным пунктам, руководители демократической партии, включая Адлаи Стивенсона, выступавшего в то время в качестве кандидата в президенты, поддержали основные положения провозглашенной республиканской партией программы «гремучей змеи».

Эйзенхауэр, подобно Макартуру, говоря об ужасах и тщетности современной войны, возложил ответственность за нее, если она начнется, на «советскую агрессию». «Жажда мира, — сказал Эйзенхауэр, — слишком велика, чтобы позволить какому бы то ни было правительству дразнить надежды человека пустыми словами, обещаниями и жестами». Его общая формула для ликвидации международной напряженности заключалась в том, чтобы установить «действительный и полный мир во всем мире». 10 сентября 1952 года Эйзенхауэр ясно показал в своем выступлении, что такой мир должен быть основан на «освобождении» стран народной демократии, Китая и Советского Союза.

Вскоре после вступления в должность президента Эйзенхауэр заявил, что он унаследовал «причудливое лоскутное одеяло из обещаний, обязательств и соглашений» и что его задача заключается в том, чтобы «поставить принципы военной и экономической политики в рамки единого эффективного плана». Под «лоскутным одеялом» он понимал, очевидно, сложные дилеммы и противоречия американской внешней политики и неудачу ее попыток достигнуть своих целей. Доходы от «холодной войны» в Европе и «горячих» войн в Азии стали уменьшаться. План создания европейских армий, план сколачивания единого антисоветского блока, а также план, ставивший своей целью заставить азиатов убивать азиатов, — все эти планы сильно поизносились. Внутри страны в разгар бума вооружений назревала угроза экономического кризиса. Но чем более приближались к банкротству эти планы, тем сильнее американские правящие классы цеплялись за стратегию воздушной атомной войны. Когда группа Эйзенхауэра — Даллеса пришла к власти, эта

стратегия стала быстро принимать форму конкретных проектов.

Окончательное принятие плана атомной воздушной войны требовало полного пересмотра военной политики США. Нельзя начинать атомную воздушную войну до тех пор, пока военная промышленность, имеющая стратегическое значение, не будет более или менее защищена от разрушающих ответных ударов противника. Поэтому было решено, что подготовка к войне должна вестись из такого расчета, что развязка наступит после 1954 года. В связи с этим Пентагон сейчас говорит о «длительных усилиях» и «дополнительной подготовке», а не о «коротком рывке».

Выводы так называемых исследовательских комиссий Линкольна и Саммера оказали сильное влияние на программу «дополнительной подготовки» Эйзенхауэра. Обе комиссии, состоящие из высококвалифицированных ученых, были созданы Объединенной группой начальников штабов для того, чтобы проверить планы воздушной атомной войны. Братья Олсоп сообщали, что отчет этих комиссий, представленный президенту и Национальному совету безопасности в 1952 году, содержал следующий вывод: Соединенные Штаты не защищены от советского атомного воздушного нападения, а запасы атомного вооружения Советского Союза и его стратегические воздушные силы могут парализовать и опустошить США. Термин «опустошение» ученые определили как «степень атомного разрушения, которое вынудило бы Соединенные Штаты капитулировать»³⁷. «Возможно, что Советы уже имеют более тяжелые и более быстроходные бомбардировщики дальнего действия, чем наши «Б-50», пишут братья Олсоп. Эти тяжелые советские бомбардировщики с турбодвигателями, замечают они, «в состоянии вызвать оцепенение в Пентагоне и парализовать американскую политику»³⁸. Вопрос, по их мнению, заключается в том, не следует ли приступить к осуществлению тщательно разработанной программы, которая будет стоить, около 20 миллиардов долларов, «чтобы иметь гарантию, что страна не будет парализована и, таким образом, сможет вести войну»³⁹.

Специальный консультант госдепартамента Ллойд Беркнер так обосновал необходимость более длительной подготовки: «Появление нового наступательного оружия

создало у Соединенных Штатов слабые места, и надо кое-что предпринять с целью ликвидации этих слабых мест»⁴⁰.

19 мая 1953 года Эйзенхауэр в своем обращении к американскому народу заявил: «Мы придаем решающее значение военно-воздушным силам. В будущем году почти 60 центов из каждого доллара, предназначенного на оборону страны, будут израсходованы на военно-воздушные силы и противовоздушную оборону»⁴¹.

Знаменательно, что представители Пентагона начали говорить о прежних планах создания большой армии, как о «простых и ненужных безделушках». 9 мая 1953 года министр обороны США заявил, что ряд армейских отделов боевой подготовки в скором времени будет закрыт. 12 июня 1953 года армия объявила о своих планах закрыть семь армейских баз. В общей сложности, по заявлению представителей армии, было намечено закрыть или ограничить деятельность после 1 июля 1953 года примерно тридцати учебных пунктов, 8 июля 1953 года корпус служб артиллерийского и технического снабжения объявил, что начинает «постепенную демобилизацию механических заводов военной промышленности». Планами предусматривалось «демонтирование крупных оборонных заводов». Военный министр Роберт Стивенс сообщил, что из четырнадцати заводов, выпускающих танки, девять будут закрыты. Верховный командующий союзных войск в Европе генерал Грюнтер убеждал сенатскую комиссию по иностранным делам, что «умеренное использование сухопутных войск и интенсивное использование атомного оружия лежит в основе военных планов союзников»⁴². Уолтер Липпман, характеризуя доктрину новых начальников штабов, заявил, что «ее основной тезис — не допустить, чтобы американские войска безнадежно увязли в наземных операциях за океаном»⁴³.

Но «план предусматривает неослабное осуществление гигантской программы строительства новых реактивных бомбардировщиков», — отметил журнал «Юнайтед Стейтс Ньюс энд Уорлд рипорт»⁴⁴. По поводу жалоб Ван Флита и других генералов на «нехватку боеприпасов» журнал сообщал: «Наряду с этой острой нехваткой имеется, однако, большой избыток атомных бомб... Прилагаются огромные усилия в деле строительства тяжелых бомбардировщиков и баз для них, хотя они не играют никакой роли в ведущейся сегодня войне... Таким образом, огром-

ные усилия затрачиваются на создание воздушных сил, которые могли бы, когда это понадобится, вести войну против России... на стратегическую бомбардировочную авиацию, призванную нанести противнику такой удар, после которого он никогда не смог бы оправиться»⁴⁵.

Огромные приготовления к атомной воздушной войне ведутся под маской демагогических рассуждений о мире и под покровом заверений об обеспечении безопасности американских городов при помощи электронных приспособлений и управляемых ракетных снарядов. Существование военной программы «длительных усилий» тоже выдается за мероприятия по защите экономики страны. 6 мая 1953 года Эйзенхауэр заявил: «Поскольку невозможно точно предсказать год и день, когда может наступить момент максимальной военной опасности [развязывания новой мировой войны.—Г. М.], то единственным разумным курсом является неуклонное укрепление военной мощи... Взяв курс на непрерывное усиление военной мощи, которое мы можем осуществлять бесконечно, мы должны избегать таких темпов этого усиления, которые могли бы серьезно расстроить нашу экономику».

12 января 1954 года Джон Фостер Даллес изложил новую политику перед нью-йоркским Советом по внешнеполитическим отношениям:

«Неразумна военная стратегия, обрекающая американские сухопутные войска на постоянное пребывание в Азии в таких размерах, что в США не остается никаких стратегических резервов.

Неразумна экономическая или внешняя политика помощи другим странам, ибо в конце концов это приносит столько же зла, сколько и добра.

Неразумно расходовать на армию такие суммы, которые ведут к «фактическому банкротству».

На апрельском совещании Совета Северо-атлантического союза Соединенные Штаты выдвинули новый принцип, получивший название принципа «растянутых сроков».

«Мы обнаружили, что на совещании Совета Северо-атлантического союза в декабре прошлого года принцип «растянутых сроков» получил всеобщее одобрение и признание, что он больше отвечает вероятным нуждам, чем программа создания наземных сил в полном объеме целой губительных расходов.

Но прежде чем приступить к изменению военного планирования, президент и его советники из Национального совета безопасности должны были принять некоторые принципиальные политические решения, что и было сделано. Основные решения должны были базироваться на огромной мощи, обеспечивающей нанесение немедленно ответного удара такими средствами и в таком месте, которые мы сочтем подходящими.

Если мы будем настойчиво проводить этот курс, то мы поставим диктатуру перед такими проблемами, которые в конце концов окажутся выше ее сил».

Переход к стратегии атомной воздушной войны «случайно» полностью соответствовал стремлениям крупных монополий получать еще более высокие прибыли. Монополисты обнаружили, что производство обычных боеприпасов дает более низкий процент прибыли, чем экспериментирование, исследование и производство сверхмощного оружия. Хэнсон Болдуин писал: «Радарное оборудование, управляемые снаряды и оружие стратегической авиации должны быть сконцентрированы на нескольких заводах, работающих с полной нагрузкой»⁴⁶. Кроме того, концентрация облегчает задачу размещения некоторых стратегических отраслей промышленности под землей. «Америка, — сказал администратор гражданской противовоздушной обороны Вал Петерсон, — должна скрываться под землю или перекочевать в Скалистые горы».

Сторонники программы «длительных усилий» Эйзенхауэра — Даллеса восхваляли ее за то, что она направлена на создание напряженной обстановки в коммунистических странах. Однако суть этой программы заключается в том, чтобы *развязать войну, подобную корейской, в масштабе всего мира с минимальным количеством сухопутных войск США.*

Высшие военные авторитеты Вашингтона сознают, что Советский Союз завоевать невозможно и что при помощи одних пуль нельзя помешать четырем пятым человечества, населяющего Европу и Азию, изменять свои социальные системы. Поэтому их цель заключается в том, чтобы остановить течение самой жизни, вызвав огромные опустошения при помощи водородных бомб, которые могут в один миг разрушить целые города.

Они надеются, что война, ведущая к огромным разрушениям, не только замедлит материальный рост социа-

листоческих стран, но и остановит продвижение других стран к социализму; обеспечит сохранение статус кво; «убедит» человечество, что впредь те государства, которые пойдут по пути социализма, будут ввергнуты в войну на уничтожение.

В весьма откровенной статье «Атомное оружие и внешняя политика США» Роберт Оппенгеймер, главный творец атомной бомбы, так определил цели США: «Мы решили увеличить свои запасы и мощь нашего оружия. Мы с самого начала утверждали, что должны оставить за собой право применять этот вид оружия, и всем известно, что мы имеем в виду использовать его. Известно также, что составной частью этого плана является наше твердое обязательство применить этот вид оружия в массированном начальном, непрерывном наступлении на противника»⁴⁷.

Однако это массированное наступление, по признанию некоторых руководителей Пентагона, не обеспечивает победы. «Операция «Удушение», потерпевшая неудачу в узком коридоре Северной Кореи, тем более не может обеспечить решающих результатов на территории площадью в миллион квадратных миль от Кантона до Эльбы; кроме того, она основывается на безрассудном утверждении, что Соединенные Штаты останутся неприступной крепостью. Но руководители Пентагона надеются, что более крупная «Операция «Убийца», если ее проводить в течение продолжительного времени, оправдает себя: она приведет если не к полному уничтожению лагеря социализма, то, по крайней мере, нанесет ему такой ущерб, что Уолл-стрит сможет диктовать условия мира.

Планы третьей мировой войны Уолл-стрита, а также его рассуждения о том, чтобы не участвовать в боях на суше и «не делать большого упора на пехоту», отражают тот исторический факт, что империализм теряет власть на земле и поэтому возлагает свои последние надежды на управление миром с воздуха.

Факельщики и отряды смертников

В программе атомной войны предусматривается возможное оставление и разрушение Западной Европы и любых других баз, которые нельзя будет удержать в случае войны. Джеймс Бернхем, который выполняет роль

советника и главного стратега этого «крестового похода», заявил: «Решающие действия Америки, направленные на уничтожение сил коммунизма, должны быть осуществлены вне зависимости от нежелания или сопротивления других членов атлантической коалиции»⁴⁸.

Имеются основания полагать, что представители Пентагона уже зачисляются своих западных союзников скорее в пассив, нежели в актив, считая само собой разумеющимся фактом, что они готовы принести себя в жертву. Эта точка зрения определяет основное содержание сверхсекретного доклада адмирала Фехтлера. По сообщению газеты «Монд», которая опубликовала указанный доклад 9 мая 1952 года, этот документ был перехвачен английской разведкой, после того как он был представлен Национальному совету безопасности США*. Основные положения доклада Фехтлера заключаются в том, что война неизбежно разразится еще до 1960 года и что американская армия вместе со своими союзниками сможет удерживать Западную Европу всего несколько дней после начала войны, вследствие чего пришлось бы пожертвовать Англией, Францией и Германией, а Соединенные Штаты вынуждены будут вести наступление из-за Пиренеев и со Средиземного моря. Поскольку Соединенные Штаты намерены проводить политику «выжженной земли», уничтожения городов и промышленности Европы, то, «с точки зрения американской стратегии, было бы значительно лучше, если бы Европа не существовала»⁴⁹.

Теперь Вашингтон без тревоги смотрит на то, что приведение в действие огромного механизма Северо-атлантического союза задерживается, а его проект организации «европейской армии» терпит крушение. Основная стратегия Вашингтона уже не основывается на вооружении большого количества дивизий. По инициативе США одиннадцатое совещание Совета Северо-атлантического союза, созванное в апреле 1953 года, решило отказаться от идеи установить точный срок, к которому должны быть закон-

* Вашингтон, энергично отрицая подлинность доклада, признал, однако, что основные его пункты содержались в статье капитана третьего ранга Талерико, состоящего при штабе военно-морского министерства; эта статья была опубликована в трудах Военно-морского института США. «Американская военщина, — писал Александр Верг, — разумеется, беспокоится о том, чтобы Европа ничего не узнала об этом докладе». «Нейшн», 31 мая 1952 года.) — *Прим. автора.*

чены намеченные военные приготовления. План создания пятидесяти дивизий был аннулирован. Черчилль, вновь изменив тон, призвал делать ставку не на большие армии, а на атомные бомбы, ракеты и управляемые снаряды.

Все это объясняет предложения Вашингтона о мире и разоружении, которые сводятся к следующему: «Давайте сократим количество наших танков, мото-механизированных дивизий и т. д. Но не будем обсуждать вопрос о запрещении производства атомных и водородных бомб, а также вопрос об устранении угрозы атомной войны». Короче говоря, «пожалуйста, не нарушайте наших планов ведения такой войны, которая нам выгодна...»

Поворот Вашингтона в сторону стратегии атомной воздушной войны ознаменовался некоторым сокращением ассигнований на помощь его западноевропейским союзникам. Но он все еще тратит миллиарды на усиление своих европейских военных баз и укрепление военных союзов. Но зачем же вооружать сателлитов, если их намерены принести в жертву?

Во-первых, потому, что борьба Уолл-стрита за мировое господство происходит в период последней фазы империализма, в результате чего вся программа Вашингтона является не только более безжалостно агрессивной, но и более фантастической, безрассудно авантюристической и катастрофической, чем программа какого-либо предыдущего империалистического режима. Программа вооружения давно уже не исходит из благоразумной оценки «полезности» оружия. Для прибылей пушечных королей, по существу, не важно, поступает ли их оружие Франко, Чан Кай-ши или сбрасывается в океан.

Во-вторых, думая пожертвовать своими союзниками, США должны поддерживать их оружием и обещаниями, для того чтобы быть в состоянии использовать их в качестве орудия для *«провоцирования и разжигания»* войны.

Вопрос о том, как спровоцировать войну с державой, которая отказывается «выступить и сражаться», несмотря на явное подстрекательство, является довольно сложным. Когда речь идет о США и СССР, эта проблема усложняется тем, что местонахождение советских самолетов, войск или военных кораблей никогда не даст американской военщине хотя бы малейшего предлога для войны. Соединенные Штаты выдвинули свои вооруженные силы на 6 тысяч миль, к самой границе Советского Союза, и

совершили ряд нападений на различные расположенные вблизи объекты, однако советские войска вели себя спокойно и оставались на своей стороне границы.

Конечно, тот факт, что Вашингтон постоянно обвиняет Советский Союз в агрессии, казалось бы, свидетельствует о том, что Вашингтон готовится развязать войну по классическому гитлеровскому методу, то есть сославшись на оборонительные мероприятия Советского Союза как на причину и объявив, что он наносит удар во имя обороны против агрессии. Однако Соединенным Штатам это значительно труднее осуществить, чем в свое время фашистской Германии. Когда Германия напала на Советский Союз, вторая мировая война уже давно началась. В теперешних условиях «превентивная» война привела бы к полной изоляции Соединенных Штатов. Более того, Уолл-стрит боится реакции американского народа. Чтобы заставить народ нести огромные лишения, это необходимо как-то обосновать. Ясно, что Уолл-стрит постарался бы, если бы только мог, начать войну не под лозунгом «превентивной» войны.

Некоторые представители американской олигархии надеялись, что наилучший способ втянуть Советский Союз в войну — это начать ее в тылу СССР, то есть в Азии. Но столкнувшись с корейскими и китайскими войсками, они решили, что европейский маршрут все-таки является наиболее прямым. Однако и здесь они встречают огромные препятствия, главным из которых является отсутствие горючего материала, при помощи которого можно разжечь огонь, то есть отсутствие достаточно сильных правящих кругов, способных спровоцировать войну в Европе.

После первой мировой войны противоречия и соперничество между европейскими империалистами были острыми и открытыми. Тем не менее их молчаливое согласие использовать гитлеровскую Германию для развязывания новой войны против Советского Союза было твердым. В настоящее время в условиях американского господства конфликты между европейскими империалистами обычно менее очевидны. Но теперь в вопросе развязывания новой войны против СССР они больше уже не единодушны. Западноевропейские державы жаждут, чтобы Соединенные Штаты и Советский Союз ослабили друг друга в войне, при условии, что сами они будут играть

роль секундантов (как это делала Турция в отношении Германии во второй мировой войне).

Некоторая часть европейской буржуазии, особенно та, чьи капиталы вложены не у себя на родине, а в США, Африке или Латинской Америке, склоняется к поддержке более безрассудных действий. Но в целом западноевропейские капиталисты понимают, что из-за разрушительности современной войны Эльба, Рона или даже Ламанш не являются для них защитой. Многие из них откровенно давали понять Вашингтону, что с них хватит урока Кореи.

Видя, как дерепуганы верные союзники Соединенных Штатов, такие советники Уолл-стрита, как Уолтер Липпман, Хэнсон Болдуин и другие, рекомендовали своим хозяевам не слишком превозносить атомную войну. «Все разговоры, действия и мысли наших руководителей вращаются почти исключительно вокруг военного кризиса и неизбежности войны, — сетовал Хэнсон Болдуин. — Мы больше всего говорим и думаем об атомной стратегии. Нас часто отождествляют с поджигателями войны и агрессорами». «Россия, — намекнул Болдуин, — должна быть побеждена в ограниченной войне»⁵⁰.

Но европейские правящие классы не строят иллюзий относительно намерений Вашингтона. Тон их полуофициальных заявлений напоминает заявление газеты «Монд», которая обратилась к Вашингтону со следующим предупреждением: «Не обольщайтесь надеждами на помощь от народов Европы в выполнении важных военных планов. Народ не станет выполнять обещаний правительства». Обычно этот орган французской крупной буржуазии не отражает мнение народа, поэтому в данном случае он говорит от имени французских правящих кругов, которые подобно своим английским, бельгийским и итальянским собратьям уведомили Вашингтон, что они не намерены провоцировать войну, ареной которой явилась бы Европа. Они склонны сохранить в какой-либо форме нейтралитет.

Трудно найти в Западной Европе такие политические группы, которые были бы готовы поддержать войну против Советского Союза, *не считаясь с последствиями* этого. В основном эти группы состоят из гитлеровских реваншистов и военных преступников, а также различных лишенных прав гражданства и деклассированных эле-

ментов (например, бежавших из Восточной Европы капиталистов и помещиков, старых белогвардейцев, социал-демократов, троцкистского охвостья). Уолл-стрит главным образом полагается на эти элементы как на орудие разжигания войны. Они являются наиболее подходящими, во-первых, потому, что их ненависть к Советскому Союзу носит буквально патологический характер, и, во-вторых, потому, что им нечего терять в третьей мировой войне.

Вашингтон ожидает, что проводимое им вооружение русских военных преступников может само по себе заставить Советский Союз предпринять ответные действия. Вооружить бандита, который трижды сжигал ваш дом и разорял вашу семью, а затем разрешить ему прогуливаться перед вашим домом и хвастаться, что он снова проделает все это,—конечно, это вызвало бы те или иные действия. Дрю Миддлтон излагает эту мысль в газете «Нью-Йорк таймс» следующим образом: «Размер разрушений и число убитых в Советском Союзе во время последней войны с Германией... значительно больше, чем во Франции, Германии и Бельгии». А это значит, что «есть люди, которые думают, что сам факт *первооружения Германии побудит Советский Союз к выступлению*»⁵¹. (Курсив мой. — Г. М.)

Действительно, СССР неоднократно предупреждал, что он не потерпит перевооружения Германии в крупных масштабах. Как утверждает в своих частных записках Гарри Гопкинс, в Ялте и Потсдаме Советский Союз пошел на уступки по многим пунктам, кроме пункта о необходимости устранить угрозу со стороны империалистического, агрессивного германского милитаризма. Поэтому его восстановление, как признал бывший начальник штаба военно-воздушных сил США К. Спаатс и другие лица, «является большей провокацией третьей мировой войны, чем бомбардировка Китая и Маньчжурии». Это тем более является провокацией войны, что перевооружение германского империализма нарушает целый ряд торжественных договоров, угрожает безопасности сильнейшей европейской державы и является самым гнусным предательством тех принципов, за которые проливали кровь народы Советского Союза и Европы.

Но активизация деятельности фашистских убийц явилась лишь прелюдией к целому ряду других провокаций.

Руководители Бонна уже получили приказ начать подготовительную работу. Боннский министр Якоб Кайзер нагло заявил, что «Прага является более древним немецким городом, чем Берлин» и что «создание Чехословацкой Республики незаконно». Такие заявления отнюдь не местного происхождения. Руководителям Бонна отведена роль чан кай-ши и ли сын манов Европы.

Те, кто попрежнему расходует сотни миллионов на армию Чан Кай-ши, не питают иллюзий относительно ее способности завоевать какую-либо часть Китая или хотя бы создать там плацдарм. Что касается Западной Германии, то военные эксперты Пентагона признают, что в войне против Советского Союза она будет уничтожена. То же самое можно сказать и относительно американских воздушных баз, которые Вашингтон усердно строит близ советских границ: в случае войны эти базы было бы невозможно защитить.

То же самое можно сказать и об американских затратах на ведение «холодной войны» в Западном Берлине. Учитывая, что Западный Берлин окружен Советской зоной, огромные расходы американцев кажутся совершенно бессмысленными. Однако незаконная попытка создать антисоветскую фашистскую крепость в сердце советской зоны служит удобным средством для разжигания войны. Действительно, это дает американской военщине бесчисленные возможности для подрывной деятельности в Восточном Берлине (плюс нарушения воздушного коридора и т. д.).

Стратегический план Уолл-стрита по разжиганию войны против Советского Союза можно сформулировать следующим образом:

1. Отвергать соглашение о немедленном запрещении атомного оружия, уничтожении запасов атомных бомб и немедленном прекращении производства атомных и водородных бомб; любой ценой сохранить раскол Германии и отклонять предложения Советского Союза о выводе советских, американских, английских и французских вооруженных сил из Германии, чтобы не допустить создания миролюбивого демократического германского государства.

2. Усилить свои европейские и азиатские отряды смертников путем непрерывного накопления вооружений, а также при помощи различных пактов по принципу

«один за всех — все за одного». Следует, помнить, что эти ударные отряды требуют создания огромных и сложных механизмов. Ибо даже эти отчаянные элементы не желают действовать, если они не связаны договорами, которые обязывают и других принять участие в этом рискованном предприятии. Отсюда необходимость в Североатлантическом союзе, с его цепью договоров, в соответствии с которыми Норвегия должна вступить в войну потому, что Анкара должна прийти на помощь Афинам и т. д. Короче говоря, вся эта тщательно разработанная система предназначена для того, чтобы предотвратить локализацию какого-либо конфликта, разжечь его в мировой пожар.

3. Угрожать СССР неизбежной войной с применением атомных бомб, беспокоить его бесчисленными провокациями и доводить напряженность в отношениях до критической точки.

Кроме того, продолжать окружение Советского Союза кольцом авиационных баз и ускорить перевооружение Германии до такой степени, чтобы вынудить Советский Союз предпринять значительные контрмеры, на которые можно было бы потом ссылаться как на доказательство «советской агрессии» и использовать их в качестве повода для начала военных действий против СССР.

4. Как последнее средство разжигания серьезных инцидентов, использовать банду боннских эсэсовцев или фашистов Восточной Европы (снабженных самолетами с венгерскими, польскими, чехословацкими или советскими опознавательными знаками, а также соответствующим оружием и форменной одеждой) для нападения на предназначенные для этой цели американские, западногерманские или иные военные склады. Именно, таков был метод, который Гитлер использовал 1 сентября 1939 года у Глевица, чтобы объявить Польшу агрессором.

5. Предъявить вслед за этим ультиматум, облеченный в форму мирных предложений, но равноценный объявлению войны. Объявить советские предложения, о желании вести переговоры или же его несогласие с условиями ультиматума «готовностью Советов напасть».

Однако эти последние шаги не должны быть приняты до того, как количество американского наступательного и оборонительного атомного оружия окажется на таком уровне, который будет сочтен Пентагоном до-

Статочным для ведения разрушительной войны против всей Европы и Азии.

Образуются ли они?

Создается впечатление, что американские империалисты, если они окончательно не обезумеют, подобно Форрестолу, все же остановятся у края бездны на ими же самими избранном гибельном пути. Наиболее здравомыслящие среди них могут еще пересмотреть свои взгляды, прежде чем ринуться в безрассудную авантюру. Ведь порой самые безрассудные авантюристы считаются с предостережениями, даже когда они исходят от тех, чье мнение эти авантюристы отвергают. Как бы ни была велика ненависть к коммунизму, империалистам приходится признавать правильность предостережения Сталина, сделанного им еще в 1926 году, что вторая мировая война будет стоить мировому капитализму значительно дороже, чем первая. На протяжении тридцати лет Сталин сделал ряд подобных предупреждений. Так, 26 января 1934 года он предостерег западные державы на тот случай, если они вздумали бы развязать новую войну: «И пусть не пеняют на нас господа буржуа, если они на другой день после такой войны не досчитаются некоторых близких им правительств, ныне благополучно царствующих «милостью божией»*. И действительно, хозяева, управляющие населением, насчитывающим свыше шестисот миллионов человек, исчезли.

Американским империалистам следовало бы учесть и более поздние предостережения, исходившие от других государственных деятелей Советского Союза. Уолл-стриту следовало бы обратить внимание на то, что советские руководители не склонны к пустому хвастовству. По словам Максима Горького, еще одна мировая война могла бы стать последним ударом по капитализму.

Дело в том, что Соединенные Штаты не могут победить, какого бы рода войну против социалистических стран они ни затеяли. В Европе, Африке и Азии американские военные базы и места расположения войск будут окружены партизанами и участниками движения Сопротивления, численность которых будет значительно больше тех сил, которые в период второй мировой войны терро-

* И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 469.

ризировали нацистских оккупантов. Революционные войны охватили все колониальные и зависимые страны. Неистощимый поток войск восьмисотмиллионного населения социалистических стран устремится по суше и воздуху во всех направлениях. Они быстро нейтрализуют большинство американских воздушных баз — если не все базы — в Западной Европе, на Ближнем и Среднем Востоке, в Испании и Северной Африке.

Военные расчеты Пентагона, основанные на превосходстве американского производства стали и нефти, в корне ошибочны (Гитлер имел в своем распоряжении в два с половиной раза более мощную металлургическую промышленность, чем СССР). Чтобы выступить против СССР на равной основе, Соединенным Штатам для военной агрессии потребовалось бы в пять раз большая военная и промышленная мощь, чем они имеют в действительности. Однако США не могут более добиться такого промышленного превосходства. Даже их настоящее превосходство с каждым днем уменьшается вследствие быстрого промышленного развития СССР и его союзников.

Расчеты Пентагона на количественное превосходство в атомных и водородных бомбах являются еще менее обоснованными. Перевес на сотню бомб может иметь важное значение лишь в том случае, если другая сторона обладает всего несколькими бомбами. Но перевес в тысячу бомб является несущественным, если другая сторона также производит эти бомбы тысячами. Действительно, бомбы, при помощи которых можно уничтожить наши порты и посадочные площадки, делают проблему передвижения американских войск (пополнение и снабжение войск, удерживающих базы в Европе и других отдаленных районах) фактически неразрешимой.

Что касается атомных бомбардировок промышленных центров, то все эксперты сходятся на том, что Соединенные Штаты в этом отношении значительно более уязвимы, чем СССР или Китай, во-первых, потому, что английские и американские генеральные штабы не знают, где точно расположены многие новые советские промышленные центры, а также их рассеянные по обширным пространствам Сибири центры по производству алюминия, самолетов и атомных бомб. Будучи окружены кольцом оборонительных районов, эти советские промышленные центры практически невозможно обнаружить при помощи

воздушной разведки. Но даже известные промышленные центры СССР значительно в большей степени рассредоточены, чем в США.

Действительно, легко доказать, что Соединенные Штаты, если бы они рискнули применить атомную или водородную бомбу, потеряли бы больше, чем выиграли. Стефен Уайт удачно выразил это: «Две песчинки в механизме разрушают прекрасные часы. Америка подобна часам... Несколько бомб, поразивших уязвимые места, могут создать хаос. Россия похожа на солнечные часы... Чтобы вывести ее из строя, нужно иметь топор»⁵⁴. Соединенные Штаты никогда не будут обладать этим «топором», то есть сухопутной армией, чтобы проникнуть во внутреннюю часть евразийского континента. Много лет назад сэр Холфорд Макиндер назвал этот район самой неуязвимой частью мира. Сегодня она в тысячу раз более неуязвима.

В настоящее время Вашингтон все еще стоит перед проблемой преодоления различных препятствий, стоящих на пути его сложных планов. Кроме того, все наглые провокационные наскоки, предпринимавшиеся против Советского Союза в течение последних шести лет, разбивались о него, как о гранитную скалу. Это свидетельствует о колоссальной мощи СССР, о его громадном стремлении к миру, а также о неспособности империалистов нанести ему ущерб.

Под давлением серьезных внутренних трудностей поджигатели войны, несомненно, окажутся неспособными правильно оценить международную обстановку. Они обязательно допустят серьезные ошибки в тактике и стратегии. А это может смешать их карты даже в тот момент, когда они уже вступят на путь войны. Внешняя политика Вашингтона уже потеряла всю свою гибкость. Она стала раздражительной, негибкой и хрупкой. Вашингтон не соглашается уступить в чем-нибудь, опасаясь крушения всей своей военной политики. Он поставил себя в такое положение, когда все его претензии и требования становятся все более нереальными и фантастичными. Планы Вашингтона будут расстроены трезвой и гибкой советской политикой, которая полностью отвечает сокровенным чаяниям человечества.

«Я со всей торжественностью заверяю вас, — заявил Эйзенхауэр американцам, — что совесть американского

народа не может быть спокойна, пока не будут освобождены народы... Латвии, Эстонии, Литвы, Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии и Албании... родственные нам по крови». Газета «Правда» так комментировала это заявление Эйзенхауэра: «Мы не думаем, что Эйзенхауэр уже дошел до состояния покойного американского министра Форрестола, но он искусно изображает собой Форрестола перед его прыжком из окна больницы для душевнобольных».

«Правда» привела юмористическую песенку, которую когда-то пели русские люди: «Вот в воинственном азарте воевода Пальмерстон поражает Русь на карте указательным перстом». «Указательный перст у Эйзенхауэра очень решительный и грозный, — заявила «Правда», — но эффект все же получается комический. И когда этот американский воевода заявляет величественно: «Мы должны сказать Советам хладнокровно и окончательно...» — то хочется ему прежде всего посоветовать: «Выпейте, Айк, холодной воды и придите в себя»*.

Но восторжествует ли здравый смысл? Сохранит ли рассудок правящий класс США, чьи коварные военные провокации получают отпор и терпят провал? Образуется ли он? Можно ли полагаться на его рассудительность?

* «Правда», 29 августа 1952 года.

«ФОРРЕСТОЛИЗМ» — ВОТ ЧТО ХАРАКТЕРИЗУЕТ ПРАВИТЕЛЕЙ АМЕРИКИ

Касаясь какого-нибудь исторического периода, буржуазные писатели часто приписывают главные события личным качествам выдающихся деятелей этого периода. Но марксистская наука давно уже доказала, что взгляды руководителей обычно определяются классом, который они представляют, и историческими задачами, которые этот класс на них возлагает. Обычно мы видим, что «мудрые и честные» монархи чаще встречаются в периоды подъема или максимального расцвета данного общественного строя, а «продажные, неудачливые и неразумные» монархи — в периоды его упадка.

«Маленький упорный осел», «самый большой глупец в мире» — так охарактеризовал генерал Стилуэлл Чан Кай-ши после того, как близко познакомился с ним. То же самое говорилось об умственных способностях и качествах последних представителей династий Бурбонов, Романовых, Савойской и Гогенцоллернов.

Однако, строго говоря, причина того, что действия умирающих классов выглядят такими нелепыми и безрассудными, кроется не в недостатке ума или пороках планирования. Глупцами или ослами их делают бесплодные попытки использовать свой разум для достижения неосуществимых и безрассудных целей. Отчаянное стремление достигнуть целей, которые исторически уже нельзя более осуществить, является типичным для всех правящих классов, идущих к своему банкротству и распаду.

Даже критические и пытливые умы не всегда могут отличить возможное от невозможного. Это еще более верно в отношении тех, чей умственный кругозор ограничен. Для таких людей зачастую характерно отсутствие способности анализировать, особенно вопросы политического и исторического значения.

Когда, например, генерала Маршалла спросили, есть ли у Советского Союза атомная бомба, он ответил: «Мне немного известно сверх того, что я читаю в прессе». «Чтобы построить заводы по производству бомб, требуется десять тысяч субподрядчиков... Я не думаю, чтобы у Советской России на всю страну было четыре тысячи или даже две тысячи субподрядчиков, обладающих необходимым опытом», — добавил Маршалл. Конечно, генерал Маршалл мог бы быть лучше осведомлен, если бы читал советские научные журналы. Но в этом случае умственный кругозор Маршалла, возможно, заставил бы его расценить прочитанное как «коммунистическую пропаганду»¹.

Отход от действительности

В общем взгляды и идеи, поддерживаемые и распространяемые умирающим классом, можно суммировать так. Во-первых, взгляды и идеи, сфабрикованные олигархией или ее слугами, которые используют их для того, чтобы увековечить власть своего класса, хотя и понимают, что эти взгляды и идеи абсолютно лживы. Во-вторых, ложные идеи и извращенные взгляды на действительность, которые отражают не только потребности господствующего класса, но также его ограниченность и узкий умственный кругозор. Господствующий класс, очевидно, не сознает своей неспособности постигнуть смысл некоторых явлений.

Ложные идеи и извращенные взгляды на действительность, свойственные буржуазии и ее идеологам, характеризуют также анархию и противоречия всего капиталистического общества. Неспособность правящего класса направлять события согласно своим желаниям и частое расхождение между планами и их практическими результатами усиливают извращение действительности в сознании буржуазии.

Покойный Джон Дьюи, ведущий апологет прагматизма, однажды мрачно заметил: «Даже самые дальновидные люди не могли бы предсказать пятьдесят лет назад, в каком направлении будут развиваться события. Что касается людей благородных взглядов, то, по существу, можно сказать, что действительные события развивались в направлении, противоположном их чаяниям»². Это неоспоримо. Буржуазные идеологи не способны предвидеть

развития событий главным образом потому, что в настоящее время историческое развитие противоречит их классовым интересам. Это увеличивает их политические ошибки и просчеты.

Неспособность буржуазии планировать, опираясь на социально-историческую основу, например, ее неспособность оценивать и предвидеть наступающие события, ведет к еще большему отдалению буржуазии от действительности. По этому вопросу Энгельс писал: «Желаемое совершается лишь в редких случаях; по большей же части цели, поставленные людьми перед собой, приходят во взаимные столкновения и противоречия или оказываются недостижимыми частью по самому своему существу, частью по недостатку средств для их осуществления». Отсюда следует, что «действия имеют известную желательную цель; но результаты, на деле вытекающие из этих действий, вовсе нежелательны. А если вначале они, повидимому, и соответствуют желаемой цели, то в конце концов они несут с собой далеко не то, что было желательно»*.

Поэтому даже в относительно спокойные периоды истории представители класса угнетателей и их идеологи не видят значения и направленности общественных событий; определенные факты ускользают от их понимания, потому что их интересы противоречат интересам тех, кто приводит в движение и создает исторические события, то есть интересам народа. Пользуясь властью в силу своего господствующего положения *над вещами* (деньгами, землей, шахтами, заводами и т. д.), они склонны считать, что народ -- это товар или безжизненные цифры.

Во время кризиса их способность чувствовать или понимать нужды и желания народа уменьшается еще больше. Например, газета «Нью-Йорк таймс» недавно писала, что распри в кабинете Ли Сын Мана возникли главным образом потому, что южнокорейские войска и полиция убивали тысячи корейцев. Однако средний южнокореец, комментировав газета, «возможно, совершенно безразлично относится ко всему этому делу, так как его собственный образ жизни не изменится от того, кто придет к власти». Томас Дьюи, докладывая о своей поездке в Корею собравшимся в отеле «Уолдорф-Астория»,

* К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. 2, стр. 371.

заявил: «Леди и джентльмены! В госпиталях царил прекрасный моральный дух... Там не было ни одного человека, который не был бы тяжело ранен в грудь... Однако ни один человек, ни один во всей палате, не произнес иных слов, кроме «здорово» или «чудесно»³.

Загнивающая олигархия обычно бывает поражена и удивлена, когда события начинают развиваться или когда самые «верные» их планы рушатся в результате сопротивления народа. Например, когда в феврале 1951 года Народная партия Золотого Берега одержала крупную победу на выборах, ошеломленные английские колониальные чиновники объявили: «Все это дело кажется таинственным... Выборы были последним маневром политбюро...»⁴ Побывав в Иране весной 1951 года, Джозеф Олсоп сделал вывод, что «страну смертельно подтачивает безглавый червь — партия Тудэ», «Гватемальская язва опасна. Нельзя давать ей распространиться», — заявили представители госдепартамента. Таковы общие представления империалистов о народной борьбе против нищеты и унижения.

Вначале буржуазия рассматривала само движение рабочего класса как «призрак», пользуясь выражением Маркса и Энгельса. Она пыталась различными способами изгнать этот призрак, спастись от его преследования. В период подъема капитализма буржуазия могла позволить себе пользоваться языком разума и даже определять свои общие цели и задачи в гуманных выражениях. Но как только призрак вырос в неоспоримую социальную силу, как только движение рабочих стало более мощным, благоразумие сделалось роскошью, которую капитализм уже не мог себе позволить. Затею ему пришлось искать пути и средства, чтобы исказить эту объективную историческую действительность, главным образом неизбежность социальных перемен и революции.

В период общего кризиса капитализма эти черты правящего класса стали еще более явными. Пропась между объективной действительностью и мировоззрением правящего класса все более расширяется, При таком положении его кругозор сокращается до такой степени, что совершенно определенные аспекты реальной действительности становятся для него туманными и нереальными. В определенных пределах чемберлены, муссолини, гитлеры, лавали, форрестолы, макартуры, даллесы и

чанкайши способны мыслить и даже действовать разумно. Но за этими пределами, скованные нереальными предпосылками или неизлечимыми классовыми предрассудками, они безумствуют. «Когда боги хотят наказать кого-либо, они лишают его разума», — писал Еврипид, основываясь на такого рода практике.

Ни один класс никогда не признавал необходимости или неизбежности своего падения. Фактически все палачи народа верят до конца, что они пали жертвой какого-то странного заговора, случайности, дворцовых интриг или «неблагодарности» народа. Им и их классу кажется, что история совершает непростительную ошибку, выбрасывая их на свалку.

Тридцать шесть лет прошло с тех пор, как свершилась Октябрьская революция, а мировая буржуазия все еще не способна понять ее значения. Представители капитализма все еще рассматривают Октябрьскую революцию как загадку, как результат противоестественной катастрофы или исторической случайности. Республиканец конгрессмен Джексон (штат Калифорния) заявил в палате представителей: «Два русских эмигранта Карл Маркс и Фридрих Энгельс засели на чердаке в Париже и составили план мирового господства. Этот план — «Коммунистический манифест»⁵.

Согласно высказыванию Уолтера Липпмана, «основное пророчество Маркса было опровергнуто тем, что Октябрьская революция и революция в Китае были вызваны не внутренними противоречиями капиталистического общества, как учили Маркс и Ленин, а двумя мировыми войнами», а также тем, утверждает далее Липпман, что «немецкий генеральный штаб послал Ленина из Цюриха в Петербург для организации государственного переворота»⁶.

Таким образом, классовые предрассудки ослепили этого авторитетного обозревателя, лишив его возможности правильно оценить элементарнейшие факты, приведенные в его аргументации. Липпман просто отказывается признать, что Маркс и Ленин дали научный анализ капиталистических противоречий, которые привели к первой и второй мировым войнам, что они ясно предсказали наступление эры войн и революций и что развитие событий в революции 1917 года было предугадано на основе учения марксизма-ленинизма еще в 1905 году.

Не зная подлинной силы революционных движений народов, империалисты никогда не сомневались, что эти движения могут быть быстро уничтожены. Когда планы империалистов проваливаются, они мобилизуют различных чародеев и составителей гороскопов, которые выступают в роли политических комментаторов, чтобы предсказать быстрое поражение революции.

Кто может перечислить всю чудовищную ложь и глупость, все смехотворные пророчества капиталистических писаков относительно «коммунистической России» за последние тридцать шесть лет? Даже многие бывшие царские придворные давным-давно благоразумно отошли от политики и поступили на работу в голливудские кафе, где они служат в качестве швейцаров, а империалисты все еще не могут успокоиться. Бывший руководитель Администрации «экономического сотрудничества» Пол Гоффман недавно сказал: «Имеется ли сейчас какая-либо возможность свергнуть советское правительство? «Холодная война» плюс «горячая война» могли бы сделать это, но я уверен, что крушение теперешнего советского режима заложено в самой его основе». Гоффман уверял своих читателей, что его мнение разделяют Макартур, Даллес и некий «министр за границей, чье имя я не могу назвать»⁷.

Основываясь на открытом Лениным законе о неравномерном развитии капитализма, Сталин много лет назад предсказал неизбежность китайской революции. В 1925 году он так охарактеризовал ее: «Силы революционного движения в Китае невероятны. Они еще не сказались как следует. Они еще скажутся в будущем. Правители Востока и Запада, которые не видят этих сил и не считают с ними в должной мере, пострадают от этого»*. В 1927 году он писал: «В Китае борьба с империализмом должна принять глубоконародный и ярко-национальный характер и должна углубляться шаг за шагом, доходя до отчаянных схваток с империализмом и потрясая самые основы империализма во всем мире»**. В его подробном анализе была определена великая роль китайского крестьянства в совершении революции.

Но и теперь, после того как это историческое собы-

* И. В. Сталин, Сочинения, т. 7, стр. 293.

** Там же, т. 9, стр. 258.

тие совершилось, империалисты все еще не способны понять китайскую революцию. После победы китайской революции буржуазные ученые и ясновидцы, проснувшись однажды утром, удивленно спросили: «Что происходит?» Согласно расчетам разведки Вашингтона, 475 миллионов жителей Китая должны были пребывать в бездействии. «Кто-то в Вашингтоне проспал в то утро, когда коммунисты взяли власть в свои руки», таково было почти единодушное объяснение придворных астрологов Уолл-стрита.

В той суматохе, которая воцарилась среди империалистов после того, как непобедимые миллионы Китая выпрямили спины и вступили на путь социализма, по этому поводу полились потоки слов. Блохам землетрясение показалось явно незаконным.

Ложь и заблуждения

Упадок мышления правящего класса, подобно разложению старых общественных порядков, делится на несколько фаз. Во-первых, в буржуазном мышлении появляется тенденция, а затем «более определенное стремление пренебрегать границей, отделяющей факт от вымысла, миф от действительности. Позднее, благодаря простой привычке и постоянному повторению, правящий класс начинает принимать различные небылицы за истину. Но по мере того, как развиваются события и усиливаются противоречия, идеология правящего класса превращается в переплетение не связанных между собой фактов, вымысла и нелепостей. Его представители путем замены отдельных слов и фраз (например, называя рабство свободой или наоборот) пытаются отрицать или скрывать некоторые факты.

Так, до 1943 года орган швейцарских банкиров газета «Нейе цюрхер цейтунг» отрицала существование Ленинграда, именуя его по-старому — Петербург. Подобно этому и американские газетные короли, ожидая того времени, когда новый Китай превратится в призрак, продолжали рассматривать представителей Чан Кай-ши в Организации Объединенных Наций как представителей Китая, называя действительных руководителей Китая просто «красными бандитами».

Во время общего кризиса капитализма лицемерие и ложь его представителей становятся особенно сложными

и громоздкими. Вынужденные прикрывать самую жизнь и историю мифами, они продолжают нанизывать одну ложь на другую. В результате становится все труднее и труднее заделывать брешь между империалистическими характеристиками и реальной действительностью. Буржуазия утверждает, что коммунизм «бесчеловечен», но в то же самое время он добивается сочувствия миллионов людей; что он является «пустопорожной теорией», но что он завоевывает умы ученых и интеллигенции; что Советский Союз потерпит крах, но что он становится все более мощной державой; что советский народ голодает и подвергается эксплуатации и в то же время советский народ семимильными шагами идет по пути прогресса, — короче говоря, что капитализм превосходит социалистическую систему, но в то же самое время отстает от нее.

В критические периоды империализм отбрасывает всякие претензии на последовательность или логику. Заголовки и заявления следуют один за другим, причем каждый последующий противоречит предыдущему и соперничает с ним в наглости и лицемерии. Как сообщалось в прессе, Трумэн с пафосом произнес: «Никто, я повторяю — никто, не извлечет выгод из наших оборонных усилий в этот критический момент». Но в следующей колонке содержится иное сообщение: «Военные заказы после начала войны в Корее повысили прибыли компаний до самого высокого в истории уровня». «В последней войне у нас было семь миллионов убийц и еще семь миллионов, которые их поддерживали, — заявил начальник Управления мобилизации США Л. Хэршей. — Но убийцам сейчас по тридцать два или тридцать три года. Большинство их изнурено, выдохлось»⁸. Сравните заявления Хэршея со следующими высказываниями Джорджа Кэннана: «Соединенным Штатам должен помочь инстинкт к более здоровой, менее мрачной и более интересной жизни, чтобы утвердить себя в России»⁹. После «красочного» описания операций по уничтожению корейских городов и сел напалмовыми бомбами газета «Нью-Йорк таймс» поместила на второй странице такой призыв: «Подумайте о том, сколько в Корее маленьких ручонков, посиневших от холода, сколько босых озябших ног нуждаются в нашей помощи! Мелкие монеты, которые останутся у нас после уплаты торговых налогов, дадут этим детям возможность поесть хоть один раз».

После разгрома гитлеровского вермахта под Сталинградом Геббельс писал: «Весь мир сейчас видит, как прав был фюрер, когда предупреждал, что над западной цивилизацией нависла коммунистическая угроза». Когда войска Макартура были разбиты у реки Ялуцзян, газета «Нью-Йорк таймс» вопила: «Это полностью опровергает заблуждение, будто китайские коммунисты ждут только удобного случая, чтобы установить мир и дружбу». А автор передовой статьи со спокойным безразличием безнадежного шизофреника писал: *«Советский Союз из-за своих фантастических взглядов на агрессию мог бы неправильно истолковать бомбардировку Китая как акт агрессии и прийти к выводу о необходимости оказать помощь Китаю»*. (Курсив мой.— Г. М.)

Лицемерие доходит до такой степени, что порой его невозможно отличить от простого идиотизма. Так, на основании некоторых неофициальных высказываний генералов, представителей госдепартамента и конгрессменов можно прийти к выводу, что многие из них стали жертвами собственной лжи и бульварных сплетен.

«Подкупайте коммунистов», — советовал Раймонд Молей. «Если коррупция царит в чанкайшистском Китае, есть ли основание считать, что лидеры нового Китая выше материальных интересов в важных и полезных для нас делах?» — спросил он. Далее Молей добавил: «Мы не можем пренебрегать таким простым и относительно недорогим средством разложения противника»¹⁰. А президент Американской ассоциации психиатров Джордж Стивенсон дал такой совет: «Соединенным Штатам следовало бы использовать психиатров на дипломатических конференциях», потому что они способны по выражениям лиц выявить позицию участников конференций»¹¹.

Хотя страницы печатных органов Уолл-стрита, проявляющего повышенный интерес ко всем странам земного шара, пестрят картами мира, вашингтонские политики часто затрудняются найти на них районы, из которых якобы исходит «угроза для США». Опасность, кажется, грозит даже из таких районов, наименование и местонахождение которых им неизвестно. Директор Национального географического общества Джордж Кимбл заявил, что из опрошенных в Вашингтоне пятисот человек ни один не знал, где находится Азербайджан. «Как можем мы воевать с Азербайджаном, — спросил Кимбл, — если боль-

шинство из нас не знает, где он находится?» Сенатор Уайли рекомендовал «разделить комиссию иностранных дел на секции и закрепить за каждой из них определенную территорию земного шара, чтобы мы смогли познакомиться с ней»¹².

Губительные и болезненно депрессивные тенденции

Не будучи в состоянии понять причин этого, некоторые империалисты, однако, несомненно чувствуют, что приближается последняя стадия существования их системы, которой история уже вынесла приговор. Они чувствуют угрозу, но не могут уяснить ее характера. Так, обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс» Артур Крок писал: «В правительстве, а также в народе признают, что *Соединенным Штатам грозит опасность*. Но по двум существенным пунктам нет определенного мнения: — *какова эта опасность и когда она станет угрожающей*». (Курсив мой. — Г. М.)

Одна монополистическая группа утверждает, что последняя линия обороны США проходит по реке Ялуцзян, другая группа полагает, что она проходит в горах Тайваня, третья — по вершинам Гималаев, четвертая — по рекам Дону, Рейну и Янцзы, пятая — по горным хребтам Пиринеев и Атласа. Чтобы удовлетворить всех, представитель государственного департамента А. Джонсон-младший заявил, что «в настоящее время мы рассматриваем тридцать одну страну в качестве районов, имеющих для нас решающее значение»¹³.

Короли кока-кола требуют, чтобы американская власть простиралась на все районы земного шара с теплым климатом. Торговцы маслом и сыром хотят Швейцарию и Голландию. Виноделы и текстильщики требуют шкур с Англии и Японии. Короли каучука и олова домогаются всей Юго-Восточной Азии. «Анаконда», корпорации Гугенхайма и Рокфеллеров рвутся к шахтам и ресурсам Африки. Голливуд и журнальные издательства хотят захватить все киоски и кинотеатры мира. Нефтяные, стальные и химические тресты стремятся заполучить не более и не менее, как рабочих и ресурсы всей планеты.

Пока банкиры и генералы требуют более крупных бомб и армий, их ставленник крутит глобус, восклицая: «свобода», «демократия». Одни клянутся в вечной любви

к Чан Кай-ши, другие — к японским дзайбацу. Все они, захлебываясь, рассказывают о чарах боннских нацистов. Однако некоторые видят последнюю надежду «западной цивилизации» и «нашего образа жизни» в Ли Сын Мане, Франко, Бао Дае и шахе Ирана.

В общем американский правящий класс являет собой пеструю и противоречивую картину. Он опьянен властью, но панически напуган; проявляет лихорадочную активность, но ограничен в своих действиях; хитер и расчетлив, но неспособен понять некоторых самых элементарных явлений современной жизни.

Субъективно правители Америки уже видят себя мировыми властителями. Нефтяные магнаты Техаса, стальные и каучуковые бароны Пенсильвании и Огайо, банкиры Нью-Йорка видят у ворот своих величественных банков пашей, премьеров, принцев, герцогов, бывших и еще находящихся у власти королей и королев, просящих и готовых выполнять приказы. Они уверовали в то, что ничто не может устоять перед их желаниями и планами. Но, несмотря на это, их преследует кошмарное чувство, что самая основа их строя почему-то разрушается. Марионетки продают ресурсы своих стран, но народ кричит: «Долой империализм янки!» Для крупных капиталистов все это символизирует одно слово — «Москва». Очевидный выход, приходят они к выводу, — это уничтожить Москву.

Хозяева трестов кидаются к своим ученым — изобретателям смерти и требуют: «Не считайтесь с расходами; мы очень спешим... Сделайте самую большую бомбу, чтобы стереть коммунизм с лица земли». Услаждая себя мечтами о массовом истреблении и мировом господстве, они подгоняют ученых в их работе. Толпы комментаторов рассуждают о том, как растерзать Корею, стереть с лица земли Россию, как поступить с Китаем, Индией, Африкой и Юго-Восточной Азией, так же как о последних скачках, о боксе или бейзболе. Захлебнувшись в собственном словесном потоке, они рассматривают сотни миллионов людей как простые точки на карте. Они думают, что для захвата мира и передачи его на попечение «Чэйз нэшнл бэнк» требуется всего лишь лакей и доллар, бомба и буйствующий генерал, плацдарм и объект для бомбежки.

Однако иногда некоторые из них пробуждаются от

своих навязчивых грез и начинают сомневаться в осуществимости истребления сотен миллионов людей. Их планы разоблачаются. Огромный размах движения за мир во всем мире и массовые протесты помешали им сбросить атомные бомбы на Корею, да и их вера в монополию атомного и водородного оружия оказалась мифом. На какое-то мгновение они осознают, что мощный лагерь социализма нельзя уже больше уничтожить. И мировое господство, которое, казалось, было так близко под рукой, становится опять бесконечно далеким.

В результате этих противоречий некоторые представители американской олигархии то проявляют шумливую самоуверенность, то впадают в мрачное отчаяние. Заявления этих представителей олигархии полны оптимизма, когда находящиеся у них на службе генералы и ученые уверяют их, что «дело [убийство миллионов людей] может быть сделано», они падают духом, их охватывает паника, когда отчеты о действенности атомной бомбы оказываются менее обещающими или когда они сознают, что силы демократии могут иметь равноценное или даже более совершенное оружие.

Аналогичным образом предсказания экономических экспертов колеблются от веселых серенад до похоронных месс. Один день они предупреждают, что инфляция и дефляция влекут за собой экономическое бедствие и предсказывают крахи, кризисы и банкротства; на другой день они славят растущие прибыли и «поддержание уровня производства на базе удовлетворения военных нужд».

Эти депрессивные настроения и тенденции ясно отражают разрыв между чудовищными целями империалистов и ничтожными средствами, которыми они располагают для достижения своих целей. Эти настроения и тенденции завладели многими руководителями Вашингтона особенно после поражения у реки Ялуцзян в декабре 1950 года и неудачи, постигшей их в деле завоевания сравнительно маленькой Северной Кореи. «Соединенные Штаты слабы и беспечны», — вопил генерал армии Джордж Маршалл. «В США в настоящее время слишком часто заламывают руки, слишком много кричат о том, что любое мероприятие — это решающий шаг к гибели», — заявил другой представитель Вашингтона. Третий был «чрезвычайно оптимистичен», — писал Берт Эндрюс в газете «Нью-Йорк геральд трибюн», — после того,

как посмотрел на Эйзенхауэра и на последний реактивный бомбардировщик». «Соединенные Штаты исключительно сильны», — кричал авиационный генерал. «Если Индия пойдет по пути Китая, это будет означать гибель», — предостерегал представитель государственного департамента. Всех их охватило уныние, когда начальник штаба военно-воздушных сил Ванденберг заявил в одной из комиссий Конгресса, что «стратегические военно-воздушные силы не могут еще сравнять Россию с землей»¹⁴.

Правящая верхушка американского господствующего класса усиленно создает истерическое состояние умов. Руководитель отдела физиологии при Миннесотском университете Морис Висшер заявил в своем выступлении в Американской ассоциации поощрения наук: «Многочисленные якобы патриотические организации и отдельные лица в Соединенных Штатах обнаруживают ненормальное поведение... Некоторые по личным мотивам фальсифицируют факты, другие действительно психически больны... Признаки психоза в Соединенных Штатах несомненны. Мы в США теряем рассудок в результате галлюцинаций, мании преследования и общего отхода от действительности»¹⁵.

Подобное же мнение было высказано 24 ноября 1953 года бывшим президентом Иллинойского университета д-ром Джорджем Стоддардом.

В статье под заглавием «*Почему Вашингтон охвачен безумием*» Джозеф Олсоп так описал атмосферу, господствующую в государственном департаменте, Пентагоне и остальных правительственных учреждениях: «Панический страх и взаимное недоверие, подобно гнилостным испарениям болот Потомака, окутывают нашу столицу. Снова и снова люди, живущие и работающие в Вашингтоне, чувствуют, что страх и подозрения окружают их, как ядовитый туман, закрывающий солнце». Олсоп объясняет это ползучее слабоумие «страхом перед предательством изнутри и разрушительным нападением извне».

«Снимите их!» — завопил адмирал Стэндли, увидев рождественские звезды, украшавшие магазины Калифорнии во время рождественских праздников. Их оранжевый цвет показался адмиралу красным! «Красные звезды над деловым центром! Коммунисты среди нас», — захлебывался он в ужасе. Некоторых издателей предостерегали не насаждать пораженческих настроений, закрашивая

карты территории Советского Союза в красный цвет. С трибуны сената сенатор Уильям Дженнер кричал под аплодисменты галереи: «Я утверждаю, что США находятся в руках тайной клики, которой руководят агенты Москвы... Единственный выход — обвинить президента Трумэна в государственной измене и выявить то тайное, невидимое правительство, которое так ловко увлекло нашу страну по пути к разрушению»*.

От планирования к иступлению

Империалисты обычно видят зеркальное отображение исторических событий, то есть искаженное. Например, рабочих, которые бастуют против низкой заработной платы, они объявляют «мятежными толпами» или «саботажниками». Но умственная акробатика не меняет неотвратимого хода событий. «Что-то неладно со свободным миром и с его расчетами», — часто признают даже его самые шумливые адвокаты. Так, Томас Дьюи заявил: «Свободный мир находится сейчас в отчаянном положении человека, у которого обе ноги — в Западной Европе и в Азии — поражены гангреной. Наше правительство, выступающее в роли доктора, рекомендует миру хороший способ лечения гангрены, но настаивает на его применении только в отношении одной ноги, в то время как гангрена другой грозит пациенту смертью»¹⁶. Картина по существу правильная, если отвлечься от того факта, что сам доктор находится на грани краха.

Путем искажения фактов и умственной акробатики умирающий империализм приписывает свои судороги внешним причинам. Фабриканты оружия расценивают свое ненасытное стремление извлекать миллиардные прибыли, свой страх перед экономической катастрофой и банкротством как «оборону против коммунистической опасности». Напуганные экономическими проблемами, которые возникли бы в случае установления мира, они считают мир «коммунистической западней». Аверелл Гарриман критиковал Эйзенхауэра за замену «политики сдерживания»

* Очевидно, некоторые из этих заявлений были рассчитаны на то, чтобы подорвать доверие народа к «демократическому порядку» и подготовить путь для военно-фашистской «власти». Однако в той или иной степени эти заявления отражают и действительное моральное состояние страны. — *Прим. автора.*

политикой «освобождения». Программа Эйзенхауэра, предостерегал он, «вынуждает Кремль быть начеку». Гарриман оспаривал утверждение Эйзенхауэра, будто бы «Россия хочет, чтобы мы обанкротились благодаря военным расходам». Наоборот, — заявил Гарриман, — Россия хочет, чтобы у нас наступила депрессия типа 1929 года». А так как и инфляция и дефляция представляют собой угрозу для Соединенных Штатов, поэтому и та и другая изображается ими как результат преднамеренной политики СССР.

Многие империалисты рассматривали в этом свете и корейскую войну. Уцепившись своими когтями за горы Кореи, они стали разглагольствовать о «подвохе со стороны коммунистов». «Китайцы попросту намерены сковать нас в Корее на неопределенное время, не делая попыток изгнать», — писал Хэнсон Болдуин. «Коммунисты втянули нас в войну, чтобы мы истекали в Корее кровью», — заявила группа конгрессменов. Поскольку как мир, так и война в Корее означали поражение империалистов, *то и мир и войну* они рассматривали как форму коммунистической стратегии.

Безуспешно пытаясь преодолеть свои внутренние противоречия, империализм стремится приписать любую из своих неудач «советским проискам». Лагерем мира и социализма руководят мудрые и опытные люди. Эти две противоположности — империализм и социализм — действительно составляют временное историческое единство. Поэтому некоторые американские империалисты рассматривают свою агрессивную политику как «искаженное отражение советской политики». Уолтер Липпман писал: «Сейчас в Корее нас превзошли в численном отношении. Но что особенно серьезно — так это то, что мы сейчас находимся в дипломатическом тупике, в котором наши противники в Азии могут держать нас бесконечно»¹⁷. Таким образом выходит, что агрессивной стороной является не Уолл-стрит, чьи щупальцы протягиваются ко всему, до чего только можно дотянуться, а народы, сопротивляющиеся напалмовым атакам.

Фальсифицируя действительность, историографы и адвокаты империализма разжигают зверскую жестокость, чтобы ослабить или подавить всякое моральное негодование по поводу преступлений империалистов. Их старческая немощь, загнивание их социального порядка, расту-

щее напряжение, разрушающее весь их государственный строй, — все это изображается ими как дьявольский «коммунистический заговор».

Тогда, когда в Корее убивали женщин и детей во время варварских воздушных налетов, пресса Уолл-стрита писала: «Корейцы и китайцы не понимают ценности человеческой жизни». Пока каннибалы вновь подтверждали свою приверженность людоедским законам, их маршанг кричала: «Я предостерегаю Россию от ошибок Гитлера».

Опьяненный, как никогда, властью и деньгами, какой-нибудь банкир Браун из Нью-Йорка, глава треста Смит или миллиардер Джонс из Чикаго, Питтсбурга или Далласа трясется от страха перед апокалиптическим видением конца Света. Он приходит в ярость от того, что китайские крестьяне, находящиеся за 8 тысяч миль, уничтожают феодальный строй, что молодежь в Париже, Милане, Ленинграде или Бухаресте воспекает мир и дружбу во всем мире. Он смотрит на них как на воплощение чудовищного зла. Женщины, собирающие подписи под мирным воззванием, рабочие, требующие средств к существованию вместо бомб и линкоров, кажутся ему преступными заговорщиками. Проявления здравого смысла вызывают у него новые пароксизмы неистовства. Тех, кто пытается сдержать его, внося предложения о мире и разоружении, он отождествляет с ужасными людоедами, преследующими его. Он одержим безумной жадной войной. Навязчивая идея «мы должны во чтобы то ни стало разбомбить их» стала *лейтмотивом* лебединой песни американской олигархии.

Отрыв империалистов от мира реальности, уход в мир иллюзий и окончательное вступление на путь разнузданного неистовства ускоряют гибель их обреченного общественного строя. Ибо класс, оторвавшийся от жизни, идет по пути гибели.

По этой же самой причине иллюзии Уолл-стрита представляют собой величайшую угрозу для человечества.

Стремление к войне, объективно порожденное общим кризисом капитализма и возрастающими экономическими противоречиями, стимулируется также и субъективными моральными качествами самих империалистов. Люди, бомбившие в течение трех лет Корею, способны на все.

Их растущие паника и слепота увеличивают опасность того, что они ввергнут человечество в войну.

В конечном счете только коллективный разум, мудрость и единство сил мира во всем мире, мощь растущих и борющихся мирных армий человечества могут отворотить опасность. Это дает единственную возможность образумить те слои правящих классов Запада, которые полностью еще не свихнулись, и надеть смирительные рубашки на других. Для этого, в первую очередь, необходима значительно более решительная, упорная и разно-сторонняя борьба сил мира самой Америки.

СОСУЩЕСТВОВАНИЕ ИЛИ ГИБЕЛЬ

Третья мировая война не является неизбежной. С каждым днем растет мощь сил мира во всем мире. Благодаря их постоянным и неутомимым действиям отсрочка и даже окончательное предотвращение такой войны кажутся сейчас более возможными, чем когда-либо раньше. Перемирие в Корее может стать началом ряда дальнейших переговоров, ведущих к возобновлению экономических и политических связей между Востоком и Западом, к общему уменьшению международной напряженности.

Угадывая антивоенные настроения американского народа, даже Адлаи Стивенсон, наконец, посоветовал Соединенным Штатам взять в свои руки инициативу в новых мирных переговорах с Советским Союзом. «Дверь в комнату конференции — это дверь к миру, — заявил он 15 сентября 1953 года. — Пусть же никогда не бросят нам упрека, что Америка не пожелала войти в эту дверь».

Но тучи надвигающейся бури не рассеются до тех пор, пока ускоряются темпы производства атомной и водородной бомб, пока Вашингтон продолжает окружать Советский Союз кольцом авиационных баз, а «стабильность» американской экономики зависит от производства вооружений. Пока же продолжают существовать все эти условия, несомненно, что любые мирные заверения Вашингтона служат лишь одной цели: притупить бдительность людей, внушив им ложное представление о безопасности.

Мир во всем мире будет висеть на волоске до тех пор, пока нашим государством управляют люди, считающие, что они ответственны только перед собой.

Неудачи и затруднения, с которыми сталкиваются империалисты, делают последних еще более безрассудными. Их расчеты и планы характеризуются элементами отчая-

ния. «Правительство Эйзенхауэра, — писал Уильям З. Фостер, — отчаянно пытаюсь пробиться сквозь все возрастающие неразрешимые трудности, может попытаться развязать мировую войну путем неожиданного налета... своего рода Пирл Харбора против Советского Союза. Было бы величайшей глупостью игнорировать эту серьезную опасность»¹. Я чувствую приближение неминуемой катастрофы, приближение краха», — заявил недавно д-р Роберт Оппенгеймер². Сенатор Уэйн Морзе, возвратившись в марте 1953 года из своей инспекторской поездки по американским базам за границей, сообщил делегатам съезда КПП: «Меня нелегко напугать, но я приехал домой напуганным, напуганным этим вопросом о мире, напуганным потому, что я считаю: слишком многие в американских военных кругах придерживаются той точки зрения, что третья мировая война неизбежна».

Международное убийство нельзя приостановить, взывая к совести убийц. Его может остановить только пробудившийся гнев тех, кого обрекают на смерть. Угроза войны будет существовать до тех пор, пока американский народ в порыве гнева не выступит против военных заговорщиков, пока он не возьмет дело мира в свои руки и не создаст свое собственное «мирное наступление».

Взоры миролюбивого человечества устремлены на рабочих и фермеров Соединенных Штатов Америки, на молодежь и женщин Америки. Миллионы людей во всем мире с тревогой спрашивают: «Где же голос простого американского народа?» Неужели фермеры Канзаса, сталелитейщики Питтсбурга и Чикаго, рабочие автомобильных заводов Детройта согласны идти войной против рабочих и крестьян Москвы и Пекина, Праги и Варшавы?

Они задают эти вопросы, зная, что если руководители государства могут сойти с ума, то простой народ всегда сохранит огромные резервы сил и здравого рассудка.

Даже теперь народ нашей страны не поддался слепой злобе. Еще есть время вновь доказать традиционную трезвость ума и честность, которыми справедливо гордится американский народ.

Есть еще время для практического здравого подхода к разрешению международных проблем. Помешать величайшему в истории человечества бедствию все еще во власти американского народа.

Почему же так много американцев хранят молчание

и пребывают в состоянии беспечности перед лицом грозящей невероятной катастрофы? Может быть, потому, что они потеряли веру в эффективность демократического движения, свободного обмена мнениями и расследования? Или потому, что они не видят, что грозит им в случае третьей мировой войны?

Некоторые, опасаясь быть причисленными к категории «подрывных элементов», боятся задавать эти вопросы. Но тогда они должны быть готовы к тому, чтобы вообще перестать мыслить, чтобы их мысль не претворилась в какое-либо слово или действие. Ибо как может американец, преданный своей стране и ее демократическим традициям, продолжать хранить молчание, если он честно поразмыслит об этом общем вопросе мира или войны?

Кто является подлинным патриотом Америки?

Нашей стране, говорят нам, грозит неминуемое нападение. Допустим, что нам действительно угрожает противник, такой чудовищный и беспощадный, каким его рисуют. Если это так, то нам ничего не остается, как подготовиться к наихудшему. Однако ответим на вопрос, является ли террор и создание атмосферы безумного психоза наилучшими средствами такой подготовки? Являются ли угрозы и запугивание лучшим способом для создания силы?

Не говорят ли истерия и паника, которые поджигатели войны пытаются насадить, о лживости их утверждений? Если бы Соединенным Штатам действительно угрожали, то разве простое спокойное заявление об этом факте не побудило бы каждого американца броситься на защиту родины?

Кто же являются патриотами Америки? Те, кто говорит: «Мы за США, правы они или нет»? Можем ли мы отделить жизненно важные интересы нашего собственного народа от интересов других стран? Можем ли мы говорить об убийстве «пятидесяти миллионов красных», не одобряя тем самым убийство пятидесяти миллионов американцев?

Являются ли патриотами Америки те, кто тратит миллиарды на Франко, Чан Кай-ши и требует применить закон Тафта — Хартли для запрещения стачек, пустить в ход слезоточивые газы и пули в ответ на требование американских рабочих повисить им заработную

плату? Являются ли патриотами те, кто осыпает миллиардами долларов наемных убийц Хирохито, напавших на Пирл Харбор, но дает гроши американским детям, страдающим детским параличом, болезнями сердца и другими калечащими их болезнями? Являются ли патриотами те, кто посылает десятки тысяч наших юношей погибать в Корею и хвастается тем, что кровь, пролитая в Корею, поддержала высокий уровень их прибылей?

Были ли патриотами Германии те, кто пресмыкался перед магнатами Рура и их маккартистами, разбогатевшими на нищете своего народа, или те, кто, несмотря на террор, продолжал предостерегать немецкий народ от последствий политики войны и агрессии?

Патриоты Уолл-стрита шумно рекламируют свою заботу о безопасности американского народа. Под этим лозунгом с 30 июня 1946 года по январь 1953 года они израсходовали свыше 240 миллиардов долларов. Значительная часть этой суммы утекла к пушечным королям, другая часть наполнила карманы сеульских, мадридских, лондонских, парижских и боннских взяточников и военных спекулянтов. Но жилище, здоровье и образование среднего американца стали еще хуже. Миллионы американцев продолжают жить в полуподвалах и хибарках, в гетто и переполненных трущобах. Только в Нью-Йорке в 1951 году в помещениях, опасных в пожарном отношении, сгорело 125 женщин и детей, а 447 человек получили тяжелые ранения. «Самый большой город в мире, — писал бруклинский суд присяжных в феврале 1953 года, — подвергается разрушению и приходит в упадок». Как показало обследование, семьи, состоящие из шести, семи и более человек, едят и спят в одной комнате, в темных и грязных подвалах, не поддающихся описанию.

Рекламируя свою заботу об отсталых народах земного шара, американский Конгресс ассигнует ничтожные суммы на защиту почвы, этого главного богатства нашей страны, от эрозии. По сообщению известных почвоведов, три миллиарда тонн плодородного растительного покрова ежегодно смывается с наших полей и пастбищ. «За всю историю США, — заявил известный эксперт Др. Г. Беннет, — мы уничтожили 282 миллиона акров пахотных земель и пастбищ. Кроме того, эрозии подвергаются еще 775 миллионов акров». В Оклахоме и Техасе, писал Кэри Макуильямс, 75 процентов земли подвержено

эрозии³. Ежегодные наводнения разрушают и опустошают поля сотен тысяч фермеров, живущих вдоль русла многочисленных американских рек.

Соединенные Штаты нуждаются, по крайней мере, в десяти миллионах домов стоимостью приблизительно в сто миллиардов долларов. Еще сто миллиардов требуется на постройку школ, дорог, парков, больниц, санаториев, спортивных сооружений и на борьбу с наводнениями. Повышение покупательной способности американских рабочих на 2 тысячи долларов в год — неотложная и достижимая цель — создало бы дополнительный ежегодный спрос на товары на сумму 120 миллиардов долларов. Торговля с лагерем социализма, население которого составляет 800 миллионов человек, обеспечила бы американские заводы заказами еще на десятки миллиардов долларов. «Прочный мир давно уже является экономической потребностью», — писал Брендан Джон, консервативный эксперт по экономическим вопросам. — Включение огромного коммунистического района с его ресурсами и рынками в систему нормальной международной торговли вызвало бы коммерческий бум⁴.

Однако американскому народу навязывают ложь, утверждая, что иных путей, кроме пути военного производства, у него нет и что прекращение потока американского оружия в Другие страны неизбежно создало бы значительную безработицу. Отражая мирные настроения американских рабочих, даже антикоммунист Уолтер Рейтер, правый лидер КПП, говорил президенту Эйзенхауэру, что депрессии можно избежать, «ибо имеется достаточно срочных нужд в самих США и в других странах свободного мира, чтобы обеспечить полную занятость в течение четверти столетия».

Но дело в том, что ни тресты, ни их лакеев вовсе не беспокоят «срочные нужды» американского народа. Вместо этого эйзенхауэровские патриоты заявляют, что их «тревожит» состояние «свободы» в Северной Корее, Китае и Вьетнаме. Марк Твен почти полвека назад разоблачил таких «патриотов» Америки, назвав их «запачканной, запятнанной и бесчестной шайкой грабителей, возвратившейся после пиратских налетов в Киао Чао, Маньчжурии, Южной Африке и Филиппинах с душами, полными низости, карманами, полными крови, и со словами благочестивого лицемера на устах».

Когда Макартур настаивал на немедленной бомбардировке Китая, сенатор Уэйн Морзе спросил его: «Подумали ли вы, генерал, о числе жертв в Вашингтоне, Нью-Йорке и других городах США, если против нас применят атомное оружие, не говоря уже об американских парнях, которым предстоит погибнуть в воздухе и на море?» На что Макартур ответил: «Все это было заложено в решении США о вмешательстве в войну в Корее»⁵.

Чье же это было решение? Какие конституционные или другие статьи дали право горстке банкиров и генералов толкать Америку к третьей мировой войне? Почему решения, от которых зависит судьба нашей страны, должны принимать люди, разжиревшие на прибылях от двух мировых войн? Почему бы делегатам, избранным фермерами, рабочими, женщинами, молодежью, людьми свободных профессий и представителями мелкой буржуазии, — людям, представляющим подлинную Америку, не встретиться с группой советских граждан, чтобы выработать основы длительного мира?

Польша, сообщают газеты монополий, — «наш враг», Западная Германия — «наш друг»; Китай и Чехословакия — «наши враги», а Япония — «наш друг». «Конечно, — торопятся они добавить, — мы ненавидим не народ, а его систему управления». Однако подверглась бы бомбардировке Северная Корея, если бы ее правительство сообщило Джону Фостеру Даллесу, что оно согласно передать свои рудники фирмам «Интернэшнл никел» или «Анаконда коппер»?

Действительно, если бы Польша или Венгрия, Китай или Чехословакия объявили завтра, что они желают заложить свои железные дороги, систему связи и заводы Моргану, Гарриману группе Кун—Леба, Вашингтон поднял бы их на щит как защитников демократии и свободы. Если бы руководители Китая передали ресурсы своей страны трестам Рокфеллера и Меллона, тогда врагом стала бы опять Япония, а не Китай.

Могут ли люди, готовые продать жизнь миллионов американцев в обмен на нефть и медь Балкан, на цинк, свинец и уголь Польши под лозунгом «освобождения людей от коммунистического рабства», — могут ли такие люди представлять свободу и правосудие?

Но «подумайте о нашей безопасности. Что же будет с нашей безопасностью, если мы прекратим вооружать-

ся?» — продолжают твердить нам наши «защитники». Но разве угроза безопасности и процветанию американского народа возникает потому, что прибыли от эксплуатации нефтяных промыслов Румынии не поступают больше Генри Детердингу или техасским нефтяным магнатам?

Должны ли мы угрожать войной или вооружаться, пока не обанкротимся, только из-за того, что дворцы восточноевропейской знати превращены ныне в курорты для рабочих и их детей?

«Больше бомб, больше самолетов — и мы можем спать спокойнее», — говорят нам. Но о какой безопасности может идти речь, если обе стороны продолжают производство бомб?

Федеральное управление гражданской обороны составило список семидесяти американских городов с общим населением в 68 миллионов человек, которым угрожает опасность быть уничтоженными в случае третьей мировой войны. Какая разница, имеет ли та или иная сторона пятьсот или пять тысяч бомб? «В отличие от положения в 1945 году, — заявил Р. Оппенгеймер, — тот факт, что мы «опередили» русских, не имеет существенного значения. С увеличением гонки вооружений увеличивается и наша уязвимость»⁶.

Если бы СССР действительно был нашим врагом, его главной опорой было бы атомное оружие, как наиболее эффективное средство, способное превратить в руины и парализовать США. Почему же тогда Москва не заявляет с присущей Вашингтону категоричностью, что она использует атомное оружие когда и где пожелает? Разве остановили Гитлера опасения, что бомбардировки Лондона вызовут ответные бомбардировки Берлина? Остановился ли когда-либо действительный агрессор перед массовым убийством или из-за страха перед возмездием.

Если бы Советы действительно готовили агрессию, то разве стали бы они призывать к уничтожению всех видов оружия массового уничтожения? Разве подписали бы десятки миллионов советских граждан, включая всех государственных деятелей и военных руководителей, документ, клеймящий как преступника перед человечеством любое государство, которое первым применит атомное оружие? Заклеймил ли когда-либо агрессор себя заранее как преступника?

Нам говорят, что советские требования мира являются трюком коммунистов. Русские, говорят нам, это — хитрые чудовища, которые требуют мира, а в действительности готовят агрессию. Но только народ, не имеющий представления о войне огромных масштабов, может допустить, что Советский Союз, где почти каждая семья понесла потери во время войны, говорит неискренно. Даже заклятые враги СССР признают, что он выступает против войны. Кроме того, Советскому Союзу не нужна война, так как он не страдает от кризисов и там нет классов и групп, которым гонка вооружений и война сулили бы какие-либо экономические выгоды.

Какая зловещая цель может скрываться за требованием советских народов, чтобы государственные деятели, вместо того чтобы обрушить смерть на наших детей, постарались бы договориться мирным путем? Можно еще представить себе двуличных министров и дипломатов, но можно ли представить себе, чтобы миллионы простых советских рабочих и крестьян лгали, когда они обращаются с призывом к американскому и другим народам: «Давайте сохраним мир»?

Разве советские руководители просят нас верить им на слово? Вовсе нет. Они заявляют в Организации Объединенных Наций и с других трибун мира, что разрешат международной комиссии наблюдать за демонтажем заводов, изготавливающих атомные бомбы, и других военных заводов при условии, что Соединенные Штаты сделают то же самое. Их предложения можно немедленно осуществить. Если мы желаем мира так же сильно, как СССР, почему бы нам не принять советских предложений, чтобы подвергнуть испытанию искренность Советского Союза?

Накопленные бомбы имеют тенденцию взрываться, особенно тогда, когда склады набиты ими до отказа и бремя вооружений становится невыносимым. Если мы хотим жить, то наши запасы бомб, а также запасы бомб Советского Союза должны быть уничтожены. Не содержит ли в себе советское предложение о немедленном уничтожении бомб бесконечно большую безопасность для нас, чем продолжение их производства?

Во всяком случае, какие у нас основания считать, что люди, для которых производство атомной бомбы является источником баснословных прибылей и которые

призывают применить их, заслуживают большего доверия, чем те, кто требует ее запрещения?

Они выступают за мир

Величайшей и опаснейшей иллюзией, которую внушают американскому народу, является то, что Соединенные Штаты будто бы могут нанести удар значительно более сильный, чем их противники, что они могут уничтожить СССР в результате простого превосходства в вооружении.

Следует вспомнить предсказания виднейших экспертов Вашингтона, что России потребуется, по крайней мере, двадцать лет, чтобы освоить производство атомных бомб, или следующее заверение, которое Макартур дал Трумэну на острове Уэйк: «Только 50 тысяч китайцев могут перейти реку Ялуцзян, к тому же у них нет авиации... Тех северокорейцев, которых я не уничтожил ко дню Благодарения*, уничтожит холодная погода. Сообщите ребятам, когда они дойдут до реки Ялуцзян, что рождественский обед они будут кушать дома»⁷.

Разве Корея не достаточно ясно показала, что наши руководители ничего не знают о действительных силах другой стороны, что для нас было бы лучше укрощать, свои собственные реки, вместо того чтобы бродить вдоль чужих рек?

Генерал авиации Ванденберг заявил: «При самых благоприятных обстоятельствах, а также при условии, что Соединенным Штатам удастся создать самую мощную оборону, — даже тогда мы сможем воспрепятствовать достигнуть намеченных объектов не более, чем 20 процентам бомбардировщиков противника». Но даже если мы окружим свою страну кольцом бесчисленных оборонных объектов и увеличим в четыре раза процентное отношение, приведенное Ванденбергом, то и в этом случае те несколько самолетов, которые проникнут на нашу территорию, смогут превратить американские города в пустыри.

Убежища от атомных бомб, заявляют наши «патриоты», снизят потери. Но они умалчивают о том, что убежища, засыпанные горами булыжника, представляют

* Официальный праздник в США в память первых колонистов Массачусетса. — *Прим. ред.*

собой массовую западню, из которой нет спасения. Поэтому нет ничего удивительного, что многие из этих «патриотов» потихоньку готовят себе укрытия в отдаленных местах страны.

Американские генералы, сообщило агентство Юнайтед Пресс, «организуют тайные резервные штабы за пределами столицы на случай, если Пентагон пострадает от нападения противника». Но для простого народа запасных домов и городов не имеется.

«Я не думаю, — заявил Роберт Оппенгеймер, — чтобы мы могли принять такие меры для защиты нашего народа, нашей жизни и наших учреждений, которые в какой-то мере были бы надежным решением проблемы атома»⁸.

Что представляет собой держава, которую собираются победить наши спекулянты из Пентагона и Уолл-стрита, держащие в одной руке пистолет, а в другой — биржевую сводку?

Советский Союз является огромной страной. Его площадь составляет около 22,8 миллиона квадратных километров. Кратчайшее расстояние с запада на восток страны превышает 9 тысяч километров, то есть примерно равно расстоянию от Северного полюса до экватора. Протяженность его границ в полтора раза больше длины окружности земного шара.

На этом огромном континенте, простирающемся от Балтийского моря до Тихого океана, поколения новых людей создали огромные современные предприятия. Советские рабочие и ученые строят и проектируют со смелостью и размахом, которых не знает история.

Каждые несколько часов в Советском Союзе возникает новый завод; ежедневно сотни новых изобретений и рационализаторских предложений внедряются в советскую промышленность. Там, где еще недавно росли девственные леса, в ранее глухих районах от Урало-Кузнецкого бассейна до Красноярска и Владивостока, площадь которых составляет многие миллионы квадратных миль, ныне работают сотни широко раскинувшихся металлургических и других заводов. Советские рабочие полны решимости путем постоянного расширения производства построить богатую жизнь. Моральная и материальная сила этого великого народа, закаленного в тяжелых битвах XX столетия, неистощима.

И этот народ обращается к нам с призывом: «Давайте уничтожим бомбы, установим мир и создадим лучшую жизнь». Он постоянно протягивает нам руку, предлагая мир и дружбу. Он заявляет о своем праве на мирное существование, желая выпускать не танки, а экскаваторы, сельскохозяйственные машины и тракторы.

Он требует, чтобы Соединенные Штаты и СССР бросили оружие и встретились, чтобы вести торговлю друг с другом, обмениваться опытом, как лучше строить города, лечить рак, продлить жизнь человека, освоить пустыни и ледяные пространства Арктики. Давайте соревноваться, говорит он, в повышении жизненного уровня, вместо того чтобы накапливать орудия смерти.

После окончания войны Дин Ачесон мог еще откликнуться на подобные советские предложения. В ноябре 1945 года он заявил:

«В прошлом не было таких районов на земном шаре, где бы жизненно важные интересы американского и русского народов сталкивались в конфликте или хотя бы вступали в противоречие, и нет объективных причин полагать, что теперь или в будущем такие районы появятся. В течение почти полутора столетий мы жили в согласии, и это замечательно, если принять во внимание, что государственный строй в наших странах, а также наши экономические системы и традиции никогда не были одинаковыми. Наши народы, населяющие страны с достаточным жизненным пространством, заинтересованы в развитии и использовании имеющегося у них жизненного пространства. Надежда обоих государств заключается в совместном установлении мира».

Еще раньше Франклин Рузвельт мудро сказал:

«Выбор экономической системы, которая лучше всего удовлетворяет требованиям русского народа, — это его дело... Американский народ счастлив и горд тем, что является союзником доблестного народа России не только в победоносном ведении этой войны, но и в создании основ для мира во всем мире».

Пока не брошен жребий...

Люди, ненавидевшие Рузвельта и занявшие его место после смерти, рассуждают иначе. Они считают, что могут стричь всех под одну гребенку, могут заставить народы земного шара подчиниться их диктату. В конечном счете

Они будут вынуждены отказаться от своей *мечты* завоевать мир. В конечном счете мы должны будем заключить мир и сосуществовать на одной планете с другими народами, общественные системы которых отличны от нашей. И почему бы не попытаться сделать это сейчас, пока мы еще не окрасили реки кровью наших детей, пока наши дети не расстались со своей жизнью на пустынных и далеких полях с бесчисленными белыми крестами, пока мы не превратили наши города в кладбища?

По последним данным, вторая мировая война обошлась в чудовищную сумму — 4 тысячи миллиардов долларов, или около 1800 долларов на каждого жителя земного шара. Причем только издержки Соединенных Штатов достигают 1,5 тысячи миллиардов долларов. Эта сумма могла бы обеспечить каждую американскую семью новой квартирой стоимостью в 10 тысяч долларов, мебелью в 3 тысячи, машиной в 2 тысячи, дачей в 6 тысяч и наличной суммой в 14 тысяч долларов.

Таковы издержки второй мировой войны, приведенные в справке Библиотеки Конгресса, помещенной в «Протоколах» Конгресса от 26 августа 1951 года. Но эти издержки не включают 40 миллионов жизней, унесенных войной, и 13 миллионов осиротевших детей только в Европе. В результате последней войны в Западной Европе имеется еще около миллиона слепых, искалеченных и изуродованных детей.

Значительное большинство американцев никогда не испытывало ужасов большой войны. Разрушения, миллионные жертвы всегда были где-то в другом месте. Соединенные Штаты приходили к победе в первой и второй мировых войнах, сражаясь не против, а *вместе* с русскими и китайцами, *вместе* с народными массами Западной Европы, и то лишь благодаря тому, что эти народы довели противника до истощения, уплатив за это десятки миллионов жизней.

Война примет совершенно иной характер, если мы будем сражаться *против* всех этих народов. Если увеличить потери, понесенные Соединенными Штатами в Корее, в двести раз, то это может дать некоторое представление о характере «блестящей победы», которую представители Уолл-стрита обещают преподнести американскому народу в первый же год третьей мировой войны.

Вот что в действительности пытаются уготовить нам наши лидеры. От всех их планов и деятельности исходит смрадом смерти. «Федеральное управление гражданской обороны, — сообщила газета «Нью-Йорк геральд трибюн» 5 июня 1952 года, — просит у Конгресса 2100 тысяч долларов, чтобы сделать миллионный запас саванов». Эта же газета писала: «Как полагают должностные лица, первое, что следовало бы предпринять во время атомной войны, это убрать тела убитых. Если этого не сделать, то вид трупов произведет вредное психологическое действие на тех, кто уцелеет...» В ряде городов уже планируют новые кладбища. Так как для погребения 40 тысяч человек требуется 20,75 акра, то в некоторых общинах, как сообщила «Нью-Йорк геральд трибюн», «на окраинах выделяются большие пустующие участки земли. В качестве временных кладбищ предусматривается использовать городские парки. Нью-Йорк думает отправлять тела убитых вверх по реке Гудзону на баржах, используя как морги речные пристани».

«Мы являемся членами клуба самоубийц», — писал главный автор агрессивной политики Джон Фостер Даллес. Но должен ли американский народ идти в могилу вслед за своими правителями? Разве простой народ разделял судьбу своих умирающих династий, королей и монархов? Должна ли Америка погибать из-за того, что, как указывал Максим Горький, незначительное меньшинство людей умственно одряхлело и разлагается из страха перед жизнью, от болезненно неизлечимой жажды прибылей?

Мы вели войну против гитлеровского фашизма в союзе с СССР, но из-за этого мы не стали коммунистами. Однако войну против Советского Союза нельзя вести без Дахау и Бухенвальдов, без того, чтобы Соединенные Штаты не стали фашистским государством. Ее нельзя вести, не заставив замолчать голос разума и порядочности, не превратив нашу молодежь в убийц, а Соединенные Штаты — в страну разнузданного террора и жестокости. Другого пути для совершения этого преступления нет.

Орган Уолл-стрита журнал «Бизнес уик» предсказывал: «Новая война была бы жестоким и печальным делом для каждого. Она не окупила бы себя... Жизненный уровень снизился бы, а не наоборот. Нам пришлось бы сделать то, что не было сделано во время второй мировой

войны, а именно категорически запретить забастовки, рассматривая подстрекательство к забастовке как государственную измену. Пришлось бы, разумеется, сурово ограничить гражданские права. Это означает, что, как и в случае с забастовками, все виды обычной невинной деятельности стали бы вызывать подозрения. Например, самую полезную и благонамеренную критику деятельности правительства было бы трудно отличить от преступной агитации, и поэтому ее пришлось бы пресечь... От пряника ничего уже не останется. На этот раз в ход пойдет только кнут».

Война против Советского Союза была бы последней войной империалистов. Их зверства превзошли бы даже зверства гитлеровских фашистов. Империалисты были бы еще более беспощадными, так как им известно, что в случае поражения их станут судить не сообщники по преступлениям, а разгневанное человечество. И люди, которые без тени сожаления говорят о массовом истреблении при помощи огня, холеры и атомных бомб мужчин, женщин и детей в других странах, будут так же безжалостны по отношению к американскому народу.

Народ должен действовать

Хотя война и фашизм не пришли еще в Америку, но дела начинают принимать такой оборот, что то и другое уже может обрушиться на американский народ. Мрак смерти и насилия, которые монополисты хотят навлечь на Америку, начинает окутывать нашу страну.

Если мы не спасем мир сейчас, то наступит день — и он так же неотвратим, как завтрашний восход солнца, — когда народы всего мира спросят каждого из нас: «Почему вы не остановили это ужасное бедствие?»

Как могло случиться, будут допытываться они, что горстка злоумышленников смогла наполнить страхом сердца миллионов и повести их, подобно стаду овец, на бойню? Куда девались, спросят они, ваша хваленая американская деловитость, независимость, ум и мужество?

Никакие оправдания не снимут с нас в глазах мира ответственности за нашу бездеятельность. Ответ немцев; «Мы не знали» никого уже больше не удовлетворит, ибо нас предупреждали.

Еще не поздно, время еще есть. Пора понять, кто управляет нас ненавистью с целью обречь на рабство. Есть

еще возможность сбросить с себя робость, мягкотелость, страх и узко личные интересы. Есть еще возможность использовать наше демократическое право сохранить мир для Америки.

Вот вопросы, от ответа на которые не может уклониться ни один истинный американец:

Можем ли мы сохранить наше демократическое наследство? Можно ли обеспечить мир без смелой борьбы против трестов?

Может ли американский народ сосуществовать с классом, для которого мировое господство стало условием его дальнейшего существования?

Должна ли длительность жизни нашего народа, которая бесконечна, измеряться длительностью жизни трестов, дни которых сочтены?

Должна ли американская нация вскрыть вены, чтобы продлить жизнь финансовой олигархии?

Ответ на эти вопросы дали все те, кто выковал демократические традиции Америки, — от Тома Пэйна, Сэмюэла Адамса, Томаса Джефферсона, Авраама Линкольна и Фредерика Дугласа до участников движения популистов и сторонников Нового курса Рузвельта. Ответ дали те, кто боролся за Билль о правах, за освобождение негров, за право рабочих на забастовку и свои организации, за восьмичасовой рабочий день, за отмену детского труда, за приоритет гражданских прав над частным правом. В каждом случае вопрос заключался в том, что интересы народа противостояли интересам финансовой олигархии.

Ответ на эти вопросы дал бесстрашный аболиционист Уильям Ллойд Гаррисон, который предостерегал американский народ против кровавых планов рабовладельцев Юга. Гаррисон писал в 1831 году: «Скажите человеку, чей дом горит, чтобы он не спешил поднимать тревогу... Прикажите матери постепенно извлекать своего ребенка из огня, в который он упал... Не требуйте от меня, чтобы я при аналогичной ситуации проявлял выдержку»¹⁰.

Ответ на эти вопросы дал пятьдесят лет назад Марк Твен, который писал: «Видите ли, моя верность была верностью самой стране, но не ее учреждениям или людям, занимающим государственные посты. Страна — это то, что реально, существенно, это то, что нужно беречь, о чем нужно заботиться и чему нужно быть верным. Учреждения — это нечто внешнее; они являются просто

одеждой страны, а одежда может изнашиваться, порваться, стать неудобной, перестать защищать тело от холода, болезней и смерти. Быть верным тряпью, боготворить тряпье, умирать за тряпье — значит быть верным абсурду, значит перестать быть человеком... Гражданин, который считает, что политическая одежда государства изношена, и в то же время хранит молчание, не агитирует за смену одежды, — такой гражданин нелоялен. Он предатель».

Огромные народные массы США, все те, кто трудится, чтобы сделать свою страну лучше и счастливее, имеют неоспоримое право спасти Америку от тех, кто стремится разрушить ее. Борьба против власти имущих не является чем-то новым для истории Соединенных Штатов. Рабочие и фермеры Америки поддержали антимонополистические кампании Джона Алтгельда, Юджина Дебса, Уильяма Дженнингса Бриана и Роберта Лафолетта-старшего*.

Монополисты назвали этих людей «опасными радикалами». Сегодняшние «опасные радикалы» требуют покончить со «священным правом» трестов вести нас к войне и фашизму.

Чтобы выжить, народ Америки должен действовать. Он должен безотлагательно потребовать, чтобы проводилась политика мира в отношении Советского Союза, Китая и стран народной демократии, в отношении народов всего мира.

Мы должны встать на поддержку подлинных американских патриотов, всех тех мужчин и женщин, которые предпочитают голод и тюремное заключение предательству своего народа. Мы должны встать на поддержку всех тех, кто согласен отдать свою жизнь, лишь бы не видеть Америку опустошенной и разрушенной.

* *Дебс Юджин* (1855—1926)—деятель рабочего движения Соединенных Штатов, один из организаторов социал-демократической и социалистической партий США. Дебс пропагандировал идеи социализма среди американских рабочих, обличал капиталистический строй, но вместе с тем допускал оппортунистические ошибки. Груз старых оппортунистических ошибок Дебса и отсутствие у него марксистского мировоззрения привели к тому, что в последние годы жизни он изменил своему революционному прошлому.

Лафолет Роберт Мартин (1855—1925) — видный политический деятель США, один из крупнейших представителей прогрессивного крыла республиканской партии Соединенных Штатов. — *Прим. ред.*

Мы должны объединиться, чтобы поддержать каждого, кто защищает дело мира и принцип сосуществования, — будь то республиканец, демократ, прогрессивист или коммунист, рабочий или капиталист. Предложение председателя правления «Нэшнл стил корпорейшн» Эрнста Уэйра, который заявил, что «мы должны встретиться [с СССР] без предубеждения, в духе взаимных уступок, готовыми вести переговоры о мире на честной и справедливой основе», — должно быть поддержано каждым американским патриотом.

Если демократическая партия учтет антивоенные настроения американского народа и станет проводить политику, основанную на принципах мира и сосуществования, она, несомненно, получит поддержку огромного большинства американцев.

Огромная ответственность лежит на рабочих Америки, так как именно они могут заставить наших правителей отказаться от программы войны и заменить ее программой мира и сосуществования.

Объединенные действия профсоюзов левого и правого крыла, а также негров и белых рабочих, основанные на программе, содержащей требования полной занятости и более высокой заработной платы, торговли с Советским Союзом, Китаем и странами народной демократии, прекращения гонки вооружений, широкого строительства жилых домов и школ, борьбы с наводнениями, сооружения дорог и осуществления других проектов общественных работ, — могли бы сделать мир во всем мире реальностью.

Рабочие Америки, создающие средства жизни и смерти, могут еще выступить в этот решающий час в качестве спасителей демократического наследства Америки, хранителей всего, что они построили своим трудом в течение столетий. Без их согласия война невозможна.

Никогда еще не было народа, на который человечество смотрело бы с большей надеждой и тревогой, чем на американский народ в настоящее время.

Если американский народ использует историческую возможность и выиграет грандиозную борьбу за мир, он заслужит благодарность и дружбу всего человечества.

Говоря словами Франклина Рузвельта, «американский народ встречается со своей судьбой».

Пусть этой судьбой будет мир.

ИСТОЧНИКИ

ГЛАВА 1

1. *Antioch Review*, Summer, 1950. Quoted by V. J. Jerome in *Grasp the Weapon of Culture*, New York, 1950.
2. *U. S. News and World Report*, January 25, 1953.
3. John Foster Dulles. *War or Peace*, New York, 1950.
4. Pitrim Sorokin, *Man and Society in Calamity*, New York, 1950.
5. *New York Times*, October 18, 1952.
6. *Christian Science Monitor*, July 14, 1952.
7. Pitrim Sorokin, *op. cit.*
8. *L'Osservatore Romano*, December 22, 1951.
9. *Ibid.*, November 17, 1951.
10. *New York Times*, November 18, 1951.
11. William Vogt, *Road to Survival*, New York, 1948.
12. Guy Irving Burch and Elmer Pendell, *Human Breeding and Survival*, New York, 1947; also William Vila, *Malthusianism, The Threat Against Our Right to be Born, New Foundations*, Volume VI, No 4, June, 1953.
13. Kingsley Davis, *Puerto Rico, A Crowded Island, The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, January, 1953; also Albert Q. Maisel, *As Dangerous As The Atom Bomb: The World's Exploding Population, Look Magazine*. October 23, 1951.
14. Maurice Dobb, *Studies In the Development of Capitalism*, New York, 1947.
15. Arthur H. Noyes, *Europe: Its History and Its World Relationships, 1789—1933*, New York, 1934.
16. From a speech on June 22, 1894; cited by Leonard Woolf in *Economic Imperialism*, London, 1920. Also Lord Curzon, *Persia and the Persian Question*, London, 1892.
17. U. S. Department of Commerce, *The U. S. in World Economy* cited by Maurice Dobb, *op. cit.*
18. See Henry Claude, «*La Crise Gene-rale du Capitalisme*», *La Pensee*, September—October, Paris, 1950.
19. G. N. Koslov, «Die allgemeine Krise des Kapitalismus und ihre Verschärfung im gegenwertigen Stadium», *Sowjewisenschaft*, No. 1, Berlin, 1952.

ГЛАВА 2

1. Harry S Truman, Report to Congress on *Economic Condition Of the Nation*, January 14, 1953.

2. National Industrial Conference-Board, *Bulletin*, Vol. III, No. 2, February 20, 1934.
3. Anna Rochester, *Rulers of America*, New York, 1936.
4. U. S. Department of Commerce, 1951 *Statistical Supplement, Survey of Current Business*, Washington, 1952.
5. Commission on Low Income Families and Economic Stability, *Report to 81st Congress*, First Session, 1949.
6. Labor Research Association, *Economic Notes*, New York, July, 1952.
7. U. S. Chamber of Commerce, *Economic Intelligence*, November, 1952.
8. *Making Ends Meet on Less Than \$ 2.000 a Year*, Washington, D. C., August, 1949.
9. Neal E. E., Lewis W. Jones, *The Place of the Negro Farmer in the Changing Economy of the South*, New York, 1950.
10. As calculated by the Labor Research Association, New York.
11. U. S. Department of Commerce, *Report, September 1949*, Washington, D. C.
12. *U. S. News and World Report*, April 25, 1952.
13. *New York Times*, January 15, 1952.
14. Reported by John Sparkman. *New York Times*, November 29, 1952.
15. *Fortune Magazine*. New* York, December 1952.
16. M. Joseph Neehan, *Markets After the Defense Expansion*, New York, 1953.
17. *Congressional Record*, Washington, January 20, 1951.
18. *New York Times*, August 19, 1951.
19. *Economic Indicators*, New York, March 1953.
20. *New York Times*, April 4, 1951.
21. *New York Herald Tribune*, March 26, 1951.
22. *U. S. News and World Report*, September 6. 1952.
23. *Ibid.*, April 17, 1953.
24. *Ibid.*, May 1, 1952; see also *The National City Bank Letter*. October, 1952.
25. *Wall Street Journal*, December 4, 1952.
26. *New York Times*, April 3, 1953.

ГЛАЗА 3

1. United Nations, *Economic Survey of Europe*, New York, September, 1949.
2. Joseph J. J., «*The Failure of the Marshall Plan*», *Science and Society*, New York, Winter, 1949—1950.
3. United Nations, *Monthly Bulletin of Statistics*, March, 1953.
4. *New York Times*, December 12, 1950.
5. *Vnita*, Rome, February 12, 1951.
6. *New York Herald Tribune*, February 13, 1951.
7. *New York Times*, May 7, 1947.
8. Josue de Castro, *The Geography of Hunger*, Boston, 1952.
9. United Nations, *Economic Survey of Europe Since the War*, Geneva, 1953.
10. *New York Herald Tribune*, April 9, 1951 and January, 1952.
11. Antonio Pesenti, *Cahiers Internationaux*, No. 23, February, 1951.
12. *Ibid.*

13. ORuggero Grleco, *Lotte Per La Terra*, Rome, 1953, also Pietro Griffoni, *La Lutte Pour la Reforme Agraire*, Rome, 1951.
14. *Foreign Affairs*, New York, June, 1950.
15. Wilbur France, «Papagos Wins, Greece Loses», *The Nation*, November 29, 1952, *ibid.*, editorial, April 17, 1952.
16. Sefton Delmar, *London Daily Express*, September 2, 1952.
17. *New York Times*, March 6, 1953.
18. Cassels J. M., *The Sterling Area — An American Analysis*, London, 1952.
19. *New York Times*, July 23, 1952.
20. *London Economist*, August 14, 1952.
21. *Le Monde*, May 29, 1952.
22. *U. S. News and World Report*, August 7, 1952.
23. *London Times*, January 29, 1953.
24. *New York Times*, April 14, 1953.
25. *Ibid.*, March 6, 1953.
26. Harold Wilson, *In Place of Dollars*, London, 1952.
27. *New York Times*, April 28, 1951.
28. *Ibid.*, May 13, 1951.

ГЛ I A B A 4

1. Morel E. D., *The Black Man's Burden*, London, 1919.
2. Council on African Affairs, *Resistance Against Fascist Enslavement in South Africa*, New York, 1953.
3. John S. Mill, *Principles of Political Economy*, London, 1860.
4. Barnes Leonard, *Empire and Democracy*, London, 1939.
5. Estimated by Brazilian Agricultural Society, as quoted by Victor Perlo, *op. cit.*
6. United Nations, *Economic Survey of Latin America*, 1951—1952, New York, 1953.
7. *Washington Post*, March 29, 1951.
8. United Nations, *Report on Non-Self-Governing Territories*, 1950.
9. Carlton Beals, *The Crime of Cuba*, Philadelphia, 1933.
10. Josue de Castro, *The Geography of Hunger*, Boston, 1952.
11. Mario Breceno-Iragorry, *Alegria de la tierra*, Caracas, 1952; also *New York Times*, August 5, 1951.
12. George H. Soule (with Efron and Ness), *Latin America in the Future World*, New York, 1945; also Federal Security Agency, *Industrial Hygiene Problems in Bolivia, Peru, and Chile*, Washington, 1948.
13. *New York Times*, June 24, 1951
14. Federated Press, Washington Service, November 13—15, 1930; also Anna Rochester, *op. cit.*
15. Sydney Gruson, *New York Times*, May 17, 1953.
16. Herbert Aptheker, *America's Racist Laws, Masses & Mainstream*, August, 1951; also United Nations, *Non-Self-Governing Territories, Summaries of Information Transmitted to the Secretary-General during 1946*.
17. *Fortune Magazine*, New York, May 1948.
18. *New York Times*, March 25, 1951.
19. *Report by Commission on Migratory Labor*, September, 1951.
20. *Daily Compass*, October 8, 1952.

21. *Negro Handbook*, New York, 1948.
22. *National Guardian*, March 30, 1953.
23. Harry Haywood, *Negro Liberation*, New York, 1948; also *Fortune Magazine Survey*, August 1947.
24. U. S. Department of Commerce, *Report on Incomes of Families in the United States*, Washington, 1950.
25. Grace Hutchins, *Women Who Work*, New York, 1952.
26. *New York Times*, October 31, 1952.
27. *Business Week*, August 2, 1952.
28. Based on data of United Nations *Review of Economic Conditions in the Middle East, 1951—1952*, New York, 1953.
29. *Ibid.*
30. *New York Times*, November 2, 1952.
31. *Ibid.*, June 3, 1951.
32. *Pakistan Times*, May 21, 1949.
33. Josue de Castro, *op. cit.*
34. *London Economist*, June 15, 1951.
35. *Fortune*, February, 1950, as quoted by Victor Perlo, *op. cit.*
36. Union Research and Information Service, San Francisco, February, 1950.
37. *Mining Year Book*, 1950.
38. *Report by House of Commons Select Committee*, London, 1948; also *Report of the Nigerian Livestock Commission*, London, 1951.
39. Josue De Castro, *op. cit.*
40. See United Nations, *Procedures and Asian-Arab Resolution on Tunisia*, December 3, 1952.
41. Moroccan Office of Information and Documentation, *Morocco under the Protectorate*, New York, 1943.
42. Report by Committee on Appropriations, *Investigation of Military Public Works*, Washington, 1952.
43. *World Federation of Trade Unions Bulletin*, December, 1951.
44. *Africa Newsletter*, New York, 1952.
45. Sachs E. M., *The Choice Before South Africa*, New York, 1952.
46. *Spotlight on Africa, Bulletin*, New York, July 25, 1952.
47. Desmond Buckle, *World Federation of Trade Unions Bulletin*, April, 1952.
48. Basil Davidson, *Report on South Africa*, London, 1952.
49. *L'Humanite*, February 12, 1951.
50. *World Federation of Trade Unions Bulletin*, November, 1950.
51. *Ibid.*, January, 1952.
52. Abdoulaye Diallo, *Economic and Social Claims of West African Workers*, Paris, 1951.
53. *Congressional Digest*, Volume 31, January, 1952.
54. *The Nation*, January 17, 1953.
55. *Wall Street Journal*, August 15, 1952.
56. In a letter to Harold E. Stassen, Director of Foreign Aid Operations, *Washington Post*, November 6, 1953.
57. *New York Times*, October 11, 1952
58. *New York Times*, August 4, 1952.
59. *Cairo Alam*, December 20, 1951.
60. *U. S. News and World Report*, January 23, 1953.
61. *New York Times*, April 14, 1953.

62. Abdoulaye Diallo, «*The Labor Code: A Victory for the African Workers*», *World Federation of Trade Unions Bulletin*, April, 1953.
63. Fenner Brockway, *Why Man Mau?* London, 1953; and *World Federation of Trade Unions, Terror in Kenya*, London, 1953.
64. *London Times*, October 23, 1952.
65. *London Economist*, July 15, 1951.
66. *New York Times*, April 19, 1953.
67. *U. S. News & World Report*, March 6, 1953.
68. *London Observer*, September 19, 1948.
69. *London Times*, October 10, 1950.
70. *New York Times*, June 21, 1951.
71. *Ibid.*, July 31, 1951.
72. *New York Times*, May 10, 1953.
73. Guy de Chaumont-Guitry, *Lettres d'Indochine*, Paris, 1951.

ГЛАВА 5

1. Wilhelm Mensching *Farbig and Weiss*, Berlin, 1929.
2. *Ibid.*
3. *New York Times*, June 24, 1951.
4. *White Paper*, Washington, 1950.
5. *New York Times*, January 6, 1950.
6. *Collier's Magazine*, April, 1950.
7. *New York Times*, September 25, 1950.
8. George M. McCune, *Korea Today*, Cambridge, 1950.
9. Quoted by Herbert Aptheker, «The Truth About Korea», *Masses and Mainstream*, August, 1950; also Richard E. Lauterbach, *Virginia Quarterly*, Summer, 1947.
10. George M. McCune, *ibid.*
11. *New York Times*, January 25, 1950.
12. *New York Times*, May 11, 1950.
13. *New York Herald Tribune*, November 21, 1949.
14. *New York Herald Tribune*, June 26, 1950.
15. Lester Rodney, *New York Daily Worker*, November 8, 1953.
16. *New York Times*, June 20, 1950.
17. *New York Post*, June 28, 1950.
18. *Peace News*, August 17, 1951.
19. *New York Times*, June 8, 1951.
20. *Ibid.*, January 19, 1952.
21. *Ibid.*, April 25, 1951.
22. *New York Herald Tribune*, May 3, 1951.
23. *Ibid.*, May 23, 1951.
24. James Samuel Stemons, *The Korean Mess*, Boston, 11/52
25. *Wail Street Journal*, December 16, 1950.
25. *New York Times*, January 28, 1951.
27. *New York Herald Tribune*, January 29, 1951.
28. *New York Times*, May 6, 1951.
29. *Ibid.*, January 22, 1951.
30. *Ibid.*, January 27, 1951.
31. *Ibid.*, May 22, 1951.
32. *London Economist*, April 28, 1951.
33. *New York Times*, May 4, 1951.

34. See Marshall testimony of May 11, III before the Senate Committee.
35. *New York Times*, April 11, 1951.
36. Insertions by Representative Fred E. Busbey, *Congressional Record*, April, 1951.
37. *New York Herald Tribune*, February 13, 1951.
38. *U. S. News and World Report*, July 1, 1951.
39. *New York Herald Tribune*, April 10, 1951.
40. *Ibid.*, May 16, 1952.
41. *The Nation*, October 7, 1950.
42. *New York Times*, June 5, 1952.
43. *New York Herald Tribune*, February 10, 1951.
44. National City Bank, *Report*, April, 1951.
45. Zurich Credit Anstalt, *Bulletin*, January, 1951.
46. *Wall Street Journal*, November 28, 1951.
47. *New York Times*, February 12, 1953.
48. *New York Times*, June 28, 1951.
49. *Ibid.*, May 18, 1951.
50. *Ibid.*, July 1, 1951.
51. *U. S. News and World Report*, January 14, 1951.
52. *New York Times*, October 16, 1951.
53. *I. F. Stone's Weekly*, May 30, 1953.
54. *Cleveland Plain Dealer*, November 23, 1952.
55. *New York Herald Tribune*, November 13, 1952.
56. *U. S. News and World Report*, April 3, 1953.
57. *India Times*, February 3, 1953.
58. *New York Times*, February 4, 1953.
59. *London Times*, February 3, 1953.
60. *New York Times*, January 8, 1953.
61. *Ibid.*, April 12, 1953.
62. *U. S. News and World Report*, May 7, 1953.
63. *Ibid.*, May 1, 1953.
64. *New York Times*, April 8, 1953.
65. *New York World Telegram and Sun*, July 9, 1953.
66. *New York Times*, July 6, 1953.
67. *Wall Street Journal*, September 15, 1953.
68. *New York Times*, August 20, 1952.

ГЛІАВА 6

1. James Bryce, *The American Commonwealth*, New York, 1914.
2. Alexander Mackay, *The Western World*, or Travels in the United States, 1846 and 1847, Volume III, Philadelphia, 1849.
3. *New York Herald Tribune*, October 30, 1952.
4. Matthew Josephson, *The Politicos*, 1865—1896. New York, 1938.
5. *The Passing of the Idle Rich*, by Frederick T. Martin, quoted in *We Charge Genocide*, New York, 1951.
6. Anna Rochester, *Rulers of America*. New York, 1936.
7. Labor Research Association, *Monopoly Today*, New York, 1950; also Anna Rochester, *op. cit.*
8. *March of Labor*, August, 1952.
9. *Ibid.*
10. Hubert P. Beck, *Men Who Control Our Universities*, New York, 1947.

11. *New York Times*, October 30, 1932.
12. *U. S. News and World Report*, October 10, 1952.
13. *New York Daily Mirror*, July 10, 1952.
14. *New York Times*, February 8, 1953.
15. Karl Schriftgiesser, *The Lobbyists*, Boston, 1951.
16. *New York Times*, July 20, 1951.
17. Philip Foner, *Thomas Jefferson—Selections from His Writings*, New York, 1944.
18. William Cullen Bryant. «*The Right of Workingmen to Strike*», *The Democratic Tradition* (Bernard Smith, editor), New York, 1941.
19. Robert W. Dunn, *The Palmer Raids*, New York, 1948.
20. Quoted by A. B. Magil and Henry Stevens, *The Peril of Fascism*, New York, 1938.
21. As quoted by Norman Hapgood, ed., *Professional Patriots*, New York, 1927.
22. *The Nation*, August 29, 1934.
23. As cited by A. B. Magil and Henry Stevens, *The Peril of Fascism*, New York, 1938, from a radio address by Harold L. Ickes on December 30, 1937.
24. Wm. Z. Foster, *History of the Communist Party of the United States*, New York, 1952.
25. Estes Kefauver, *Crime in America*, New York, 1951.
26. *New York Times*, April 23, 1951.
27. *Ibid.*, April 16, 1951.
28. For a partial exposure of New York City political corruption see Edward Rager, *The Rat Race*, New York, 1952, and Ed Reid, *The Shame of New York*, New York, 1953.
29. *New York Times*, March 3, 1951.
30. I. F. Stone, *The Truman Era*, New York, 1953.
31. *New York Times*, January 19, 1951.
32. *The Nation*, March 7, 1953.
33. *New York Herald Tribune*, April 15, 1953.
34. Eugene Dennis, *Ideas They Cannot Jail*, New York, 1950; also *13 Communists Speak to the Court*, New York, 1953.
35. *New York Times*, June 5, 1951; also George R. Stewart, *The Year of the Oath*, New York, 1950, and Merle Miller, *The Judges and the Judged*, New York, 1952.
36. William Z. Foster, *opus cited*.
37. *New York Times*, October 6, 1952.
38. *Ibid.*, January 21, 1951.
39. *Ibid.*, June 20, 1951.
40. *Ibid.*, June 11, 1952.
41. *New York Times*, July 1, 1952.
42. Matthew Josephson, «*The Battle of the Books*», *The Nation*, June 28, 1952.
43. *New York Times*, June 28, 1951.
44. *Ibid.*, February 11, 1952.
45. *New York Herald Tribune*, June 10, 1951.
46. *School Life*, May 1951.
47. *New York Times*, June 3, 1951.
48. Samuel Sillen, «*Our Time*». *Masses and Mainstream*, August, 1952.
49. *New York Times*, December 2, 1952.

50. *New York Times*, November 16, 1951; also Albert E. Kahn, *The Game of Death*, New York, 1953.
51. *New York Times*, December 4, 1952.
52. *Ibid.*, September 25, 1951.
53. *Ibid.*, September 11, 1951.
54. Granville Hicks, «The Portrait of a Man Searching», *New York Times Book Review*, March 22, 1953.
55. Carlos Leon, *La Muerte en Hollywood*, Caracas, Venezuela, 1953.
56. *New York Times*, March 7, 1953.
57. *New York Herald Tribune*, June 18, 1951.
58. *New York Times*, June 14, 1951.
59. *New York Times*, April 30, 1953.
60. *Ibid.*, May 13, 1953.
61. Clellon Holmes, «This is the Beat Generation», *New York Times Magazine*, November 16, 1951.
62. *Chicago Daily News*, December 3, 1952.
63. *New York Times*, April 27, 1953.
64. *Ibid.*, April 19, 1953.
65. *New York World Telegram and Sun*, August 19, 1952; also Howard Whitman, *Terror in the Streets*, New York, 1951.
66. *New York Times*, November 16, 1951.
67. *Ibid.*, January 4, 1953.
68. *Ibid.*, May 12, 1951.
69. *Daily News* (Jackson, Miss), July 25, 1950.
70. *New York Times*, January 22, 1953.
71. From a speech by Adolph Hitler, September 16, 1938.
72. From a speech by Harry Truman, August 30, 1950.
73. *New York Times*, January 28, 1951.
74. *Life Magazine*, New York, October 1951.
75. *Ibid.*, January 1, 1951.
76. *Time*, January 15, 1951.
77. Cf. Herbert Aptheker, *American Negro Slave Revolts*, New York, 1943; Stetson Kennedy, *Southern Exposure*, New York, 1948; Hay Sprigle, *In the Land of Jim Crow*, New York, 1949; V. J. Jerome, *The Negro in Hollywood Films*, New York, 1950.
78. Civil Rights Congress, *We Charge Genocide*, New York, 1951.
79. *Newsweek*, July 9, 1951.
80. *Daily Compass*, New York, September 3, 1951.
81. Robert C. Weaver, *The Negro Ghetto*, New York, 1948; also Carey McWilliams, *The Mask of Privilege*, Boston, 1950.
82. *Time* and *Newsweek*, New York, July 23, 1951.
83. *New York Times*, February 20, 1953.
84. *Ibid.*, March 3, 1951.
85. *Life Magazine*, August 25, 1950.
86. *New Times*, April 8, 1951.
87. *New York Times*, January 19, 1951.
88. *Le Monde*, September 29, 1950.
89. *New York Times*, March 12, 1951.
90. United Press Report from Tokyo of a Peking broadcast, February 22, 1953.
91. *New York Journal-American*, October 31, 1951.
92. Reuter's dispatch, August 30, 1952.
93. *Life Magazine*, August 25, 1950.
94. *Esprit*, January 5, 1951.

1. *National Guardian*, September 3, 1952.
2. *Ibid.*, April 6, 1953.
3. *New York Times*, July 1, 1953.
4. *Ibid.*, June 26, 1953.
5. *Ibid.*, June 23, 1953.
6. *Washington Post*, July 28, 1951.
7. *New York Times*, February 1, 1951.
8. *L'Osservatore Romano*, May 22, 1952.
9. *London Economist*, July 7, 1952.
10. *New York Times*, February 9, 1952.
11. Herbert Aptheker, *Franco and American Morality, Masses and Mainstream*, September 1952.
12. *New York Times*, February 24, 1951.
13. *Life Magazine*, October 12, 1953.
14. *New York Times*, February 2, 1951.
15. *New York Herald Tribune*, March 29, 1951.
16. *L'Observateur*, Paris, July 17, 1952.
17. *New York Times*, March 29, 1953.
18. *Liberation*, Paris, June 20, 1953.
19. *Journal de Geneve*, December 20, 1951.
20. *New York Times*, August 20, 1952.
21. *Ibid.*, April 21, 1952.
22. *Ibid.*, December 13, 1951.
23. *Ibid.*, February 23, 1951.
24. *National Guardian*, August 21, 1952.
25. *Tribuna da Imprensa*, July 21, 1952.
26. *New York Times*, July 5, 1952.
27. *New York Herald Tribune*, May 5 and 12, 1952.
28. *Ibid.*, July 17, 1951.
29. Jewish Historical Institute, *Documents on Released Nazi War Criminals*, Warsaw, 1952; see also Telford Taylor, «The Nazis Go Free», *The Nation*, February 24, 1951.
30. *Oestreichische Rundschau*, April 12, 1952.
31. *Ce Soir*, February 20, 1952.
32. Jewish Historical Institute, *Bleter Far Geschichte*, Warsaw January-June 1951 and 1952; also *Trials of War Criminals* before the Nuremberg Military Tribunals, Volumes II and VI, Nuremberg, April 1949.
33. *Ibid.*
34. *Munich Nacht Express*, November 15, 1950.
35. *New York Herald Tribune*, February 4, 1952.
36. *The Nation*, January 15, 1951.
37. *London Economist*, December 9, 1950.
38. *New York Times*, November 25, 1952.
39. *Ibid.*, February 25, 1951.
40. Speech by Robert A. Taft, May 19, 1951, to Panama Canal Society.
41. *The American Struggle for Peace*, Palo Alto, California, 1953.
42. *London Times*, August 10, 1952.
43. *Humanite*, February 19, 1953.
44. *London Times*, July 11, 1952.

45. New York *Herald Tribune*, January 15, 1951.
46. *New York Times*, August 11, 1951.
47. Joseph Starobin, *New York Daily Worker*, March 10, 1953.

ГЛАВА 8

1. Palmiro Togliatti, Speech to Seventh Congress of the Communist International, 1935.
2. London *Daily Herald*, January 28, 1952.
3. *le Monde*, July 10, 1952..
4. *Koelnische Rundschau*, November 20, 1952. .
5. *New York Times*, May 11, 1953.
6. *Ibid.*,. May 7, 1953.
7. *London Times*, June 16, 1952.
8. *New York Times*, May 1, 1953.
9. New York *Herald Tribune*, February 10, 1952.
- U0. *Daily Mail*, December 12, 1950.
11. London *Economist*, January 14, 1951.
12. Clifton Daniel, in *New York Times*, February 10, 1951.
13. *The Nation*, March 3, 1951.
14. London *Economist*, March 11, 1952.
15. *New Republic*, April 3, 1951.
16. New York *Herald Tribune*, June 15, (1951).
17. *Frankfurter Zeitung*, July 8, 1951.
18. *New York Times*, December 4, 1951.
19. *Ibid.*, August 1, 1951.
20. *Le Monde*, February 27, 1952.
21. New York *Herald Tribune*, March 18, 1952.
22. *New York Times*, May 22, 1951.
23. *Manchester Guardian*, June 3, 1951.
24. Walter Ulbricht, «Das Widerentstehen des Deutschen Imperialismus», and Fred Oelsner, «Ueber die Besonderheiten der Imperialistischen Entwicklung in West Deutschland», *Eiriheit*, June 10, 1951.
25. *Manchester Guardian*, August 2, 1952.
26. *New York Times*, November 9, 1952.
27. *Ibid.*, February 9, 1953.
28. *The Statist*, September 27, 1952.
29. *New York Times*, October 19, 1952.
30. *Paris Presse*, January 7, 1951.
31. *New York Times*, May 18, 1953.
32. *Ibid.*, May 14, 1953.
33. *UAurore*, February 2, 1951.
34. *L'Echo de Paris*, March 16, 1952.
35. *Le Monde*, October 26, 1952.
36. New York *Herald Tribune*, September 20, 1951.
37. *London Times*, November 9, 1951.
38. *Ibid.*

ГЛАВА 9

1. *Newsweek*, October 3, 1952.
2. *U. S. News and World Report*, July 4, 1952.
3. *Neue Zuercher Zeitung*, February 13, 1951.

4. *New York Times*, June 11, 1951.
5. *Ibid.*, February 11, 1951.
6. *U. S. News and World Report*, March 3, 1953.
7. James Reston, in *New York Times*, April 19, 1951.
8. *New York Times*, February 13, 1951.
9. *U.S. News and World Report*, June 26, 1953.
10. *New York Herald Tribune*, August 11, 1950.
11. Tokyo Communique, *New York Times*, July 5, 1952.
12. *Ibid.*, November 28, 1951.
13. *New Times*, No 35, 1950.
14. *New York Times*, January 27, 1951.
15. Fort Wayne *News Sentinel*, March 26, 1951.
16. A. P. Dispatch, May 16, 1951.
17. Bill Davidson, «*Why Combat Soldiers Fail to Shoot*», *Colliers*, November 8, 1952.
18. *London Times*, November 6, 1951.
19. Serge Bromberger, Philippe Daudy, *Retours de Coree*, Paris, 1951.
20. *New York Times*, January 22, 1951.
21. Marguerite Higgins, *I Was in Korea*, New York, 1951.
22. Robert Terrell, *The Steps of the Quarry*, New York, 1951.
23. *New York Herald Tribune*, January 28, 1952.
24. *New York Times*, May 4, 1951.
25. *Ibid.*, April 16, 1951.
26. *Ibid.*, May 29, 1951.
27. *New York Herald Tribune*, February 20, 1951.
28. *New York Times*, February 25, 1951.
29. *Ibid.*, May 21, 1951.
30. *New York Herald Tribune*, April 11, 1951.
31. P. M. S. Blackett, *Fear, War, and the Bomb*, New York, 1949.
32. William D. Leahy, *I Was There*, New York, 1950.
33. Corliss Lamont, *Are We Being Talked Into War*, New York, 1952.
34. *New York Herald Tribune*, August 28, 1950.
35. *New York Times*, September 1, 1950.
36. Senate Hearings, May 5, 1951.
37. *New York Herald Tribune*, May 4, 1953.
38. *Ibid.*, March 17, 1953.
39. *Ibid.*, March 18, 1953.
40. *New York Times*, May 2, 1953.
41. *Washington Post*, May 20, 1953.
42. *Ibid.*, April 24, 1953.
43. *New York Herald Tribune*, April 23, 1953.
44. *U.S. News and World Report*, May 22, 1953.
45. *Ibid.*, April 3, 1953.
46. *New York Times*, April 8, 1953.
47. *U. S. News and World Report*, July 10, 1953.
48. James Burnham, *Containment and Liberation*, New York, 1953.
49. *Le Monde*, May 9, 1952.
50. *New York Times*, February 25, 1951.
51. *Ibid.*, January 19, 1951.
52. *New York Herald Tribune*, February 6, 1952.
53. *Le Monde*, February 26, 1951.
54. *Look Magazine*, June 3, 1952.

ГЛАВА 10

1. *New York Times*, May 10, 1951.
2. John Dewey, *Problems of Men*, New York, 1946.
- 3! *New York Times*, August 31, 1952.
4. *New York Herald Tribune*, February 10, 1951.
5. I. F. *Stone's Weekly*, March 28, 1953.
6. *New York Herald Tribune*, June 20, 1951.
7. *Ibid.*, February 18, 1951.
8. *Newsweek*, May 21, 1951.
9. *Foreign Affairs*, June, 1950.
10. *Newsweek*, January 15, 1951.
11. *New York Times*, May 2, 1951.
12. *Ibid.*, June 9, 1951.
13. *Ibid.*, February 24, 1951.
14. *Ibid.*, April 18, 1952.
15. *The Nation*, January 24, 1953.
16. *New York Times*, May 11, 1951.
17. *New York Herald Tribune*, August 24, 1950.

ГЛАВА 11

1. Wm. Z. Foster, «The Putschist Danger in American Foreign Policy», *Political Affairs*, December, 1953.
2. *New York Times*, June 21, 1953.
3. Carey McWilliams, *Ill Fares the Land*, New York, 1942.
4. *New York Times*, April 5, 1953.
5. *Ibid.*, May 6, 1951.
6. J. Robert Oppenheimer, *Atomic Weapons and American Foreign Policy*, New York, 1953.
7. *New York Times*, June 21, 1951
8. J. Robert Oppenheimer, *ibid.*
9. *Business Week*, April 24, 1948.
10. William Lloyd Garrison, *The Liberator*. The Democratic Spirand, Bernard Smith, editor, New York, 1941.
11. Ernest T. Weir, *Notes on a Trip Abroad*, Pittsburgh, 1953.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступительная статья	3
Предисловие автора	25
Часть первая	
<i>Глава 1.</i> Зловещие симптомы	31
<i>Глава 2.</i> Трещины в пирамиде американского капитализма	58
<i>Глава 3.</i> Упадок западноевропейского капитализма	82
Часть вторая	
<i>Глава 4.</i> Последний этап пути — колониализм	104
<i>Глава 5.</i> Корейская война. Чему она учит и что предвещает	153
<i>Глава 6.</i> Фашизм американского образца	212
Часть третья	
<i>Глава 7.</i> Пропасть углубляется. Народ против поджигателей войны	278
<i>Глава 8.</i> Империалистические союзы — котел дьяволов	326
Часть четвертая	
<i>Глава 9.</i> Планы : Пентагона относительно третьей мировой войны	363
<i>Глава 10.</i> «Форрестализм» — вот что характеризует правителей Америки	406
<i>Глава 11.</i> Сосуществование или гибель	423
Источники	440

Гершл Мейер
ПОСЛЕДНЯЯ ИЛЛЮЗИЯ

Редактор *В. Н. Мачавариани* Технический редактор *Е. С. Герасимова*
Корректоры *Р. Я. Новик* и *А. Ф. Рыбальченко*
Переплет художника *Н. Н. Румянцева*

Сдано в производство 28/VIII 1954 г. Подписано к печати 24/XII 1954 г.
А-08856. Бумага 84X108¹/₃₂=7 бум. л.—23,1 печ. л. Уч.-издат. л. 25,4
Изд. № 7/2441. Цена 10 р. 90 к. Зак. 3410

Издательство иностранной литературы
Москва, Ново-Алексеевская, 52

Типография изд-ва «Московская правда», Москва, Потаповский пер., 3.

